This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DF505.7
A3U8

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

I-48172 Д об.
2 dbl. J II 6218
Uspenskii, F. I.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПИСАТЕЛЬ

НИКИТА АКОМИНАТЪ

ИЗЪ ХОНЪ.

Ѳедора Успенскаго.

47/3525
503.
БИБЛІОТ...
№
П. А. Лавров...

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49-2).
1874.

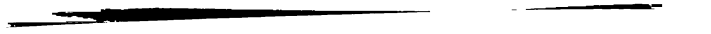
43

DF505.7
A3U8

DA505.7
A3U8

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета.
С.-Петербургъ, 30-го мая 1874 г.

Деканъ факультета *И. Срезневскій*



I-48172 д об.
2 dbl. J II 6218
Uspenskii, F. I.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПИСАТЕЛЬ

НИКИТА АКОМИНАТЪ

ИЗЪ ХОНЪ.

Ѳедора Успенскаго.

47/3525
503.
БИБЛІОТ...
№
П. А. Лавров...

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49-2).
1874.

43

DF505.7
A3 U8

DA505.7
A3U8

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета.
С.-Петербургъ, 30-го мая 1874 г.

Деканъ факультета *И. Срезн[illegible]*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	V
I. Объ изданіяхъ исторіи Никиты	1 — 9
II. Воспитаніе Никиты и нѣкоторыя черты изъ его жизни	10 — 35
III. Характеристика писателя	35 —119

Взглядъ на Никиту первыхъ издателей 37 — 42. Вліяніе идеаловъ древности на отношеніе Никиты къ современной ему жизни 43—46. Общій отзывъ о современномъ обществѣ 46—49. Идеальныя и отрицательныя черты императора 49 — 56. Взглядъ на императорское правительство 56—62. Суевѣрія и предразсудки современномъ обществѣ 62—65. Взглядъ на духовенство 65—67. [illegible] заключается достоинство человѣка 68—80. Преимущества римскаго міра передъ варварскимъ. Взглядъ на иностранцевъ 81—92. Взглядъ на столичное населеніе 92—103. Противорѣчія въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Никиты 103—111. Мнимыя противорѣчія въ сужденіи объ историческихъ лицахъ и событіяхъ 112—119.

IV. Историческій методъ Никиты	119—178

Планъ и содержаніе исторіи 119 — 129. Цѣль и назначеніе труда 129—132. Время написанія исторіи 132—143. Способъ изложенія. Рѣчи 143—149. Источники Никиты 149—160. Хронологическія данныя въ исторіи. Переходы отъ одного предмета къ другому 160 — 175. Слабыя мѣста исторіи. Намекъ, фраза, двусмыслица 175—178.

V. Мелкія сочиненія Никиты	178—219

Рѣчь къ Исааку Ангелу 181—184. Извѣстительное посланіе 184—193. Слово на возвращеніе Алексѣя Комнина изъ похода на востокъ 193—198. Слово на возвращеніе того же императора изъ похода на западъ 198—205. Сиѳенціумъ 205—211. Слово къ Ѳ. Ласкарису 211—217. Слово къ тому же императору 217—219.

Замѣченныя опечатки	221

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Писатель, составившій предметъ предлагаемаго изслѣдованія, мало извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. За границей вообще не охотно занимаются Византійской исторіей: ни одна историческая литература не представляетъ у себя отдѣльной монографіи объ Никитѣ. Когда западнымъ ученымъ приходится говорить о Византіи, они рѣдко обращаются къ византійскимъ писателямъ, довольствуясь извѣстіями своихъ соотечественниковъ. Невнимательность европейской исторической литературы къ свидѣтельствамъ византійскихъ писателей вообще и Никиты въ частности не можетъ оправдываться односторонностію и пристрастіемъ ихъ, а объясняется лишь ложнымъ самолюбіемъ и высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, съ которымъ относятся ученые къ востоку. Никита уже по тому одному заслуживаетъ изученія, что въ своей исторіи занимается важнѣйшею эпохой среднихъ вѣковъ, когда враждебныя отношенія запада къ востоку достигли самой высокой степени напряженія, разразившись крестовыми походами и основаніемъ латинской имперіи въ Цареградѣ. Его воззрѣнія на западныхъ крестоносцевъ и на взаимныя отношенія востока къ западу отличаются глубокой правдой и тонкимъ историческимъ смысломъ, какого не представляютъ и лучшіе памятники западной средневѣковой литературы. Не смотря на то, или, лучше, вслѣдствіе подобныхъ преимуществъ, Никита издавна лишенъ былъ учеными по справедливости принадлежащаго ему главнѣйшаго мѣста въ ряду историческихъ писателей XII в.

Русскіе, поставленные въ иныя историческія отношенія къ Византіи, могли бы внимательнѣе и любовнѣе отнестись къ ея исторіи и литературнымъ памятникамъ, если бы тому не препятствовала подражательность западнымъ учителямъ, которая заставляетъ ихъ держаться въ тѣсномъ кругу иностранной исторической науки. И у насъ охотнѣе берутся за обработку тѣхъ отдѣловъ исторіи, которые представляютъ уже значительно зрѣлую литературу на западѣ, проходя безъ вниманія тѣ періоды и отдѣлы, которые, мало возбуждая любопытство западныхъ ученыхъ, имѣютъ между тѣмъ важнѣйшій интересъ для насъ—русскихъ. Къ такимъ отдѣламъ первостепенной важности принадлежитъ и Византійская исторія. Описывая событія своего времени, Никита не опускаетъ изъ виду и тѣхъ отношеній, въ которыхъ Византія стояла къ подчиненнымъ ей южно-славянскимъ народамъ. А какъ въ концѣ XII в. исторія сербовъ и болгаръ пріобрѣтаетъ общеславянское значеніе, то изученіе Никиты находитъ для себя оправданіе и съ этой стороны.

Для полной монографіи объ Никитѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не достаетъ еще подготовительныхъ работъ, которыя требуютъ многихъ лѣтъ и не единичныхъ силъ. Мы и не считаемъ своего труда цѣльнымъ и законченнымъ: по многимъ частямъ мы должны были ограничиться лишь предположеніями, догадками и поставленными, но не рѣшенными вопросами. Можемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными, если успѣли показать значеніе извѣстій Никиты, разъяснить методъ его исторіи и намѣтить путь, которымъ должно идти въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и критикѣ его извѣстій.

Считаемъ долгомъ выразить признательность Г. С. Дестунису, В. Г. Васильевскому и В. И. Ламанскому за ихъ совѣты и указанія.

I.

Объ изданіяхъ исторіи Никиты.

Съ рукописями исторіи Никиты въ первый разъ ученые познакомились въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ высокопоставленныхъ и образованныхъ людей этого времени, Антонъ Фуггеръ, пріобрѣтши въ Цареградѣ списокъ исторіи Никиты, поручилъ просмотрѣть его Іерониму Вольфу, извѣстному своими изданіями и критическими трудами по византійской исторіи. Вольфъ имѣлъ возможность сличить эту рукопись съ двумя другими списками и посправедливости оцѣнилъ значеніе писателя[1]). Понимая важность извѣстій Никиты и желая облегчить для современниковъ чтеніе его, Вольфъ приготовилъ переводъ греческаго подлинника на латинскій, составилъ указатель словъ и фразъ, присоединилъ къ тексту объясненія и разночтенія по бывшимъ у него подъ руками рукописямъ и издалъ исторію Никиты въ 1557 г. въ Базелѣ [2]). Въ петербургскихъ библіотекахъ намъ не удалось отыскать базельскаго изданія; но такъ какъ оно въ скоромъ

[1]) Ad magnificum et generosum virum, D. A. Fuggerum, praefatio; всѣ послѣдующіе издатели Никиты вносили praefatio Вольфа въ свои изданія.

[2]) Сочиненіе Никиты вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Nicetae Acominati Choniatae, magni Logothetae secretorum, Inspectoris et Iudicis Veli, Praefecti sacri cubiculi, LXXXVI annorum historia, videlicet ab anno restitutae salutis circiter MCXVII, in quo Zonaras desinit, usque ad annum MCCIII, libris XIX descripta, quorum hic ordo est (далѣе идетъ перечисленіе книгъ; вмѣсто дѣйствительнаго числа XXI у Вольфа находимъ XIX книгъ, потому что онъ слилъ въ одну: 18, 19 и 20). Opus lectu jucundum et utile, nunc primum liberalitate magnifici et generosi viri D. A. Fuggeri graece et latine editum, cum indice copioso latino rerum et graeco verborum et phrasium aliquot una cum variis lectionibus et trium codicum laboriosa inter se collatione, H. W. Oetingensi interprete. Basil. 1557 fol.

времени было повторено со всѣми учеными приспособленіями Вольфа, и до послѣднихъ изданій нынѣшняго столѣтія главнымъ авторитетомъ по изученію Никиты остается все тотъ же первый издатель его, то, послѣ обзора послѣдующихъ изданій, намъ легко будетъ придти къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ объ особенностяхъ *перваго* изданія Никиты.

Съ одной стороны потому, что въ первомъ изданіи рукопись Никиты была сличена только съ двумя списками, а ихъ съ теченіемъ времени оказалось довольно не мало, съ другой, что на сочиненіе нашего писателя стали смотрѣть какъ на весьма полезное и образовательное чтеніе,—по прошествіи десяти лѣтъ, почти одновременно предприняты были новыя изданія Никиты въ Парижѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ: первое изданіе появилось въ 1566, второе въ 1568 гг. Эти изданія вышли безъ греческаго текста, заключая въ себѣ только переводъ Вольфа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вновь сличенный съ подлинникомъ и исправленный [1]). Франкфуртское изданіе Фабриція 1568 г. имѣетъ слѣдующія прибавки, отличающія его отъ перваго изданія:

1) отрывокъ изъ богословскаго сочиненія Никиты — Orthodoxiae Thesauro, съ объясненіями Петра Морелла, сюда вошли: 1—5 и отрывки изъ 16, 23, 24 и другихъ книгъ;

2) матеріалы для біографіи Никиты: a) Michaelis Choniatae Monodia in funere Nicetae fratris. b) Ad clariss. virum D. I. a S. Andrea P. Morelli epistola. c) Index verborum et rerum in N. Ch. annalibus praecipue memorabilium.

На ряду съ двумя упомянутыми латинскими изданіями слѣдуетъ поставить и третье 1587 г., сдѣланное Фабриціемъ въ его Historia rerum in Oriente gestarum. Затѣмъ весьма важное изданіе сдѣлано было въ Женевѣ въ 1593 г. Женевское изданіе было повтореніемъ перваго изданія Вольфа съ значительными дополненіями, прибавками и научными приспособленіями. Отличія его отъ изданій Вольфа и Фабриція состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Посвященіе Adriano Iunio Tyongio Dordraceno, въ которомъ

---

[1]) Оглавленіе этихъ изданій тоже, что и перваго, за исключеніемъ прибавки на концѣ: nunc autem denuo cum graeco diligentissime collatum, ac proinde pluribus in locis quam antea correctum et emendatum. Такъ какъ парижское изданіе 1566 года ничего не прибавило къ базельскому, то и оставляемъ его въ сторонѣ; франкфуртское же заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ трудамъ Фабриція.

неизвѣстный (S. G. S.) [1]) испрашиваетъ позволенія издать, подъ защитою его имени, историческія и нравственныя примѣчанія къ исторіи Никиты. Примѣчанія эти весьма любопытны въ томъ отношеніи, что авторъ хочетъ возвести нѣкоторыя соображенія Никиты въ кодексъ нравственности и разумности для современниковъ.

2) Значительно облегченъ способъ пользованія Никитой трудами Фаброта: a) хронологіей къ Никитѣ и b) раздѣленіемъ книгъ на главы съ краткимъ перечнемъ ихъ содержанія.

3) Къ преимуществамъ же нужно отнести и весьма подробный указатель содержанія, пестрящій весь свободный край книги.

4) Что касается до variae lectiones et annotationes Вольфа, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, то, сравнивъ ихъ съ тѣми же примѣчаніями боннскаго изданія, мы замѣтили между ними значительныя отступленія и по содержанію и по объему.

5) Gnomologia, т. е. алфавитный указатель мыслей, заимствованныхъ изъ Никиты; наконецъ, 6) Axiomatum et insignium quarundam sententiarum, quae in notis ad N. historiam occurrunt Index.

Вообще замѣтно, что издатель взглянулъ на произведеніе Никиты не только съ научной, но и съ общественной точки зрѣнія, употребивъ всѣ средства къ упрощенію пользованія имъ, изданіе сдѣлано in 4°. Со времени женевскаго изданія, т. е. съ 1593 г. ученые почти нисколько не подвинулись въ изученіи нашего писателя; незначительное исключеніе составляетъ парижское изданіе 1647 г.

Парижское изданіе вышло подъ редакціей того же Фаброта, который много сдѣлалъ для нашего писателя въ женевскомъ изданіи. Это роскошное изданіе, заключая въ себѣ всѣ достоинства предыдущаго, имѣетъ и свои особенныя:

1) посвященіе кардиналу Юлію Мазарини; 2) glossarium graeco-barbarum; 3) нѣсколько разночтеній по новымъ спискамъ (вѣнскій изъ императорской библ.), весьма, впрочемъ, въ маломъ количествѣ; 4) улучшенный указатель словъ и содержанія. Всѣ лучшія стороны изданія принадлежатъ Фаброту.

Венеціанское изданіе 1729 г. есть не что иное, какъ повтореніе изданія Фаброта.

---

[1]) Первый сдѣлалъ догадку объ имени его Hankius, Byzant. rerum Scriptores. Lipsiae 1677, въ отдѣлѣ о Никитѣ. Вотъ его слова: easdem historias... additamentis illustraverunt... quidam anonymus, cuius nomen literis S. G. S. signatur, forte Simon Goulartius Silvanectensis.

Въ 1835 г. вновь былъ изданъ Никита Акоминатъ Беккеромъ въ боннскомъ изданіи Византійцевъ (Corpus Scriptorum historiae Byzantinae).

Послѣднее изданіе Никиты принадлежитъ Миню: Migne, Patrologiae cursus completus. T. 139. 140. Paris 1865 г.

Боннское изданіе Никиты не представляетъ почти ничего новаго сравненію съ предыдущими. Напротивъ, оно имѣетъ даже нѣкоторые пропуски изъ ученаго аппарата, набиравшагося въ теченіе вѣковъ свято хранившагося предшествующими издателями. Беккеръ имѣлъ подъ руками два списка исторіи Никиты, какъ онъ объясняетъ это въ предисловіи къ изданію [1]), но обоими этими списками пользовался и Вольфъ. Нѣсколько новыхъ разночтеній, извлеченныхъ изъ рукописей, въ концѣ отрывокъ о статуяхъ, въ первый разъ присоединенный къ изданію исторіи,—составляютъ особенности боннскаго изданія. Но какъ-бы въ замѣнъ этого, изъ примѣчаній Вольфа выброшены нѣкоторыя соображенія, artis coniecturalis pueritiam referentes, по выраженію издателя; далѣе пропущена Gnomologia, историческія и нравственныя примѣчанія, т. е. та часть, которая въ женевскомъ изданіи имѣла въ виду сблизить воззрѣнія нашего писателя съ современными. Въ остальномъ Беккеръ остался вѣренъ преданію, сохранивъ при изданіи Никиты все, что создано было совокупными усиліями предшествовавшихъ издателей его. Къ преимуществамъ этого изданія относится и то, что оно выпущено in 8^0.

Бросимъ взглядъ на ученыя приспособленія, вошедшія въ боннское изданіе Никиты:

1) Маленькое предисловіе Беккера, гдѣ онъ объясняетъ, какія измѣненія сдѣлалъ въ своемъ изданіи противъ предыдущихъ; 2) посвященіе Фаброта кардиналу Ю. Мазарини, взятое изъ парижскаго изданія; 3) предисловіе Вольфа къ базельскому изданію. По поводу этихъ предисловій можно сдѣлать одно замѣчаніе. Находя возможнымъ въ новыхъ изданіяхъ давать мѣсто предисловіямъ и посвященіямъ прежнихъ издателей, ученые несомнѣнно руководятся тѣмъ соображеніемъ, что такія предисловія, рисуя современное положеніе науки и отношеніе къ ней общества, весьма любопытны со стороны исторіи просвѣщенія вообще и даннаго литературнаго явленія въ

---

[1]) Praefatio Immanuelis Bekkeri... praesto fuere codices duo e bibliotheca Regia Monacensi, quorum alter, A. (Mon. 93, stat. 7, num. 12) alter, B. (Mon. 450, olim Augustanus).

частности. Безспорно, важно имѣть въ виду, что Фаброть посвящаетъ изданіе Никиты просвѣщенному кардиналу: въ свое время, говоря о литературномъ значеніи Никиты, мы не преминемъ воспользоваться этою стороною. Но мы не можемъ себѣ объяснить, почему Беккеръ не внесъ въ свое изданіе и всѣхъ подобныхъ матеріаловъ, за которыми поэтому необходимо обратиться къ парижскому или женевскому изданію? Авторъ историческихъ и нравственныхъ замѣтокъ на Никиту также счелъ за нужное прикрыться чужимъ именемъ [1]); и замѣтки его, и разсужденіе объ образовательномъ значеніи Никиты весьма важны въ историко-литературномъ отношеніи и не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Съ этой же точки зрѣнія не менѣе любопытны и приспособленія, сдѣланныя въ женевскомъ изданіи для назидательныхъ и философскихъ цѣлей [2]). 4) Тексту исторіи предшествуетъ Breviarium, въ первый разъ составленный Фаботомъ для женевскаго изданія. Можно однако замѣтить, что женевское имѣло болѣе подробный перечень содержанія и что Беккеръ значительно сократилъ его: достаточно для этого сравнить по тому и другому изданію breviarium введенія въ исторію. Составленный Фаботомъ указатель содержанія на поляхъ каждой страницы, весьма полезный при справкахъ и бѣгломъ чтеніи, также оставленъ Беккеромъ. 5) Текстъ изданъ довольно исправно, провѣренъ рукописями (двумя) и снабженъ разночтеніями; на каждой страницѣ тексту сопутствуетъ латинскій переводъ Вольфа. Конецъ исторіи—царствованіе Балдуина и Генриха озаглавлено иначе, чѣмъ въ предшествовавшихъ изданіяхъ [3]). Въ заключеніи помѣщена особая книга, раздѣленная на 12 главъ: De signis constantinopolitanis [4]). 6) Затѣмъ идутъ—Variae lectiones et annotationes Вольфа, Chronologia Nicetae Фаброта, Glossarium graeco-barbarum его же, Index verborum, наконецъ Index histo-

[1]) Въ женевскомъ и парижскомъ изданіи посвященіе Adriano Junio Tyongio Dordraceno.

[2]) Въ тѣхъ же изданіяхъ—Axiomatum et insignium quarundam sententiarum... index.

[3]) Все, что въ боннскомъ изданіи помѣщено подъ особыми заглавіями: A. D. Murzuflus, Urbs capta—въ первыхъ изданіяхъ читалось подъ Jnitia imperii Balduini et Herrici fratrum.

[4]) Отдѣльныя изданія этого памятника, находящагося въ бодлейанской рукописи (ex codice Bodleiano), суть: Bandurii, Imperium orientale T. I.; Wilken, Lipsiae 1830 (Nicetae Acominati Choniatae narratio de statuis antiquis); того же Вилькена переводъ въ 5 т. исторіи крестовыхъ походовъ; см. также Fabricii, Bibliotheca Graeca VII. p. 741—742.

ricus. Два послѣдніе индекса составлены изъ Rerum et verborum in annalibus N. Ch. memorabilium, помѣщенныхъ въ базельскомъ изданіи.

Всматриваясь въ изданія Никиты, можно замѣтить, что почти всѣ онѣ, съ незначительными измѣненіями, повторяютъ собою нѣкоторыя основныя, первичныя изданія. Такими повторяемыми могутъ считаться: базельское, франкфуртское, женевское и еще парижское; но и изъ перечисленныхъ—франкфуртское сдѣлано только на латинскомъ и ученыхъ достоинствъ для настоящаго времени не представляетъ, парижское мало отличается отъ женевскаго. Такъ что собственно два изданія—базельское 1557 г. Вольфа и женевское 1593 г. Фаброта представляютъ собою замѣтный успѣхъ въ изученіи нашего писателя. Слѣдовательно, вопросъ о достоинствѣ изданій и о степени разработки произведенія Никиты можно свести на другой, болѣе скромный: въ какой мѣрѣ трудами издателей и критиковъ облегченъ для настоящаго времени способъ пользованія исторіей Никиты Акомината изъ Хонъ?

Главнѣйшая заслуга Вольфа въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что онъ первый, указавъ мѣсто Никиты въ ряду другихъ византійскихъ историковъ, опредѣлилъ достоинство его произведенія и сдѣлалъ его достояніемъ науки и общества. Само собою разумѣется, что въ половинѣ XVI вѣка Вольфъ не могъ ни провѣрить купленный Фуггеромъ текстъ византійской рукописи, всѣми другими списками того же сочиненія, ни дать основательныхъ объясненій на темныя мѣста писателя, ни даже вполнѣ издать его: доступныя ему рукописи, кромѣ разночтеній, страдали еще пропусками, утратою цѣлыхъ листовъ и по мѣстамъ порчею [1]). Нужно удивляться, сколько трудностей успѣлъ преодолѣть Вольфъ при изданіи Никиты. Кромѣ византійской рукописи у него были еще двѣ: ex herili bibliotheca и Augustanae reipublicae. Но первая изъ нихъ не только представляетъ

[1]) Wolfii, variae lectiones et annotationes, ed. Bonn. p. 871—872; тутъ описываются только тѣ рукописи, которыми пользовался при первомъ изданіи Вольфъ: usus enim hic quoque sum duobus codicibus, quorum alterum D. A. Fuggeri, alterum herilis bibliotheca suppeditavit; accessit tandem tertius Augustanae reipublicae codex, vetustus admodum, principio et fine mutilus... Съ теченіемъ времени въ разныхъ странахъ Европы отыскались и другія рукописи сочиненія Никиты, не бывшія извѣстными Вольфу. Болѣе полное описаніе ихъ имѣемъ у Фабриція, Bibl. Graeca VII ed. Harles, Hamburg. 1801 г. Гарлесъ насчитываетъ уже 14 рукописей (p. 739—741), неодинаковыхъ по полнотѣ и даже по содержанію: между по-

пропуски очень многихъ строкъ, но во многихъ мѣстахъ даже цѣлыхъ листовъ, на концѣ таковыхъ не оказалось болѣе 15. Недостающее въ первой онъ пополнялъ изъ второй; рукопись Aug. reipublicae слишкомъ ветха, попорчена въ началѣ и въ концѣ, да и въ серединѣ сохранилась не вездѣ. Дѣлая вноски изъ рукописи bibl. herilis, онъ однако самъ сознается, что многія мѣста въ ней отличаются по своему складу отъ текста ветхой рукописи, которая казалась ему весьма близкою къ оригиналу, спискомъ съ него, можетъ быть подлинникомъ для всѣхъ другихъ списковъ [1]). Ясно, что первое изданіе не могло считать законченнымъ дѣло изученія рукописей Никиты: оно дѣлало лишь запросъ и ожидало сотрудниковъ и пополненія матеріала. Самый переводъ греческаго текста на латинскій не претендуетъ на точность и составленъ лишь для того, чтобы передать мысль Никиты простымъ и общепонятнымъ языкомъ, т. е. представляетъ собою не болѣе какъ пересказъ [2]).

Понятно поэтому, что текстъ изданія и примѣчанія Вольфа имѣютъ лишь временное значеніе: строгая критика была тогда невозможна [3]). Мы говоримъ о недостаткахъ перваго изданія, вовсе не желая умалить заслуги Вольфа: что трудъ его весьма важенъ, это показываетъ и бѣглый взглядъ на боннское изданіе, которое въ сущности ни чѣмъ не выше Вольфова.

Почти въ одно время съ Вольфомъ, частію слѣдуя его указаніямъ, другіе ученые взялись за изученіе Никиты. Текстъ исторіи оставался безъ перемѣны, филологическая и критическая работа не была приложена къ нему. Относясь къ Никитѣ какъ къ литератору, нѣкоторыя лица изъ чтенія его вынесли глубокое убѣжденіе въ нравственномъ, облагораживающемъ вліяніи его, въ необходимости распространять мысли Никиты. Таковъ взглядъ П. Морелла, высказы-

---

слѣдними особенно отличаются бодлейанская и флорентинская. Краткія замѣчанія о спискахъ Никиты можно находить у Коллара, Supplem. ad Lambec. comment. p. 669, 681—3 et passim; у Тафеля, De Thessalonica, p. 72, 519.

[1]) Колларъ in Suppl. ad Lamb. comm. говоритъ о рукописи, хранящейся въ Вѣнѣ, въ императорской библіотекѣ, (cod. CXIV): vel a Niceta ipso, vel ab eius librario esse exaratum et esse sui generis omnium facile principem; на стр. 681—3 продолжаетъ Колларъ объ рукописяхъ Никиты (cod. CXV и CXVI).

[2]) Ea libertate usurpata, ut sententias auctoris appendam, verba annumerare non necesse habeam, Nicet. p. 872.

[3]) Вольфу же принадлежитъ index verborum et rerum, раздѣленный въ новыхъ изданіяхъ на два: index verborum и historicus.

ваемый имъ въ письмѣ къ Іоанну, которое помѣщено во франкфуртскомъ изданіи; таковъ же характеръ примѣчаній неизвѣстнаго дѣятеля женевскаго изданія (S. G. S.). Примѣчанія его, не имѣющія значенія для нашего времени, несомнѣнно, имѣли глубокій смыслъ для современниковъ: въ нихъ сближается время Никиты съ концемъ XVI вѣка и даются современному обществу наставленія и уроки, извлеченные изъ Никиты. Эти лица были глубоко убѣждены, что своимъ изданіемъ исторіи Никиты они исполняютъ патріотическій подвигъ.

Въ научномъ смыслѣ трудился надъ Никитой Фабротъ. Ему принадлежатъ: а) историческая хронологія, т. е. пріуроченіе извѣстій Никиты къ опредѣленнымъ годамъ христіанской эры, б) составленіе словаря варваризмовъ, вошедшихъ въ исторію и в) раздѣленіе книгъ на главы. Не отрицая полезности трудовъ Фаброта, такъ какъ и въ послѣднемъ изданіи, вмѣстѣ съ примѣчаніями Вольфа, они составляютъ украшеніе и единственное пособіе для изученія писателя, мы должны, однако-жь, замѣтить слѣдующее. Едва-ли въ настоящее время изслѣдователь рѣшится пользоваться трудами Фаброта къ возстановленію хронологіи Никиты. Фабротъ очень незамысловато отнесся къ смѣшаннымъ и перепутаннымъ извѣстіямъ нашего писателя: отправляясь изъ убѣжденія, будто Никита ведетъ разсказъ свой по порядку времени, онъ чисто формальнымъ образомъ размежевалъ содержаніе исторіи по годамъ и царствованіямъ (третья и четвертая стр. къ одному году, пятая и шестая къ другому). Между тѣмъ нерѣдко случается, что Никита вставляетъ въ повѣствованіе событія разныхъ годовъ и наоборотъ — событія одного времени разсказываетъ не за одинъ разъ [1]). Хронологія Фаброта можетъ быть полезной только при началѣ знакомства съ Никитой, давая возможность найдтись въ подавляющей массѣ разнообразныхъ извѣстій его Когда же является нужда точно опредѣлить время какого-либо событія, то лучше обратиться къ тому же Никитѣ, чѣмъ къ Фаброту. Словарь варваризмовъ весьма удовлетворителенъ въ качественномъ,

[1]) Повторяемъ, отъ Фаброта и нельзя требовать больше. Даже въ настоящее время хронологія византійской исторіи, въ особенности тѣхъ сторонъ ея, которыхъ не касался Дюканжъ, мало опредѣлена и провѣрена, и больше основывается на внѣшней преемственности фактовъ, разсказываемыхъ писателями, чѣмъ на точной критикѣ. Доказательство тому представляетъ трудъ Муральта: Muralt, Essai de chronographie Byzantine, 1871 г.; въ хронологической разработкѣ извѣстій Никиты онъ почти не пошелъ дальше Фаброта.

но не въ количественномъ отношеніи; не знаешь, почему одни изъ словъ вошли въ словарь, а другія, не менѣе замѣчательныя, опущены. Раздѣленіе сочиненія на главы, предпринимаемое издателемъ, должно имѣть для своего оправданія точность и соотвѣтствіе содержанію; когда же оно сдѣлано внѣшнимъ образомъ, когда одна часть разсказа помѣщена въ одной главѣ, а другая отнесена къ послѣдующей, когда вообще не видно руководящаго основанія при раздѣленіи на главы, тогда подобный трудъ много теряетъ въ своей цѣнѣ. Напрасно не обращено вниманія на особенность изложенія Никиты: начало и конецъ разсказа у него часто обозначается особыми пріемами—частицами и предложеніями. Для нашего писателя было бы желательно болѣе правильное раздѣленіе на главы.

Трудъ Беккера по изданію Никиты едва-ли можетъ быть поставленъ на ряду съ трудами Вольфа и Фаброта. Для критики и очистки текста Беккеръ пользовался тѣми же рукописями, что̀ и Вольфъ; но мы знаемъ, какъ эти рукописи попорчены. Разночтенія, приводимыя Беккеромъ внизу каждой страницы текста, заставляютъ желать разъясненія того, какъ произошли такія рѣзкія особенности и различія, и кому онѣ принадлежатъ — Никитѣ или его читателямъ и переписчикамъ Послѣднее изданіе доказало, что требуется провѣрить текстъ исторіи Никиты не по двумъ спискамъ, а по всѣмъ, какіе существуютъ въ разныхъ библіотекахъ [1]).

Послѣ трудовъ Вольфа и Фаброта изученіе Никиты не подвинулось ни на шагъ. Достаточно сказать, что не всѣ сочиненія его изданы и по настоящее время; филологу и историку предстоитъ мало воздѣланное поле, ждущее его усилій и трудовъ. Съ своей стороны мы поставили себѣ весьма ограниченную задачу — опредѣлить значеніе Никиты какъ писателя и общественнаго дѣятеля, и разъяснить методъ историческаго изложенія въ его трудѣ. Тамъ, гдѣ приходится касаться другихъ сторонъ его исторіи, мы предлагаемъ лишь попытки и домыслы, можетъ быть не всегда удачные.

---

[1]) О рукописяхъ Никиты Fabricius, Bibliotheca Graeca, ed. Harles, Hamburg 1801, T. VII, p. 739—740.

II.

Воспитаніе Никиты и нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Мы затрудняемся назвать біографіей тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя имѣемъ въ виду сообщить объ нашемъ писателѣ. Нельзя сказать, чтобы мало было извѣстій объ Никитѣ; его исторія могла бы представить довольно данныхъ для біографіи, равно рѣчь брата его Михаила, извѣстная подъ именемъ Μονῳδία. Но эти источники — съ одной стороны самъ писатель, а съ другой, родной братъ его — во всякомъ случаѣ не свободные отъ пристрастія и односторонности, оставляютъ въ читателѣ желаніе провѣрить ихъ показаніями другихъ лицъ: извѣстные же намъ современники и ближайшіе потомки Никиты не оставили объ немъ никакихъ свидѣтельствъ. Какъ въ исторіи Никиты мы не имѣемъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, такъ и относительно его жизни можемъ дать не много хронологически-точныхъ фактовъ [1]).

Полное имя его—Никита Акоминатъ изъ Хонъ, Nicetas Acominatus Choniates. Первоначальное воспитаніе Никита получилъ въ домѣ отца своего, который жилъ во Фригіи, въ городѣ Хонахъ, ранѣе носившихъ названіе Колоссы [2]). Можно догадываться, что отецъ его имѣлъ зна-

---

[1]) Со времени изданія исторіи Никиты объ немъ писали: P. Morellus, Thesaurus orth. Fidei. Lutet. 1589; M. Hankius, Byzantinarum rerum Scriptores Graeci, Lipsiæ 1677; Fabricius, Bibliotheca Graeca, vol. VII, Hamb. 1801. Въ новое время Migne, Patrologiæ cursus completus, T. 140, p. 302 squ.... и Ellissen, Michael Akominatos v. Chonä, Göttingen 1846 собрали то, что можно было найдти объ нашемъ писателѣ у средневѣковыхъ ученыхъ. Нѣкоторыя дополненія къ біографіи Никиты можно находить въ его рѣчахъ и словахъ, изданныхъ Саѳою: Sathas, Bibl. Graeca medii aevi. vol. 1. Venet. 1872.

[2]) Nicet, p. 230, 19—21, ἀπάρας οὖν τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων, Φρυγίαν τε καὶ Λαοδίκειαν διελθὼν ἀφικνεῖται ἐς Χῶνας, πόλιν εὐδαίμονα καὶ μεγάλην, πάλαι τὰς Κολασσὰς, τὴν ἐμοῦ τοῦ συγγραφέως πατρίδα; примѣчаніе Вольфа на эти слова—Nicet. p. 883. Колоссы—это тотъ городъ, о которомъ говоритъ ап. Павелъ въ одномъ изъ посланій, на что̀ есть указаніе у самого Никиты Thesaurus orth. fidei IV. 22; Ὡς ὁ Παῦλος ἐν τῇ πρὸς πατριώτας μου Κολοσσεῖς ἐπιστολῇ θεολογεῖ; у Константина Порфиророднаго въ сочиненіи De thematibus, ap. Bandur. Imper. orientale, сказано, что старое названіе Колоссы измѣнилось въ Хоны: Κολόσσαι αἱ νῦν λεγόμεναι Χῶναι.

чительное состояніе и обширныя связи какъ въ самомъ Цареградѣ, такъ и въ разныхъ провинціяхъ имперіи [1]). У знатныхъ византійцевъ было въ обычаѣ давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе. И Никита девятилѣтнимъ мальчикомъ отправленъ былъ въ Цареградъ, чтобы начать здѣсь курсъ образованія подъ надзоромъ старшаго брата своего Михаила.

Не неумѣстнымъ представляется здѣсь сказать о томъ, какими образовательными средствами обладала Византія и по преимуществу Цареградъ. Если византійскіе писатели и не даютъ точныхъ и обстоятельныхъ извѣстій о состояніи школъ въ Византіи, мало останавливаются на правительственныхъ мѣрахъ къ улучшенію общественнаго воспитанія; тѣмъ не менѣе, появленіе высоко образованныхъ людей въ IX—XII вв., развитіе литературныхъ дарованій и усиленіе ученыхъ работъ за этотъ періодъ—громко говорятъ въ пользу того, что Византія обладала достаточными средствами образованія: школами, преподавателями и библіотеками. Начиная съ половины IX вѣка, между правительственными лицами должно назвать по преимуществу трехъ, оказавшихъ болѣе или менѣе важныя услуги общественнымъ школамъ — Варду, Константина VII Порфиророднаго и Алексѣя I Комнина. Византійскіе писатели, согласно свидѣтельствуя о паденіи школъ и литературныхъ занятій въ періодъ иконоборцевъ, временемъ цесаря Варды отмѣчаютъ эпоху поднятія общественнаго воспитанія и поощренія научныхъ трудовъ [2]). Варда учредилъ школы какъ въ Цареградѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, въ каждой подобной школѣ преподавалась одна извѣстная наука: грамматика, риторика или философія; философской школѣ отведено было мѣсто въ самомъ дворцѣ. Преподаватели пользовались большимъ почетомъ, получали отъ казны богатое содержаніе и нѣкоторые изъ нихъ стояли въ сношеніяхъ съ дворомъ. Сохранились даже имена извѣстнѣйшихъ ученыхъ и преподавателей того времени: таковъ философъ Левъ, ученикъ его Сергій, преподававшій геометрію, Ѳеодигій—

---

[1]) Отцемъ крестнымъ у Никиты былъ епископъ города Хонъ, Nicet, p. 284, 10; одинъ его родственникъ духовнаго сословія сопровождалъ императора Мануила въ походѣ противъ турокъ p. 257. Особенно много мѣстъ можно привести изъ рѣчи Михаила на смерть своего брата, доказывающихъ, что родъ Акоминатовъ былъ извѣстенъ въ Византіи.

[2]) Главнѣйшія мѣста: Zonaras, ed. Basil. III. p. 129—130; Cedrenus ed. Paris. p 547—548, Theoph. cont. IV. p. 185; G. Hamart. p. 634 ed. Petropol.

ариѳметику и астрономію. Цесарь Варда посѣщалъ школы, поощрялъ воспитанниковъ и вообще много способствовалъ тому, что въ высшемъ обществѣ сдѣлалось настоятельнымъ стремленіе къ образованію и появилась дѣйствительная потребность въ школѣ. Несомнѣнно, дѣятельнаго сотрудника въ заботахъ о возстановленіи образованія Варда нашелъ въ своемъ другѣ Фотіи. Патріархъ Фотій, обладавшій изумительною массою знаній и глубокою любовью къ просвѣщенію, своимъ личнымъ вліяніемъ въ качествѣ учителя философіи и богословія, высокимъ авторитетомъ патріарха и ученаго, продолжалъ дѣло Варды и укрѣпилъ въ византійскомъ обществѣ вкусъ къ образованію и чтенію писателей. Составленное имъ руководство по діалектикѣ было въ широкомъ употребленіи во всѣхъ школахъ; многіе молодые люди занимались подъ личнымъ его наблюденіемъ [1]). Любовь къ наукамъ и литературнымъ занятіямъ сдѣлалась наслѣдственною въ домѣ македонской династіи. Вспомнимъ свидѣтельство К. Порфиророднаго, по которому на стѣнахъ одной залы во дворцѣ эта фамилія изображена была съ книгами въ рукахъ [2]).

Тоже раздѣленіе школъ по главнымъ предметамъ преподаванія находимъ и при К. Порфирородномъ [3]). Если онъ и не произвелъ существенной реформы въ школѣ, то, приписывая наукамъ, въ особенности риторикѣ и философіи, важное государственное значеніе, заботился о надѣленіи существовавшихъ учебныхъ заведеній способнѣйшими начальниками и преподавателями. Константинъ протоспаѳарій завѣдывалъ школою философіи, Александръ Никейскій риторики, патрицій Никифоръ—геометріи, императорскій секретарь Никита—астрономіи. Можно думать, что знатнѣйшіе роды не инымъ путемъ могли доставлять своимъ дѣтямъ высокое положеніе въ государствѣ, какъ проведши ихъ черезъ общественную школу: судьями, сенаторами, намѣстниками провинцій назначались лица, получившія образованіе въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Императоръ, по словамъ его жизнеописателя, прилагалъ особенную заботу объ ученикахъ, ежедневно приглашалъ ихъ къ себѣ дѣлить его столъ, поощрялъ наградами и дружескими увѣщаніями. Реформа школъ,

---

[1]) Amphil. quaest. ap. Migne CI. p. 496; Photii epist. 2 ad Nic. patr. ibidem CII. p. 597. Новое изданіе писемъ Фотія вышло въ Лондонѣ.

[2]) Vita Basil. p. 205.

[3]) Theoph. contin. p. 278; Cedrenus ed. Par. p. 635. Отмѣчаются четыре рода школъ: философіи, риторики, геометріи, астрономіи.

произведенная Вардою и улучшенная Константиномъ, продолжала обнаруживать доброе вліяніе на общество въ XI и XII вѣкахъ. Не трудно замѣтить, что при Комниныхъ появляется на разныхъ общественныхъ должностяхъ болѣе образованныхъ людей, чѣмъ въ предыдущій періодъ.

То, что мы могли замѣтить у писателей о школахъ въ IX и X вв.. подтверждается и частію дополняется извѣстіями XI и XII вв Школы перешли и въ XII в. въ томъ же видѣ, какой имъ далъ Варда и Константинъ; императоръ Алексѣй Комнинъ, въ сущности оставивъ школы при прежнемъ устройствѣ, распространилъ число ихъ и открылъ воспитательныя заведенія для сиротъ. Цесаревна Анна, которой мы обязаны въ извѣстной мѣрѣ достаточными фактическими данными по занимающему насъ вопросу, не скрываетъ, что заслуга ея отца состояла по отношенію къ школамъ не въ созданіи ихъ, а только въ оживленіи и лучшей организаціи [1]). И дѣйствительно, при Алексѣѣ, какъ и прежде, встрѣчаются школы философіи, риторики и грамматики. Преподаватели пользуются высокимъ почетомъ, важнѣйшія мѣста замѣщаются по назначенію императора: такъ, мѣсто начальника философскихъ школъ (Ὕπατος τῶν φιλοσόφων) послѣ М. Пселла младшаго императоръ передаетъ итальянцу Іоанну. Нужно только замѣтить, что со времени Алексѣя I при гражданской школѣ яснѣе выступаетъ церковная.

Говоря о средствахъ къ образованію въ Византіи, на ряду съ государственными школами, нельзя не упомянуть церковныхъ и монастырскихъ. Правда, мы имѣемъ свидѣтельство писателя XII вѣка [2]), который вообще неблагосклонно отзывается о византійскихъ монахахъ и не говоритъ о заслугахъ ихъ по сохраненію и разъясненію древнихъ авторовъ, чѣмъ извѣстны монастыри западные; но едва-ли можно отказать по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ въ подобной заслугѣ, когда извѣстны монастыри съ такими богатыми сокровищами рукописей, какъ аѳонскіе, патмосскіе, лесбосскіе, андросскіе. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія по этому вопросу, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ существованіи школъ монастырскихъ. Евстаѳій Солунскій

---

[1]) Anna Alexias V. p. 144—145. Καὶ γὰρ ἀπὸ τῆς αὐτοκρατορίας Βασιλείου τοῦ Πορφυρογεννήτου μέχρι αὐτῆς τῆς τοῦ Μονομάχου βασιλείας ὁ λόγος, εἰ καὶ τοῖς πλείοσιν ἐῤῥαθύμητο, ἀλλ' οὖν γε πάλιν οὐ καταδεδυκὼς, ἀνέλαμψε καὶ ἀνέθορε, καὶ διὰ σπουδῆς τοῖς φιλολόγοις ἐγένετο ἐπὶ τῶν χρόνων Ἀλεξίου τοῦ αὐτοκράτορος и д. 146—148.

[2]) Nicetas Acom. p. 270—271.

въ однимъ изъ писемъ упоминаетъ о школѣ при церкви св. Евфиміи [1]); жизнеописатель Ѳ. Студита называетъ монастыри прекрасными садами, въ которыхъ процвѣтали занятія науками и изъ которыхъ вышло много просвѣщенныхъ мужей; Кедринъ разсказываетъ о философѣ Львѣ, что онъ высшими знаніями обязанъ монастырскимъ библіотекамъ [2]). При Алексѣѣ I на церковь и монастыри возложена была обязанность открывать училища и обучать дѣтей. Лица духовнаго званія не рѣдко являются учителями, таковы: Фотій, Евстаѳій, Якинѳъ и др.

Извѣстны огромныя книжныя сокровища, которыми могъ располагать императоръ Константинъ VII. Кромѣ императорской библіотеки въ Цареградѣ существовали богатыя монастырскія библіотеки, которыми могли пользоваться ученые византійцы, нѣкоторые изъ образованныхъ и состоятельныхъ лицъ имѣли частныя собранія книгъ, такова библіотека Фотія; нашъ писатель также имѣлъ собственную библіотеку [3]).

Оживленіе школъ и предшествующее научное движеніе могли подготовить въ XII вѣкѣ не мало замѣчательныхъ талантовъ. Между лицами царскаго рода и людьми, занимавшими разныя придворныя и общественныя должности, можно найдти не только ревностныхъ любителей просвѣщенія, но и ученыхъ, оставившихъ труды по разнымъ областямъ науки. Алексѣй Комнинъ, покровительствуя ученымъ, не рѣдко вступалъ съ ними въ состязаніе; супруга его Ирина выходила къ обѣду съ книгой философа Максима и поощряла поэта Тцетца къ занятіямъ надъ Гомеромъ. Севастократоръ Исаакъ публично обнаружилъ невѣжество современной знаменитости итальянца Іоанна; императоръ Мануилъ обладалъ краснорѣчіемъ, изучалъ Аристотеля; Андроникъ самъ писалъ о духовныхъ предметахъ; Никифоръ Вріенній и Анна оставили исторію своего времени [4]). Изъ другихъ лицъ укажемъ на Киннама, Зонару, Евстаѳія, которые занимались исторіографіей, послѣдній комментировалъ Гомера. Пселлъ поражалъ современниковъ массою знаній, занимался поэзіей и философіей; присоединимъ

---

[1]) Tafel, Eustathii Opuscula s. 337.

[2]) Mich. Stud. Vita s. Theod. c. 29 Mai PP. nova Bibl. VI p. 323; Cedrenus, p. 550.

[3]) Thesaurus orth. Fidei V. c. XLII.

[4]) Anna V p. 147; Fabricii Bibl. Graeca VI p. 393; Bernhardy, Grundrisz der griechisch. Literat. 1, s. 610 squ...

еще Тцетца, Продрома, Манассію и Евгеніака.. Большинство этихъ лицъ обязано своимъ образованіемъ византійской школѣ, нѣкоторые и сами сдѣлались учителями и въ свою очередь передали любовь къ наукѣ младшему поколѣнію. Въ одномъ изъ писемъ Евстаѳія Солунскаго есть теплое упоминаніе о товарищахъ его дѣтства и школы [1]); съ другой стороны Никита и Михаилъ Акоминаты, какъ почитатели его заслугъ, можетъ быть даже ученики, не одинъ разъ упоминаютъ объ немъ съ высокою похвалой и сердечнымъ чувствомъ [2]). О состояніи школъ и направленіи тогдашняго обученія главное и къ сожалѣнію почти единственное свидѣтельство представляетъ Анна Комнина. Основываясь на ея извѣстіяхъ и отрывочныхъ упоминаніяхъ другихъ писателей, можно заключать, что кругъ образованія въ XII в. обнималъ въ себѣ учебные предметы, еще завѣщанные древними школами. На западѣ совокупность учебныхъ предметовъ носила техническое названіе — trivium et quadrivium, въ Византіи тоже понятіе выражалось терминомъ—μαθηματικὴ τετρακτύς или ἐγκύκλιος παίδευσις—энкиклическое образованіе [3]). Грамматика, риторика и философія; астрономія, геометрія, ариѳметика и музыка — были обыкновенными предметами образованія, хотя и не исчерпывали собою всей области тогдашнихъ знаній.

Чтобы судить о томъ, что могъ Никита вынести изъ школы, еще не достаточно знать, чему онъ учился; любопытно посмотрѣть, какъ велось обученіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на значительную ограниченность содержанія тогдашнихъ наукъ и искусственность постановки ихъ въ школѣ. Грамматическія упражненія начинались въ элементарномъ курсѣ; стилистика и метрика почти исчерпывали собою риторику; діалектика занимала весьма видное мѣсто въ философіи. При томъ послѣдняя, имѣя служебное значеніе, тѣсно граничила съ богословіей.

Говоря о заботахъ отца своего въ пользу сирыхъ дѣтей, Анна упоминаетъ, что онъ поручалъ ихъ нравственное воспитаніе и образованіе церквамъ и монастырямъ; нѣкоторыхъ же помѣщалъ въ воз-

---

[1]) Tafel, Eustathii Opuscula s. 337.

[2]) Tafel, De Thessalonica, s. 373—4; въ одномъ изъ писемъ Михаилъ жалуется на молчаніе Евстаѳія и дѣлаетъ ему легкій упрекъ: «Мнѣ прожужжали уши вопросами: не знаю ли я чего про Евстаѳія»; Nicet. 282, 399.

[3]) См. нѣсколько замѣчаній по этому вопросу у Hergenröther, Photius patriarch, Regensburg 1867. I, s. 322—335.

обновленный имъ сиротскій пріютъ, устроивъ при немъ школу и назначивъ преподавателей по всѣмъ предметамъ образовательнаго курса. Это было огромное зданіе, равнявшееся по своимъ размѣрамъ цѣлому городу [1]). Въ учебномъ заведеніи, открытомъ Алексѣемъ для дѣтей, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, занимались частію грамматическими вопросами, частію такъ называемыми схедами. «Схеды—изобрѣтеніе новѣйшаго времени и, какъ предметъ первоначальнаго образованія, появились на моей памяти», замѣчаетъ Анна [2]. Схедографія не пользуется уваженіемъ этой писательницы, потому что дѣтямъ, вообще воспитанникамъ, не давались въ руки ни поэты, ни отцы, не обращалось ни малѣйшаго вниманія на ἐγκύκλιος παίδευσις.

Въ чемъ состояли схедографическія упражненія? Основываясь на не многихъ объясненіяхъ, приводимыхъ Дюканжемъ [3]), можно вывести, что первоначальная школа вводила дѣтей въ кругъ грамматики и занималась изученіемъ частей рѣчи отъ простѣйшихъ элементовъ ея,

---

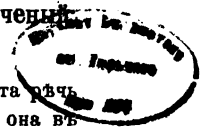
[1]) Anna Comnena, Alexias, p. 482 ed. Paris..... τινὰ δὲ καὶ εἰς ὅπερ αὐτὸς ἀνήγειρεν ὀρφανοτροφεῖον παιδευτήριον τοῦτο πλέον πεποιηκὼς τοῖς ἐθέλουσι, παρεδίδου τοῖς προϊσταμένοις τὴν ἐγκύκλιον ἐκπαιδεύεσθαι παιδείαν. Du-Cange, въ примѣчаніи на это мѣсто Анны, свидѣтельствуетъ: Non de novo condidit Orphanotrophium, sed labefactum et neglectum instauravit Alexius, monachorum et monacharum cellulis auxit, scholas grammaticae, in quibus pupilli et pauperum liberi erudirentur, statuit. Denique Geroqtocomiorum vel Xenodochiorum (домъ призрѣнія), quae hactenus deserta erant, reditus omnes, novosque insuper attribuit. Ita Zonaras et Glycas in Alexio.

[2]) Anna, p. 485... παιδευτήριον ἔστηκε τῶν γραμματικῶν παισὶν ὀρφανοῖς ἐκ παντοδαποῦ γένους συνειλεγμένοις, ἐν ᾧ παιδευτής τις προκάθηται καὶ παῖδες περὶ αὐτὸν ἑστᾶσιν, οἱ μὲν περὶ ἐρωτήσεις ἐπτοημένοι γραμματικάς; οἱ δὲ ξυγγραφεῖς τῶν λεγομένων σχεδῶν...; τοῦ δὲ σχέδους ἡ τέχνη εὕρημα τῶν νεωτέρων ἐστὶ καὶ τῆς ἐφ' ἡμῶν γενεᾶς... πεττεία δὲ τὸ σπούδασμα, καὶ ἄλλα τὰ ἔργα ἀθέμιτα, ταῦτα δὲ λέγω ἀχθομένη διὰ τὴν παντελῆ τῆς ἐγκυκλίου παιδεύσεως ἀμέλειαν. Самой ей удалось понять τῆς τοῦ πολυπλόκου τῆς Σχεδογραφίας πλοκῆς уже послѣ того, какъ она прошла риторику, философію и прочла поэтовъ и ораторовъ.

[3]) Du-Cange, Glossarium Graecitatis II, p. 1503—5. Σχέδος... pars grammaticae, qua docentur pueri orationem per partes ac verba singula examinare... σχέδος οἱονεὶ τὸ διαχέον καὶ διαχωρίζον τὰς λέξεις ἀπ' ἀλλήλων, ἢ παρὰ τὸ σκεδάζω, σκεδάσω: σκεδαζόμεναι γὰρ αἱ λέξεις καὶ οἱονεὶ μεριζόμεναι εἰς γνῶσιν παραλαμβάνοντο. Σχεδογραφεῖν—edere partes; σχεδογράφος—primorum graecae linguae elementorum praeceptor. Неизданный схоліастъ Гезіода въ одномъ мѣстѣ указываетъ части грамматики: кто хочетъ пріобрѣсть грамматическія знанія... πρότερον ἐνδίδωσιν αὐτὸν τοῖς στοιχειώδεσι γράμμασιν; εἶτα ταῖς συλλαβαῖς καὶ τῇ λοιπῇ προτερείᾳ, ἔπειτα τῇ Διονυσίου βίβλῳ προσέχει καὶ τοῖς Θεοδοσίου κανόσι καὶ Ποιηταῖς; εἶτα σχεδογραφίας ἀπάρχετο, καὶ πολλοῖς μογήσας τοῖς χρόνοις, μόλις τὴν γραμματικὴν ἀρετὴν ἐπικτᾶτο.

слоговъ и словъ, до разбора частей рѣчи и предложенія. Останавливая вниманіе воспитанниковъ на этой сухой работѣ и не позволяя имъ читать писателей, эта школа была такимъ образомъ только вступленіемъ въ курсъ ἐγκυκλίου παιδεύσεως, который долженъ былъ пройдти всякій византіецъ, желавшій получить образованіе. Не извѣстно, какъ долго останавливались на этой части преподаванія. Михаилъ, въ рѣчи на смерть брата, говоритъ: когда я достигъ отроческихъ лѣтъ, то сталъ слушать преподавателей свободныхъ наукъ, потому что было уже положено мною основаніе изученія грамматики и науки стихосложенія [1]). Механизмъ стихосложенія, слѣдовательно, входилъ также въ кругъ элементарнаго образованія.

Собственно высшее образованіе начиналось съ ἐγκύκλιος παίδευσις, объ отсутствіи котораго въ сходографическомъ заведеніи такъ сожалѣетъ Анна Комнина. Существеннымъ значеніемъ здѣсь пользовалась таже грамматика, только въ обширномъ объемѣ. Она обнимала всю область литературнаго образованія (чтеніе отцевъ, древнихъ поэтовъ и ораторовъ) со включеніемъ толкованія авторовъ и ораторскихъ упражненій вообще (риторика). Плавная рѣчь и ораторскій талантъ [2]) составляли предметъ завѣтныхъ стремленій и служили мѣриломъ для оцѣнки образованія людей. Анна говоритъ объ итальянцѣ Іоаннѣ: „онъ хромалъ въ грамматикѣ, не отвѣдалъ риторическаго нектара; по этому и рѣчь его не была плавна и красива...., старался выразить жестами то, чего не могъ передать словами“ [3]). Съ чтеніемъ гомеровскаго эпоса связаны были поэтическія упражненія. Человѣкъ, прошедшій этотъ курсъ образованія, считался уже высокообразованнымъ. Γραμματικὸς есть не только знающій литературу, но и ученый



[1]) Michaelis Acominati Choniatae Monodia in funere fratris, ed Migne. Эта рѣчь издана въ первый разъ Морелломъ въ 1566 году; у Миня помѣщена она въ латинскомъ переводѣ того же Морелла. См. p. 363: pater... quo tempore pubertatis annos attingebam, magistris artium liberalium et vivendi praeceptoribus (jam enim grammatices utilisque versuum componendorum methodi fundamenta jeceram) in disciplinam tradidit.

[2]) Εὔροια τῆς γλώττης, facultas dicendi.

[3]) Anna, p. 145. Это былъ начальникъ философовъ въ Византіи, Ὕπατος τῶν φιλοσόφων, см. объ этой придворной должности примѣчаніе Дюканжа на приведенную стр. Анны. Вотъ что говоритъ Анна объ этомъ философѣ: περί τε τὴν γραμματικὴν ἐχώλευε τέχνην, καὶ τοῦ ῥητορικοῦ νέκταρος οὐκ ἐγεύσατο, οὐδὲ ἐκεῖθεν ὁ λόγος τούτου ἐφήρμοστο καὶ εἰς κάλλος ἀπέξεστο... διελέγετο γὰρ καὶ ἔπεσιν καὶ χερσίν.

ἄνδρες γραμματικώτατοι καὶ σοφώτατοι—названія, прилагаемыя къ обр зованному человѣку. Грамматиковъ относили къ высшему классу лю дей, почитателей свободныхъ наукъ [1]). Г. Акрополита говоритъ о себѣ что онъ шестнадцати лѣтъ окончилъ науку — ἐγκυκλίου παιδεύσεω которую многіе называютъ грамматикой [2]).

Грамматика и риторика еще не заканчивали собою образовательн наго курса. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи одно мѣсто изъ Анны, гдѣ она, удивляясь тому, что мать ея за обѣдомъ держала передъ собой философскую книгу, простодушно признается въ своемъ безсиліи понимать философскія сочиненія. „Я иногда осмѣливалась спросить ее: какъ ты сама собою могла дойдти до пониманія такой высоты, между тѣмъ какъ я дрожу при одной мысли о такихъ тайнахъ? Мать моя съ улыбкой сказала: я испытала эту похвальную робость и сама не безъ страха принималась за эту книгу, хотя теперь не могу отъ нея оторваться. А ты подожди немного и займись прежде другими книгами, извлекая изъ нихъ полезное“ [3]). Что философія была послѣднею ступенью къ высшему образованію и заканчивала его, и что царица Ирина предварительно совѣтовала своей дочери заняться именно словесными науками, доказательство на то видимъ изъ другого мѣста Анны, гдѣ она перечисляетъ учебные предметы по степени ихъ легкости [4]).

Михаилъ Хонскій, говоря о воспитаніи и учебныхъ занятіяхъ Никиты, также даетъ понять порядокъ этихъ занятій: „въ то время, какъ я, обреченный родителями на служеніе церкви, занимался исторіей науки у древнихъ,—онъ, расправивъ крылья на изученіи предметовъ, свойственныхъ дѣтскому возрасту, скоро кончилъ весь курсъ учебный и перешелъ къ вопросамъ, которые требуютъ болѣе возвышеннаго и священнаго созерцанія“. И далѣе: „я проводилъ время за литературными занятіями и читалъ древнихъ писателей; онъ же обогащалъ себя тѣми познаніями, которыя приготовляютъ обществен-

---

[1]) Du-Cange, Glossarium Graecitatis 1. p. 265.

[2]) G. Acropolitas, p. 50 (ed. Bonn.)... καὶ αὐτὸς πρὸς τῶν γονέων ἐκ τῆς Κωνσταντίνου ἀπεστάλην... ἑκκαιδεκαέτης ὢν καὶ νῦν τῆς ἐγκυκλίου ἀπηλλαγμένος παιδεύσεως, ἣν γραμματικὴν κατονομάζουσιν οἱ πολλοί.

[3]) Anna, p. 147—148.

[4]) Anna, p. 486... κἂν ἐπειδὰν ἀπήλλαγμαι τῆς παιδαριώδους τούτων σχολῆς κα εἰς Ῥητορικὴν περήγγειλα καὶ Φιλοσοφίας ἡψάμην καὶ μεταξὺ τῶν ἐπιστημῶν πρὸς ποιητάς τε καὶ ξυγγραφὰς ἦϊξα καὶ τῆς γλώττης τοὺς ὄχθους ἐκεῖθεν ἐξωμαλισάμην, εἶτα Ῥητορικῆς ἐπαρηγούσης ἐμοὶ....

аго дѣятеля и полезны для многихъ практическихъ цѣлей, но не ажны для того, кто приготовляется быть философомъ" [1]). Ясно, что ѣсь рѣчь идетъ уже о занятіяхъ свободнаго человѣка, вышедшаго зъ юношескаго возраста, т. е. о спеціальныхъ занятіяхъ, какихъ ило не мало и въ тогдашнее время [2]). Но и для Никиты воспитательный періодъ обозначается изученіемъ общихъ наукъ и древнихъ исателей.

Занятіе философіей требовало значительной научной подготовки и начиналось уже въ зрѣломъ возрастѣ. Эта наука особенно цѣнилась при дворѣ: между придворными византійскими должностями встрѣчается и санъ ритора и ὑπάτου τῶν φιλοσόφων [3]), обязанности которыхъ были частію придворныя, частію общественныя. Между лицами, занимавшими послѣднюю должность, намъ извѣстны: М. Пселлъ и итальянецъ Іоаннъ [4]). И риторы и философы въ Византіи имѣли публичныя чтенія, на которыя приходили люди, жаждущіе научнаго образованія. Такъ, итальянецъ Іоаннъ первоначально посѣщаетъ школы риторовъ, а потомъ слушаетъ М. Пселла, публично читавшаго философію [5]). Наука философія въ то время имѣла весьма обширный объемъ: подъ понятіе ея подходилъ цѣлый кругъ наукъ, которыя въ области нашихъ философскихъ знаній относятся къ вспомогательнымъ наукамъ философіи, какъ математика, астрономія, астрологія, физика; даже богословскія системы и символически-аллегорическія толкованія догматовъ относились византійцами къ области философіи [6]). Любимымъ чтеніемъ Пселла былъ Платонъ, также Аристотель; итальянецъ Іоаннъ объяснялъ Прокла, Платона, Ямвлиха и Аристотеля. Филонъ и Плотинъ не менѣе нравились имъ по своимъ мистическимъ воззрѣніямъ.

Но болѣе общимъ и необходимымъ для общественнаго дѣятеля считалось словесное и ораторское образованіе. Необходимость сношеній съ многочисленными сосѣдними народами въ Европѣ и Азіи вызывала византійцевъ на такое образованіе. И они достигали въ

[1]) Monodia, p. 364.

[2]) Напр., facultas et copia dicendi, juris civilis scientia, медицина и др.

[3]) Du-Cange, Glossarium Graecitatis, p. 1296, 1636.

[4]) Anna, p. 145... говоритъ объ Іоаннѣ: φιλοσοφίας ἁπάσης προέστη; διδάσκαλος, πατος τῶν φιλοσόφων. Goar въ примѣчаніи къ Кодину, p. 42: φιλοσόφων ὕπατος, τόρων πρῶτος, δικαιοφύλαξ σὺν αὐτῷ, νομοφύλαξ...

[5]) Anna, p. 144.

[6]) Photii epist. 2 ad Nic. Patr. ap. Migne CII, p. 597; Anna, p. 482.

этомъ направленіи удивительныхъ успѣховъ и легко подчиня
раторской политикѣ многихъ властителей. Никита, подготов
къ свѣтскому званію и политической дѣятельности, стремилс
витію въ себѣ ораторскаго таланта, изучалъ гражданское
политику [1]). Двѣнадцатый вѣкъ представляетъ не мало им
ность, усердіе и знанія которыхъ могли бы служить дост
признакомъ образованности и для болѣе благопріятнаго вр
почти на каждомъ писателѣ лежитъ общій отпечатокъ фо
направленія въ воспитаніи. Искусная замѣна недостатка с
гладкой формой сдѣлалась обычною въ жизни и дѣятельн
зованныхъ людей этого времени. Грамматика и риторика
недовольство, искали успокоенія въ философіи; но и эта
питаясь діалектикой, не отдѣляла истины отъ вымысла
въ чуждую ей богословскую область [2]).

Воспитываясь въ столицѣ подъ надзоромъ брата свое
нашелъ въ немъ опытнаго руководителя и достойный
примѣръ. Чувство любви и высокаго уваженія къ своему
не покидало Никиту до конца жизни, въ исторіи его н
упоминается о Михаилѣ: „Архіепископъ аѳинскій, Михаил
мой родной братъ; я горжусь родствомъ съ такимъ ч
радуюсь, что въ насъ течетъ одна кровь; но сознаюсь,
похожъ на него ни по добродѣтели, ни по краснорѣчію
„чего не могъ сдѣлать для ослабленія враговъ этотъ ч
шедшій черезъ всю мудрость и изучившій, какъ ни кто
науки свѣтскія и духовныя? Если бы захотѣлъ, онъ мо
свести на отступниковъ, или наслать осъ на лагерь их
сить у Бога какую-нибудь другую казнь. Ибо божеств
бы не отказало ему, если бы поднялись его руки и
губы для молитвенной просьбы“ [3]). Съ другой стороны
рѣчи на смерть брата говоритъ о несравненномъ прев

---

[1]) Monodia, p. 364, totum se in eo vitae statu et instituto coll
ad humanas actiones propensius, reipublicae studiosius, denique p
curis est, quam ei qui serio philosophari velit, expediat.... Itaque
piam dicendi, jurisque civilis scientiam quanta potuit agendi et
tanquam perapposita percommodaque ad rempublicam capessendam
menta sibi comparavit.

[2]) Важное свидѣтельство у Анны, p. 146, гдѣ идетъ рѣчь
итал. Іоанна.

[3]) Nicet, p. 800, 803.

жалось 11 лѣтъ (1175 г.), наконецъ пять лѣтъ прошло еще между временемъ удаленія Михаила въ Аѳины и поступленіемъ на службу Никиты [1]).

Служба Никиты началась либо въ послѣдній годъ царствованія Мануила Комнина, либо при новомъ правительствѣ сына его. За несовершеннолѣтняго Алексѣя II стала управлять государствомъ царица Марія, мать его. Во время женской опеки начались придворныя интриги: честолюбивые царедворцы стали заискивать расположенія императрицы, болѣе счастливые соперники возбудили къ себѣ зависть въ отвергнутыхъ; почуяли свободу жадные до наживы чиновники и начали черпать изъ государственной казны полною рукой; стали угнетать народъ и вымогать изъ него новыя подати; иностраннымъ кущамъ даны были новыя привилегіи. Вслѣдствіе этого открылось общее недовольство правительствомъ, составился заговоръ противъ Маріи и ея любимца, протосеваста Алексѣя. Тогда двоюродный братъ Мануила, Андроникъ, составивъ сильную партію въ свою пользу, устранилъ Марію и объявилъ себя опекуномъ Алексѣя II. Андроникъ преслѣдовалъ придворныхъ казнями и конфискаціей имущества, обуздалъ разнузданность, круто повернулъ въ политикѣ и наконецъ, лишивъ жизни Алексѣя, въ 1183 г. объявилъ себя императоромъ. И Михаилъ и Никита весьма несочувственно смотрятъ на правительство Андроника. Жестокій тиранъ, заставлявшій каждаго опасаться за свою жизнь, сдѣлалъ невозможною и для Никиты придворную службу; вѣроятно, большая часть приверженцевъ прежняго правительства, съ прибытіемъ Андроника, должна была удалиться изъ столицы.

Ближайшее столкновеніе съ требованіями жизни должно было показать Никитѣ недостаточность теоретическаго образованія, почерпнутаго изъ ораторовъ и философовъ; для политическаго дѣятеля требовались еще спеціальныя знанія. Удалившись отъ двора, оставивъ можетъ быть и самую столицу, онъ принялся за изученіе гражданскаго права. Михаилъ говоритъ, что его братъ сдѣлался потомъ живымъ сводомъ законовъ, ходячимъ комментаріемъ [2]).

Императоръ Андроникъ не долго управлялъ имперіей; его низвергъ въ 1185 г. царедворецъ Исаакъ изъ рода Ангеловъ. Правительство Исаака на первыхъ порахъ казалось современникамъ затишьемъ послѣ

---

[1]) Мы не можемъ особенно настаивать на вѣрности числовыхъ данныхъ, выведенныхъ на основаніи только одного показанія Михаила.

[2]) Monodia, p. 365.

ри, пріятною весной послѣ суровой зимы. „Воцарившись, онъ обильно мастилъ елеемъ головы неимущихъ; собравъ осужденныхъ на изгнаіе Андроникомъ, лишенныхъ имущества и потерпѣвшихъ увѣчье, онъ осыпалъ ихъ благодѣяніями, не только возвративъ имъ имущества, но и вознаградивъ на счетъ государственной казны". „Тогда граждане, смотря на новое правленіе какъ на переходъ отъ зимы къ веснѣ, или отъ бури къ ясной погодѣ, отовсюду стали стекаться въ столицу" [1]): одни предлагали свои военныя знанія, другіе правительственную опытность, иные же приходили просто изъ любопытства. Весьма вѣроятно, что и нашъ писатель тогда же возвратился въ Царградъ и снова принялъ на себя должность императорскаго секретаря. Съ этого времени онъ принималъ непосредственное участіе во многихъ политическихъ событіяхъ, неоднократно сопутствовалъ императору въ походахъ: для исторіи Византіи послѣдней четверти XII вѣка можетъ служить поэтому важнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ. Хотя Никита рѣдко упоминаетъ о себѣ въ исторіи, тѣмъ не менѣе, изъ способа передачи извѣстій можно видѣть, гдѣ онъ говоритъ по слуху, а гдѣ по личному наблюденію. Въ 1188 г. онъ сопутствовалъ Исааку въ походѣ противъ болгаръ [2]); въ слѣдующемъ году, когда императоръ Фридрихъ Барбаросса проходилъ черезъ византійскія области въ святую землю, Никитѣ поручено было наблюденіе за филиппопольской темой. Онъ говоритъ объ этомъ времени: „и я, пишущій эти строки, поставленъ былъ тогда въ несносное положеніе.... Получивъ отъ императора приказаніе укрѣпить Филиппополь стѣною и окружить рвомъ, я весь поглощенъ былъ этой тяжелой и спѣшной работой; но черезъ нѣсколько времени пришло другое приказаніе — разобрать стѣну и сравнять ровъ, чтобы не приготовить здѣсь для Фридриха убѣжища" [3]).

Въ теченіе съ небольшимъ десяти лѣтъ Никита достигъ высшихъ государственныхъ должностей, такъ что, по картинному выраженію Михаила, каждый новый императоръ не только оставлялъ за Никитой то, чѣмъ онъ пользовался ранѣе, но какъ-будто желая рас-

---

[1]) Nicetas, p. 465—466; 481.

[2]) Nicetas, p. 518, ἐπεὶ δὲ εἴδομέν τε καὶ ἐθεάθημεν, συνειπόμην γὰρ καὶ αὐτὸς βασιλεῖ ὑπογραμματεύων.

[3]) Nicet, p. 526. 9—15; καὶ ἡμεῖς οἱ ταῦτα γράφοντες πλείστοις ἀνιαροῖς προσεπλάκημεν, τὴν τοῦ θέματος Φιλιππουπόλεως ὑπεζωσμένοι τηνικαῦτα καὶ ἀρχὴν καὶ ἀπογραφήν.

положеніемъ къ нему превзойдти своего предшественника, къ прежнимъ его отличіямъ присоединялъ новыя. „Удивляясь доблести этого человѣка, императоры думали, что настолько уменьшится блескъ ихъ царствованія, насколько они унизятъ санъ Никиты“ [1]). Дѣйствительно, молодому человѣку открылась блистательная дорога. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ уже пользовался личнымъ довѣріемъ императора, имѣлъ смѣлость открыто высказывать ему правду [2]). Не одобряя политики Исаака Ангела по отношенію къ крестоносцамъ, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы склонить его къ строгому соблюденію договора съ Фридрихомъ: „я лично передалъ всѣ подробности дѣла, присовокупивъ, что, по мнѣнію германцевъ, византійскій императоръ для того нарушилъ договоръ съ ними, чтобы дѣйствовать заодно съ сарацинами .., только тогда удалось мнѣ преодолѣть упорство императора“ [3]).

Само собою разумѣется, что Никитѣ открытъ былъ доступъ во всѣ знатные дома; представители извѣстнѣйшихъ родовъ: Дуки, Кантакузины, Велиссаріоты—были частію въ дружбѣ, частію въ родствѣ съ нимъ [4]). Никитѣ дѣлаемы были выгодныя предложенія относительно женитьбы: „я затруднился бы перечислить, сколько благородныхъ дѣвицъ желало породниться съ нами; между ними были и чрезвычайно красивыя и очень богатыя. Но онъ не искалъ приданаго, потому что щедрость императоровъ съ излишкомъ вознаграждала его и позволяла не только роскошно жить, но и дѣлать сбереженія“ [5]). Посовѣтовавшись съ старшимъ братомъ, онъ остановилъ свой выборъ и женился на дѣвицѣ изъ рода Велиссаріотовъ, съ братьями которой былъ знакомъ еще съ дѣтства и теперь имѣлъ нерѣдкія сношенія по служебнымъ обязанностямъ. Родъ Велиссаріотовъ былъ одинъ изъ древнѣйшихъ; члены этого рода, братья Михаилъ и Іоаннъ, занимали тогда высокія должности, пользовались довѣріемъ императора и щедро осыпаемы были его милостями. Михаилъ Акоминатъ въ надгробной рѣчи почти не отдѣляетъ успѣхи по службѣ своего брата и Велиссаріотовъ [6]); по завоеваніи латинянами Цареграда, они вмѣстѣ дѣлили

---

[1]) Monodia, p. 367.

[2]) Nicet, p. 526, 558—9.

[3]) Nicet, p. 536.

[4]) Nicet, p. 526, 4—5.

[5]) Monodia, p. 368.

[6]) Ibidem.... rebus illos suis domi forisque praefecerunt, aerariorum illis thesaurorumque et cubiculorum suorum januas patefecerunt, charissima quaeque non secus

и горькую долю изгнанія, поселившись въ Никеѣ, главномъ городѣ Виѳиніи.

Никита очень скроменъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его собственныхъ отношеній. Такъ, мы не знаемъ, когда онъ получилъ высшія должности и какія исполнялъ порученія въ столицѣ и провинціяхъ. Изрѣдка и то случайно говоритъ онъ о себѣ; объ его званіи мы узнаемъ уже въ то время, когда, описывая бѣдствія столицы и низверженіе всякаго порядка, онъ указываетъ и на собственныя потери. Такъ, описывая пожаръ въ столицѣ, вспоминаетъ и о своемъ роскошномъ домѣ и счастливой жизни.

Попытаемся опредѣлить положеніе, въ которомъ находился нашъ писатель въ годъ завоеванія латинянами Цареграда. Онъ имѣлъ тогда около 50 лѣтъ отъ роду; въ теченіе двадцатипятилѣтней службы при дворѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ, а частію и принимать участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ. Многіе изъ его сослуживцевъ подвергались преслѣдованію, лишенію имущества, заточенію или постриженію въ монашество; измѣнчивое время у живыхъ еще императоровъ отнимало власть и, низвергая властителей, позволяло приближаться къ престолу новымъ честолюбцамъ. Никита съумѣлъ не только сохранить, но и пріобрѣсть новыя назначенія и отличія. Мы не будемъ здѣсь входить въ оцѣнку нравственности его, хотя невольно раждается вопросъ: какъ, не сочувствуя политикѣ Ангеловъ, онъ оставался однако же довѣреннымъ лицемъ ихъ; скажемъ только, что обстоятельства должны были пріучить его къ обращенію съ людьми, выработать гибкость характера, уклончивость и скрытность [1]). Частію въ исторіи Никиты, частію въ надписаніяхъ на разныхъ его сочиненіяхъ можно найдти упоминаніе слѣдующихъ званій и должностей, которыя проходилъ онъ:

1) *Императорскаго секретаря*, ὑπογραμματεὺς βασιλικός, Scriba Imperatorius [2]); 2) *секрето-логовета*, ὁ λογοθέτης τῶν σεκρέτων, Logotheta

---

atque familiarissimis concrediderunt; illos denique in aperta et propatula urbis administratione magnos logothetas, ephoros et polyarchas designaverunt.

[1]) Какъ внѣшнее поведеніе, такъ и слово Никиты чрезвычайно эластично: онъ и хвалитъ и порицаетъ, ласкаетъ и бичуетъ въ одно и тоже время, почти одними и тѣми же словами. Общихъ мѣстъ не мало въ его исторіи; выраженія: «а объ имени я умолчу», «назвать имя не могу», или «предпочитаю пропустить» (Nicet, p. 576.₃, 601.₁₂, 674.₁₉) особенно часто встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается высокопоставленныхъ лицъ.

[2]) Monod. p. 363; Nicet, p. 518.₁₉.

secretorum [1]); 3) *сенатора цареградскаго*, ὁ ἐκ τοῦ συγκλήτου βουλῆς [2]), это званіе получилъ Никита въ первые годы императора Алексѣя Комнина Ангела III т. е. около 1198 года [3]); 4) *великаго логоѳета*, ὁ μέγας λογοθέτης, magnus Logotheta [4]); 5) ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων, Iudiciis praefectus [5]); 6) ὁ Γενικός, на современномъ языкѣ—главный директоръ податныхъ сборовъ (λογιστὴς τῶν φόρων); 7) ἔφορος καὶ κριτὴς τοῦ

---

[1]) Nicet. p. 749. 6: ἡμᾶς τοῦ τοῖς σεκρέτοις λογοθετεῖν παραλέλυκεν т. е. Алексѣй Дука-Мурцуфлъ. Въ чемъ же состояла должность секрето-логоѳета? Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Никита (p. 262) сопоставляетъ значеніе логоѳета въ Византіи съ значеніемъ канцлера на западѣ: ὡς ἡ Λατίνων βούλεται φωνή, καγκελάριον, ὡς δ' Ἕλληνες εἴποιεν λογοθέτην. Но въ Византіи находимъ много разныхъ должностей, которыя давали лицу, исполнявшему ихъ, титулъ логоѳета. Обязанности, возлагавшіяся на логоѳета τῶν σεκρέτων, могутъ соотвѣтствовать, на современномъ языкѣ, обязанностямъ министра финансовъ. Du-Cange 1. p. 823 logoth. secretorum, cuius cognitio erat de re aeraria et vectigali, sev qui Σεκρέτῳ τῶν δημοσιακῶν praecrat. Эта должность, по замѣчанію Дюканжа, едва-ли не однозначуща съ другою—λογοθέτης γενικός, которая тоже приписывается Никитѣ и съ которою тоже соединяются финансовыя обязанности: καὶ τῶν δημοσίων φόρων λογιστὴν, ὃν λογοθέτην γενικὸν οἶδε καλεῖν ἡ συνήθεια. Съ теченіемъ времени секрето-логоѳеты стали имѣть вліяніе и на другія отрасли государственнаго управленія. Du-Cange, 1. p. 821; 11. p. 1346.

[2]) Nicet, p. 743.$_{16}$; 850.$_{18}$.

[3]) Sathas, Bibl. Graeca. 1. p. 85. рѣчь Никиты къ Алексѣю III отъ лица сенаторскаго сословія.

[4]) Мы видѣли, какъ трудно пріурочить опредѣленныя обязанности къ титулу логоѳета. Значеніе великаго логоѳета въ послѣднія времена имперіи было весьма обширно. На него перенесены были права напр. логоѳета дрома, который скрѣплялъ своей подписью императорскіе указы и хрисовулы и былъ хранителемъ государственной чернильницы (caniculus), почему и назывался еще ὁ ἐπὶ κανικλείου. Такимъ образомъ обязанности великаго логоѳета могли бы вполнѣ соотвѣтствовать обязанностямъ государственнаго канцлера: ὁ τῶν δημοσίων πραγμάτων τὰς ὑπομνήσεις αὐτῷ (императору) διακομίζων. Кодинъ такъ описываетъ обязанности этого сана: ὁ μέγας λογοθέτης διατάττει τὰ παρὰ τοῦ βασιλέως ἀποστελλόμενα προστάγματα, καὶ χρυσόβουλα, πρὸς τε Ῥήγας, Σουλτάνους καὶ τοπάρχας καὶ τοῦτο μὲν ἴδιον τοῦ μεγάλου λογοθέτου ὑπηρέτημα. Объ этомъ титулѣ говоритъ Михаилъ, Monod. p. 368, но рукописи не вездѣ усвояютъ его Никитѣ.

[5]) Въ одной рукописи (cod. reg.) Никита титулуется μέγας λογοθέτης καὶ ἐπὶ κρίσεων γενικὸς, καὶ ἔφορος; въ другой, ἔφορος καὶ κριτὴς τοῦ βήλου, καὶ προκαθήμενος τοῦ κοιτῶνος; Du-Cange, Glossarium p. 756 замѣчаетъ: unde videtur posse colligi eandem dignitatem fuisse τὸν ἐπὶ τῶν κρίσεων cum dignitate judicis veli; ср. Notam ad Cinn. ad p. 157.

βήλου [1]), Praeses et Iudex Beli; 8) ὁ προκαθήμενος τοῦ κοιτῶνος, Praefectus Cubiculo [2]).

Всѣ попытки подвести византійскіе придворные и государственные титулы подъ соотвѣтствующіе имъ чины современныхъ государствъ могутъ достигать только приблизительной точности. Наше время не дошло до такой изысканной тонкости въ названіяхъ и обозначеніяхъ чиновъ и отличій: современная высшая государственная или придворная должность въ Византіи обозначалась, по разнымъ свойствамъ ея, двумя, тремя и даже болѣе названіями. Разомъ-ли Никита проходилъ всѣ, указанныя выше, должности, или послѣдовательно оставлялъ одну и занималъ другую,—достовѣрно объ этомъ нельзя сказать; слѣдуетъ замѣтить, что самъ писатель приводитъ только три названія занимаемыхъ имъ должностей: секретаря, секрето-логоѳета и сенатора [3]); о другихъ же говоритъ Михаилъ въ надгробной рѣчи. Въ рукописяхъ исторіи приводятся то всѣ титулы, то нѣкоторые.

Высокое положеніе требовало значительныхъ средствъ для поддержанія его: высшіе чины должны были являться ко двору со всею пышностію, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, когда напр. былъ пріемъ иноземныхъ пословъ. Мы имѣемъ указанія на богатую жизнь и роскошь Никиты. Онъ имѣлъ въ столицѣ два дома: одинъ на Сфоракіѣ, огромный «несравненный по красотѣ и размѣрамъ постройки домъ», другой поскромнѣе, соединявшійся съ храмомъ св. Софіи [4]). Была у него и домашняя церковь, въ которой каждодневно совершалось богослуженіе, для чего содержался священникъ съ причтомъ; во многихъ мѣстахъ созидалъ онъ на свой счетъ новые храмы и украшалъ ихъ иконами [5]). Его домъ былъ открытъ для родныхъ и дру-

---

[1]) Этотъ титулъ описывается такъ: ἐπίσκοπος, ἐπιστάτης, ϑεατής. У Дюканжа, l. p. 186 такъ объясняется βῆλος: ὁ τῆς θύρας βαθμός, καὶ τὸ ἱστίον, παραπέτασμα, παραχάλυμμα, παράπλωμα; αὐτὸς γὰρ εἱστήκει πρὸ τοῦ βήλου. Изъ предыдущаго примѣчанія видно, что этотъ титулъ почти равнозначущъ помѣщенному подъ № 5,—прокуроръ или предсѣдатель судебной палаты на нашемъ языкѣ.

[2]) Du-Cange, Glossarium Graecit. p. 1240. Προκαθήμενος—qui praeest rei alicui; κοιτῶν—locus, ubi reponitur thesaurus principis, fiscus, camera; cp. ibidem p. 680. Этотъ титулъ на нашемъ языкѣ приблизительно обозначаетъ придворнаго контролера или казначея.

[3]) Nicet, p. 518.19; 749.6; 850.18.

[4]) Nicet, p. 776.13—19.

[5]) Monod., p. 376.

зей, между послѣдними находимъ и иностранцевъ [1]). Венеціянскіе купцы считали его своимъ благодѣтелемъ и дали у себя пріютъ въ тяжкую годину—взятія латинянами Цареграда [2]). Какъ любитель просвѣщенія, онъ собиралъ рукописи и древности—и все это утратилъ онъ въ 1204 г. Находясь въ изгнаніи, онъ вспоминаетъ о своихъ потеряхъ и неблагодарности соотечественниковъ: „вмѣсто того, чтобы пожалѣть насъ, лишившихся мѣста жительства, домашняго очага, нуждающихся въ необходимыхъ къ пропитанію средствахъ, они преслѣдуютъ насъ насмѣшками и презрѣніемъ; между тѣмъ еще не такъ давно мы пользовались могуществомъ и владѣли богатствами“ [3]). Въ другомъ сочиненіи, доказывая одну мысль, говоритъ: „въ книгѣ о лживыхъ астрологахъ и еще говорится объ этомъ; но я запамятовалъ и не могу дословно передать ея содержаніе. Ибо погибли мои книги: вмѣстѣ съ богатствами и со всѣмъ моимъ достаткомъ ихъ поглотили ненасытные латиняне [4]).

Когда латиняне окружили Цареградъ, императоръ Алексѣй III, отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ борьбы съ ними, 18 іюля 1203 г. тайно убѣжалъ изъ города. Совмѣстное царствованіе Исаака Ангела вмѣстѣ съ сыномъ его Алексѣемъ, усиливъ общее недовольство и раздраженіе, не отвратило грозящей бѣды. Старый и слѣпой Исаакъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда онъ обратился къ гаданьямъ и окружилъ себя недостойными людьми. Сынъ его явно пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ: посѣщалъ латинскія палатки, бражничалъ тамъ цѣлыя ночи, проигрывалъ въ дискъ цѣлые дни. Всѣ заботы императоровъ ограничивались сборомъ денегъ и изобрѣтеніемъ новыхъ способовъ къ извлеченію доходовъ. Въ январѣ 1204 г. Исаакъ, за болѣзнію, не оставлялъ уже дворца, а Алексѣй вступилъ въ новыя, оскорбительныя для народнаго чувства, обязательства къ крестоносцамъ, за что его стали подозрѣвать въ предательствѣ и измѣнѣ. Тогда населеніе столицы, разжигаемое честолюбцами, которые желали къ своимъ выгодамъ воспользоваться общимъ недовольствомъ, стало собираться въ кружки и придумывать средства къ выходу изъ

---

[1]) Nicet, p. 777.

[2]) Ibidem p. 778.

[3]) Nicet, p. 851.

[4]) Thesaurus orth. fidei V. c. XLII. и далѣе: multis quidem illis, nec luculentis illis opibus absimiles, quae imperialium officiorum fuerunt, quibus ordine graduque debito sum cohonestatus.

затруднительнаго положенія. 25 января 1204 г. толпы народа собрались въ церковь св. Софіи; сенаторы, архіереи и духовенство также приглашены были принять участіе въ избраніи новаго императора. Никита, какъ членъ цареградскаго сената присутствовавшій на этомъ собраніи, сохранилъ намъ живое описаніе его. „Въ великой церкви было огромное стеченіе народа; принудили явиться на это сборище сенатъ, соборъ архіереевъ и почетное духовенство для общаго разсужденія объ избраніи новаго царя Когда предложили мнѣ высказать свое мнѣніе о современныхъ обстоятельствахъ, я говорилъ противъ низверженія императоровъ и не соглашался на выборъ новаго лица. Ибо я былъ увѣренъ, что новоизбранный императоръ не только не можетъ быть единодушно признанъ всѣми партіями, но будетъ еще имѣть противъ себя латинскихъ вождей, которымъ выгоднѣе поддерживать Алексѣя, сына Исаака. Но подвижная и бурная масса народа, ставившая произволъ выше всякаго убѣжденія. повторяла, что не хочетъ быть въ подчиненіи у царя изъ рода Ангеловъ, что не оставитъ собранія до тѣхъ поръ, пока не выбранъ будетъ угодный ей правитель. Я по опыту зналъ упорство этихъ людей и замолчалъ, оплакивая свою судьбу и проливая горькія слезы: я предвидѣлъ будущія бѣдствія“ [1]). На этомъ собраніи не былъ уваженъ ни голосъ Никиты, ни мнѣніе людей его партіи. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Алексѣя Дуки, по прозванію Мурцуфла, который, склонивъ народъ на свою сторону, овладѣлъ особою Алексѣя Ангела, сына Исаака [2]), и черезъ три дня послѣ того объявилъ себя императоромъ. Удаливъ съ высшихъ должностей приверженцевъ предыдущей династіи, Алексѣй Дука окружилъ престолъ родственниками и друзьями; и нашему писателю пришлось поплатиться за сочувствіе къ Ангеламъ лишеніемъ всѣхъ должностей [3]). Достоинство секрето-логоѳета перешло на тестя. Мурцуфла, Филокалія.

Алексѣю Дукѣ не долго пришлось носить императорскій вѣнецъ: 12 апрѣля того же года крестоносное ополченіе овладѣло Цареградомъ и императоръ съ немногими изъ близкихъ къ нему людей долженъ былъ спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ. Тогда городъ подвергся ужасному пожару, неслыханному грабежу; жители, лишенные имущества, бѣжали куда могли. Не будемъ останавливаться на бо-

---

[1]) Nicet, p. 743—744.

[2]) Исаакъ, пораженный этимъ извѣстіемъ, скоропостижно умеръ.

[3]) Nicet, p. 749.4—7.

гатой красками картинѣ жестокаго насилія и ненасытнаго хищничества, внесеннаго крестоносцами въ христіанскую столицу; перейдемъ прямо къ судьбѣ нашего писателя, который также долженъ былъ подвергнуться бѣдствію на равнѣ съ другими. Потерявъ во время второго пожара богатый домъ свой на Сфоракіѣ, Никита укрылся въ другомъ, принадлежавшемъ ему, домикѣ, не столь видномъ, прикрытомъ галлереей и не легко доступномъ. Сюда собрались знакомые и друзья его и стали придумывать средства, какъ-бы избѣгнуть нечаяннаго нападенія враговъ. Отъ этого домика былъ весьма близкій переходъ къ церкви св. Софіи, но и священное мѣсто не обѣщало безопасности: отряды латинскаго войска, разсѣявшись по разнымъ улицамъ, не оставляли безъ поруганія и церквей. Одно случайное знакомство помогло Никитѣ защитить свой домъ отъ вторженія враговъ и собраться съ мыслями относительно плана дѣйствій на будущее время. Между венеціянскими купцами, во множествѣ проживавшими въ Цареградѣ, были люди, облагодѣтельствованные имъ и считавшіе обязанностію помочь въ бѣдѣ своему покровителю. Одинъ изъ нихъ, принятый въ домѣ Никиты и пользовавшійся его личнымъ расположеніемъ, прибѣгнулъ для этого къ весьма остроумному средству. Надѣвъ на себя латы и вооружившись какъ латинскій воинъ, онъ всталъ при входѣ въ домикъ Никиты и давалъ понять проходившимъ для грабежа иностранцамъ, что онъ первый завладѣлъ этимъ домомъ и безъ борьбы никому его не уступитъ. На нѣкоторое время дѣйствительно удалось ему обмануть враговъ; но стали подходить новыя толпы, которыя, не обращая вниманія на знаки и угрозы венеціянца, силою хотѣли пробраться ко входу. Венеціянецъ и тогда не потерялъ присутствія духа и сообразительности: онъ нашелъ возможнымъ защитить по крайней мѣрѣ личную безопасность своего патрона и его семейства. По совѣту его, семейство и друзья Никиты прикрылись бѣдною одеждой и въ качествѣ плѣнниковъ пошли за своимъ защитникомъ въ другой, болѣе безопасный домъ, принадлежавшій венеціянцамъ. Скоро и это убѣжище сдѣлалось не безопаснымъ, когда франки овладѣли окрестными домами. Предстояло подумать о бѣгствѣ изъ Цареграда. Какъ ни трудно было Никитѣ рѣшиться на это послѣднее средство, но другого выбора не представлялось. Жена его была въ послѣднемъ періодѣ беременности, дѣти—малъ мала меньше [1]). Такъ какъ слуги

[1]) Nicet, p. 778. 8—10. ἐπωμάδια φέρειν ἡμεῖς ἠναγκάσμεθα τὰ μήπω τῶν παιδαρίων ποσὶ χρώμενα, στέγειν δὲ ὑπὸ μάλην καὶ ἄρρενα παῖδα ὑπομαστίδιον.

и рабы, напуганные вторженіемъ враговъ, разбѣжались и съ Никитой остались только его родственники и друзья, то онъ самъ долженъ былъ взять на руки дѣтей своихъ, и съ этою ношей въ бѣдной одеждѣ вышелъ изъ города вмѣстѣ съ другими бѣглецами. Это было 17 апрѣля; слѣдовательно, Никита оставался въ столицѣ, по взятіи ея крестоносцами, въ теченіе пяти дней. По улицамъ города разъѣзжали отряды непріятельскихъ всадниковъ, собирая добычу и обыскивая попадавшихся имъ на встрѣчу гражданъ. Никитѣ и товарищамъ его нужно было употребить не мало невинной хитрости и изворотливости, чтобы не обратить на себя вниманія враговъ и незамѣтно добраться до конца города. Женщины и дѣвицы помѣщены были среди мужчинъ; чтобы скрыть свою красоту и молодость, нѣкоторыя изъ дѣвицъ перепачкали грязью лица и шеи и шли, склоняясь къ землѣ, какъ старухи. Бѣглецы направлялись къ золотымъ воротамъ, имѣя въ виду удалиться въ западныя провинціи имперіи. Почти передъ самымъ выходомъ изъ города съ ними, однако, случилось несчастіе: непріятели отняли у нихъ одну дѣвушку, дочь судьи [1]). Пораженные ужасомъ и сожалѣя объ несчастной жертвѣ, на первыхъ порахъ они не знали, что̀ предпринять. Отецъ дѣвицы, престарѣлый и больной человѣкъ, не могъ устоять на ногахъ, упалъ на землю и, съ отчаяніемъ во взорахъ, жестами и словами умолялъ Никиту помочь его дитяти. Не время было раздумывать и соображать: подчиняясь непосредственному чувству, Никита побѣжалъ за похитителемъ. Ему удалось вымолить содѣйствіе у нѣкоторыхъ крестоносцевъ, бывшихъ свидѣтелями ни чѣмъ не вызваннаго насилія и съ ихъ помощію освободить дѣвицу, которую похититель уже успѣлъ скрыть въ занятомъ имъ домѣ [2]). Послѣ этого приключенія Никита благополучно выбрался за черту города.

Но какая область была безопасна отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, куда было скрыться? Плѣнъ и опустошеніе постигло не только столицу, но и многіе другіе города византійской имперіи Братъ Никиты, архіепископъ аѳинскій Михаилъ, не могъ подать ему

---

[1]) Nicet, p. 780. τινὸς τῶν ἐπὶ τῷ δικάζειν θυγάτριον.

[2]) Monodia, p. 373. П. Морелломъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ первымъ книгамъ сочиненія Никиты Thesaurus orth. Fidei, Lutetiae 1561 высказано было предположеніе, что эта дѣвица была изъ рода Велиссаріотовъ и что на ней потомъ женился Никита; но уже Ганкій, De Byzant. rerum Scriptoribus, Lipsiae 1677 г., p. 531, доказалъ неосновательность этого предположенія.

ни помощи, ни утѣшенія; въ то время онъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи, съ опасностію собственной жизни охраняя Аѳины. Западныя и восточныя провинціи имперіи подверглись дѣлежу и предоставлены были во владѣніе вліятельнѣйшимъ изъ крестоносцевъ; прежніе намѣстники и императорскіе правители областей въ свою очередь стремились къ тираніи и объявляли себя независимыми. Такъ, владѣтель Навпліи Левъ Сгуръ, подчинивъ себѣ многіе города на греческомъ полуостровѣ, подступилъ къ Аѳинамъ. Архіепископъ Михаилъ защитилъ свой городъ и принудилъ Сгура снять съ него осаду; но скоро появился подъ стѣнами Аѳинъ еще опаснѣйшій непріятель, Бонифацій, маркизъ монтферратскій, которому Михаилъ и долженъ былъ сдать свой городъ [1]). Аѳины подпали власти иноземныхъ завоевателей, которыми лишены были мѣстъ чиновники императорскаго правительства: Михаила Акомината постигла одинаковая съ другими участь [2]). Мѣстомъ убѣжища или правильнѣе ссылки его сдѣлался островъ Кеосъ [3]). Его жизнь съ того времени была такъ бѣдна и жалка, что онъ никакъ уже не могъ оказать пріюта своему брату.

Вотъ почему, оставивъ столицу, Никита направляется къ приморскому городу Селимвріи, куда стремились и другіе соотечественники его, не терявшіе надежды на благопріятный исходъ событій. Трудно съ достовѣрностію опредѣлить, долго-ли Никита оставался въ Селимвріи и какіе онъ имѣлъ тогда виды относительно устройства своей судьбы. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ новыхъ ужасовъ и опустошенія, которое производили въ европейскихъ провинціяхъ крестоносцы; можно думать, что здѣсь же онъ узналъ о пораженіи короля Балдуина болгарами 14 апрѣля 1205 года, т. е. черезъ годъ послѣ паденія Цареграда; около двухъ лѣтъ Никита не зналъ, куда ему приклонить голову [4]). Болгары, нанеся латинянамъ пораженіе при Адріанополѣ, дали средства оправиться и усилиться тѣмъ изъ визан-

---

[1]) Nicet, p. 800.

[2]) Ellissen, Michael Akominatos s. 30 squ, 36. Вмѣсто него архіепископомъ аѳинскимъ назначенъ былъ нѣкто Berardus; см. Baluz. Innoc. epistolae, t. XI, ep. 256, p. 266.

[3]) Какъ видно изъ надписанія послѣдняго письма его: τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολαί, ἃς ἔγραψεν ἀπὸ τῆς Κέω, Michael Akominat. s. 39, anmerk. 36. Нынѣ это островъ Зея, какъ сообщилъ намъ Г. С. Дестуннисъ.

[4]) Nicet, p. 815, ἀλλὰ καὶ ἡμεῖς ἔτι παροικοῦντες τῇ Σηλυβρίᾳ τὰ τῶν κακῶν ἔσχατα εἰκάζομεν πείσεσθαι.

тійскихъ вельможъ, которые стремились основать въ нѣкоторыхъ городахъ независимыя отъ латинянъ деспотства. Такъ, на противоположномъ берегу Дарданелловъ, въ Виѳиніи, объявилъ себя сначала деспотомъ, а потомъ императоромъ, византійскій вельможа Ѳедоръ Ласкарисъ [1]).

Императоръ Ѳедоръ Ласкарисъ всѣмъ истиннымъ патріотамъ казался прямымъ преемникомъ византійскихъ императоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ избраніе большинствомъ голосовъ еще въ 1204 г. [2]), передъ вступленіемъ латинянъ въ Цареградъ; въ 1206 г. принялъ императорскую корону изъ рукъ законно-избраннаго патріарха. Глаза многихъ обратились къ Никеѣ, столицѣ новаго императора. Ласкарисъ далъ у себя пріютъ оставшимся въ живыхъ сановникамъ времени Комниновъ и Ангеловъ. Никита не говоритъ въ своей исторіи, когда онъ переправился въ Виѳинію, но даетъ знать въ одномъ мѣстѣ, что остатокъ жизни провелъ на востокѣ, въ Никеѣ. Въ концѣ труда онъ такъ высказываетъ жалобу на соотечественниковъ: „можно подивиться, какъ эти люди съ теченіемъ времени не съѣдятъ другъ друга: они всегда уступчивы и мягки по отношенію къ врагамъ, но наглы и дерзки со своими соплеменниками. Предавъ насъ и столицу врагамъ, они не устыдились чрезмѣрной лжи и не побоялись кары всевидящаго ока, когда стали сваливать вину за плѣненіе Цареграда на насъ, сенаторовъ. Вмѣсто того, чтобы выразить сочувствіе къ людямъ, которые, подобно намъ, лишились убѣжища, домашняго очага и средствъ къ жизни, между тѣмъ какъ прежде были богаты, знамениты и всемогущи, они преслѣдуютъ насъ насмѣшками и презрѣніемъ. Если бы я могъ предполагать это, то, избѣгая общенія съ такими людьми, не переселился бы на востокъ, но, подобно древнему Веллерофонту, сталъ бы искать безплодной равнины, или, какъ Іеремія — отдаленнѣйшаго уголка земли. Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился... въ виѳинской столицѣ Никеѣ, близъ Асканіева озера, соприкасаясь съ ними по мѣсту жительства и посѣщая одни и тѣ-же храмы, во всемъ другомъ я держу себя совершенно уединенно отъ нихъ“ [3]).

Въ Никеѣ снова наступила для Никиты счастливая пора. Ласка-

[1]) G. Acropolitas, p. 12—13 (ed. Bonn.); Sathas, Bibl. Graeca 1. Venet. 1872; см. слова Никиты, относящіяся къ этому времени.

[2]) Nicet, p. 756.

[3]) Nicet, p. 850—852.

рисъ обласкалъ его и возвратилъ утраченныя имъ при Алексѣѣ Дукѣ почести и отличія; съ своей стороны Никита сдѣлался самымъ живымъ и краснорѣчивымъ истолкователемъ надеждъ византійскихъ патріотовъ на императора Ѳ. Ласкариса. Въ Никеѣ опять собрался тѣсный кружокъ друзей и родныхъ Никиты, между которыми видимъ и братьевъ Велиссаріотовъ. Своими средствами и вліяніемъ при дворѣ они помогали несчастнымъ соотечественникамъ, переселявшимся въ никейскую имперію. Объ этомъ времени вспоминаетъ Михаилъ въ надгробной рѣчи: „находясь вдали отъ него, когда я получалъ извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, я оживалъ духомъ и освѣжался. Всякій разъ, какъ я особенно мучился и бѣдствовалъ, извѣстіе отъ брата доставляло удивительное утѣшеніе душѣ моей. А когда приходилось получать письмо, подписанное братомъ, тогда я припоминалъ и его милое лицо, и пріятную рѣчь, и мнѣ казалось, что я обнимаю брата и цѣлую его: тогда облако, омрачавшее мою душу, разсѣивалось точно при появленіи ясной погоды и начиналъ сіять пріятный свѣтъ радости“ [1]).

Михаила чрезвычайно поразило извѣстіе о смерти брата и его друзей Велиссаріотовъ. Жизнь Никиты нужна была для многихъ: его высокая честность и неподкупность, извѣстная на обоихъ материкахъ—европейскомъ и азіятскомъ—доставила ему добрую славу и почетъ; обширный кругъ родственниковъ, возлагавшихъ на него много надеждъ и поддерживаемыхъ его знатностію и высокимъ положеніемъ, лишился въ немъ послѣдней опоры [2]). Послѣ Никиты осталась вдова и нѣсколько дѣтей; есть упоминаніе о сестрѣ и старшемъ сынѣ, блуждавшемъ въ неизвѣстныхъ странахъ. Дѣлая обращеніе къ самому себѣ, Михаилъ находитъ, что его жизнь теперь стала въ тягость и ему и другимъ. „Много побужденій у меня плакать: и общественныя и мои собственныя бѣдствія. Знаменитый храмъ, алтарь котораго вѣренъ былъ моему попеченію, на моихъ глазахъ разграбленъ и опустошенъ святотатцами. И самъ я, проведши при немъ 30 лѣтъ, какъ изсохшій пень, будучи выхваченъ изъ святилища и перенесенъ силою вѣтра черезъ моря и горы, едва могу влачить жалкую жизнь. Но потеря брата, присоединившаяся къ моимъ несчастіямъ, какъ де-

---

[1]) Monodia, p. 375—376.

[2]) Ibidem, p. 370, dici non potest quantos in luctus inciderit Asia, quamque querulis lamentis queritanti moestior Europa responderit simul atque de communi omnium damno certior facta est.

святая казнь египетская, собрала всѣ слезы, усилила рыданія и горести“ [1]).

Годъ смерти Никиты можно указать только приблизительно. Архіепископъ аѳинскій Михаилъ, не многимъ пережившій его, и оставившій, въ формѣ надгробной рѣчи, подробныя извѣстія о жизни Никиты, умеръ въ 1216 г.[2]). Въ недавно изданныхъ Саѳою словахъ нашего историка есть одно, указывающее на событія 1210 г., именно на войну Ласкариса съ иконійскимъ султаномъ, пораженіе и смерть послѣдняго [3]). Смерть Никиты такимъ образомъ должна падать на періодъ между 1210 и 1215 г.; нѣкоторыя соображенія заставляютъ отодвинуть ее по возможности ближе къ послѣднему сроку. Никита оставилъ два большіе труда богословскаго и историческаго содержанія, которые если не составлены, то обработаны имъ главнымъ образомъ въ послѣдній періодъ жизни, т. е. въ Никеѣ. Эти труды должны были потребовать какъ значительнаго времени, такъ и извѣстной доли спокойствія и досуга, которыми нашъ писатель могъ наслаждаться не ранѣе какъ съ 1206 года.

III.

Характеристика писателя.

Въ настоящее время еще не возможна всесторонняя оцѣнка общественной и литературной дѣятельности Никиты: не всѣ его сочиненія изданы въ свѣтъ, нѣтъ предварительныхъ критическихъ работъ, которыя бы подготовили возможность появленія цѣльнаго очерка. Особенно приходится сожалѣть намъ о томъ, что замедлилось начатое въ Венеціи изданіе историческихъ словъ и писемъ Никиты. Ученый грекъ Саѳа, напечатавшій въ 1 т. своей библіотеки семь словъ нашего писателя, еще не успѣлъ выполнить своего обѣщанія—обна-

---

[1]) Monodia, p. 371.

[2]) Онъ былъ въ живыхъ въ 1215 г., что доказываетъ письмо его къ патріарху Михаилу Харитопулу.—Le-Quien, Oriens christ. T. I. p. 278; Bandini № 171.

[3]) Sathas, Bibl. Graeca medii aevi. vol. 1. Venetiis 1872, см. тутъ послѣднее слово Никиты на возвращеніе императора изъ восточнаго похода.

родовать, *немного спустя*, и другія рѣчи и письма Никиты [1]). Существенная важность мелкихъ сочиненій Никиты обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что они вызваны были событіями дня, назначались для живыхъ лицъ, между тѣмъ какъ исторія, обнимая собою минувшія дѣла, составлялась писателемъ при другихъ обстоятельствахъ, когда уже переставали дѣйствовать тѣ лица, о которыхъ онъ долженъ былъ говорить. Но измѣнившіяся обстоятельства повліяли и на отношеніе писателя къ описываемымъ лицамъ и событіямъ: въ мелкихъ сочиненіяхъ императоры Ангелы совсѣмъ не тѣ, какими они выводятся въ исторіи, и самыя событія историческія иными красками рисуются въ исторіи, чѣмъ въ мелкихъ сочиненіяхъ [2]). Такимъ образомъ изданіе обѣщанныхъ Саѳою писемъ Никиты желательно и для оцѣнки характера писателя, и для объясненія если не противорѣчій, то различій въ его взглядахъ на лица и событія. Знакомясь съ исторіей Никиты, мы пришли къ убѣжденію, что разныя части его труда имѣютъ неодинаковое значеніе для историка: однѣ представляютъ сокращеніе или распространеніе другихъ, впрочемъ, не названныхъ имъ источниковъ, или могутъ быть дополнены писателями той же эпохи, касающимися тѣхъ же событій, которыя описываетъ Никита; другія же, исключительно принадлежащія нашему писателю, не могутъ быть дополнены изъ извѣстныхъ намъ источниковъ и составляютъ характеристическую сторону всего труда его. Разумѣется, эти послѣднія части труда Никиты по преимуществу остановили на себѣ наше вниманіе: въ нихъ мы видимъ все его достоинство, потому что ими выдѣляется онъ изъ среды какъ византійскихъ, такъ и западныхъ писателей. Но такъ какъ эта часть исторіи по преимуществу касается субъективной стороны нашего писателя (его міровоззрѣнія, политическихъ и нравственныхъ убѣжденій, патріотизма, отношеній къ современной ему правительственной системѣ и т. п.), то естественно, мы предпочли остановиться на ней, думая этимъ путемъ начать изученіе важнѣйшаго, почти единственнаго, источника византійской исторіи второй половины XII и начала XIII вѣковъ. Съ одной

---

[1]) Sathas, Bibl. Graeca medii aevi, vol. I, Venet. 1872; σελ. ιή. Περὶ.... Νικήτα τοῦ Χωνιάτου ἐπιφυλαττόμενος νὰ λαλήσω κατ' ἔκτασιν ἐν προλεγομένοις τῶν μετ' οὐ πολὺ δημοσιευθησομένων καὶ ἄλλων ἀνεκδότων ἱστορικῶν λόγων καὶ ἐπιστολῶν αὐτοῦ...; см. также Fabricii Bibl. Graeca VII, p. 738 о большомъ количествѣ писемъ и рѣчей Никиты.

[2]) О письмахъ Никиты предложена будетъ въ своемъ мѣстѣ особая глава.

стороны такія соображенія, вытекающія изъ свойствъ самого изучаемаго писателя, съ другой—недостаточная разработка византійской исторіи, заставляя насъ ограничивать свои задачи до возможно тѣсныхъ предѣловъ, побудили отказаться отъ критическаго разбора не только всѣхъ извѣстій Никиты, но даже какой-либо группы ихъ,— трудъ, который былъ бы подъ силу человѣку, болѣе насъ свѣдущему въ исторіи востока и болѣе опытному въ научныхъ занятіяхъ.

Взглядъ на Никиту первыхъ издателей.

Историческій трудъ Никиты давно уже извѣстенъ: первое изданіе его сочиненія относится къ 1557 году. Если уроки прошлаго должны имѣть значеніе въ жизни, то въ наукѣ они получаютъ громадное приложеніе. Любопытно посмотрѣть, какъ взглянули на нашего писателя первые его читатели и издатели XVI вѣка. Собственно фактическая сторона исторіи мало обратила на себя вниманія: не было даже и попытокъ снести его извѣстія съ тѣмъ, что сообщаютъ другіе писатели той же эпохи. Но изъ знакомства съ произведеніемъ Никиты нѣкоторыя лица вынесли глубокое убѣжденіе въ томъ, что нашъ писатель производитъ нравственное, облагораживающее вліяніе, что по этому весьма полезно распространять въ обществѣ проводимыя имъ мысли, по возможности упростить и облегчить чтеніе его. Предпринимая новое изданіе Никиты, они смотрѣли на свое дѣло, какъ на подвигъ высокаго патріотизма, видѣли въ нашемъ писателѣ не только историка, но болѣе общественнаго дѣятеля, публициста. Такого мнѣнія о Никитѣ былъ Вольфъ, первый издатель, переводчикъ и, по справедливости, лучшій знатокъ его въ то время; такого же мнѣнія Петръ Мореллъ, первый издатель 5 книгъ его богословскаго сочиненія Thesaurus orth. Fidei [1]). Предисловіе Вольфа къ 1 изданію Никиты отличается такими высокими достоинствами, что послѣдующіе издатели не могли не удѣлить ему мѣста въ новыхъ изданіяхъ [2]). «За Зонарой слѣдуетъ Хоніатъ, говоритъ Вольфъ въ этомъ предисловіи, человѣкъ, не только украшенный высокими достоинствами своего времени, но и отличный по таланту и многостороннему обра-

[1]) Ad clariss. Virum D. J. a S. Andrea P. Morelli epistola, предшествующее изданію 5 книгъ Thesauri. Lutetiis 1589 (очень рѣдкое); см. также франкфуртское изданіе Никиты p. 73.

[2]) In Nicetae Acominati Choniatae historiam H. Wolfii praefatio.

зованію; по моему убѣжденію, это писатель весьма справедливый, превосходный по изложенію и весьма полезный для читателей. Въ своемъ изложеніи онъ проводитъ строгую связь между событіями, наглядно развиваетъ дѣйствіе и создаетъ образованный кругъ читателей, возвышая ихъ міровоззрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, есть много людей, и не занимающихся науками, которые по остроумію, краснорѣчію и опытности, превосходятъ и самыхъ ученыхъ мужей, вялыхъ и не рѣшительныхъ по природѣ и имѣвшихъ мало случаевъ обращаться въ обществѣ, хотя бы они провели всю жизнь въ занятіяхъ свободными науками. Чего бы не достигли они, если бы къ ихъ счастливымъ природнымъ дарованіямъ присоединилось тщательное и методическое образованіе?» И далѣе, переходя къ нравственному элементу исторіи Никиты: «Подробный разсказъ его доставляетъ высокое наслажденіе, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о крупныхъ событіяхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ счастія. Эти событія громадной важности, совершившіяся въ незначительный періодъ времени, эти событія, достойныя удивленія или лучше сожалѣнія, при возрастающемъ со дня на день могуществѣ турокъ или персовъ, въ расплохъ захватили грековъ. Никита съ такою горькою скорбію описываетъ нападенія варваровъ, праздность и развращенность (распущенность) христіанскихъ князей, что его сочиненіе было бы чрезвычайно полезно читать въ наше время всякому общественному дѣятелю: можетъ быть, оно въ состояніи будетъ возбудить умы нашихъ соотечественниковъ къ защитѣ своей страны, т. е. паннонскихъ провинцій, такъ какъ здѣсь выставляются блистательные примѣры императоровъ Конрада и Фридриха и высокими похвалами превозносится храбрость и самоотверженіе нѣмцевъ при завоеваніи Сиріи и Св. земли. Кромѣ междоусобій, явившихся вслѣдствіе честолюбія, грековъ погубила страсть къ наслажденіямъ и бездѣятельное правительство; намъ (нѣмцамъ) тѣмъ же угрожаетъ безразсудная страсть къ войнамъ, безпокойная поліархія... Никогда Германія не была богаче населеніемъ, военными силами, средствами къ жизни и просвѣщеніемъ: но всѣ эти богатства она употребляетъ не на погибель врага, а пользуется ими съ отвратительною жестокостію, чтобы не сказать безуміемъ, во вредъ себѣ самой. Подобныя мысли пришли мнѣ въ голову, когда я занимался этимъ историкомъ; я не сомнѣваюсь, что они поразятъ и другихъ читателей, не очерствѣвшихъ сердцемъ»....

Въ 1593 году вышло женевское изданіе Никиты. Въ предисловіи къ

къ этому изданію [1]), еще полнѣе выставляется нравственно-воспитательный элементъ исторіи Никиты [2]). Сказавъ нѣсколько словъ объ Вольфовомъ изданіи, авторъ продолжаетъ: Время, описанное Никитою, имѣетъ почти одинаковыя условія съ нашимъ временемъ. Горестная трегедія, разыгрывавшаяся въ теченіе 80 лѣтъ на обширномъ греческомъ театрѣ, трагедія, въ которой выводятся на сцену Комнины, Андроники и различныя язвы придворныя, съ перемѣною именъ, можетъ быть легко приложена къ нашему времени. Я вдумывался въ эту трагедію со всѣмъ напряженіемъ и стремился довести читателей до сознанія того важнѣйшаго положенія, что нужно научиться уважать справедливость и не забывать божество. Въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія проводятся свободныя воззрѣнія честныхъ государственныхъ мужей, которые чужды ласкательства, притворства, но высказываютъ чудную, безпримѣсную правду. Не мало встрѣтишь здѣсь такого, что тебя и другихъ, облеченныхъ высокою властію, можетъ навести на правильныя и полезныя для государственнаго блага соображенія. И если нѣтъ для человѣка доблести, выше доблести политической (за исключеніемъ искренней вѣры), будь увѣренъ, что обильнѣйшій плодъ этой доблести ты получишь изъ чтенія Никиты. Къ примѣчаніямъ я присоединилъ оглавленіе книгъ и нѣкоторыя другія приспособленія, которыя могли бы сдѣлать болѣе свободнымъ и пріятнымъ чтеніе этой полезнѣйшей исторіи. Что касается до меня самого, то я испытывалъ высочайшее наслажденіе, изучая этого учителя жизни, который примирилъ меня съ самимъ собою (сдѣлалъ меня лучшимъ для меня). Я бы желалъ, чтобы и другіе могли почерпнуть изъ этого источника и сдѣлались лучшими.

Въ соотвѣтствіе съ указаннымъ взглядомъ на писателя, женевскій издатель, дѣйствительно, употребилъ много усилій, чтобы нравственно-воспитательная, по его разумѣнію, часть сочиненія бросалась въ глаза и дѣйствовала на читателей. Главнѣйшимъ средствомъ для этого былъ выборъ всѣхъ нравственныхъ, гражданскихъ, наставительныхъ и обличительныхъ сужденій Никиты, сведеніе таковыхъ въ одно мѣсто и расположеніе ихъ въ азбучномъ порядкѣ, подъ оглавленіемъ

---

[1]) Оно принадлежитъ Sim. Goul. Silvanect., по предположенію Hankii.

[2]) Niceiae Acominati Choniatae historia iterata ed. Graecolatina M.D.XCIII, посвященіе Adriano Junio Tyongio, къ сожалѣнію опущенное въ боннскомъ изданіи.

Gnomologia [1]). Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи подборъ общихъ теоретическихъ правилъ и положеній, подкрѣпленныхъ мнѣніями Никиты [2]). Назидательная цѣль такихъ положеній весьма ясна, напр.: наушники слѣдуютъ за властителями, какъ тѣнь за тѣломъ; придворные доносчики губятъ самыхъ близкихъ къ нимъ людей. Таковы еще: юный вождь, возгордившись недавнею побѣдой, погибаетъ жертвою своей самонадѣянности; измѣнники—самые несчастные люди, за худыя дѣла они иногда выносятъ ужасныя мученія; заговорщики противъ своего отечества, нашедши пріютъ у иноземныхъ властителей, бываютъ принуждаемы исполнять непріятныя порученія и страдать, и др. [3]). Такъ какъ нашъ писатель обращалъ на себя вниманіе главнѣйше своей нравственной и назидательной стороной, то въ сохраненіи, разработкѣ и изданіяхъ его исторіи принимали участіе духовныя лица [4]).

Такимъ образомъ въ теченіе XVI и XVII вв. указаны были въ нашемъ писателѣ нѣкоторыя стороны, достойныя изученія. Дѣло изслѣдователя нашего вѣка, воспользовавшись трудомъ предшествующаго времени, указать пріемы, посредствомъ которыхъ можно идти въ дальнѣйшемъ изученіи предмета. Если мы будемъ держаться направленія, указаннаго издателями Никиты, то не выйдемъ изъ односторонняго представленія объ немъ, какъ о писателѣ нравственно-образовательномъ: помимо этой стороны, могутъ быть другія, не ме-

---

[1]) Таковы: Adulatores, Alacritas, Amor cognatorum, Amor nostri, Calumnia, Consvetudo, Cupiditates etc....

[2]) Axiomatum et insignium quarundam sententiarum, quae in Notis ad N. historiam occurrunt Index. Ни указанныя выше Notae, ни этотъ Index не вошли въ боннское изданіе, хотя очевидна важность ихъ для историческаго изученія писателя, и хотя изъ женевскаго они внесены въ парижское изданіе 1647 года.

[3]) Delationes ut umbrae corpora principes viros sequuntur; delatores aulici sibi conjunctissimos evertunt; dux iuvenis levi quodam recentis victoriae vento in aera sublatus, audacia sua perit: et de hostibus ex suo ingenio temere judicat; omnium miserrimi perduelles, qui male agendo horrenda fortiter perferunt; conjurati in patriam suam ad extremos principes dum confugiunt, indecora quaeque facere et pati coguntur. Таковы же мысли, помѣщенныя подъ: Judicia Dei, Prudens dux, Anarchia, Bella quomodo gerenda, Cives sapientes.

[4]) Νικήτου Χωνιάτου ἱστόρια. Parisiis M.DC.XLVII. Eminentissimo Principi Cardinali Julio Mazarino, epistola Fabroti: Editio Nicetae nova patronum sibi ex more quaerebat adversus malignos invidosque. См. также предисловія или посвященія при другихъ изданіяхъ.

нѣе важныя въ научномъ отношеніи, которыя въ немъ или не указаны, или не замѣчены. Никита прежде всего есть писатель извѣстнаго времени и народа. Наше вниманіе останавливается на немъ постольку, поскольку его сочиненіе служитъ къ разъясненію византійской исторіи. Само собою разумѣется, что съ вопросомъ о достоинствѣ произведенія связывается вопросъ объ умственномъ, нравственномъ и общественномъ значеніи писателя. Разъясненіе этихъ сторонъ, насколько онѣ проявляются въ произведеніи, или характеристика писателя, приготовитъ насъ къ разбору и оцѣнкѣ его произведенія. Но это не конечная цѣль изученія писателя; за нею слѣдуетъ еще рядъ критическихъ работъ, оцѣнка въ частности нѣкоторыхъ его сужденій о томъ или другомъ предметѣ: хотѣлъ-ли, могъ-ли, умѣлъ-ли писатель сказать правду, не былъ-ли самъ введенъ въ обманъ другими?

Лучше можно понять характеръ извѣстнаго народа, когда имѣешь передъ глазами нравы и образъ дѣйствій одного изъ его представителей [1]). Выходя изъ этого основанія, мы предполагаемъ здѣсь опредѣлить личныя черты Никиты, или представить его характеристику. При выполненіи этой задачи мы руководились слѣдующимъ соображеніемъ: словесное произведеніе, какой бы сферы жизни ни касалось оно, нося слѣды извѣстнаго времени и народности, несомнѣнно отпечатлѣваетъ на себѣ субъективныя черты. Писателю невозможно отрѣшиться отъ себя и сдѣлаться простымъ органомъ передачи чужихъ мыслей и голыхъ фактовъ. Его собственныя мысли, чувства и воззрѣнія, равнодушіе и пристрастіе, любовь и ненависть, не высказываемыя даже открыто, даютъ ту или иную окраску сообщаемымъ фактамъ; если же писатель обладаетъ живымъ характеромъ, подвижностію и любовью къ предмету, то онъ не убережется, чтобы не вложить часть своей души въ произведеніе. Выбрать тайныя и явныя черты изъ произведенія Никиты, въ которыхъ бы отпечатлѣвались его воззрѣнія, разсмотрѣть ихъ и дать имъ надлежащую оцѣнку — будетъ нашей задачей. Мы не совсѣмъ увѣрены, что начертанный нами образъ Никиты будетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности: бо̀льшая или меньшая правильность его будетъ зависѣть отъ того, искренъ или нѣтъ Никита въ своемъ произведеніи,

---

[1]) Melius enim de populi alicuius indole ingenio judicabimus, ubi unius mores, agendi rationem ante oculos habemus. Migne, Patrologiae Cursus completus. t. 140, p. 301.

вѣренъ или нѣтъ въ жизни своимъ идеаламъ, признаваемымъ теоретически.

Историческое произведеніе Никиты задумано съ опредѣленною цѣлію, при твердомъ убѣжденіи въ полезности исторіи. Назначеніе ея не исчерпывается нравственнымъ вліяніемъ, но простирается дальше: исторія, по мысли Никиты,—неумытный судья, который безъ лицезрѣнія судитъ о дѣлахъ человѣка и даже по смерти или казнитъ его униженіемъ, или удостоиваетъ признательной памяти потомства; имѣя главною цѣлію истину, она противоположна, по своимъ свойствамъ, тому, что составляетъ существенный признакъ риторическихъ и поэтическихъ сочиненій. Никита назначалъ свой трудъ для читающей публики и подчинялся извѣстнымъ требованіямъ и ограниченіямъ, чтобы сдѣлать сочиненіе полезнымъ, легкимъ и пріятнымъ чтеніемъ [1]): одно сокращалъ, о другомъ умалчивалъ, нѣкоторыя обстоятельства развивалъ во всѣхъ подробностяхъ. Задавшись цѣлію—написать исторію XII вѣка, отъ смерти Алексѣя I Комнина, онъ понималъ всю отвѣтственность, лежавшую на немъ, какъ на историкѣ, который принялъ на себя обязанность восполнить значительный пробѣлъ въ византійской историографіи [2]), и воспользовался для этого всѣмъ, что могли доставить ему любознательность и высокое положеніе. Если, съ одной стороны, сознаніе высокой цѣли исторіи должно было придать сочиненію Никиты необходимыя качества такого труда—истинность и искренность, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его самого и его современниковъ одинаковаго съ нимъ направленія; то обстоятельства, съ другой стороны, сдѣлали все, чтобы дать Никитѣ возможность говорить смѣло и безопасно. Несомнѣнно, что мы имѣли бы иную картину эпохи Комниновъ и Ангеловъ, если бы произведеніе Никиты появилось въ Царьградѣ, а не въ Никеѣ, т. е. до 1204 г. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ могъ независимѣе отнестись къ событіямъ: имперіи Ангеловъ уже не существовало, Царьградъ былъ подъ властію крестоносцевъ, смѣлая критика правительственной системы могла встрѣтить между читателями полное сочувствіе

---

[1]) Praefatio, p. 4—5, ed. Bonn.; pp. 145.14, 151, 164, 710.

[2]) Praefatio, p. 7, 1—9, ὁ δὲ λόγος εὐγνωμόνων συγγνώμην αἰτεῖται παρ' οἷς εἰς χεῖρας πεσεῖται, εἰ μὴ φιλοτίμως, δι' ἃ εἴρηται, καὶ ἁβρῶς ἐκπεπόνηται, ἐπεὶ καὶ ἄλλως νῦν πρώτως ἡμεῖς τῆς ὑποθέσεως ἐπιβαίνομεν τῇδε, οἷά τινα ἐρήμην καὶ ἀστιβῆ διιέναι ἐγχειροῦντες ὁδόν, ὅ καὶ δύσεργόν ἐστι καὶ πολλῷ ὑπερκείμενον τοῦ ἴχνεσιν ἑτέρων προωδευκότων ἐφομαρτεῖν....

Вліяніе идеаловъ древности на отношеніе Никиты къ современной ему жизни.

Мы уже видѣли, какое воспитаніе получали высшіе классы византійскаго общества IX—XII вв. и на какихъ по преимуществу предметахъ останавливалось вниманіе общественной школы. Изученіе древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, чтеніе извѣстнѣйшихъ историческихъ писателей, каковы: Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, знакомя образованныхъ людей съ жизнію, нравами и воззрѣніями древнихъ, поселяло въ нихъ благоговѣйное уваженіе къ этому міру. Не требуется большой проницательности, чтобы замѣтить, что просвѣщеннѣйшіе византійскіе писатели слѣдуютъ въ способѣ изложенія какому-нибудь излюбленному образцу; при внимательномъ же разсмотрѣніи можетъ оказаться, что они позаимствовались не только слогомъ и способомъ изложенія, но и прониклись идеалами и міровоззрѣніемъ древнихъ писателей. Это любопытное въ исторіи культуры явленіе—живучесть греческаго міровоззрѣнія, обнаруживающаяся въ произведеніяхъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей—можетъ объяснить и нѣкоторыя страницы произведенія Никиты.

Не достойно-ли удивленія то обстоятельство, что Никита, авторъ богословско-историческаго сочиненія, всѣмъ сердцемъ вѣрующій христіанинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исторіи высказываетъ мысли, достойныя языческаго писателя? Нельзя заподозрить Никиту въ безвѣріи, безбожіи или ереси; языческія понятія о божествѣ проникаютъ въ его сочиненіе, вѣроятно, помимо его сознанія, въ силу увлеченія древними воззрѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ его богословскія понятія вполнѣ подчиняются господствующимъ и принятымъ церковію; при бѣгломъ чтеніи можно не замѣтить странныхъ уклоненій отъ церковной доктрины. Но если прослѣдимъ сужденія его объ одномъ и томъ же богословскомъ принципѣ по всему историческому труду, то не рѣдко можемъ встрѣтиться съ явными и рѣзкими уклоненіями отъ церковнаго ученія. Таково, напр., сужденіе о промыслѣ. Никита глубоко убѣжденъ, что промыслъ управляетъ всѣмъ міромъ и человѣкомъ, направляя его дѣятельность къ непостижимымъ цѣлямъ. Божество наказываетъ порочныхъ людей еще въ настоящей жизни, насылая внѣшнихъ враговъ и поставляя жестокихъ правителей; но орудія гнѣва Божія, въ свою очередь, подвергаются новымъ бичамъ, если они превзойдутъ мѣру въ притѣсненіяхъ, если

слишкомъ жестоко и продолжительно будутъ пользоваться попущеніемъ его. Дѣла людей тогда только вѣнчаются успѣхомъ, когда на то будетъ соизволеніе Божіе. Богъ иногда помрачаетъ умъ человѣка, чтобы наказать его и не дать средствъ выйдти ему изъ затруднительнаго положенія. Предопредѣливъ человѣка къ блаженству или наказанію, промыслъ однако не стѣсняетъ его свободы и предоставляетъ на его выборъ два пути: порока и добродѣтели [1]). Изъ этого убѣжденія въ справедливости промысла Никита вынесъ успокоительную увѣренность, что Богъ, наказавъ его соотечественниковъ, и помилуетъ ихъ. Заканчивая трудъ картиной грабежа, насилія и порабощенія византійцевъ крестоносцами, нашъ писатель облегчаетъ свою гражданскую скорбь отрадною надеждой, что не въ конецъ осуждены римляне на рабство и зависимость, что крестоносцы не могутъ же безчинствовать безнаказанно [2]).

На ряду съ подобными понятіями о промыслѣ, принятыми въ христіанской догматикѣ, у Никиты можно встрѣтить объ этомъ же предметѣ мысли и выраженія не только не согласныя съ общепринятыми въ церкви, но и совсѣмъ не христіанскія. Языческое представленіе о судьбѣ, играющей человѣческими дѣлами, о перемѣнахъ счастія и несчастія, стоящихъ въ зависимости отъ прихоти боговъ, о зависти божества продолжительному благополучію человѣка (Поликратовъ перстень) могутъ иногда объяснять и сужденія Никиты о промыслѣ. Сюда относятся всѣ тѣ мѣста, гдѣ божество получаетъ необычныя названія и опредѣленія: θεία νέμεσις [3]), ὁ δαίμων [4]), ἡ τύχη [5]), κακοποιὸς δύναμις [6]) и др. При такомъ взглядѣ на промышляющую о человѣчествѣ дѣятельность божества становятся ничтожны всѣ усилія человѣка, тщетны его предпріятія: злая сила неудержимо влечетъ его по своей прихоти [7]).

---

[1]) О судьбахъ промысла въ общественной и частной жизни человѣка: pp. 168. 9—10, 184. 22—23, 200. 11—12, 587. 10—15, 595. 7—8, 636. 1—2, 637. 18, 768. 11, 769. 5—14, 839. 4, 815. 24, 611. 21—22, 775. 3—5 и др.

[2]) Nicet. p. 768—769, 782. 14—15.

[3]) p. 595. 7.

[4]) p. 840. 9.

[5]) p. 78. 6, ἡ δὲ τύχη μηδὲ καθαρῶς τὴν τούτου μετάβασιν ἀναμείνασα πρὸς τὸν Στυππειώτην μετεσκευάσατο, καὶ προσπλακεῖσα, πῶς ἂν εἴποι τις, ἀσμένως καὶ χαριέστατα ταῖς καθ' ὥραν πάσαις ἐκλέϊζεν ἀναβάσεσι..., см. также p. 834. 22.

[6]) p. 677. 10, 568. 7.

[7]) p. 807. 7, ἀλλοπρόσαλλος ἡ μάχη, πεττευτὰ τὰ ἀνθρώπινα, καὶ ἡ νίκη ἐπαμείβεται ἄνδρας; οὐδ' Ἀλεξάνδρῳ φασὶ τὰ ἐπὶ πᾶσιν ἀπρόσκοπα, οὐδ' ἀδιάπτωτος ἡ τύχη

Въ особенности любопытно у Никиты олицетвореніе карающей силы божества: это не что иное, какъ ἡ δίκη—въ смыслѣ возданнія, мщенія. Δίκη никогда не засыпаетъ, наслаждается продолжительными несчастіями людей, быстро и неожиданно, безъ шума появляется передъ преступникомъ [1]); многоногая и многорукая, она тихою поступью приближается къ городу, дѣлается неумолимымъ мстителемъ [2]).

Есть у Никиты не мало лирическихъ мѣстъ, которыя подъ перомъ христіанскаго писателя представляются, по меньшей мѣрѣ, странными, таково заклинаніе рѣки Алфея [3]),—образовъ и картинъ, взятыхъ изъ древнихъ писателей и не совсѣмъ подходящихъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, что Никита умершихъ отправляетъ въ адъ черезъ Ахеронъ, не забываетъ о перевозѣ душъ черезъ эту рѣку, о Стиксѣ? [4]) Трудно сказать, изъ одного-ли подражанія языку древнихъ создаетъ Никита картину разлученія души съ тѣломъ [5]), или и самъ при этомъ увлекался, представляя себѣ смерть также, какъ и древніе. Отмѣтимъ еще любопытное мѣсто: икона Богоматери, поставленная на богато-убранную колесницу, напоминаетъ ему Аѳину, когда она садится въ колесницу, рядомъ съ Діомедомъ. Хотя Никита тутъ же отмѣчаетъ различіе между тою и другою, тѣмъ не менѣе мы считаемъ за нужное указать на это мѣсто, потому что оно рисуетъ кругъ воззрѣній писателя [6]).

Указывая на приведенные случаи, въ которыхъ нельзя не видѣть вліянія на Никиту древнихъ писателей и ихъ міровоззрѣнія, мы не думаемъ ограничивать этого вліянія лишь сферою вопросовъ вѣры. Такъ, Никита питаетъ высокую любовь къ памятникамъ древняго искусства: многія страницы его исторіи дышутъ сочувствіемъ къ покро-

---

παράπαν τοῦ καίσαρος; 677. 10—11 καταγοητευούσης, οἶμαι, κἀνταῦθα τῆς κοκοποιοῦ δυνάμεως τῆς ἐπὶ τὸ κάταντες ἀεὶ φερούσης τὰ Ῥωμαίων πράγματα.

[1]) p. 710. 15—18.

[2]) 775. 11—14.

[3]) 807. 10—18. βραχύ τι ἐπίμεινον... ναὶ πρὸς αὐτῆς τῆς Ἀρεθούσης τῶν ἀνεπάφων ἅλμης φιλοτήτων καὶ τοῦ ἐρωτόεντος νάματος.

[4]) p. 383. 19, 747. 1—2, 825. 18, 219. 9, 4. 14.

[5]) p. 4. 14. καὶ τοῦ μὲν ἐς ᾅδου βέβηκεν ἡ ψυχή, πρὸς δὲ τὰ ἐξ ὧν ἡρμόσθη τὸ σῶμα ἐπαλινδρόμησε; 747 διὰ στενῆς καὶ τεθλιμμένης τῆς δὲ πορείας τὴν ψυχὴν ἐκείνῳ ἐκθλίβει καὶ πρὸς τὸ τοῦ ᾅδου ἐκπυρηνίζει πέταυρον.

[6]) 205. 24. οὐ μέγα δ' ἔβραχεν ἄξων, ὅτι μηδὲ θεὰν ἦγε δεινὴν τὴν ψευδοπάρθενον Ἀθηνᾶν, ἀλλὰ τὴν ὡς ἀληθῶς παρθένον καὶ ὑπὲρ λόγον διὰ λόγου τὸν λόγον λοχευσασαν. Ilias V, 838: μέγα δ' ἔβραχε φήγινος ἄξων βριθοσύνῃ· δεινὴν γὰρ ἄγεν θεὸν...

вителямъ древнихъ статуй и презрѣніемъ къ тѣмъ, которые уничтожали ихъ. Онъ не щадитъ, напр., рѣзкихъ выраженій противъ царицы Евфросиніи, жены Алексѣя III, которая приказала отсѣчь носъ у статуи калидонскаго вепря и публично нанесть удары статуѣ Иракла [1]); поражаетъ горькими упреками и презрѣніемъ варварство крестоноснаго ополченія, лишившее столицу украшеній древняго искусства [2]); не пропускаетъ отмѣтить недостойный поступокъ императора Мануила, который, ради успѣха въ войнѣ съ уграми, приказалъ низвергнуть статую Венгерки [3]). Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ останавливается на описаніи древнихъ статуй и зданій, съ знаніемъ дѣла говоритъ о значеніи и происхожденіи ихъ [4]).

И въ сферѣ практической жизни Никита не могъ отрѣшиться отъ идеаловъ, навѣянныхъ на него изученіемъ древнихъ писателей. Подводя явленія современной ему жизни подъ эти идеалы, онъ долженъ былъ замѣтить громадное разстояніе между тѣми и другими. Оставшись вѣрнымъ разъ составленной и глубоко усвоенной теоріи, Никита не совсѣмъ правильно, скажемъ даже не снисходительно, отнесся къ своему обществу, ибо идеалъ его лежалъ далеко за предѣлами того времени, въ которое онъ жилъ.

Общій отзывъ о современномъ обществѣ.

Въ современномъ ему обществѣ, въ правительствѣ и въ поступкахъ частныхъ лицъ Никита не находитъ достойнаго похвалы. Съ его точки зрѣнія родъ людской нравственно измельчалъ, прошла золотая пора героевъ, патріотовъ, свободы и независимости; распущен-

---

[1]) p. 688. 5.

[2]) p. 856 squ...

[3]) p. 196. 11—15. Никита говоритъ здѣсь о двухъ статуяхъ на площади Константиновой: одна называлась Римлянкой, другая Венгеркой. Скарлатъ Византій, при описаніи форума Константина, упоминаетъ и объ этихъ статуяхъ. По его словамъ, это были статуи Лиѳійской Аѳины и Иры или Амфитриты. Вотъ его слова, въ объясненіе перемѣны названій этихъ памятниковъ: Ἀλλ' ἐπὶ τῶν τελευταίων τῆς Αὐτοκρατορίας χρόνων τὰ ἀγάλματα ταῦτα ἐνομίσθησαν τελέσματα, εἰκονίζοντα, τῆς μὲν τοὺς Γραικούς, ὅθεν καὶ τὴν ὠνόμαζον Ῥωμαίαν; τῆς δὲ Ἀθηνᾶς, τοὺς δυτικούς, ἤτοι Εὐρωπαίους, ὅθεν καὶ τὴν ἔλεγον Οὐγγρισσαν, καί τοι τῶν ὀμμάτων αὐτῆς πρὸς νότον, ὡς εἴδομεν, ἐστραμμένων. Σκαρλάτου τοῦ Βυζαντίου, Ἡ Κωνσταντινουπολις... Τομ. 1. Ἀθήνησιν 1851. σελ. 429.

[4]) Подъ его перомъ древнія статуи оживаютъ, дышутъ и готовы говорить съ читателемъ. Таково описаніе Аѳины p. 738—9, Елены p. 863 и др.

ность нравовъ, праздность, эгоизмъ и порочность сдѣлались господствующими между людьми. По этому его отзывы о современникахъ весьма рѣзки: не много людей пользуется его сочувствіемъ, даже лучшіе изъ нихъ не свободны отъ упрековъ.

Никита называетъ своихъ соотечественниковъ римлянами, всѣ другіе народы носятъ названіе варваровъ. Если въ сознаніи его римскій міръ имѣетъ несравненныя преимущества передъ варварскимъ, то не забудемъ, что эти преимущества унаслѣдованы отъ древняго Рима. Римляне же XII вѣка, т. е. современные Никитѣ, утративъ воинскую доблесть, справедливость, патріотизмъ и самопожертвованіе, кромѣ имени, не многими качествами отличаются отъ варваровъ. Правда, блескъ и роскошь двора, богатства государственной казны еще плѣняютъ воображеніе варваровъ и даютъ Никитѣ случай выставить въ яркомъ свѣтѣ щедрость императоровъ и бѣдность варварскихъ властителей [1]), но патріотическое чувство его не могло удовлетворяться роскошью двора и богатствами императора. Никитѣ хотѣлось видѣть между соотечественниками поболѣе тѣхъ качествъ, которыя возвеличили древній Римъ. Онъ понималъ, что народы, угрожавшіе въ его время Византіи своимъ первоначальнымъ развитіемъ и усиленіемъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, обязаны римской имперіи. „Богъ попустилъ на тебя, говоритъ онъ, обращаясь къ своему городу, неразумные народы, или лучше неизвѣстныя и разсѣянныя племена, изъ которыхъ бо̀льшую часть если не родилъ ты, то возрастилъ и вскормилъ питательной пищей“ [2]).

Рѣдко гдѣ встрѣтишь такую безотрадную картину общества, какую рисуетъ Никита. Не признавая за современниками высокихъ нравственныхъ качествъ, одушевлявшихъ на гражданскую доблесть прежнихъ людей, онъ не затрудняется указывать имъ образцы даже у варваровъ. Таково его обращеніе къ своему обществу по поводу

---

[1]) Имѣемъ въ виду пріемъ иконійскаго султана при дворѣ Мануила. Ослѣпленный богатствами царской кладовой, султанъ воскликнулъ: «если-бы я владѣлъ такими богатствами, давно бы подчинилъ себѣ окрестныхъ враговъ».—«Я дарю тебя этими богатствами, отвѣчалъ императоръ, чтобы ты зналъ, какими сокровищами обладаетъ тотъ, кто за одинъ разъ можетъ сдѣлать такой подарокъ!» Nicet, p. 158. 15—20.

[2]) p. 764. 12—14 Παρεζηλωμένη θεόθεν ἐπὶ μὴ ἐγέφροσιν ἔθνεσιν, ἢ οὐδ' ἔθνεσιν ἀληθῶς εἰπεῖν, ἀλλ' ἀνυδροις καὶ σποραδικοῖς γένεσιν, ὧν τὰ πλείω εἰ μὴ ἐγέννησας, ἀλλ' ὕψωσάς τε καὶ στέατος πυροῦ μετέδωκας. Въ объясненіе послѣднихъ словъ ссылаемся на словарь Свиды. Στέαρ πυροῦ, ὁ κάλλιστος σῖτος καὶ ἄρτος,—pinguedo frumenti.

того, что латиняне не спѣшили короновать преемника Балдуину, пока точно не узнали объ его смерти. „Да узнаютъ объ этомъ римляне, которые уже во время избранія императора намѣчаютъ въ своемъ умѣ того, кто въ скорости долженъ низвергнуть его; потому-то по справедливости у всѣхъ народовъ они извѣстны, какъ матереубійцы эхидны, какъ народъ потерявшій смыслъ, сыны беззаконія, возбуждающіе между нами раздоры“ [1]). Пороки, свойственные византійскому обществу, изъ подражанія, распространяются у другихъ варварскихъ народовъ. Такъ, по поводу братоубійства, случившагося при немъ въ Болгаріи, Никита замѣчаетъ: „братоубійство, выходя и распространяясь изъ нашей столицы, дошло до самыхъ отдаленныхъ концевъ земли. Не только властители персовъ, тавро-скиѳовъ, далматинцевъ, паннонцевъ, но и вожди другихъ народовъ наполнили свое отечество смутами и убійствами, поднимая мечъ противъ соотчичей [2]). Латинянамъ легко было вести дѣло съ византійцами, потому что они издавна уже знали, что эти послѣдніе всего больше заняты пьянствомъ и похмѣльемъ [3]), и напоминаютъ, по жадности къ увеселеніямъ, жителей Сиварисa. „Пьянство мѣшало римлянамъ обдумывать свои предпріятія. Этотъ порокъ осмѣивали и другіе, и въ особенности Менандръ: Византія спаиваетъ торговцевъ, пьютъ они по цѣлымъ ночамъ“ [4]). Оттого-то хорошій человѣкъ является исключеніемъ: недоумѣваешь, какъ наше общество, „злое и распутное, имѣетъ среди себя такое сокровище“ [5]). Современное ему поколѣніе производило лишь ядовитую цикуту, ни на что другое не годную, какъ заражать все соприкасающееся и устроять погибель городовъ, власти надъ которыми беззаконно добивались люди [6]). Добрый примѣръ не могъ найдти подражанія и оставался единичнымъ [7]), не много уже было людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ [8]). „Что можно сдѣлать ради общественнаго блага въ наше время, когда императоры, воспитанные въ нѣгѣ, спятъ глубокимъ сномъ и съ утра объѣдаются яствами,

---

[1]) Nicet, p. 847. 10—15.

[2]) Ibid. p. 705. 18—24.

[3]) Ibid. p. 717. 12—15.

[4]) Nicet, p. 514. 10—12. μεθύσους τοὺς ἐμπόρους ποιεῖ τὸ Βυζάντιον... ὅλην ἔπινον τὴν νύκτα.

[5]) Ib. p. 284. 15—16.

[6]) Ib. p. 378. 16—19.

[7]) Ib. p. 638. 15.

[8]) p. 667. 4—6.

и такъ незнакомы съ теченіемъ общественныхъ дѣлъ, что могутъ считаться помѣшанными: зимою ищутъ цвѣтовъ, а весною осеннихъ плодовъ; а наше продажное и развращенное правительство не поднимешь съ постели ни звуками трубы, ни пѣснями птицъ: оно пріятно спитъ и отвыкло отъ военныхъ дѣлъ“ [1]). Въ такомъ обществѣ нечего ожидать появленія честныхъ и неподкупныхъ людей, напрасно высказывать благородную мысль: честное слово всегда покрыто себялюбивыми голосами [2]).

Идеальныя и отрицательныя черты императора.

Императорское правительство, начиная съ главы его и кончая низшими органами, Никита преслѣдуетъ строгимъ порицаніемъ и безпощаднымъ обличеніемъ. Сочувствіе Никиты привлекаютъ къ себѣ тѣ качества императора, которыми обусловливается счастіе и благоденствіе управляемаго имъ народа, могущество извнѣ и свобода внутри. Но такими качествами отличались императоры добраго стараго времени, которыхъ жизни нашъ писатель не касался; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ обращаетъ любовный взоръ по преимуществу къ древней имперіи. Завоевательные замыслы Іоанна, простиравшіеся на самую Палестину и ревность о славѣ римскаго оружія, картинно представленная въ предсмертной рѣчи императора, рисуютъ намъ идеальныя черты царя, какими Никита надѣлилъ бы лучшаго изъ нихъ [3]). Лучшій императоръ, по мнѣнію Никиты, милостивъ, щедръ, доступенъ. Въ его сокровищницу, точно рой пчелъ, съ шумомъ входятъ царедворцы, получая всякій по своему желанію [4]). При такомъ императорѣ люди переживали золотой вѣкъ, воспѣваемый у поэтовъ. Такому государю влагается мысль, что только воюющій наслаждается миромъ, что города крѣпки не стѣнами, а оружіемъ [5]); если такой государь и не достигаетъ цѣли, то нуждается не только въ извиненіи, даже въ похвалѣ. Сказавъ объ огромныхъ затратахъ на безплодную сицилійскую войну при Мануилѣ, Никита говоритъ: «но кто можетъ обвинить человѣка, такъ ревностно заботившагося о лучшемъ строѣ государства, хотя бы онъ и не достигъ

[1]) p. 772—773.
[2]) Nicet, p. 746. 12—13.
[3]) Ibid. p. 56, 63.
[4]) Ib. p. 79. 2, 3, 10.
[5]) Ib. p. 118, 10.

всего?» [1]) Относительно подданныхъ желателенъ кроткій, незлобивый и не карающій безъ нужды царь [2]). Справедливость и истина — его существенныя качества: царь Андроникъ, вообще не пользующійся расположеніемъ писателя, заслуживаетъ отъ него похвалы за отмѣненіе обычая—расхищать корабли, потерпѣвшіе крушеніе [3]). Держать данное слово — преимущественная обязанность царей и полководцевъ [4]). Хорошій императоръ имѣетъ опытныхъ и достойныхъ совѣтниковъ; для него всего чувствительнѣе неудачное сраженіе и потеря значительной части войска [5]). Мы намѣренно указали эти немногія черты, какими характеризуетъ Никита царскую власть, чтобы дать понять, какъ далека была дѣйствительность отъ его идеала.

Дѣйствительность во многомъ не соотвѣтствовала запросамъ Никиты. Лучшій изъ царей его исторіи, Мануилъ, рисуется не всегда привлекательными красками: онъ сталъ обращаться съ подданными, какъ съ рабами, пересталъ давать щедрые подарки [6]), не заботился о поддержаніи морскихъ силъ въ государствѣ [7]), утрачивалъ области, пріобрѣтенныя прежними императорами [8]). Отъ этого нашъ писатель безпрерывно изливаетъ горькое негодованіе противъ лицъ правительственныхъ: на рѣдкой страницѣ не попадается прямаго или косвеннаго намека на неспособность ихъ. Византійское правительство главнѣйшіе упреки заслуживаетъ за свою праздность, распущенность, неспособность; императоры—за довѣріе недостойнымъ людямъ: своимъ родственникамъ, монахамъ и безчестнымъ астрологамъ, сознательно обманывавшимъ ихъ.

Императоръ, верховный глава государства, несетъ на себѣ главнѣйшую отвѣтственность за бѣдствія, постигшія имперію. Никита не сочувствуетъ частой смѣнѣ императоровъ; не хвалитъ возстанія и заговоры царедворцевъ, и отъ своего лица, и черезъ другихъ не одобряетъ смуты и волненія [9]). Но императоры, не соотвѣтствующіе

---

[1]) Nicet, p. 132. 3—5.
[2]) Ibid. p. 60. 21.
[3]) Ib. p. 423. 19—20.
[4]) Ib. p. 686. 16—18.
[5]) Ib. p. 236. 15.
[6]) Ib. p. 79—80.
[7]) Ib. p. 75. 18.
[8]) Nicet, p. 96. 12.
[9]) Nicet, p. 17. 11—16. Царицѣ Иринѣ приписываются такія слова, сказанныя

своему назначенію, каковы почти всѣ, вошедшіе въ исторію Никиты, приносятъ съ собою бѣдствія и несчастія странѣ. Обычное вступленіе ихъ на престолъ посредствомъ насилія и кровопролитія повело за собою то, что народъ сталъ относиться къ придворнымъ перемѣнамъ эгоистически и безучастно [1]), что истощалась государственная казна, возвышались изъ ничтожества жалкія орудія интригъ [2]) и унижалось значеніе императорской власти.

Геройство, безстрашіе и отвага на войнѣ — лучшее качество императора. Но Никита находитъ и въ Мануилѣ недостатки этихъ качествъ—одна изъ весьма рѣзкихъ особенностей, отличающихъ трудъ Никиты, въ особенности, если смотрѣть на Мануила глазами Киннама. Разъ, говоритъ Никита, этотъ императоръ, во время войны съ турками, по неосторожности, попалъ въ засаду. Римляне провели всю ночь, блѣдные отъ страха и дрожащіе, какъ листья на деревьяхъ во время листопада; да и самъ императоръ питалъ въ душѣ самыя неблагородныя мысли. Когда онъ высказалъ своимъ приближеннымъ, что, по его мнѣнію, осталось спасеніе только въ тайномъ бѣгствѣ и что войско должно быть оставлено въ жертву плѣна и смерти, слова его поразили всѣхъ, кому довелось ихъ услышать.... и не только созванные на совѣтъ весьма огорчились этимъ, но и одинъ простой воинъ, стоявшій внѣ палатки, услыхавъ мнѣніе царя, возвысилъ голосъ и, громко зарыдавъ, сказалъ: „увы, что за мысли приходятъ на умъ римскому императору!“ и, обращаясь лично къ царю, продолжалъ въ весьма рѣзкомъ и оскорбительномъ тонѣ тяжелыя укоризны [3]).

Дорого стоящія военныя предпріятія одобряются только тогда, когда съ ними соединено народное благо и государственныя выгоды. Съ этой точки зрѣнія, египетскій походъ Мануила предпринятъ былъ „просто изъ честолюбивой мечты, которая не обращаетъ вниманія на дѣла первой необходимости и подталкиваетъ царя на безполезныя предпріятія. Онъ желалъ сравняться съ царями, слава которыхъ распространилась по многимъ землямъ и предѣлы владѣній отъ моря до моря и отъ востока до запада“ [4]). На ряду съ этимъ, по поводу

ею по поводу заговора Анны противъ императора Іоанна: ὡς δεῖ βασιλέα μὲν οὐχ' ὑπόντα ζητεῖν, παρόντα δὲ μὴ μετακινεῖν и д...; снеси p. 746. 12, 847. 7.

[1]) Ib. p. 321. 3.

[2]) Ib. p. 602. 2—10, 598. 6, 603. 4—5, 604. 15.

[3]) Nicet, p. 243. 3—22.

[4]) Ibid. p. 208. 7—14.

честолюбія Мануила, высказывается такое мнѣніе о всѣхъ царяхъ: „многіе изъ императоровъ не удовлетворяются тѣмъ, что царствуютъ, обогащаются, пользуются общественными суммами, какъ своими собственными, раздавая ихъ по личному усмотрѣнію; мало того, что они относятся къ свободнымъ людямъ, какъ къ рабамъ, они одержимы еще суетнымъ желаніемъ считаться мудрецами, богоравными по виду и героями по силѣ, въ мудрости не уступающими Соломону, непогрѣшимыми богословами, стоящими выше самыхъ каноновъ, словомъ, лучшими знатоками божескихъ и человѣческихъ вещей“ [1]). Между несочувственными сторонами Мануила отмѣтимъ еще: тяжелые поборы, заставлявшіе иногда предпочитать иноземное рабство римскому господству [2]), порученіе правительственныхъ должностей въ провинціяхъ незначительнымъ и недостойнымъ людямъ [3]), довѣрчивость императора къ своимъ родственникамъ и любимцамъ, которая повела за собою истощеніе государственной казны [4]), подозрительность къ способнымъ людямъ. „Люди съ высокими душевными и тѣлесными преимуществами внушаютъ опасеніе властителямъ, пугаютъ ихъ до глубины души и заставляютъ опасаться за свою власть“ [5]). „Многіе самодержцы бываютъ боязливы и подозрительны и чувствуютъ крайнее наслажденіе въ униженіи своихъ благородныхъ соотечественниковъ и въ низверженіи всего высокаго и превосходнаго. Они подобны соснамъ, высокорастущимъ и покрытымъ на вершинѣ зеленью. Какъ эти и при маломъ дуновеніи вѣтра качаютъ свои вѣтви и шелестятъ иглами, точно такъ же и они подозрѣваютъ богатаго, пугаются человѣка мужественнаго. Если найдется красавецъ, подобный статуѣ, или краснорѣчивый, какъ пѣвчая птица, ораторъ, или весельчакъ, — все это не даетъ спокойнаго сна и благорасположенія вѣнценосцу: такой человѣкъ бываетъ причиной перерыва пріятнаго сна, отравляетъ удовольствіе и нарушаетъ спокойствіе мыслей. Императоры порицаютъ и жизнедательницу-природу за то, что она создала и другихъ достойными власти, а не ихъ однихъ самыми лучшими и единственными изъ людей. Такъ-то они истребляютъ лучшихъ изъ среды людей, чтобы самимъ спокойно безпутствовать. Получивъ власть, они теряютъ

---

[1]) Nicet, p. 274, 9—17.
[2]) Ibid. p. 97. 9.
[3]) Ibid. p. 78. 3.
[4]) Ibid. p. 266. 11—12.
[5]) Ibid. p 135. 10.

здравый смыслъ и умышленно забываютъ, чѣмъ они были за нѣсколько времени» [1]).

Еще болѣе упрековъ посылаетъ Никита современнымъ ему императорамъ. Вся исторія Комниновъ, послѣ Мануила, и Ангеловъ есть не что иное, какъ постепенное и неудержимое паденіе римскаго могущества; мысль эта и открыто высказывается писателемъ, и сквозитъ въ изложеніи фактовъ [2]). Начало разложенія кроется въ томъ, что знаменитые роды и царскіе родственники стремятся къ независимости въ провинціяхъ [3]), ищутъ себѣ союзниковъ между врагами-сосѣдями и вооружаютъ ихъ на отечество. Между тѣмъ царями являлись люди неспособные и изнѣженные. „Комнины были самыми главными виновниками ослабленія имперіи, потери странъ и городовъ, наконецъ гибели ея. Соединяясь съ народами, не дружественными римлянамъ, они стали несчастіемъ отечества; въ управленіи общественными дѣлами они были самыми неспособными, безполезными и лѣнивыми людьми“ [4]). Ко времени Мануила относится устройство великолѣпныхъ зданій, которыя стоятъ на берегу Пропонтиды и въ которыхъ императоры искали отдохновенія, проводя здѣсь лѣто, какъ древніе персидскіе властители въ Сузахъ и Екватанахъ [5]). Правильный ходъ военныхъ дѣйствій обыкновенно нарушался тѣмъ, что цари лѣнились лично участвовать въ войнахъ: „увеселенія Пропонтиды и прекрасныя дачи, расположенныя по морскому берегу, охота и конскія скачки привлекали къ себѣ нашихъ императоровъ и не позволяли имъ долго оставаться въ лагерѣ; они скоро бросали щитъ и спѣшили къ удовольствіямъ“ [6]). Неудачная война не заставляетъ ихъ напрягать силы государства, а кончается скоро согласіемъ платить дань и уступить часть своихъ земель: „такъ-то современные намъ императоры привыкли вести дѣло съ иноземными врагами: они любятъ спокойную жизнь, подобно сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя занимаются пряжей“ [7]). Когда страшные враги угрожаютъ цѣлости имперіи, «царь запирается.

---

[1]) Nicet, p. 186. 187; для объясненія 186. 19, сравни 688. 12.

[2]) Ibid. p. 265. 20: καὶ τοῦτο σαφῶς ὑπέδειξε τὰ μετέπειτα, ἡνίκα τὴν μὲν ἐνταῦθα ζωὴν αὐτὸς μετηλλάχει, τὰ δέ γε πράγματα κυβερνήτην ἀποβαλόντα σοφὸν μικροῦ τὸ τῆς βασιλείας σκάφος ἐβάπτισε.

[3]) Ibid. p. 318. 20, 349. 15, 292. 18—20.

[4]) Ibid. p. 701. 7—18.

[5]) Nicet, p. 269. 7—21.

[6]) Ibid. p. 521. 13—16.

[7]) Ibid. p. 481. 14—16.

во дворцѣ, какъ улитка въ раковинѣ“ [1]); полководцамъ не удается достигнуть полнаго соглашенія частей арміи, составленной изъ разнородныхъ элементовъ. Одну изъ такихъ картинъ рисуетъ Никита вслѣдъ за указанными выше словами. Полководецъ Мануилъ Камица, дошедши до горъ мизійскихъ, неожиданно долженъ былъ остановиться. Въ войскѣ начались волненія: «куда ведешь насъ; съ кѣмъ намъ нужно сразиться; мы не рѣдко проходили этимъ горнымъ путемъ и никогда не успѣвали совершить великаго подвига: подобный походъ почти всегда кончался нашей погибелью. Остановись же, возвратись и веди насъ въ отечество!» [2]) Любя праздность и роскошь, императоры тратили на частныя нужды государственную казну, поручали провинціи своимъ родственникамъ, которые также спѣшили нажиться [3]). Слабые нравственно, императоры тѣмъ не менѣе любили порисоваться, устроивать тріумфы, слыть за героевъ. Растративъ государственныя средства на подкупъ враговъ и на любимцевъ, они восполняли недостатки казны церковнымъ имуществомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ Никита не скупится на упреки и обвиненія. Отправившись разъ противъ болгаръ, императоръ Исаакъ Ангелъ завелъ войска въ горныя тѣснины, гдѣ его подстерегли враги и перебили почти все его войско; разнеслась молва, будто самъ царь убитъ. Но Исаакъ, возвратившись въ столицу, отваживается увѣрять всѣхъ въ своей побѣдѣ. Это даетъ случай Никитѣ сравнить его съ карѳагенцемъ Ганноном, который выучилъ птицъ такимъ словамъ—Ганнонъ есть богъ [4]). Святотатственное оскорбленіе храмовъ и иконъ императоры оправдывали своимъ высокимъ положеніемъ [5]). Исаакъ, продолжавшій употреблять священные предметы на частныя нужды, вооружилъ противъ себя населеніе и окончательно испортилъ дѣла римлянъ [6]). Такъ, чѣмъ далѣе идетъ Никита, тѣмъ мрачнѣе становится картина. Императоръ Алексѣй, братъ Исаака, обманываетъ ожиданія римлянъ, надѣявшихся имѣть въ немъ воинственнаго государя, страшнаго для враговъ и кроткаго для подчиненныхъ. На первыхъ порахъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы государственныя должности не были

---

[1]) Ibid. p. 621.
[2]) Nicetas, p. 621. 6—10.
[3]) Ibidem. p. 631. 15—22, 266. 12, 318. 20.
[4]) Ibid. p. 564, 565.
[5]) Ibid. p. 583, 584.
[6]) Ibid. p. 729. 12.

предметомъ купли и продажи, но отдавались бы по заслугамъ и безъ вознагражденія. „Но императорскіе родственники, сребролюбивые и частыми перемѣнами властителей пріученные расхищать государственные доходы и собирать огромныя массы денегъ, не допускали къ царю приходящихъ, прежде чѣмъ не получали взятки. Вслѣдствіе этого и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разстроенъ былъ порядокъ, какъ ни при одномъ предшествовавшемъ государѣ: такъ рушились и всѣ отношенія государства, и должности еще безсовѣстнѣе стали продаваться съ торгу. Всякій желающій могъ облечься въ санъ правителя области и получить самое высшее достоинство у римлянъ. Не только пролетаріи, торговцы, мѣновщики и продавцы платья удостоивались почетныхъ отличій, но скиѳы и сирійцы за деньги пріобрѣтали ранги. Виной этого была неспособность императора къ дѣламъ и корыстолюбіе его родственниковъ“ [1]).

Домашняя жизнь царей ярко обрисовывается Никитой во многихъ мѣстахъ. Мы приведемъ его извѣстіе объ Исаакѣ. Въ частной жизни этотъ императоръ любилъ роскошь и богатый столъ, накрытый для многихъ гостей, одѣвался въ пышныя одежды, каждый день принималъ ванны, душился и натирался благовоннымъ масломъ. Онъ любилъ остроумные разсказы, пѣсни, принималъ шутовъ, мимовъ, странниковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предавался вину и женщинамъ. Однажды онъ сказалъ во время обѣда: „подайте мнѣ соли“! Одинъ изъ любимѣйшихъ его шутовъ, по прозванью Халивуръ, осмотрѣвъ общество благородныхъ женщинъ, присутствовавшихъ за столомъ, замѣтилъ императору: „сначала попробуемъ этихъ, а потомъ и приказывай ввести другихъ“! [2]). Онъ любилъ разъѣзжать по мѣстамъ, отличающимся красивымъ видомъ и здоровымъ климатомъ, и только временно появлялся въ столицѣ, какъ фениксъ. Выше всего онъ ставилъ возведеніе огромныхъ зданій; во дворцахъ построены бани и увеселительныя заведенія, на Пропонтидѣ красовались его дачи и искусственные острова [3]). Онъ кощунствовалъ и оскорблялъ святыню: священные сосуды употреблялъ за своимъ столомъ, пилъ изъ кубковъ, которые ставились надъ гробницами императоровъ; для умыванія рукъ пользовался священными кувшинами, употребляемыми при богослуженіи; приказывалъ снимать оклады у крестовъ и книгъ, дѣлалъ изъ

---

[1]) Nicet. p. 638, 639.

[2]) Nicetas, p. 580. 2—7. Грубый каламбуръ, основывающійся на игрѣ словами: ἅλας и ἄλλας.

[3]) Ibid. p. 578—581.

нихъ цѣпи и украшенія для своей одежды. Когда ему замѣчали, что это не прилично дѣлять императору, онъ сердился, называлъ такихъ ничего не понимающими, говорилъ, что у Бога съ императоромъ все нераздѣльно, и императору позволительно дѣлать все, что захочется. Въ доказательство ссылался на примѣръ императора Константина, употреблявшаго одинъ изъ гвоздей, которыми пригвожденъ былъ Христосъ, на уздѣ лошади, другой въ шлемѣ. Надѣлалъ фальшивой монеты [1]) и выпускалъ ее вмѣсто высокопробной, старой чеканки, увеличилъ общественныя подати и тратилъ казну расточительно. Должности продавалъ, точно овощи на рынкѣ. Посылалъ за сборомъ податей безъ всякихъ формальностей, если зналъ о комъ, что онъ не все удержитъ у себя, а часть отдастъ и въ государственную казну“ [2]).

Взглядъ Никиты на императорское правительство.

Вмѣстѣ съ императорами обвиняется и ихъ правительство, родственники и любимцы. Близко знакомый съ дворомъ, придворными обычаями и интригами, Никита сообщаетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытныя свѣдѣнія. Онъ не знаетъ границъ въ обличеніи взяточничества, низкопоклонничества и лести приближенныхъ къ царю лицъ; полнымъ его презрѣніемъ и ненавистію пользуются люди въ черныхъ одеждахъ, съ длинными волосами и толстымъ брюхомъ; равно астрологи и звѣздочеты, умышленно держащіе правительство въ постоянномъ слѣпомъ заблужденіи. „Царскіе чертоги всегда имѣютъ на содержаніи льстецевъ“ [3]); „что за негодные люди водятся при дворѣ? Они превозносятъ зло, не хотятъ знать добра“ [4]). Когда Мануилъ торжественно вступалъ на конѣ во дворецъ, то конь его, при въѣздѣ въ ворота, не послушался сѣдока, заржалъ, билъ копытомъ землю и съ трудомъ перешагнулъ порогъ. Писатель прибавляетъ: „однако это сочли счастливымъ вступленіемъ бывшіе при этомъ хвастуны и изъ нихъ особенно тѣ, которые изслѣдуютъ небо и не распознаютъ земныхъ предметовъ: въ поступи коня и въ его прыжкахъ они нашли знаменіе долговѣчной счастливой жизни самодержца“ [5]).

---

[1]) Подобный же упрекъ посылается и императору Мануилу — p. 89. 5.

[2]) Nicet, p. 582—584.

[3]) Nicet. p. 375. 14.

[4]) Nicet. p. 403. 14.

[5]) Ibidem. p. 69. 14—22.

У Никиты есть неподражаемыя мѣста, въ которыхъ дѣлается характеристика государственнаго управленія. Такова, напримѣръ, превосходная характеристика правительственныхъ лицъ времени Мануила [1]). Императоръ назначилъ министромъ общественныхъ сборовъ и контролеромъ І. Пуцу, а І. Агіоѳеодорита сдѣлалъ ближайшимъ помощникомъ своимъ и исполнителемъ порученій. Послѣдній всегда былъ при особѣ императора, выслушивалъ его приказанія, какъ божественное откровеніе, и приводилъ ихъ въ исполненіе при помощи образованныхъ людей, которыхъ много было при царскомъ дворѣ; между ними особенно извѣстенъ Ѳ. Стиппіотъ. І. Пуца былъ неумолимъ въ дѣлѣ финансовомъ, выжималъ и вытрясалъ изъ народа подати, со строгостію взыскивая существующія и съ находчивостію изобрѣтая новыя. Трудно найдти человѣка болѣе жестокаго: легче смягчить камень, чѣмъ его отклонить отъ задуманнаго плана. Слезами его не тронешь, жалобнымъ видомъ не умолишь, ни серебромъ, ни золотомъ не подкупишь, онъ былъ недоступенъ для человѣческихъ движеній. Онъ не входилъ въ длинныя объясненія съ просителями, не удостоивалъ ихъ привѣтствія и любилъ молчаніе. Но онъ облеченъ былъ отъ царя такою силою и могуществомъ, что могъ, по своему усмотрѣнію, одни изъ царскихъ указовъ лишать значенія и уничтожать, другіе вносить въ дѣйствующее законодательство. Онъ былъ въ большой силѣ еще при императорѣ Іоаннѣ; тогда по его предложенію корабельныя пошлины обращены были въ казну, доставка тріяръ островами почти прекратилась. Однако Іоаннъ Пуца оставался честнымъ и безкорыстнымъ министромъ общественныхъ сборовъ до тѣхъ только поръ, пока пользовался безраздѣльною властію. Когда же замѣтилъ, что въ довѣренность царя втираются другіе люди и значеніе его мало-по-малу падаетъ, то и онъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ къ обогащенію себя. «Ну, давай-же и мы наживаться», сказалъ онъ одному изъ близкихъ людей.... Мы пропускаемъ далѣе извѣстія о накопленныхъ имъ богатствахъ. Скупость и жадность такъ овладѣли имъ, что не рѣдко онъ отсылалъ для продажи принесенные ему подарки, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ; случалось, что рѣдкіе экземпляры рыбъ, которые приносились ему, онъ до 3-хъ разъ продавалъ на рынкѣ и столько же разъ снова принималъ ихъ въ подарокъ отъ лицъ, имѣющихъ до него нужду. Эти

[1]) Ibid. p. 73 — 80.

рыбы дѣлались для него рыбаками, такъ какъ тучность и величина ихъ, точно удочка и приманка, привлекали къ себѣ приходящихъ.

Въ другомъ мѣстѣ, указавъ на умную политику Мануила въ сношеніяхъ съ западомъ [1]), писатель такъ рисуетъ правительственную систему его. „Я не скрою, что онъ увеличилъ общественныя подати, я не пропущу и того, что высшія должности отдавались на откупъ, что онъ любилъ пахать новь, прорѣзывая своимъ плугомъ борозды, изъ которыхъ выросталъ у него колосъ, величиною въ ростъ человѣка [2]). Но собираемыя деньги царь разсыпалъ щедрою рукою: онъ обогащалъ монастыри, церкви и недостаточныхъ римлянъ; много также денегъ переходило въ руки иностранцевъ, въ особенности латинянъ, значительная часть шла на покрытіе издержекъ родственниковъ и любимцевъ. Племянница царя, Ѳеодора, имѣла царскую свиту и роскошный дворецъ. На нее и рожденныхъ отъ нея дѣтей тратились цѣлыя рѣки золота. Постельничіе, евнухи, слуги изъ иноземныхъ народовъ, варвары, „у которыхъ слюна брызжетъ изо-рту прежде, чѣмъ послышится слово“ [3]), всѣ эти люди легко склоняли царя на милость и испрашивали, чего хотѣли. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли такимъ богатствомъ и собирали такія массы сокровищъ, какими владѣли развѣ вельможи у великихъ народовъ; при томъ это были люди, лишенные всякаго образованія, такъ дурно говорившіе по-еллински, какъ слабо воспроизводятъ звукъ пастушьей трубы горы и скалы. Полагаясь на нихъ, какъ на вѣрныхъ слугъ, императоръ не только поручалъ имъ высшія должности, но и ставилъ во главѣ судебныхъ учрежденій, гдѣ не скоро осваиваются съ дѣломъ и люди, спеціально занимавшіеся законодательствомъ [4]). Въ особенно важныхъ порученіяхъ такіе люди предпочитались способнымъ и образованнымъ. Если иногда придавался имъ благородный римлянинъ, талантливый и образованный [5]), то его назначеніе было лишь обозначить, въ какихъ размѣрахъ и съ какихъ статей собирать подать; первенствующимъ же ли-

---

[1]) Nicet, p. 260—264.

[2]) Nicet, p. 266. 1—3.

[3]) Ibid. p. 266. 22. ὧν ὁ σίελος τοῦ λόγου προηχοντίζετο.

[4]) Nicet, p. 267.

[5]) Ibid. p. 267. 14. βάπτων ὅλος εἰς νοῦν καὶ γέμων φρονήσεως.

цемъ былъ варваръ, собиравшій дань и прикладывавшій печать къ сундукамъ, которые предполагалось отправить къ царю. Императоръ подозрѣвалъ римлянъ и удалялъ ихъ отъ себя; обогащая варваровъ, возбуждалъ противъ себя полезныхъ и вѣрныхъ слугъ. Римляне, понимая недовѣріе императора и оскорбленные тѣмъ, что занимаютъ подчиненное положеніе относительно варваровъ, не радѣли объ общемъ благѣ и мало обращали вниманія на точный и вѣрный сборъ дани; вслѣдствіе чего къ императору доходила только часть или остатки общественнаго сбора; бо̀льшая же часть приставала къ рукамъ сборщиковъ.

Если императоръ, дававшій преимущество иностранцамъ, возбуждаетъ нерасположеніе Никиты, можно бы подумать, что императоры, дававшіе перевѣсъ грекамъ, оставили по себѣ добрую память. Но и этого мы не находимъ. Никита отрицаетъ всю правительственную систему Комниновъ и Ангеловъ. Почти всякое несчастное дѣло, распоряженіе, мѣра, постановленіе ихъ и т. п. приписывается излишнему пристрастію къ мнѣнію царскихъ родственниковъ, „не слыхавшихъ еще трубнаго звука, людей съ свѣтлыми волосами и съ сіяющими лицами, носившихъ на шеяхъ золотыя цѣпи и блистательныя ожерелья, украшенныя блестящими камнями и драгоцѣнными перлами“ [1]). Въ противоположность легкомысленному мнѣнію подобныхъ лицъ выставляется опытность и разсудительность „людей искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, пожилыхъ лѣтъ, которые не совѣтуютъ довѣряться жребію войны“ [2]). По смерти Мануила, въ малолѣтство сына его Алексѣя, особенно много зла принесли эти царскіе родственники. „Занятые другими дѣлами, они оставили безъ призора воспитаніе и образъ жизни Алексѣя и небрегли объ общественныхъ дѣлахъ. Одни изъ нихъ были влюблены въ царицу и добивались взаимной любви, завивали себѣ волосы, умащались благовоніями, какъ женщины украшали себя богатыми цѣпями и ожерельями. Другіе, жадные до денегъ міроѣды, обкрадывали казну: они безъ всякой бережливости тратили общественныя суммы и придумывали новые расходы, чтобы поправить свое промотанное состояніе. А иные принимали мѣры къ тому, чтобы овладѣть царскою властью. Когда такимъ образомъ царскими родственниками й тогдашними дѣятелями унижены были ра-

---

[1]) Nicet, p. 232. 14—20.

[2]) Ibidem, p. 232. 5—6.

венство и свобода, тогда перестали заботиться объ общественныхъ дѣлахъ, прекратились собранія и совѣщанія» [1]).

Указавъ, какіе недостойные люди пользовались расположеніемъ Исаака Ангела, Никита приводитъ далѣе, что милость царя перешла на „мальчишку, которому бы слѣдовало учиться грамматикѣ и писать на аспидной доскѣ“ [2]). А когда этотъ умеръ, управленіемъ государствомъ овладѣлъ ребенокъ, еще не выучившійся держать перо и писать. Отличаясь остроуміемъ, этотъ ребенокъ овладѣлъ всѣмъ довѣріемъ царя и впутывался въ политическія и военныя предпріятія. Широкія двери, которыми прежде входили къ царю, теперь были заперты, и желавшіе проникнуть черезъ нихъ уподоблялись юродивымъ дѣвамъ, потому что никто не открывалъ имъ этихъ дверей. Требовалось всегда идти съ задняго крыльца и не прежде можно было получить доступъ, какъ давъ приношеніе. Это „дитя-старецъ“ [3]) привлекло къ себѣ царя въ особенности тѣмъ, что дѣлилось съ нимъ взятками. Изобрѣтательность его въ поборахъ была такъ велика, что онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: бралъ деньги, необходимыя вещи, не оставлялъ и мелочей, заваливалъ себя дынями, овощами и фруктами всякаго рода [4]). Военныя предпріятія не удаются отъ того, что императоры много довѣряютъ молодымъ людямъ, у которыхъ еще только пробивается борода; посылая начальниковъ на войну, стѣсняютъ ихъ инструкціями; полководцы въ своихъ дѣйствіяхъ ограничены также своеволіемъ войска, которое предпочитало претендента царствующему [5]). Между людьми безчестными, но облеченными властію, чаще у Никиты упоминаются судьи, вило-судьи, придворные чины [6]). Говоря объ нѣкоторыхъ, онъ не рѣшается назвать ихъ имя—доказательство, что писатель могъ имѣть между ними товарищей, знакомыхъ, друзей. Придворныя дѣла, отношенія правительственныхъ лицъ, интриги и темныя дѣла правительства Никитѣ были извѣстны болѣе, чѣмъ можно

---

[1]) Nicet, p. 292—293. 1—2. αἵ τε ὑπερ τῶν κοινῶν φροντίδες ἐξέλιπον καὶ αἱ συνδρομαὶ καὶ σύνοδοι ἠφαντώθησαν.

[2]) Ibidem p. 576. 14. διαδέχεται τὴν βασιλέως εὔνοιαν νεανισκάριόν τι γραμματιστοῦ καὶ πινακιδίου δεόμενον.

[3]) Παιδιογέρων, p. 578, 8.

[4]) Nicetas, p. 576—578.

[5]) Ibidem p. 213. 20, 551. 15.

[6]) Ibidem p. 350. 17, 437. 8, 438. 15 и др.; 567. 2. τοὺς ἐς ἡμᾶς ματαιολόγους.

предполагать. На этой сторонѣ жизни авторъ останавливается весьма много [1]).

Въ примѣръ безпорядочной правительственной системы можно еще сослаться на случай, разсказываемый Никитой въ исторіи царствованія Алексѣя, брата Исаака Ангела [2]). Въ Цареградѣ жилъ одинъ купецъ, по прозванію Каломодій. Предпринимая трудныя и продолжительныя путешествія по торговымъ дѣламъ, онъ скопилъ себѣ огромныя богатства, которымъ давно уже завидовали правительственныя лица. Такъ какъ его не удавалось обмануть хитростію, то царскіе казначеи рѣшились употребить насиліе: захватили Каломодія и думали конфисковать его имущество. Только мятежъ черни и заступничество патріарха спасли жизнь и имѣніе этого богача. Слѣдующій случай еще характернѣе. Нѣкто І. Лагосъ, получивъ начальство надъ преторіянской темницей, извлекалъ доходы по своей должности такимъ образомъ. Не довольствуясь тѣмъ, что присвоивалъ себѣ добровольныя подаянія въ пользу заключенныхъ, началъ онъ освобождать изъ темницы самыхъ ловкихъ воровъ. Принесенная ими добыча передавалась начальнику темницы, и онъ уже выдавалъ имъ нѣкоторую часть. Зная, откуда происходятъ ночные грабежи, граждане жаловались императору; тотъ, обѣщая принять мѣры къ исправленію зла, со дня на день откладывалъ и не прекращалъ сумасбродныхъ дѣйствій Лагоса. Византійскій народъ началъ волноваться: народная толпа подступила къ преторіи съ намѣреніемъ овладѣть Лагосомъ, но онъ спасся бѣгствомъ. Тогда изъ темницы были выпущены заключенные, въ городѣ началось сильное движеніе противъ самого императора: только вооруженная сила подъ предводительствомъ Алексѣя Палеолога, затя царя, разогнала толпу и прекратила мятежъ. [3]).

Таковъ общій отзывъ нашего писателя о царяхъ изъ рода Ангеловъ. Ангелы какъ и въ другихъ отношеніяхъ дурно управляли имперіей, такъ особенно отличались корыстолюбіемъ и любостяжательностію. Они не удовлетворялись прямыми поборами, не берегли собраннаго, но расточали на роскошь и украшеніе тѣла, въ особенности же на женщинъ. Они не только обременяли римскій народъ

---

[1]) Nicet, p. 145—150. Характеристика Θ. Стиппіота.

[2]) Ibidem p. 693 — 4.

[3]) Nicet, p. 694 — 696; таковъ же разсказъ о томъ, какъ императоръ Алексѣй III поручилъ Константину Франкопулу грабить торговые корабли на Черномъ морѣ и присылать къ нему деньги p. 699 — 700; снеси p. 772.

налогами, но взимали дань и съ латинскихъ городовъ. Часто нарушая мирные договоры въ Венеціей, наносили ущербъ венеціянцамъ, облагали пошлиной корабли ихъ и подстрекали противъ нихъ византійцевъ [1]). Въ то время, когда крестоносцы IV похода направлялись отъ Зары къ Византіи, здѣсь вырубали лѣсъ, годный для кораблей, на частныя нужды; дуксъ флота Стрифна распродалъ гвозди и якори, паруса и канаты, и промоталъ всѣ долгія суда изъ византійскаго флота. Самъ императоръ, проводя время въ праздности, срывалъ холмы, засыпалъ рвы и смѣялся надъ латинскимъ флотомъ [2]).

Суевѣрія и предразсудки въ современномъ Никитѣ обществѣ.

Никита питаетъ еще глубокое нерасположеніе къ правительству за крайнее суевѣріе его; отсюда вытекаетъ презрительный отзывъ о гадателяхъ, астрологахъ, лжепророкахъ, которые пользовались общимъ довѣріемъ. Вѣра въ чудесную связь между звѣздами и судьбою человѣка, въ пророчества и предсказанія, была весьма распространена и проникала всѣ тогдашнія отношенія, частныя и общественныя. Жена Мануила мучится родами, а онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, что̀ скажутъ гороскопы [3]); цвѣтъ одежды различался — счастливый и несчастный и т. п. [4]). Никита старается показать, какія неблагопріятныя послѣдствія влечетъ за собою суевѣріе по преимуществу въ практической жизни. Приводимые имъ примѣры большею частію касаются или императоровъ, или высшихъ правительственныхъ лицъ. Во время сицилійской войны, Мануилъ назначилъ начальникомъ флота К. Ангела [5]). Никита такъ разсказываетъ объ его походѣ: „такъ какъ, по мнѣнію почти всѣхъ древнихъ и нынѣшнихъ великихъ властителей, на судьбу и человѣческія предпріятія оказываетъ великое вліяніе восхожденіе и наклоненіе звѣздъ, ихъ положеніе и разные виды планетъ, приближеніе и удаленіе, и другое, что̀ говорятъ предвѣщатели

---

[1]) Ibidem p. 712 — 718.

[2]) Nicet, p. 717.

[3]) Ibid. p. 290. 4.

[4]) Nicet., p. 246. 10—15. Особенно рѣзкіе виды суевѣрія: Комнины вѣрятъ въ значеніе для ихъ рода слова αἷμα, p. 190. 15—20, 220. 15, 289. 1—5; йота — опасная буква: p. 379. 1, 442, 15; пророчественныя книги — p. 406; письмо Исаака къ Фридриху, въ которомъ предвѣщается близкая смерть послѣдняго, p. 536. 15.

[5]) Ibidem, p. 126. 10.

по звѣздамъ, которые унижаютъ божественный промыслъ и вводятъ неизмѣнный и непреклонный рокъ; то и Мануилъ старался, чтобы выступленіе Ангела въ походъ совершилось подъ всѣми благопріятными условіями. И чтоже? Еще не успѣло солнце склониться къ западу, какъ К. Ангелъ получилъ приказаніе возвратиться. Причиной этому была неблаговременность выступленія и то, что К. Ангелъ началъ походъ не такъ, какъ совѣтовало расположеніе звѣздъ и тщательное разсмотрѣніе законовъ звѣзднаго неба, но какъ сказали болтуны, обманывающіе легковѣрныхъ и ошибающіеся въ опредѣленіи счастливаго часа [1]). Стали снова разбирать теченіе звѣздъ и, выбравъ самое лучшее расположеніе ихъ, послали снова К. Ангела". Писатель не скрываетъ злой насмѣшки въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: „но счастливая звѣзда столько принесла пользы римлянамъ, такъ вознаградила за пораженіе прежнихъ предводителей, и поправила все, что было неудачнаго, что сейчасъ же К. Ангелъ захваченъ былъ въ плѣнъ непріятелями" [2]). На войну съ уграми назначенъ былъ главнымъ стратигомъ Андроникъ Контостефанъ. Когда онъ уже выступилъ въ походъ и распредѣлилъ войско между подчиненными начальниками отрядовъ, намѣреваясь начать сраженіе, къ нему приносятъ царскую грамоту, въ которой приказывалось ему въ этотъ день не вступать въ сраженіе, потому что онъ сулитъ несчастіе въ военномъ дѣлѣ, а отложить до другого дня, указаннаго въ той же граматѣ. Андроникъ скрылъ ее за пазухой и не далъ знать объ ея содержаніи начальникамъ частей. Потомъ сказалъ горячую рѣчь къ войску, воодушевилъ его и одержалъ побѣду надъ уграми. Ему устроенъ былъ въ Царградѣ блистательный тріумфъ. Ясно изъ самаго сопоставленія фактовъ, что Никита не вѣритъ въ астрологію. О царской же граматѣ онъ говоритъ такимъ образомъ: „запрещалось сраженіе въ тотъ день, какъ неблагопріятный, потому что важнѣйшія и величайшія дѣла, получающія тотъ или другой исходъ отъ Бога, не знаю по какимъ соображеніямъ, императоръ ставилъ въ зависимость отъ звѣздъ, ихъ положенія и движенія, и такъ вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ,

---

[1]) И во многихъ другихъ мѣстахъ Никита выражаетъ недовѣріе къ волшебству. Такъ, говоря объ обвиненіи въ волшебствѣ протостратора Алексѣя: καὶ ἕτερά τινα βωμόλοχα καὶ ἀκοαῖς ὑγιαινούσαις οὐκ εὐπαράδεκτα. p. 188, 3.

[2]) Nicet., p. 126, 127. Мы увидимъ далѣе, что и здѣсь, и во многихъ другихъ случаяхъ Никита не вѣренъ себѣ; что онъ и промыслъ признаетъ, и въ тайную связь между событіями вѣруетъ.

какъ изреченіямъ божества“ [1]). Передъ смертію Мануилъ особенно довѣрился подобнымъ людямъ [2]): „онъ былъ убѣжденъ ими, что проживетъ еще 14 лѣтъ, скоро пересиливши болѣзнь; что даже будетъ въ состояніи пользоваться любовными наслажденіями, сокрушить иноплеменные города. А что всего страннѣе, они предсказывали сотрясеніе всего міра, столкновеніе величайшихъ тѣлъ небесныхъ, появленіе страшныхъ бурь и измѣненіе всей вселенной. Они высчитывали не только періоды, мѣсяцы и недѣли, но даже самые дни и часы дня, когда случится это несчастіе, какъ бы ясно зная то, что отецъ положилъ въ своей власти [3]). Императоръ искалъ пещеръ и углубленій, приготовляя себѣ безопасное помѣщеніе въ нихъ; царскіе слуги вынимали стекла во дворцѣ, чтобы предохранить ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтровъ. Его родственники и приближенные, изъ угожденія, казались также озабоченными: одни рылись въ землѣ, подобно муравьямъ, другіе приготовляли палатки, связывали толстыми веревками вбитые въ землю колья, чтобы они не могли покачнуться. Но болѣзнь царя продолжала усиливаться; принявъ ванну, онъ еще болѣе убѣдился, что его надѣжды на выздоровленіе пропадаютъ, какъ слова, начертанныя на водѣ“...

Никита не имѣетъ вѣры и къ дару пророчества, который предполагали его современники въ нѣкоторыхъ людяхъ. Мы приведемъ его сужденіе объ одномъ изъ такихъ предсказателей — Васильюшкѣ [4]). Это былъ человѣкъ страннаго образа жизни, пріобрѣтшій у всѣхъ славу прорицателя, вслѣдствіе чего къ нему приходили толпы народа. Но онъ не произносилъ ничего яснаго и истиннаго относительно будущаго: бормоталъ безсвязныя слова, нерѣдко позволялъ себѣ возбуждавшія смѣхъ выходки и привлекалъ простой народъ — пастуховъ, земледѣльцевъ, матросовъ. Онъ безцеремонно обращался съ женщинами, хваталъ ихъ за груди, заглядывалъ подъ платье, произнося при этомъ непонятныя изреченія; отмалчивался на всѣ дѣлаемые ему вопросы, ограничиваясь прыжками и ужимками. Всегда бывшія при немъ старыя женщины разъясняли спрашивавшимъ, что обозначали эти дѣйствія Васильюшки и толковали его молчаніе,

---

[1]) Nicetas, p. 200. 1—14.

[2]) Ibid. p. 286. 22. οἱ δὲ παντοδύνητοι ἀστροφέναχες.... πρόχειροι τὴν γλῶτταν ὄντες καὶ τῷ ψεύδει ἐνειθισμένοι... ἐγγαστρίμυθοι πλέον ἢ ἀστεροσκόποι δεικνύμενοι.

[3]) Ib. p. 287.

[4]) Nicet., p. 590. 12. ἔνθα καὶ τῷ Βασιλακίῳ συγγίνεται (Исаакъ Ангелъ).

какъ мудрую и многозначащую рѣчь. Однако многимъ этотъ человѣкъ казался надѣленнымъ даромъ пророчества, въ особенности бездѣтнымъ женщинамъ; люди же умные считали его не болѣе, какъ непріятнымъ, смѣшнымъ и глупымъ старикомъ. Иные, впрочемъ, къ которымъ я отношу и себя, считали его одержимымъ пиѳоновымъ духомъ [1]).

Императоръ Алексѣй III Ангелъ, желая перемѣститься изъ одного дворца въ другой, выжидаетъ счастливаго сочетанія звѣздъ. Никита замѣчаетъ: наши императоры не могутъ даже перемѣнить мѣста, не посовѣтовавшись съ положеніемъ звѣздъ. Противъ желанія онъ остается въ Великомъ дворцѣ [2]) первую недѣлю поста, такъ какъ это было неблагопріятное время; шестой день недѣли считался благопріятнымъ для перемѣны мѣста особенно тому, кто сдѣлаетъ это раннимъ утромъ; поэтому императоръ разсудилъ двинуться во Влахернскій дворецъ ещѣ почью, чтобы занять его до восхода солнца. Все было готово къ отплытію, но тутъ случилось обстоятельство, которое доказало, что одинъ Богъ есть владыка часовъ и временъ и что отъ Его одного зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій нашихъ. Полъ, на которомъ стояло царское ложе, неожиданно опускается внизъ и образуетъ довольно широкій провалъ. Царь, сверхъ ожиданія, избѣгаетъ опасности, а одинъ зять его, Алексѣй Палеологъ, и нѣкоторые изъ приближенныхъ поплатились увѣчьями тѣла.... „Я не могу сказать, на какія размышленія или раскаяніе навело императора это обстоятельство“ [3]).

Взглядъ на духовенство.

Говоря объ отношеніяхъ сына Исаака, Алексѣя IV, къ осаждавшимъ Царьградъ латинянамъ, Никита еще находитъ случай упрекнуть царя въ суевѣріи [4]). Если Алексѣй своимъ безразсуднымъ поведеніемъ возбуждалъ негодованіе въ благонамѣренныхъ изъ латинянъ и благо-

---

[1]) Nicet., p. 590. 1—15.

[2]) Ibid., p. 702 — 703. Между многочисленными дворцами, украшавшими Царьградъ, Τὸ μέγα παλάτιον занималъ первое мѣсто. О положеніи его см. Σχαρλάτου Βυζαντίου, Κωνσταντινούπολις p. 188: ἐπεῖχε ὅλην σχεδὸν τὴν ἀπο τῆς ἁγίας Σοφίας καὶ τοῦ Ἱπποδρόμου μέχρι τῆς παραλίας τῆς Προποντίδος ἔκτασιν. О положеніи Влахернскаго дворца у него же, p. 583.

[3]) Ibid., p. 703. 16—17.

[4]) Nicet, p. 737.

разумныхъ изъ римлянъ, то въ такой же мѣрѣ былъ невыносимъ и Исаакъ, отецъ его. Онъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда снова, какъ и прежде, обратился къ гаданіямъ и окружилъ себя недостойными людьми, длиннобородыми монахами, которые, поглощая самую свѣжую и жирную рыбу за его столомъ и попивая цѣльное вино, сулили ему продолжительное царствованіе и прозрѣніе. Равнымъ образомъ, онъ былъ расположенъ къ астрологамъ и часто руководился ихъ совѣтами въ своихъ распоряженіяхъ. Монахъ, заискивающій расположенія свѣтской власти — тотъ же астрологъ и придворный льстецъ [1]): тотъ и другой имѣютъ въ виду лишь свои выгоды и нерадятъ объ общественномъ благѣ. Полнѣе и безпристрастнѣе Никита высказывается о духовенствѣ тамъ, гдѣ говоритъ объ устройствѣ императоромъ Мануиломъ монастыря при устьѣ Понта, въ мѣстечкѣ Катаскепа [2]). „Императоръ собралъ въ новый монастырь монаховъ, извѣстныхъ подвижническою жизнію, и озаботился обезпеченіемъ монастыря. При этомъ, зная, что имущественныя владѣнія доставляютъ много хлопотъ и отнимаютъ средства къ богоугодной жизни у людей, избравшихъ по обѣту уединенную жизнь, онъ не приписалъ къ монастырю ни земель, ни виноградныхъ садовъ, но приказалъ всѣ нужды братіи удовлетворять непосредственно изъ государственныхъ суммъ. Это сдѣлалъ онъ, я думаю, чтобы пресѣчь весьма распространенный обычай созидать новые монастыри и дать примѣръ потомству, какъ должно устроять жизнь людей, обрекшихъ себя уединенію и отрѣшившихся отъ плоти. Такъ-то онъ далекъ былъ отъ того, чтобы одобрить нынѣшній обычай, когда посвятившіе себя монашеской жизни занимаются пріобрѣтѣніемъ и хлопотами о мірскихъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ люди свѣтскіе. Въ виду этого Мануилъ возобновилъ потерявшій силу законъ императора Никифора Фоки, которымъ запрещалось увеличеніе монастырскихъ имуществъ. По этому же онъ не оправдываетъ отца и дѣда, и всѣхъ другихъ родственниковъ, которые, настроивъ монастырей, подписали подъ нихъ цѣлые участки плодоносной земли и роскошныхъ пастбищъ. Монастыри нужно было бы строить въ мѣстахъ уединенныхъ, областяхъ не населенныхъ, въ пещерахъ и на высокихъ горахъ, по возможности дальше отъ столицы и береговъ Еллиспонта. Между тѣмъ они изъ тщеславія строили обители на площадяхъ и перекресткахъ, и помѣщали въ нихъ не

[1]) Ibid. p. 737—738. 3—7.

[2]) Ibid. p. 270. 4. εἰς τόπον Κατασκέπην λεγόμενον....

избранныхъ подвижниковъ добродѣтели, но людей, которые перемѣнили себѣ одежду и отростили бороду“ [1]). Когда Алексѣй Врана, вооружившись противъ императора Исаака Ангела, осадилъ Цареградъ, императоръ, въ это время находился подъ вліяніемъ лицъ, которымъ не сочувствуетъ Никита [2]). Цесарь Конрадъ монферратскій, женатый на сестрѣ царя Мануила, Θеодорѣ, поддерживалъ Исаака добрыми совѣтами. „А онъ, окруживъ себя монахами, людьми съ обнаженными ногами, спавшими на голой землѣ и жившими на столпахъ“, съ помощію ихъ просилъ Бога отвратить угрожающую междоусобную войну, не передавать его власти другому, а объ военныхъ приготовленіяхъ и не думалъ, возлагая всѣ надежды на духовное всеоружіе. Духовенство упрекается въ недостаткѣ патріотизма, въ равнодушіи къ общественнымъ бѣдствіямъ. При императорѣ Алексѣѣ III особенно много византійцы страдали отъ болгаръ. Никита говоритъ объ этомъ [3]): „изъ нашихъ никто не рѣшился сразиться съ Петромъ, да и не могъ; когда непріятели, въ теченіе многихъ годовъ, одерживали столько важныхъ побѣдъ и когда это бѣдствіе постоянно возмущало византійскую имперію, ни разу ей не улыбнулось военное счастіе, передъ ней не промелькнулъ даже образъ побѣды. И при всемъ томъ ни одинъ изъ высокотронныхъ архіереевъ и пользующихся высокими почестями, никто изъ длиннобородыхъ монаховъ, нахлобучивающихъ на носъ шерстяное покрывало, не обратилъ вниманія на то, что Богъ оставилъ насъ и почти въ конецъ презрѣлъ, никто не предложилъ помощи въ этомъ трудномъ положеніи, не рѣшился смѣло указать царю спасительное средство“ [4]).

Былъ-ли Никита патріотомъ, любилъ-ли онъ свое отечество, въ чемъ выразились его симпатіи и антипатіи въ этомъ отношеніи? Съ такими вопросами мы переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ сторонъ исторіи Никиты, гдѣ главное значеніе имѣетъ византійскій народъ, и гдѣ сравнивается онъ съ иностранцами. Переходомъ послужитъ опредѣленіе того, въ чемъ, по взгляду Никиты, заключается достоинство человѣка.

---

[1]) Nicet, p. 270—271.

[2]) Nicet., p. 498. 12... τοὺς γυμνόποδας καὶ χαμαιεύνας... καὶ ὅσοι κίοσι τῆς γῆς ὑπερήρθησαν...

[3]) Ibid. p. 622 squ...

[4]) Признаться, затруднительно сказать, какое средство могли предложить монахи.

Въ чемъ заключается достоинство человѣка.

Мы имѣли случай замѣтить, что Никита не находитъ между своими современниками достойныхъ лицъ, которыя бы соотвѣтствовали его идеалу. Высокіе характеры создали величіе имперіи, изнѣженные современники ускорили ея паденіе. Тѣмъ не менѣе, въ одномъ государѣ изъ рода Комниновъ можно замѣтить любимыя черты монарха, объ отсутствіи которыхъ въ современномъ государѣ онъ сокрушается. Такія черты представляетъ І. Комнинъ, исторію котораго Никита писалъ на основаніи преданія. Въ уста этого государя влагается слѣдующая политическая программа[1]): „Не съ тѣмъ я занялъ Сирію, чтобы ограничиться только владѣніемъ ея; нѣтъ, я думалъ совершить дѣла, славнѣйшія прежнихъ, безстрашно выкупаться въ Евфратѣ и зачерпнуть полнымъ сосудомъ изъ струй его; желалъ посмотрѣть и на рѣку Тигръ и прогнать оружіемъ врага, который находится въ союзѣ съ киликійцами и съ сынами Агари, и, если можно, перелетѣть, подобно царю птицъ, въ самую Палестину. Тамъ Христосъ возстановилъ своею смертію нашу смертную природу, распростерши руки на крестѣ и немногими каплями крови приведши къ единенію весь міръ. Я думалъ даже взойдти на гору Господню, встать на мѣстѣ святомъ Его и побѣдить войною окрестныхъ враговъ, которые часто брали на копье гробъ Господень. Моимъ планамъ не суждено было осуществиться“... „Я родился отъ императора, получилъ отъ него власть по преемству и не утратилъ ничего изъ его владѣній; увеличилъ-ли я предоставленный мнѣ отъ Бога талантъ царства—предоставляю судить другимъ.... востокъ и западъ видѣлъ меня подъ оружіемъ, я одержалъ побѣды надъ народами того и другого материка. Не много я жилъ спокойнымъ во дворцѣ: почти всю жизнь провелъ въ походной палаткѣ; проводить время подъ открытымъ небомъ составляло для меня наслажденіе. И эта земля, на которой теперь мы стоимъ лагеремъ, дважды видѣла меня; и это римское войско, котораго давно уже и въ глаза не видали персы и арабы, теперь подъ Божіимъ смотрѣніемъ и моимъ водительствомъ наводитъ на нихъ ужасъ: они поступились въ нашу пользу многими городами, которыми и доселѣ мы владѣемъ и которые управляются по нашимъ законамъ“. Выразивъ желаніе, чтобы и послѣ него уве-

[1]) Предсмертная рѣчь Іоанна въ лагерѣ. p. 56 squ...

личивались успѣхи римскаго оружія, продолжаетъ: „и это исполнится, если вамъ *данъ будетъ Богомъ*, правитель, *не притѣсняющій народъ*, соотвѣтствующій своему званію, одаренный хорошими нравственными качествами, а не такой, который, *склонившись на столъ, держитъ въ рукахъ чашу и никогда не оставляетъ своихъ палатъ*, подобно лѣпнымъ изображеніямъ и картинамъ на стѣнахъ. Ибо *всегда устрояются государственныя дѣла соотвѣтственно съ качествами правителя: его предпріятія и планы вѣнчаются успѣхомъ, если онъ хорошъ; разрушаются, если онъ худъ*“.

Приводя это мѣсто, мы имѣли въ виду указать, что всѣ отрицательныя стороны послѣдующихъ императоровъ, порицаемыхъ Никитою, составляютъ отступленіе или искаженіе идеальнаго типа государя. Прослѣдимъ еще дополнительныя черты характеристики Іоанна. „Онъ имѣлъ прекрасное правительство, жилъ богоугодно, былъ воздержнаго и цѣломудреннаго нрава, любилъ великолѣпіе въ наградахъ и издержкахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ щедрыя раздачи золота жителямъ Цареграда, равно обширные и прекрасные храмы, воздвигнутые имъ. Онъ особенно дорожилъ доброю славою и желалъ оставить свое имя не запятнаннымъ для потомства: такъ слѣдилъ за благоприличіемъ и поведеніемъ своего семейства, что обращалъ вниманіе на стрижку волосъ, осматривалъ обувь, по мѣркѣ-ли она сдѣлана и по росту-ли. Изгналъ изъ дворца публичное пустословіе и срамословіе, неумѣренную роскошь въ одеждѣ и пищѣ, какъ зловредную заразу. Представляя собою образецъ строгаго воздержанія и желая дать достойный примѣръ для подражанія подданнымъ, онъ упражнялся во всѣхъ видахъ добродѣтели. При этомъ онъ не уклонялся отъ удовольствій, былъ доступенъ, откровененъ, веселъ и благодушенъ; выставляя себя образцемъ высшей добродѣтели при посторонникъ, въ своемъ семействѣ, освободившись отъ взоровъ и шума людской толпы, онъ допускалъ приличную шутку и остроумный разсказъ, не запрещалъ и смѣха. А такъ какъ онъ.... во все свое царствованіе никого не казнилъ и не подвергъ увѣчью, то до сихъ поръ всѣми считается достойнымъ хвалы и украшеніемъ императоровъ изъ рода Комниновъ“ [1]).

Въ исторіи Никиты не много лицъ, заслуживающихъ сочувствія: поэтому мы позволимъ себѣ привести еще одну характеристику. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Аксуховъ,

[1]) Nicet, p. 62—63.

отца и сына. І. Аксухъ, турецкій уроженецъ, прибылъ ко двору императора Алексѣя I Комнина, пользовался его расположеніемъ и былъ близкимъ товарищемъ сына его, Іоанна. Достигнувъ сана великаго доместика, онъ владѣлъ неограниченнымъ полномочіемъ при двухъ императорахъ, Іоаннѣ и Мануилѣ. Строгій судья, Никита не оставилъ ни одного темнаго пятна на памяти этого человѣка [1]) — обстоятельство весьма любопытное въ виду крайняго нерасположенія писателя и къ правительственнымъ лицамъ вообще, и къ варварамъ въ особенности. Пользуясь высокимъ значеніемъ, І. Аксухъ доставилъ своему сыну Алексѣю блистательное образованіе и прочное положеніе при дворѣ Мануила. Императоръ давалъ послѣднему весьма трудныя порученія во время сицилійской войны: его дипломатическимъ талантамъ обязана была Византія миромъ съ сицилійцами. Получивъ санъ протостратора, Алексѣй женился на племянницѣ Мануила, дочери умершаго его брата, Алексѣя. Несчастная судьба Алексѣя Аксуха внушила Никитѣ одну изъ лучшихъ страницъ, на которую частію мы уже указывали ранѣе. „Алексѣй отличался неусыпною дѣятельностію, онъ въ совершенствѣ изучилъ ратное дѣло. Я не знаю, что̀ въ немъ было выше, талантъ-ли ораторскій, или ясный умъ, физическая сила, или логическая послѣдо́вательность ума (исполнительность, или теоретическое соображеніе); своею внѣшностію онъ внушалъ къ себѣ уваженіе“. Царь сталъ питать нерасположеніе къ этому даровитому человѣку и искалъ средствъ удалить его. Не находя причинъ къ объясненію этого въ самомъ Алексѣѣ, Никита обращается къ испорченной человѣческой природѣ, къ распущенности современнаго правительства и въ немъ находитъ печальную причину паденія Алексѣя. Робость и подозрительность, говоритъ онъ, удѣлъ многихъ царей; какъ смерть, хаосъ и еребъ, они находятъ наслажденіе въ погибели благородныхъ и въ низверженіи всего возвышеннаго и великаго. Подобно высокимъ соснамъ, имѣющимъ густую верхушку, которыя и при легкомъ вѣткѣ начинаютъ шелестѣть своими иглами, цари подозрѣваютъ человѣка богатаго, пугаются мужественнаго. Если бы кто оказался красавцемъ, обладающимъ высокимъ даромъ краснорѣчія, одареннымъ веселымъ характеромъ, такой не даетъ сна и спокойствія вѣнценосцу. Царь теряетъ сонъ, лишается удовольствій и наслажденій, перестаетъ разсуждать, негодуетъ на мать-природу, что

[1]) Nicet. p. 14. 6—21.
[2]) Nicetas, p. 128. 10—14.

она создала и другихъ достойными власти, не истощивъ на нихъ однихъ своей творческой силы и не создавъ ихъ единственными изъ людей. Такъ, они вооружаются противъ промысла, вырываютъ лучшихъ членовъ человѣческаго общества, обрекая ихъ на погибель. Этимъ они приготовляютъ себѣ легкую возможность безотчетно распоряжаться общественными средствами, помыкать свободными людьми какъ рабами, и какъ невольниковъ унижать такихъ людей, которые болѣе ихъ достойны власти. Власть помрачаетъ ихъ разсудокъ и заставляетъ забывать, чѣмъ были они за нѣсколько времени [1]). Такъ и императоръ Мануилъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію на протостратора Алексѣя, сталъ однако подозрѣвать его, подчинившись клеветникамъ. Алексѣй былъ весьма любимъ стратигами и воинами, великодушенъ и щедръ ко всѣмъ, обладалъ значительнымъ состояніемъ—этихъ причинъ было достаточно, чтобы внушить подозрѣніе Мануилу. Онъ приказалъ неожиданно напасть на Алексѣя, взялъ въ казну имущество и заставилъ его постричься въ монахи. Клеветники и наушники помогли царю оправдаться въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ противъ Алексѣя явились улики въ волхвованіи. «Супруга Алексѣя, отличавшаяся горячею любовью къ мужу и цѣломудріемъ, служила украшеніемъ пола и была извѣстной красавицей; въ тоскѣ по мужѣ она покушалась на самоубійство. Во время удержанная отъ этого, она пала къ ногамъ своего дяди-царя, плакала, умоляла и испрашивала состраданія къ своему мужу, свидѣтельствуясь Богомъ, что онъ ни въ чемъ не виновенъ. Императоръ прослезился на ея мольбы и жалкій видъ, но не измѣнилъ своего опредѣленія. Съ тѣхъ поръ, проводя печальную жизнь, подобно цѣломудренной горлицѣ, она оглашала покои жалобнымъ воплемъ и лила горькія слезы въ своемъ одиночествѣ. Чрезмѣрная скорбь надломила ея силы: она сошла съ ума и, наконецъ, истаяла, оставивъ двухъ мальчиковъ“ [2]).

Если выдѣлить изъ характеристики всѣхъ историческихъ лицъ произведенія Никиты нѣкоторыя одинаковыя качества, приписываемыя имъ, то получится извѣстнаго рода масштабъ, которымъ измѣряетъ Никита людей. Изъ предыдущаго уже можно видѣть, что одни

---

[1]) Nicetas, p. 186 — 187.

[2]) Nicetas, p. 188 — 9. Никита останавливается и еще на судьбѣ протостратора Алексѣя: въ монастырѣ онъ скоро примирился со своей долей, привыкъ къ постной пищѣ и воздержанію.

лица пользуются расположеніемъ его, другія нѣтъ, т. е. въ однихъ онъ находитъ любимыя качества, въ другихъ не находитъ. Такъ, мы могли замѣтить, какія качества государя предпочитаетъ Никита, какимъ качествамъ сочувствуетъ онъ въ государственномъ лицѣ. Направляясь подобнымъ же путемъ, мы можемъ опредѣлить, въ чемъ полагаетъ Никита общія достоинства человѣка. Можно было бы думать, что нашъ писатель, бичуя высшій классъ современнаго общества, найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ бѣдномъ, ремесленномъ, торговомъ и земледѣльческомъ классѣ. Такъ и должно было случиться, если бы Никита не оторванъ былъ воспитаніемъ отъ современной среды. Но идеалы его лежатъ за предѣлами современности: онъ былъ сынъ своего вѣка, сословное различіе и на него наложило рѣзкій отпечатокъ.

а) Знатность происхожденія.

Высшими достоинствами человѣка считаются такія, которыя не всѣмъ равно доступны. Въ рѣдкихъ случаяхъ низкое происхожденіе не кладетъ мрачнаго пятна на всего человѣка. Слѣдовательно, порицая высшій классъ, тѣмъ не менѣе Никита успокоиваетъ на немъ свои надежды и ожиданія. Извѣстной долей исключительности и односторонности воззрѣній на человѣка Никита обязанъ своимъ понятіямъ о древнемъ мірѣ. Оттого-то почти никто изъ современниковъ не подходилъ къ его идеалу. Однако, мы попытаемся отмѣтить то, что можно считать въ его исторіи одинаково прочнымъ и постояннымъ въ сужденіи о *человѣкѣ вообще*. Почти каждый разъ, выводя новое лице, Никита знакомитъ насъ съ происхожденіемъ его; при чемъ благороднымъ происхожденіемъ оправдываются частію добрыя умственныя и нравственныя качества выводимаго лица; въ человѣкѣ незнатнаго происхожденія подвергаются суду его только непосредственныя физическія качества. Въ I. Аксухѣ „благородство и независимость убѣжденій много скрывали его незнатное происхожденіе“ [1]); высокій ростъ и красивое лицо филадельфійца К. Ангела съ избыткомъ вознаграждаютъ незнатность его происхожденія [2]); незнатное происхожденіе графа Балдуина выкупается его военными способностями [3]). Логоѳетъ

---

[1]) Nicet, p. 14. 19. τὸ εὐγενὲς τῆς γνώμης καὶ ἐλευθέριον τὸ μὴ ἔχον οὕτω τοῦ γένους τὰ πολλὰ συνεσκίαζε.

[2]) Ibid. p. 126. 5—7. ὃς γένους ἦν οὐκ εὐπαρύφου πάνυ καὶ εὐγενοῦς, εὖ δ' ἔχων τῆς σωματικῆς φυῆς κἀπὶ τοῦ προσώπου λειμῶνα κάλλους κηπεύων.

[3]) Ibid. p. 470. 16. γένους μὲν οὐ φῶς εὐγενοῦς καὶ λαμπροῦ, διὰ δὲ τὴν κατὰ πόλεμον δεξιότητα αἰδέσιμος.

дрома I. Каматиръ имѣлъ высокій ростъ, величественную осанку, достойную благороднаго происхожденія его съ матерней стороны [1]). I. Дука, при другихъ прекрасныхъ качествахъ, обладаетъ еще благороднымъ происхожденіемъ [2]). Когда Андроникъ Комнинъ и севастъ Каламанъ домогались любви Филиппы, послѣдній потерпѣлъ неудачу между прочимъ и потому, что былъ малъ ростомъ и происходилъ изъ захудалаго роду [3]). Благородство происхожденія и знатность (γένους ἐπίσημον) ставится всегда въ противоположности съ низкимъ, ничтожнымъ и презрѣннымъ [4]); знатность рода и положеніе различается не только у соотечественниковъ, но и у латинянъ и турокъ; знатные люди противополагаются толпѣ, ремесленникамъ, мелкимъ торговцамъ и т. п. Знатность рода, въ соединеніи съ другими высокими качествами, не рѣдко навлекаетъ гоненія и возбуждаетъ подозрѣніе въ завистливыхъ и не такъ щедро одаренныхъ императорахъ [5]).

b) Умственное образованіе и ораторскій талантъ.

При благородномъ происхожденіи человѣкъ долженъ обладать другими качествами, чтобы быть вполнѣ высокимъ и достойнымъ съ точки зрѣнія Никиты. Между отличительными качествами хорошаго человѣка умственное образованіе и тѣлесная красота занимаютъ самое видное мѣсто. Свободныя науки и, какъ высшая степень образованія, философія—составляютъ удѣлъ весьма не многихъ людей. Въ характеристикахъ государственныхъ мужей своего времени Никита почти всегда обращаетъ вниманіе на образованность или невѣжество ихъ. Логоѳетъ дрома I. Каматиръ „кончикомъ пальца только дотронулся до высокихъ наукъ, недолюбливалъ достопочтенную философію и не желалъ слѣдовать ея правиламъ“ [6]); напротивъ, „I. Дука получилъ хорошее научное образованіе, былъ свѣдущъ и въ свободныхъ наукахъ“,

---

[1]) Ib. p. 150. 19. ἀλλ' ἔβλεπε γενναῖον καὶ τοῦ αἵματος ἄξιον, ἐξ οὗ τὸ πρὸς μητρὸς ἐκείνῳ γένος καθείλκετο.

[2]) Ib. p. 125. 7. καὶ γένους εὖ ἔχων.

[3]) Ib. p. 183. 12. τὸ τῆς ἡλικίας βραχὺ... τὸ γένος ἀπεσβεσμένος καὶ χθὲς καὶ πρώην εἰ ἔστιν ὅλως ἐγνώρισθαι.

[4]) Nicet, p. 601. 5. ἔνιοι τῶν ἀπ' εὐσήμου γένους; p. 135. 13; 675. 3: οὐ τῶν ἐξ ἀγορᾶς καὶ τριόδων τινές, ἀλλ' εὐπατρίδαι νεανίαι...; 675. 6. καὶ ὅσον αὐτοῖς τοῦ γένους ἐπίσημον..., τοῖς δ' ἄλλοις πᾶσα πάροδος ἀποκέκλειστο; 697. 3: καὶ σχεδὸν τοῦ ἐπισήμου πάντες αἵματος; 728. 20. οἱ τὸ γένος ἐπίσημοι; 828. 1. Λάσκαρις Θ., ὡς γένει εὐπρεπέστατος καὶ κήδει βασιλείῳ περίδοξος, ibid 23. καὶ τὸ γένος ἦσαν ἐπίσημοι.

[5]) Ibid. p. 135. 7—16; 186—187.

[6]) Ibid. p. 148. 13—14.

равно Андроникъ Комнинъ отличался и знаніемъ изящныхъ наукъ, и философскимъ образованіемъ [1]); Исаакъ Комнинъ учился ораторскому искусству у Василія Рентакина. Собственно между свѣтскими лицами XII в. рѣдко было высокое научное образованіе; чаще встрѣчаются подобные примѣры въ средѣ духовныхъ лицъ. Между ними Евстаѳій Солунскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Никита такъ говоритъ объ его образованіи: „Евстаѳій былъ знаменитъ ораторскимъ талантомъ и отличался всѣми добродѣтелями.... въ особенности же онъ превосходилъ другихъ убѣдительностію рѣчей и знаніемъ всякой мудрости, какъ христіанской, такъ и языческой“ [2]). Считая словесное образованіе существеннымъ признакомъ лучшихъ людей, Никита, изъ скромности, такъ выражается въ одномъ мѣстѣ: „архипастырь Аѳинскій, Михаилъ Хонскій—мой родной братъ; я горжусь этимъ родствомъ и радуюсь, что въ насъ течетъ одна и та же кровь, но сознаюсь, я совсѣмъ не похожъ на него ни по добродѣтели, ни по краснорѣчію“ [3]). Съ понятіемъ объ образованномъ человѣкѣ почти всегда соединяется еще — ораторскій талантъ и извѣстная доля остроумія и находчивости. Послѣднее качество можетъ стать удѣломъ и не римлянина, хотя и оно возвышаетъ одного человѣка надъ другими. У протостратора Алексѣя съ острымъ умомъ соединялся прекрасный даръ слова [4]); человѣкъ, надѣленный подобнымъ даромъ, составляетъ предметъ зависти для другихъ и не рѣдко гибнетъ жертвою подозрительности императоровъ [5]); выраженіями: μέγας ἐν λόγοις характеризуется Евѳимій, епископъ Новыхъ Патръ [6]), βαθύνους, πολύμητις — императоръ Андроникъ [7]); за ораторскимъ талантомъ Евстаѳія Солунскаго признается сила, могущая дѣйствовать на камень [8]); епископъ аѳинскій Михаилъ могъ бы огонь свести на нечестивыхъ, осъ наслать на лагерь враговъ [9]); за Ѳедоромъ Стиппіотомъ признается остроуміе,

---

[1]) Ibid. p. 125. 7; 430. 2.

[2]) Nicet, p. 399. 15—20.

[3]) Ibid, p. 800. 15—19; 803. 2—3, онъ изучилъ философію и всѣ словесныя науки, свѣтскія и духовныя.

[4]) Nicet, p. 128. 12.

[5]) Ibid. p. 186. 19; 135. 7.

[6]) Ibid. p. 430. 21.; λόγῳ πολὺς М. Италикъ—p. 83. 11.

[7]) Ibid. p. 454. 17; 455. 10.

[8]) Ibid. p. 400. 21.

[9]) Ibid. p. 803. 5—6.

глубокомысліе и сообразительность [1]); Логоѳетъ дрома І. Каматиръ, хотя и не отличался особенною любовію къ высшимъ наукамъ, однако обладалъ непринужденностію въ разговорѣ: рѣчь его лилась подобно прекрасному потоку, текущему по покатости, за что и пріобрѣлъ онъ великую славу [2]). Онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ на веселомъ пиру; когда онъ разгорячался, остроты и разсказы его сыпались безъ конца. Такимъ образомъ краснорѣчіе цѣнилось не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ жизни частной. Извѣстная веселость нрава, пріятный характеръ—отличаются какъ дорогое преимущество нѣкоторыхъ людей [3]). Эти качества уважались при дворѣ и въ обществѣ. Остроуміе уважалъ императоръ Іоаннъ, веселыми людьми окружалъ себя Исаакъ [4]): І. Каматиръ, который умѣлъ и пропѣть подъ звуки лиры и киѳары, и проплясать кордакъ, былъ не только любимымъ гостемъ у императора Мануила, но и съ успѣхомъ былъ употребляемъ въ сношеніяхъ съ иностранными властителями, которыхъ онъ умѣлъ обворожить своимъ веселымъ нравомъ [5]). Эти качества, между прочимъ, упоминаются Никитою въ числѣ такихъ, которыя не даютъ покоя и мѣшаютъ спать царямъ. Императоры считали для себя особенною честью, чтобы подданные признавали въ нихъ и философское образованіе и ораторскій талантъ; для этого лучшіе изъ нихъ почетными дарами привлекали къ своему двору людей образованныхъ [6]). Образованность, краснорѣчіе и общительность признаются какъ бы отличіемъ благороднаго римлянина: варваръ не можетъ усвоить себѣ этихъ плодовъ цивилизаціи [7]); варвары не имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ лицѣ, соединенія подобныхъ качествъ. Тѣлесная сила, хитрость, находчивость, крѣпость, свойственная „мужу кровей“, придается въ частности нѣкоторымъ изъ нихъ [8]). Непривлекательныя черты че-

[1]) Ib. p. 78. 17. βαθυγνώμων ὢν καὶ πεπνυμένος καὶ πτηνὸς τὴν φρόνησιν.

[2]) Ibid. p. 148—149. Михаилъ Италикъ — человѣкъ весьма краснорѣчивый и образованный, бесѣда его была увлекательна. Онъ до такой степени увлекъ короля Конрада сладкою рѣчью, что этотъ не могъ оторваться отъ него; p. 83. 10—20.

[3]) Nicet, p. 78. 17. τὸ ἦθος ἐπίχαρις; 14. 18. ἅταρ τὸ εὐγενὲς τῆς γνώμης ποθεινόν...; τὸ ἦθος εὐτράπελος 186. 19...

[4]) Ibid. p. 578—579.

[5]) Ibid. p. 149. 5—10.

[6]) Ibid. p. 431. 6—12.

[7]) Ibid. p. 638. 8.

[8]) Ibid. p. 482. 23; 520. 13; 623. 6; 823. 4; 543—544. На характеристику варваровъ будетъ обращено еще вниманіе.

ловѣка недоступнаго, несообщительнаго, молчаливаго и сосредоточеннаго въ себѣ самомъ соединяются съ такимъ нравственнымъ уродствомъ и безчеловѣчіемъ, что невольно заставляютъ предполагать соотвѣтствіе между тѣми и другими въ представленіи писателя. Такимъ у него выведенъ І. Пуца, уничтожившій флотъ, поборами скопившій себѣ несмѣтныя богатства, обременившій государство непосильными налогами [1]). Любовь къ интригамъ, двуязычіе, хитрость, коварство и притворство уподобляютъ человѣка библейскому змію искусителю [2]); состраданіе, доступность и открытый нравъ, напротивъ, дѣлаютъ его любимцемъ всѣхъ [3]).

c) Мужество на войнѣ и тѣлесная красота.

Съ совершенствомъ нравственнымъ соединяется совершенство физическое. Мужество на войнѣ и красота суть характеристическія черты сочувственныхъ лицъ въ исторіи Никиты. Обыкновенный способъ обозначать военныя дарованія у Никиты кратокъ и точенъ: Просухъ — οὐκ ἄϊδρις τὰ πολέμια [4]), І. Аксухъ имѣетъ χεῖρες δεδιδαγμέναι πρὸς πόλεμον [5]), и еще: στρατηγίᾳ διαπρέπων ἀνὴρ καὶ κατὰ χεῖρα γενναῖος καὶ νοῦν ἡγεμονίας πλουτῶν ἀξιώτατον [6]); І. Дука—ἀνὴρ ἑρμαικὸς ὁμοῦ καὶ ἀρεικὸς.... καὶ μεθόδων ἴδρις στρατηγικῶν [7]); протостраторъ Алексѣй — δραστήριος ἄνθρωπος ὢν καὶ πᾶσαν ἐξησκηκὼς αὐτουργίαν πολεμικὴν.... καὶ χεῖρας ἀνθεριζούσας ταῖς ἀρχικαῖς μεθοδεύσεσι [8]); Андроникъ—виновенъ передъ Мануиломъ въ τὸ ἐν μάχαις ἐνδέξιον [9]), тотъ же ὁ βαθύνους Ἀνδρόνικος, во время осады Никеи, ἐπήγνυε τὰς ἐλεπόλεις, καὶ τὴν σφενδόνην περιειργάζετο, τὸν λύγον τε καὶ τὸν στρόφαλον καὶ τὸν τειχεσιπλήτην κριὸν σιδήρῳ ἐφράγνυεν.... φιλοτιμούμενος πρὸς τοὺς παρόντας, ὡς πολὺ τὸ κατὰ τὰς πόλεων ἁλώσεις ἐνδέξιον ἠΰχησεν [10]). І. Ватаца, великій доместикъ при Алексѣѣ II—ἀνὴρ οὐ φαῦλος τὰ τακτικὰ, πολλὰς δὲ νίκας πολλάκις ἐπανῃρημένος κατὰ Περσῶν [11]). Мужество, отвага и

---

[1]) Nicet, p. 74—77.
[2]) Ibid. p. 146. 8—10.
[3]) Ibid. p. 14. 20.
[4]) Ibid. p. 71. 10.
[5]) Ibid. p. 14. 17.
[6]) Ibid. p. 109. 7—8.
[7]) Nicet, p. 125. 8.
[8]) Ibidem, p. 128. 11—12.
[9]) Ibid. p. 135. 12.
[10]) Ibid. p. 365. 8 11.
[11]) Ibid. p. 340. 12. Алексѣй Палеологъ оказываетъ ἀρετὴν καὶ τόλμαν въ борьбѣ съ самозванцемъ—p. 709. 5.

военныя способности, какъ можно обозначить вообще приведенныя выше качества, не отрицаются и въ непріятеляхъ. Такъ, графъ Балдуинъ — „διὰ δὲ τὴν κατὰ πόλεμον δεξιότητα αἰδέσιμος ὢν τῷ ρηγὶ... [1]); Петръ Плантца — κράτιστος ἅμα πάντων καὶ εἰς ἀνδρείαν ὀνομαστότατος, λίθῳ τὸ κράνιον κατεαγείς [2]); Романъ, князь галицкій — ῥωμαλέος ὢν τὸ σῶμα καὶ τὰς χεῖρας δραστήριος [3]). Болгарскимъ королямъ изъ рода Асеней приписываются подобныя же качества; такъ Асень — ἀγχίνους ὢν διαφερόντως κἀν τοῖς ἀπόροις ἐπινοῆσαι τὰ ξύμφορα ἱκανώτατος [4]); Іоаннъ — εὐμήκης ἦν τὴν ἡλικίαν καὶ ἀγχίνους μάλιστα καὶ τὴν ῥώμην ἀκμαῖος τοῦ σώματος; τὸν δέ γε ἄνδρα τῶν αἱμάτων τῷ τοῦ εἴδους ἀκροχόλῳ καὶ τῷ τῆς γνώμης ἀποκρότῳ σαφῶς διεχάραττε, Ῥωμαίοις μὲν συναυλιζόμενος, μεταῤῥυθμιζόμενος δὲ μηδαμῶς πρὸς τὸ τοῦ φρονήματος ὁμαλὸν καὶ εὐένδοτον [5]). Высокій ростъ, сила, умѣнье владѣть конемъ — относятся также къ почетнымъ отличіямъ и внушаютъ писателю чрезвычайно живыя страницы. Силѣ свойственна увѣренность и спокойствіе. Никита не забываетъ въ своихъ описаніяхъ и этой психической стороны. Мы приведемъ одно подобное мѣсто, гдѣ говорится про отставшаго отъ своего отряда крестоносца [6]). „Во время этого похода (III крестоваго похода) одинъ нѣмецъ, исполинскаго сложенія и чудовищной силы, отсталъ на далекое разстояніе отъ своихъ соплеменниковъ. Онъ медленно подвигался впередъ, ведя въ поводу измученнаго коня; его окружило болѣе 50 человѣкъ изъ турецкаго войска. Обступивъ со всѣхъ сторонъ, турки начали обстрѣливать его; онъ же, прикрываясь широкимъ щитомъ и надѣясь на прочность вооруженія, спокойно шелъ впередъ, подобно скалѣ или башнѣ, неуязвимый для стрѣлъ этого варварскаго скопища. Тогда одинъ изъ турокъ, вызвавшись передъ другими на смѣлый поступокъ, оставилъ свой лукъ, какъ оружіе непригодное, обнажилъ широкій мечъ, напустилъ своего коня на нѣмца и вступилъ съ нимъ въ одиночный бой. Удары отскакивали отъ нѣмца, какъ отъ горной вершины или отъ мѣдной статуи: толстою и мощною рукою онъ извлекъ свой тяжелый, огромный и крѣпко-скованный мечъ, наискось нанесъ ударъ по ногамъ коня и отсѣкъ обѣ перед-

---

[1]) Ib. p. 470. 17.
[2]) Ib. p. 823. 4—5.
[3]) Ibid. p. 692. 16.
[4]) Ibid. p. 520. 13.
[5]) Nicet, p. 623. 6—10.
[6]) Ibid. p. 543—544.

нія ноги съ такою же легкостью, какъ косецъ полевую травинку. Пока всадникъ держался еще въ сѣдлѣ, между тѣмъ какъ конь подъ нимъ упалъ на колѣни, нѣмецъ протянулъ руку, и сѣкирою нанесъ противнику ударъ по головѣ. Острая сѣкира, направленная сильнымъ размахомъ, произвела такое удивительное сѣченіе, что на двое разсѣкла всадника, прошла черезъ сѣдло и сильно ранила хребетъ лошади. Остальные турки, пораженные такимъ зрѣлищемъ, уже не осмѣлились нападать на него. Такъ было съ ними; нѣмецъ же, какъ левъ, увѣренный въ своей силѣ, не прибавлялъ шагу, но медленно продолжалъ путь и къ вечеру пришелъ на мѣсто, гдѣ остановились ночевать его соплеменники".

Сила, стройность, красота и высокій ростъ выставляются какъ качества, особенно любимыя византійцами и нераздѣльныя съ другими преимуществами. На высокій ростъ Мануила и Андроника дѣлаются нерѣдкія указанія; малорослость разсматривается какъ физическій недостатокъ[1]). Императоръ Мануилъ на собственныхъ плечахъ перенесъ изъ Вуколеонской гавани въ Великій дворецъ камень въ величину человѣка, на которомъ, по преданію, положенъ былъ Спаситель по снятіи со креста. Когда передъ смертію онъ изъявилъ желаніе принять постриженіе, то не могли найдти монашеской одежды, которая бы прикрывала все его исполинское тѣло[2]). На высокій ростъ Андроника постоянно дѣлаются указанія тамъ, гдѣ, по мысли автора, должна выйдти отчетливѣе картина, эффектнѣе противопоставленіе[3]). Такой же ростъ и исполинское сложеніе имѣлъ І. Каматиръ, который при томъ обладалъ благородной осанкой и величественнымъ видомъ[4]). За высокій ростъ и красивое лицо К. Ангелъ попалъ въ зятья къ императору Мануилу, получивъ руку его дочери Θеодоры[5]). Πλάσις σώματος ἀξία οὖσα τυραννεῖν, τὸ εἶδος σεμνόν — возбуждаютъ зависть и подозрѣніе императоровъ, лишенныхъ такого дара[6]), ибо съ понятіемъ о подобныхъ качествахъ связывалось понятіе о царственности и величіи. Чтобы доказать приведенныя положенія и закончить этотъ

---

[1]) Nicetas, p. 183. 12.

[2]) Nicet., p. 288. 17, 289. 16—20. Но темный цвѣтъ лица императора Мануила подаетъ поводъ къ насмѣшкѣ надъ нимъ, p. 115.

[3]) Ibidem p. 296. 2, 328. 14, 455. 17, 458. 20, 183. 12.

[4]) Ibidem p. 150. 17—20.

[5]) Ibidem p. 126. 6—10.

[6]) Ibidem p. 128. 13, 135. 8.

отдѣлъ, мы приведемъ два свидѣтельства, весьма ярко рисующія взгляды византійцевъ на тѣлесную красоту. Когда созрѣлъ заговоръ противъ Андроника Комнина и въ церкви св. Софіи предложенъ былъ царскій вѣнецъ Исааку Ангелу, онъ не изъявлялъ особенной охоты принять царскую власть. Присутствовавшій при этомъ І. Дука, прося возложить на него корону, снялъ съ головы шапку: черепъ его былъ безъ волосъ, и плѣшь свѣтилась, какъ полная луна. Простой народъ заявилъ рѣшительное несогласіе на его просьбу: „мы не хотимъ, раздавались голоса, чтобы надъ нами царствовалъ старикъ. И то уже много бѣдствій мы понесли отъ сѣдовласаго Андроника; поэтому въ насъ возбуждаетъ ненависть и отвращеніе всякій старикъ, въ особенности если у него длинная и остроконечная борода раздѣляется на двѣ половины“ [1]). Въ дополненіе къ этому можно указать еще на слѣдующій случай. Спустя три мѣсяца по воцареніи императора Алексѣя Комнина — Ангела III, въ азіятскихъ провинціяхъ государства явился самозванецъ, выдававшій себя за Алексѣя II, сына Мануила, котораго умертвилъ Андроникъ. Лже-Алексѣй нашелъ поддержку въ анкирскомъ сатрапѣ, увлекъ нѣкоторые города и угрожалъ новому императору; явилась необходимость царю лично предпринять походъ противъ него. Любопытны объясненія, которыя даютъ жители Меланги въ извиненіе своей приверженности къ самозванцу [2]). „Государь императоръ! Ты самъ удивился бы, если бы увидѣлъ этого человѣка. Его длинные волосы огненнаго цвѣта такъ прекрасны, какъ будто усыпаны блестками золота; онъ такъ сложенъ, такой прекрасный наѣздникъ, что кажется прикованнымъ къ сѣдлу; не гнѣвайся же на насъ, которые жалѣемъ этого юношу, имѣющаго право на царство по преемству въ трехъ поколѣніяхъ и несправедливо лишенному власти и отечества“. Въ царствованіе Исаака Ангела въ Азіи также былъ самозванецъ, выдававшій себя за Алексѣя II; своими золотистыми волосами онъ привлекъ на свою сторону не только простой народъ, но и нѣкоторыхъ правительственныхъ и придворныхъ лицъ. Когда, наконецъ, онъ былъ убитъ и голова его принесена къ севастократору Алексѣю, этотъ, „взбивая его золотистые волосы хлыстомъ, проговорилъ: не безъ причины же сдавались этому человѣку наши города“ [3]). Молодость и физическая сила возбуждаютъ сочувствіе и

---

[1]) Nicetas, p. 450—451. Такая именно борода была у императора Андроника.
[2]) Ibidem p. 609. 18—17, 610. 2—4.
[3]) Nicetas, p. 552. 17—18.

писателя и народа. Мученія Мамала, обреченнаго при императорѣ Андроникѣ на сожженіе въ циркѣ, доводятъ до слезъ зрителей и даютъ поводъ къ рѣзкой сатирѣ[1]). Уродливость въ лицѣ и сложеніи, физическій недостатокъ, низкое занятіе и т. п. не привлекаютъ къ себѣ ни сочувствія народа, ни благоволенія судьбы[2]). Являются и подобные самозванцы, но съ ними легко управляются царскіе полководцы! Таковъ кипрійскій уроженецъ І. Спиридонаки[3]).

Такимъ образомъ, симпатіи писателя лежатъ на сторонѣ благороднаго класса, научнаго образованія, ораторскаго искусства, тѣлесной силы и красоты, веселаго и открытаго характера. Только одаренному подобными качествами можно достигнуть извѣстнаго вліянія и значенія въ обществѣ, современномъ Никитѣ. Гдѣ приходится ему сопоставлять между собою западно-варварскій міръ съ восточно-римскимъ, высокія преимущества и полное его сочувствіе лежатъ на сторонѣ Рима. Онъ не скрываетъ отъ себя, что идея Рима и римскихъ гражданъ есть собственно фикція; что населеніе современной ему Византіи представляло смѣсь различныхъ національностей, и что поэтому трудно искать между тогдашними римскими гражданами тѣхъ доблестей, которыми сильна была старая имперія. Тѣмъ не менѣе, Никита простодушно остается въ намѣренномъ обольщеніи, смѣло противополагая римское варварскому; пока онъ довольствуется общими соображеніями и живетъ въ области идеи, его міровоззрѣніе послѣдовательно и единочно, но когда является фактическая сторона дѣла, тогда идея стушевывается и уступаетъ мѣсто очевидной и горькой истинѣ. Такимъ образомъ, противоположность заранѣе созданной идеи, вошедшей въ плоть и кровь писателя, съ живыми и рѣзкими фактами дѣйствительности должна была породить и въ душѣ Никиты, и въ воззрѣніяхъ его на событія извѣстнаго рода двойственность и противорѣчія, которыя замѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ его труда. Переходимъ къ разбору его взглядовъ на *иностранное* и *свое*; наша цѣль — объяснить и примирить кажущіяся противорѣчія Никиты.

---

[1]) Ibid. p. 404.

[2]) Никита не пропускаетъ даже такихъ недостатковъ, какъ удушливый кашель. p. 653. b.

[3]) Ibid. p. 708. a. τὸ εἶδος φαῦλος, τὴν ἡλικίαν φαυλότερος, στράβων τὰς ὄψεις, χειρώναξ τὴν τέχνην, τὴν τύχην χθόνιος, ταῖς παραλόγοις προόδοις καὶ ἀναβάσεσι....

Въ чемъ заключаются преимущества римскаго міра передъ варварскимъ. Взглядъ Никиты на иностранцевъ.

Высокія преимущества римскаго міра передъ варварскимъ, подъ которымъ разумѣетъ нашъ писатель всѣ европейскіе народы, за исключеніемъ еллиновъ, состоятъ въ слѣдующемъ [1]). Между народами германскаго происхожденія Никита не находитъ взаимнаго общенія и единства: всѣ они представляются ему отдѣльными племенами, безъ блистательнаго прошедшаго и высокой будущности; эти племена не преслѣдуютъ возвышенныхъ задачъ, не имѣютъ понятія о духовномъ просвѣщеніи и развитіи, малыми зачатками его обязаны лишь сношеніямъ съ римскимъ міромъ. Они чужды изящныхъ наукъ и искусствъ, которыя облагораживаютъ человѣка, возвышаютъ его духовныя способности надъ чувственными проявленіями и тѣлесными побужденіями. Въ этомъ отношеніи на одной и той же степени стоятъ какъ народы германскаго происхожденія, такъ и славянскаго [2]). Римскій міръ, по отношенію къ такимъ народамъ, представляется если не матерью, то кормилицей, которая воспитала и выростила ихъ на свою погибель [3]). Полнаго развитія душевныхъ способностей такіе народы не могутъ достигнуть: только безразсудное мужество они могутъ считать единственно своимъ качествомъ, военное же искусство и храбрость на войнѣ составляютъ удѣлъ человѣка, обладающаго всѣми видами добродѣтели. „Но у нихъ не имѣетъ пристанища ни одна харита или муза; оттого чувственныя побужденія берутъ перевѣсъ надъ духовными, раздражительность предупреждаетъ объясненіе, слюна появляется изо рту прежде, чѣмъ послышится слово“ [4]). Варвары не имѣли понятія о высокихъ плодахъ, которые приноситъ образованіе; въ своемъ невѣжествѣ они осмѣивали любовь римлянъ

---

[1]) Здѣсь нужно припомнить пріемы Никиты въ характеристикахъ отдѣльныхъ лицъ.

[2]) Обыкновенное обозначеніе ихъ такое: Богъ предалъ насъ μὴ ἐχέφροσιν ἔθνεσιν, ἢ οὐδ' ἔθνεσιν ἀληθῶς εἰπεῖν, ἀλλ' ἀμυδροῖς καὶ σποραδικοῖς γένεσιν,—Nicet, p. 764. 12—13; или—Богъ предалъ насъ εἰς μαστίγωσιν λαῷ μωρῷ καὶ οὐχὶ σοφῷ, ibid. p. 566. 5.

[3]) Nicet, p. 764. 14. Далѣе, преимущество грековъ состоитъ въ умственномъ и нравственномъ образованіи со всѣми благодѣтельными слѣдствіями его для общественной и частной жизни.

[4]) Ibidem p. 791. 10—16; 266. 22.

къ чтенію книгъ; въ насмѣшку называли византійцевъ толпою писцовъ [1]). Желая укорить грека, варваръ самую язвительную насмѣшку полагаетъ въ намекѣ на аспидную доску и стиль, на розгу, бьющую по рукамъ и по спинѣ [2]). Какъ люди образованные и просвѣщенные, умѣющіе сдерживать свои страсти, византійцы противопоставляются въ этомъ отношеніи дикимъ и необузданнымъ варварамъ, которыхъ не умолишь просьбами, не смягчишь слезами, не умилостивишь ласками. Къ прекрасной пѣснѣ они относятся съ тѣмъ же хладнокровіемъ, какъ къ крику гусей или къ граю воронъ; самая увлекательная игра на свирѣли, по искусству исполненія достойная Орфея, приводившаго въ движеніе скалы, и та не могла бы извлечь чувства изъ варвара. Люди этого рода привыкли подчиняться только гнѣву: въ раздраженіи они пользуются первымъ средствомъ для удовлетворенія себя [3]).

Между тѣмъ римляне и варвары поставлены судьбою другъ противъ друга; настояла необходимость взаимныхъ сношеній между ними. Никита едва-ли не лучше всѣхъ современниковъ понималъ взаимныя отношенія востока къ западу; по крайней мѣрѣ, ни у кого не встрѣтишь такого яснаго и отчетливаго различенія этихъ двухъ цивилизацій—еллинско-византійской и романо-германской, какое находится у нашего писателя. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ страстныя и желчныя укоризны, посылаемыя Никитой крестоносцамъ IV похода; мы довольствуемся его сужденіями, высказываемыми спокойно и безъ раздраженія, его сопоставленіемъ востока съ западомъ. Въ этомъ отношеніи сужденія Никиты и доселѣ имѣютъ свѣжесть и новизну: у него есть попытка исторически объяснить вражду латинянъ къ византійцамъ, какъ вражду исконную, непрерывную, которая имѣла начало въ самомъ характерѣ націй, въ ихъ культурѣ, вѣрѣ и жизни. „Проклятые латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить и пользоваться благами; завидуя нашему счастію, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и искони строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ притворяясь друзьями, они ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги: когда они обращаются къ намъ съ ласковымъ и нѣжнымъ словомъ, и тогда это слово подобно стрѣлѣ

---

[1]) Ibid. p. 786. 10.

[2]) Ibid. p. 478. 8—10.

[3]) Nicet, p. 391. 1—15.

и обоюду-острому мечу. *Такъ, между нами и ними утвердилась величайшая пропасть различія.* Хотя мы и вступаемъ съ ними въ сношенія и часто пользуемся однимъ и тѣмъ же жилищемъ, однако насъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣжденій. Чрезвычайно гордые, надменно выпрямляющіе свой станъ, *они пользуются для своихъ выгодъ мягкостію нашего нрава, приниженностію и скромностію*“ [1]). Приведенныя слова имѣютъ глубокое значеніе въ устахъ византійца XII вѣка. Никита стоитъ выше вѣроисповѣдной вражды, раздѣлявшей востокъ съ западомъ. Не въ ней заключается діаметральная противоположность византинизма и латинизма, а во всемъ строѣ жизни исторической, въ нравственныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ того и другого народа. Такого глубоко-вѣрнаго взгляда напрасно стали бы мы искать во всей тогдашней литературѣ [2]). Ненависть и вражда латинства къ Византіи не допускаетъ возможности дружественныхъ договоровъ, взаимной помощи; напрасны обольщенія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, которыя думали связать латинянъ клятвами и договорами и тѣмъ сохранить независимость имперіи: это была мечта, которая разбивалась передъ исконной, вѣчной ненавистью двухъ міровъ [3]). Когда Никитѣ пришлось описывать завоеванія латинянъ въ византійскихъ провинціяхъ, послѣ взятія ими Цареграда въ 1204 году, онъ наведенъ былъ на слѣдующія грустныя размышленія: „что же я занимаюсь описаніемъ варварскихъ подвиговъ, и передаю потомству военныя событія, въ которыхъ одерживаютъ верхъ не греки? Какъ я могу исторію — это лучшее и прекраснѣйшее изобрѣтеніе еллинскаго духа посвятить на описаніе варварскихъ побѣдъ надъ еллинами“ [4]). И онъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторый перерывъ и началъ опять писать только послѣ того, какъ болгары одержали блистательную побѣду надъ латинянами, удовлетворивъ и его патріотическому чувству. Поступки латинянъ въ Цареградѣ по жестокости, святотатству и безпощадности, далеко не могутъ сравниться съ тѣмъ, какъ поступили турки съ христіанами, овладѣвъ Іерусалимомъ [5]).

---

[1]) Nicet, p. 391—392: ὡς πτέρναν φιλοῦσι τηρεῖν καὶ περιεργάζεσθαι τὸ λεῖον τοῦ ἤθους ἡμῶν καὶ ὑποκαταβαῖνον χαμαὶ διὰ τὸ τοῦ φρονήματος μέτριον.; снеси p. 537.

[2]) Tafel, Komnenen und Normannen. s. 239, Anmerk. 19.

[3]) Nicetas, p. 728. 11, 752. 7—9, 821. 16, 260. 13—14.

[4]) Ibid. p. 767—768.

[5]) Ibid. p. 762—763.

Но Никита не слѣпой и ожесточенный врагъ латинянъ. Его ненависть гражданскаго свойства: она не могла развиться до фанатизма, какъ свойственно враждѣ вѣроисповѣдной. Онъ умѣетъ подняться до трезваго и правильнаго взгляда на вещи, не отрицаетъ и въ латинянахъ добрыхъ качествъ, находитъ между ними примѣрныхъ людей, указываетъ образцовые обычаи, которымъ могли бы поучиться и византійцы.

Императору Мануилу приписывается такой взглядъ на враговъ, идущихъ съ запада. Онъ не рѣшался самъ идти войною противъ западныхъ народовъ, потому что считалъ ихъ страшными и непобѣдимыми. По его мнѣнію, византійскія войска въ сравненіи съ латинскими были тоже, что горшки въ сравненіи съ котлами. Опасаясь, что всѣ западные народы могутъ составить союзъ и отправиться на него войною, онъ постоянно держался мѣръ предупредительныхъ. Восточные народы можно, говаривалъ онъ, и подкупить и усмирить оружіемъ; западные же враги пугаютъ его своей многочисленностію. Надменные и гордые, они постоянно занимаются войной, идутъ на сраженіе закованные въ желѣзо, питаютъ непримиримую ненависть къ византійцамъ, вражду и досаду [1]). Этими опасеніями объясняются своеобразныя мѣры византійскаго двора, клонившіяся къ поддержанію вражды между нѣмецкими императорами и итальянскими городами. Въ виду опасности съ запада, которую понимали лучшіе люди XII вѣка, Никита оправдываетъ и мѣры императора, и громадныя издержки на итальянскую войну [2]).

Вообще главный упрекъ, который дѣлаетъ Никита латинянамъ, заключается въ надменности ихъ, жестокости и кровожадности [3]). Прежде всего западные крестоносцы поразили византійцевъ необычайною военною силой, многочисленной конницей, несмѣтнымъ множествомъ тяжеловооруженной пѣхоты: „войско это заковано въ мѣдь, смертоносно, глаза его блещутъ огнемъ, оно жаждетъ кровопролитія“ [4]). Невысокое мнѣніе, которое имѣли византійцы объ западныхъ народахъ, должно было теперь уступить мѣсто новому чувству

---

[1]) Nicet, p. 260.

[2]) Ibidem, p. 265. 1—10.

[3]) Почти обычная характеристика: λατινικὴ κόρυζα καὶ τὸ τοῦ φρονήματος αὐτῶν ἀταπείνωτον—p. 52. 16; καὶ τὴν λατινικὴν ἐξουδενώσας κόρυζαν—p. 214. 8.

[4]) Nicet, p. 82. 7—11.

по отношенію къ нимъ. Признавая за ними перевѣсъ физической силы, греки должны были питать патріотическое чувство выставленіемъ на видъ своей образованности, общественности, роскоши и величія, чего не имѣли эти грозные варвары. Принимая при своемъ дворѣ западныхъ государей и пословъ ихъ, императоры заботились о соблюденіи полнаго церемоніала: надѣвали лучшія свои украшенія, собирали весь пышный дворъ, разряженный и блистающій золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Но варвары не поражались величіемъ изнѣженнаго двора, не падали въ прахъ передъ могуществомъ императоровъ; напротивъ, богатство двора и столицы еще сильнѣе заставляло ихъ желать обладанія ею [1]). Варвары лишь болѣе убѣждались, что женоподобные и слабые византійцы не могутъ оказать имъ сопротивленія. Они смѣло ставили свои требованія, потому что издавна убѣдились, что римляне всю жизнь проводятъ или въ пьянствѣ, или въ вытрезвленіи послѣ попойки [2]) и что Византія подобна Сиварису, извѣстному своею изнѣженностію. Такими византійцы узнали латинянъ во время первыхъ походовъ ихъ въ св. землю, такими же нашли ихъ и въ 1204 году, когда Византія подпала господству крестоносцевъ. Со стороны латинянъ — недовѣріе и боязнь западни, со стороны византійцевъ — жалоба на жестокость и надменность — проводятся послѣдовательно во всемъ сочиненіи Никиты [3]). Тѣмъ не менѣе, мы надѣемся доказать, что Никита не былъ ослѣпленъ по отношенію къ латинянамъ; что патріотизмъ не закрывалъ для него истины. Никита порицаетъ послѣдовательно и согласно съ тѣми основными воззрѣніями, которыя мы пытались обозначить у него въ предыдущемъ изложеніи. Точность и вѣрность доводитъ онъ иногда до крайности. Не довѣряя молвѣ и общественному мнѣнію и въ другихъ случаяхъ, въ собираніи данныхъ о поступкахъ латинянъ въ Цареградѣ, сицилійцевъ въ Солуни, онъ пользовался какъ собственными наблюденіями, такъ и разсказами очевидцевъ. Въ немногихъ только случаяхъ онъ позволяетъ себѣ легковѣрныя и наивныя показанія. Та-

---

[1]) Ibidem p. 629.

[2]) Nicet, p. 717. 13.

[3]) Ibid. p. 792. 13. Маркизу Бонифацію приписывается такая жалоба на Балдуина: Γραικῶν ἀπατηλότερον καὶ τὸ ἦθος σκαμβώδη καὶ ἄπιστον καὶ παλίμβολον ὑπὲρ ὄστρακον καὶ κύβον...; p. 826. 7: ἥ τε γὰρ Λατίνων ὑπεροφία καὶ πρὸς Ῥωμαίους ὑποφία καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον τῆς πρώην προθέσεως εἶχετο... καὶ κατ' αὐτῶν τοὺς ὀδόντας ἔβρυχον.

ковы, напр., свидѣтельства о чудныхъ, непонятныхъ явленіяхъ въ природѣ и жизни, которыя носятъ на себѣ печать вымысла и разстроеннаго воображенія. Послѣ взятія сицилійцами Солуни, по его словамъ, ни одна собака не касалась труповъ рийлянъ, между тѣмъ какъ сицилійскія тѣла пожирались ими съ ненасытнымъ обжорствомъ, были даже разрываемы могилы и вытаскивались изъ нихъ трупы [1]).

Отзывы Никиты объ западныхъ сосѣдяхъ или не сочувственны, или, наоборотъ, сочувственны. Первые объясняются сознаніемъ превосходства византійской культуры передъ варварствомъ, признающимъ только одно право на землѣ — право силы и отрицающимъ просвѣтительное вліяніе на человѣка образованности; вторые имѣютъ своимъ основаніемъ идею справедливости и истины, извѣстнаго рода космополитизмъ, замѣчающій хорошую черту и въ зломъ врагѣ; въ силу этого чувства, для Никиты истина дороже соотечественниковъ, какъ любитъ онъ выражаться. Если бы мы рѣшились въ подробности указать всѣ нравственныя черты и поступки западныхъ крестоносцевъ, возбуждающіе строгій отзывъ нашего писателя, то намъ пришлось бы постоянно повторяться. Мы нашли бы, что варварство, гордость, жестокость, корыстолюбіе, святотатство и клятвопреступничество варьируются по разнымъ риторическимъ пріемамъ и окрашиваютъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится про латинянъ [2]). Эта сторона у Никиты довольно однообразна, въ связи повѣствованія она не дѣлаетъ такого рѣзкаго впечатлѣнія, какъ выбранная и поставленная отдѣльно. Отсюда, между прочимъ, можно вывести, что для пониманія его отношеній къ лицамъ и событіямъ, не слѣдуетъ удовлетворяться однимъ какимъ-либо отзывомъ и разсказомъ его, и что въ сущности онъ не былъ такимъ одностороннимъ патріотомъ и латиноѣдомъ, какимъ выставляютъ его въ литературѣ. Наши слова не будутъ бездоказательны, если мы приведемъ еще нѣкоторыя сужденія

---

[1]) Nicet, p. 471—2 и нѣсколько другихъ случаевъ, на которые будетъ сдѣлано указаніе въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Напримѣръ на стр. 761. 5—12 говорится про крестоносцевъ: такъ безаконничали западныя войска въ наслѣдіи Христовомъ, никому не оказывая человѣколюбія, но всѣхъ лишая средствъ къ жизни, имущества, жилищъ и одеждъ. Посмотрите на этотъ жестоковыйный (съ мѣдной шеей) народъ, какой у него дерзкій и надменный видъ! выбритый подбородокъ, жадная до убійства рука, раздувающіяся ноздри, широко раскрытые глаза, ненасытныя челюсти, неудовлетворенная страсть, быстрая и отрывистая рѣчь; ср. p. 729. 10, 796—7.

его о латинянахъ, которыя частію ослабляютъ, частію уничтожаютъ выше приведенныя рѣзкія выходки.

Никита нашелъ возможнымъ, если не примириться, то по крайней мѣрѣ дать удовлетворительное объясненіе дурнымъ поступкамъ латинянъ. Теплая вѣра въ судьбы промысла, не покидавшая Никиту до послѣднихъ дней жизни, внушила ему убѣжденіе, что Богъ наслалъ на преступную Византію этихъ разбойниковъ и пиратовъ, какъ орудіе своей кары. Та же вѣра поддерживала въ немъ надежду на возвратъ счастливыхъ дней. Если орудія казни Божіей преступятъ предѣлы умѣренности, переполнятъ чашу гнѣва Божія, то и сами, въ свою очередь, сдѣлаются жертвою новыхъ, еще болѣе грозныхъ враговъ, которыхъ Богу угодно будетъ послать на нихъ. При подобномъ воззрѣніи, Никитѣ можно было сочувственнѣе отнестись къ латинянамъ, не скрыть добрыя стороны нѣкоторыхъ предводителей крестоноснаго ополченія и указать достойныя подражанія народныя черты. Что и въ извѣстіяхъ объ латинянахъ Никита желалъ быть справедливымъ, доказывается, между прочимъ, его указаніями на двоедушную политику византійскаго двора, на засады, фальшивую монету, подкупъ турецкихъ правителей въ Малой Азіи и т. п.—обстоятельства, съ точки зрѣнія узкаго патріотизма, невыгодно рисующія византійцевъ.

Въ произведеніи Никиты есть не мало мѣстъ, указывающихъ на превосходство латинянъ передъ византійцами. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить признаніе за ними храбрости и военнаго искусства; затѣмъ, нѣкоторыхъ нравственныхъ преимуществъ какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Сообразно съ этимъ, отношенія Никиты къ западу въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ исторіи дѣлаются мягче, сочувственнѣе. Такимъ характеромъ отличается почти все описаніе походовъ Конрада III и Фридриха Барбароссы. Туркамъ, потерпѣвшимъ отъ крестоносцевъ, дѣлается такое внушеніе: „имъ бы не слѣдовало наносить вредъ людямъ, которые ничѣмъ не оскорбили ихъ; безразсудно раздражать свирѣпаго звѣря, когда онъ успокоился, и натравлять его на убійство“; и далѣе: „западныя войска показали здѣсь самымъ дѣломъ, что только по ихъ сдержанности римскія фаланги не были уничтожены, города остались не выжжены и жители не перебиты, на подобіе стада домашняго скота“[1]). На-

[1]) Nicetas, p. 89. 21, 90. 5.

мѣреваясь перейдти рѣку Меандръ, на противоположномъ берегу которой собрались значительныя турецкія силы, Конрадъ держитъ рѣчь къ своему ополченію. Не много найдется лѣтописныхъ извѣстій, которыя бы, по сочувствію къ идеѣ походовъ, по теплотѣ вѣры и геройской преданности предпринятому дѣлу, могли сравняться съ этою, безъ сомнѣнія, вложенною Никитою въ уста Конрада[1]) рѣчью. Какъ дополненіе къ ней, подтверждающее взглядъ Никиты на дѣло крестоносцевъ, описывается и чудесный переходъ нѣмцами рѣки Меандра. За Конрадомъ стремительно бросилась въ рѣку вся конница, копытами лошадей разсѣчена рѣка, и крестоносцы посуху перешли на другой ея берегъ, подобно тому, какъ нѣкогда евреи переправились черезъ рѣку Іорданъ[2]). Сочувственное отношеніе писателя къ крестоносцамъ не ограничивалось его внутреннимъ убѣжденіемъ, но проводилось даже въ императорскую политику, когда Никита могъ по своему положенію вліять на распоряженія двора. Таково именно было значеніе его во время III крестоваго похода, когда, въ качествѣ правителя филиппопольской области, онъ поставленъ былъ въ непосредственныя сношенія съ крестоносцами. Повести дѣло открыто, честно выполнить обѣщанія — Никитѣ мѣшали, съ одной стороны, глупость и нерадѣніе военныхъ людей Исаака Ангела[3]), а съ другой—разнорѣчивыя приказанія самаго императора. Понимая, что малая война, какую предприняли царскіе полководцы съ вѣдома императора, равно опасна для римскаго и крестоноснаго войска, Никита лично доложилъ императору, что много мѣшаетъ правильному ходу дѣлъ взаимное недовѣріе, что въ нѣмецкомъ лагерѣ передаются оскорбительные для царя слухи, будто онъ измѣнилъ союзу съ христіанами во имя клятвы, данной сарацинамъ, которую скрѣпилъ страшнымъ язы-

---

[1]) Ibid. p. 91—93; за немногими исключеніями, рѣчи въ исторіи Никиты выдаютъ мысли и соображенія самого автора.

[2]) Nicet. p. 94. ιθ. ὡς τοῦ ποταμίου χεύματος τὸ μὲν ἐς τὴν χέρσον ἐκτιναχθῆναι ταῖς τῶν ἵππων χηλαῖς, τὸ δὲ διακοπῆναι καὶ τῆς πρόσω στῆναι φορᾶς, ὡς εἶπερ εἰς ἀνάῤῥουν παρὰ φύσιν ἀνέλυεν, ἢ καὶ εἰς τοὐπίσω ἀνεστοιβάζετο, αὐτοὺς δὲ ὡς διὰ ξηρᾶς ὑγροποροῦντας παρὰ δόξαν τοῖς Πέρσαις ἐπεισπεσεῖν.

[3]) Ibid. p. 526. Протостраторъ Мануилъ Камица, дромологоѳетъ І. Дука и Кантакузинъ: οὗτοι ἀνεπιστημοσύνῃ τῶν ὀφειλόντων γενέσθαι καὶ μαλακότητι οἰκείᾳ (χρεὼν γὰρ καὶ φίλων ἡμῖν τῶν ἀνδρῶν ὄντων ὡς πρεσβυτέραν καὶ φιλτέραν τιμᾶν τὴν ἀλήθειαν) αὐτόν τε τὸν ῥῆγα κατὰ Ῥωμαίων ἐξέμηναν καὶ τὸν βασιλέα ὡς πολέμιον ἐκεῖνον ὑφορᾶσθαι παρέπεισαν.

ческимъ обрядомъ [1]). И дѣйствительно, ему удалось убѣдить царя, чтобы онъ переправилъ поскорѣе крестоносцевъ на азіятскій материкъ. Замѣтно, что Никита въ душѣ болѣе обвинялъ соотечественниковъ за несчастныя столкновенія съ крестоносцами, чѣмъ иностранное ополченіе. Завѣтная мысль его объ этомъ высказывается по слѣдующему случаю. Встрѣчая по бо́льшей части нерасположеніе мѣстныхъ жителей, въ Лаодикіи фригійской Фридрихъ неожиданно нашелъ радушіе и гостепріимство. Онъ былъ тронутъ этимъ и посылалъ лаодикійцамъ самыя теплыя благожеланія. „Поднявъ руки къ небу, возведши глаза и преклонивъ колѣна, король просилъ у Промыслителя ниспослать лаодикійцамъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Онъ присовокупилъ, что еслибы римская земля имѣла побольше такихъ людей, и еслибы въ ней такъ радушно принимали воиновъ Христовыхъ, то и они охотно бы платили имъ деньги и мирнымъ путемъ добывали бы продовольствіе; давно бы были уже пройдены римскія границы, и мечи ихъ спокойно бы лежали въ ножнахъ, не обагрившись христіанскою кровію“ [2]).

Нѣмцы даже отличаются умѣренностію и кротостію съ побѣжденными иконійскими турками: они не грабятъ Иконія, но, запасшись необходимыми средствами продовольствія, продолжаютъ путешествіе къ святой землѣ [3]). Говоря о смерти Фридриха Барбароссы, Никита пользуется почти тѣми же чертами въ восхваленіи его подвига, предпринятаго къ освобожденію святой земли, какими украшена и рѣчь Конрада къ своему ополченію [4]). Сопоставленіе отзывовъ Никиты о Конрадѣ и Фридрихѣ даетъ намъ новое доказательство, что идея походовъ была сочувственна Никитѣ, и что темныя стороны крестоносцевъ были взяты съ дѣйствительности. Военныя преимущества западнаго войска признаются нашимъ писателемъ при сравненіи иностранцевъ и съ соотечественниками, и съ азіятскими народами. Западныя войска — это котлы въ сравненіи съ горшками, по выраженію импе-

---

[1]) Nicet, p. 536. 1—10. καὶ κατὰ τὸ παρ' αὐτοῖς περὶ φιλίας κρατοῦν ἔθιμον ἀμφοτέρους σχάσαι φλέβα τὴν ἐπιστήθιον καὶ τὸ ἐκεῖθεν ἐκρυὲν αἷμα ἑκάτερον εἰς πόσιν ἀντιπροτείνασθαι.

[2]) Nicet, p. 540. 1—10.

[3]) Ibid. p. 543. 4—5.

[4]) Ср. p. 91—93 съ 545—546. Дѣятельность Фридриха уподобляется проповѣдническимъ подвигамъ апостола Павла: καὶ ὁ μὲν, ὡς ἐμὸν τὸν πειθῶ, μακαριστοῦ τετύχηκε τέλους.

ратора Мануила[1]), мѣдныя статуи или непобѣдимые исполины, по словамъ Никиты, которые способны запугать всякаго врага[2]). Римское войско страшится одного имени такихъ враговъ и отказываетъ въ повиновеніи своему вождю[3]). Кто не знаетъ, говоритъ онъ съ горечью, что латиняне, занявъ какую-либо страну или городъ, такъ прочно утверждаются на новомъ мѣстѣ, какъ на своей родинѣ; для этого они не останавливаются ни передъ какими затрудненіями. Не такъ поступаютъ римляне: они готовы отказаться въ пользу всякаго даже отъ послѣдней одежды. Покидая отечество, они легкомысленно отрясаютъ прахъ отъ ногъ своихъ, какъ ничтожные и низкіе трусы, дрожащіе отъ страха при видѣ враговъ, въ сраженіи болѣе негодные, чѣмъ женщины[4]).

Такъ, мы видимъ, что у злѣйшихъ враговъ Никита находитъ качества, достойныя похвалы и подражанія римлянъ. Такимъ качествомъ, между другими, является постоянство ихъ и принципъ законности. Годъ и четыре мѣсяца латинская имперія въ Цареградѣ управлялась безъ короля; латиняне не прежде короновали преемника Балдуину, какъ доподлинно узнали, что онъ умеръ въ плѣну у Іоанна болгарскаго. Эта черта естественно была сочувственна Никитѣ, который зналъ происки и интриги византійскихъ придворныхъ при назначеніи и сверженіи императоровъ. „Да узнаютъ объ этомъ римляне, говоритъ онъ, которые уже во время избранія новаго императора намѣчаютъ въ умѣ своемъ того, кто въ скорости долженъ низвергнуть его. Потому-то, по справедливости, у всѣхъ народовъ они извѣстны какъ матереубійцы—эхидны, какъ народъ, потерявшій разсудокъ, сыны беззаконія, возбуждающіе между нами раздоры“[5]). Нравственныя достоинства нѣкоторыхъ лицъ также выставляются въ примѣръ для подражанія безнравственнымъ соотечественникамъ. Лучшую славу въ этомъ отношеніи стяжалъ себѣ король цареградскій Балдуинъ. Замѣтно, что образъ его у Никиты значительно окрашенъ, что на характеристику его вліяли отзывы современниковъ и близкихъ къ Бал-

---

[1]) Ibid. p. 260. 3.

[2]) Ibid. p. 539. 14—15.

[3]) Ibid. p. 685. 17.

[4]) Nicet. p. 850. Въ заключеніе этой безотрадной картины приводится изъ Иліады (XIII. 279—283) характеристика робкаго мужа. Сицилійскіе плѣнники, освобожденные отъ оковъ, составляли лучшую фалангу въ войскѣ Алексѣя Враны и доставили ему перевѣсъ надъ царскими войсками. p. 493. 20.

[5]) Nicet, p. 847. 7—15.

дуину людей. Графъ Балдуинъ, по этимъ отзывамъ, былъ человѣкъ благочестивый, воздержной жизни; онъ не касался женщины во все время, пока былъ въ разлукѣ съ супругою; онъ любилъ церковныя пѣснопѣнія, помогалъ людямъ нуждающимся, спокойно выслушивалъ противорѣчія. Что же самое главное—дважды въ недѣлю по вечерамъ онъ приказывалъ дѣлать объявленіе, чтобы въ его дворцѣ не оставался спать тотъ, кто приближался къ незаконной женѣ [1]).

Изъ всѣхъ западныхъ народовъ венеціянцы болѣе извѣстны были византійцамъ какъ по торговымъ сношеніямъ, такъ и по тому, что въ Цареградѣ постоянно жило много людей изъ этой торговой республики. Венеціянцы неоднократно подвергались поголовному изгнанію изъ столицы, разграбленію и лишенію торговыхъ преимуществъ. Никита очень хорошо понимаетъ, что печальный для Византіи исходъ IV похода приготовленъ венеціянскимъ дожемъ, старымъ слѣпцемъ Генрихомъ Дандуло [2]). Но какъ относится Никита къ венеціянцамъ? Домъ его былъ открытъ для этихъ пришлецовъ, между иностранцами венеціянскаго квартала было не мало искреннихъ друзей Никиты; наконецъ, защитой чести и жизни нашъ писатель обязанъ тѣмъ же венеціянцамъ [3]). Въ заключеніе укажемъ на то, что если упреки западнымъ крестоносцамъ рѣзки, то, съ другой стороны, они однообразны: ненависть и презрѣніе, между тѣмъ, могли бы подсказать Никитѣ болѣе красокъ и разнообразія, должны бы помрачить для него свѣтлыя стороны западной жизни. Затѣмъ, общее впечатлѣніе о жестокости и насиліяхъ латинянъ въ Цареградѣ усиливается особенно въ слѣдствіе мастерскаго таланта, которымъ владѣетъ писатель. Но и въ этомъ отношеніи поступки латинянъ въ Цареградѣ представляютъ въ сущности полное сходство съ грабительствомъ сицилійцевъ въ Солуни. Если сравнить то и другое описаніе, то окажется между ними много аналогіи даже въ частностяхъ, что должно навести читателя на мысль о взаимной зависимости этихъ двухъ описаній и возможности отдѣлить существенное отъ риторическихъ украшеній [4]). Въ этихъ

---

[1]) Ibid. p. 790. 14—22.

[2]) Nicet, p. 814. 6. Венеціянцы представляли въ себѣ самыхъ страшныхъ враговъ имперіи: передъ ними отступалъ даже рыцарски-рѣшительный императоръ Мануилъ, p. 115. 15.

[3]) Ibid. p. 777—778.

[4]) Ср. p. 385—398 (разграбленіе Солуни сицилійцами) и 757—770 (варварство латинянъ въ Цареградѣ).

описаніяхъ важны для историка не частности, но общій складъ, непосредственное чувство современника, свидѣтельство котораго представляетъ отголосокъ общественнаго мнѣнія. Отзывъ Никиты о другихъ иностранцахъ: азіятскихъ (туркахъ) и европейскихъ (славянахъ) для характеристики направленія его не представляетъ новыхъ любопытныхъ чертъ. И въ сужденіи о туркахъ и славянахъ онъ выставляетъ на видъ преимущество цивилизаціи передъ варварствомъ: съ особеннымъ удовольствіемъ описываетъ чувство изумленія иконійскаго султана, когда ему были показаны сокровища двора; раздѣляетъ патріотическія чувства городской толпы, когда одинъ агарянинъ захотѣлъ летѣть въ циркѣ и оправдалъ на себѣ сказку объ Икарѣ[1]). По его взгляду, и эти враги питаютъ неумолимую вражду къ имперіи, пользуясь всякимъ случаемъ вредить ей [2]), представляютъ собою бичъ, кару Божію, насланную на отступническій народъ [3]). Но разсматривая отношеніе варваровъ къ побѣжденнымъ римлянамъ, онъ сознается, что послѣднимъ лучше быть въ рабствѣ у турокъ, чѣмъ на свободѣ въ своемъ отечествѣ [4]), что турки — язычники человѣчнѣе обращаются съ христіанами, чѣмъ христіане между собою [5]). Признаются высокія военныя дарованія у славянскихъ вождей, но выставляется и ихъ необразованность, грубость [6]); Андроникъ Комнинъ оттого былъ жестокъ и неукротимъ, что много жилъ со славянами и позаимствовался отъ нихъ грубыми нравами и жестокостію [7]).

Взглядъ Никиты на столичное населеніе.

Мы переходимъ къ любопытнѣйшему отдѣлу исторіи Никиты, который всего болѣе носитъ на себѣ слѣдовъ лица писателя. Это характеристика населенія столицы. Населеніе столицы, а частію и всей имперіи, представляло смѣсь народовъ разнаго происхожденія. Въ политикѣ императоровъ XII вѣка продолжается еще старый обычай — отдавать для поселенія пустопорожнія земли и цѣлыя области, переводить и водворять военно-плѣнныхъ въ болѣе отдаленныхъ провин-

---

[1]) Nicet, p. 156—158.
[2]) Ibidem p. 831. 21.
[3]) Ibidem p. 815. 24.
[4]) Ibidem p. 656—7.
[5]) Nicet, p. 762. 11.
[6]) Ibidem p. 678—9, 670, 566. 4.
[7]) Ibidem p. 405. 17—18.

ціяхъ. Всего замѣтнѣе эта смѣсь была въ столицѣ. Множество торговыхъ людей всякаго рода являлось въ Цареградъ для взаимныхъ сдѣлокъ; значительная часть населенія занята была промыслами, ремеслами и мелкою торговлею, и столица была переполнена иностранцами [1]). Можно понять, что съ точки зрѣнія Никиты этотъ пришлый элементъ не могъ пользоваться сочувствіемъ. Въ немъ онъ не находитъ тѣхъ качествъ, которыя свойственны чистому римлянину, и потому въ его представленіи не тожественны понятія: римляне и населеніе византійской имперіи, первое — его идеалъ, второе — фактъ, жизнь. Не будетъ даже преувеличеніемъ, если скажемъ, что римская доблесть, римскіе нравы, оставшіеся лишь какъ теоретическое представленіе въ душѣ писателя, нигдѣ не находили оправданія и приложенія въ византійскомъ обществѣ XII в., за исключеніемъ горсти еллински—образованныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Никита. Тѣмъ не менѣе, писатель не могъ не остановиться на этой „грубой, низкой и пьяной толпѣ", которая своимъ участіемъ рѣшала многія политическія затрудненія, не разъ заставляла императоровъ внимательно подумать о своихъ обязанностяхъ, не рѣдко предупреждала преступныя и несправедливыя дѣйствія царедворцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, населеніе Византіи отличалось рѣдкою подвижностію: оно пользовалось всякимъ случаемъ къ волненію, тысячами слѣдовало за ораторами и вожаками, слѣпо довѣряя имъ. Когда разливалось пламя возстанія, народъ массами выбѣгалъ изъ своихъ жилищъ на улицы и площади и принималъ живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Оттого-то такъ легко происходили въ Цареградѣ правительственные перевороты; оттого такъ обманчиво было расположеніе народа. Эти ремесленники, мясники, продавцы овощей, лавочники — дѣлались страшною силой, когда имѣли смѣлыхъ и вліятельныхъ вожаковъ, тогда они силою добивались у правительства уступки. Съ другой стороны, эта сбродная масса, легко поднимавшаяся противъ императора и его чиновниковъ, обладала тонкою чувствительностію, живымъ пониманіемъ правды и неправды, участіемъ къ горю ближняго. Ее можно было довести до слезъ, и тогда императоръ могъ дорого поплатиться за свои притѣсненія и несправедливости, а его жаднымъ чиновникамъ давался внушительный урокъ. Извѣстная доля законности, присущей сознанію народа, выражается всякій разъ въ сочувствіи къ устраненному несправедливо

[1]) О населеніи Цареграда, Σκαρλατου του Βυζαντιου I. p. 72—75 и слѣд.

отъ власти, даже къ самозванцу, если въ немъ есть признаки сходства съ тѣмъ, чье имя онъ взялъ на себя. Остроуміе, веселость и находчивость этой толпы поразительны.

Никита не скрываетъ отъ читателя живыхъ чертъ населенія; но онъ рисуетъ эти черты нѣсколько черными красками. Толпа не заслуживаетъ его сочувствія, какъ и правительственныя лица рѣдко пользуются расположеніемъ толпы. Къ византійскому народу онъ относится съ высокими запросами; сравнивая его съ аѳинскимъ димомъ, находитъ, что современное ему общество, преданное торговлѣ и барышничеству, далеко уступаетъ еллинамъ, которые были послушны внушеніямъ лучшихъ мужей. „Для современныхъ же намъ цареградцевъ, да и для обитателей другихъ мѣстъ, обличенія — настоящія раны. У многихъ изъ нихъ и уши не способны воспринимать разумнаго совѣта, и сладость свободы, какова бы она ни была теперь, не понятна имъ, какъ медъ не имѣвшимъ случая испробовать вкусъ его“ [1]).

Такимъ образомъ, Никита относится къ населенію имперіи не какъ къ потомкамъ древнихъ еллиновъ, которые заслуживаютъ его полнаго расположенія, а почти какъ къ варварамъ. Съ его точки зрѣнія, различающей римлянъ и не римлянъ, благородныхъ и низкихъ, образованныхъ и грубыхъ — такое отношеніе понятно. Противопоставленіе благородныхъ и образованныхъ людей низшему классу народа — всегда довольно рѣзкое, такъ что мы не думаемъ преувеличить, назвавъ нашего писателя аристократомъ въ душѣ [2]); только его аристократизмъ гораздо шире обыкновеннаго понятія, заключающагося въ этомъ словѣ: все лучшее, высокое, нравственное и образованное должно подойдти подъ это понятіе. Рѣзкіе отзывы о византійскомъ народѣ находятся по большей части во второй половинѣ произведенія Никиты; исторія же царей Іоанна и Мануила не представляетъ въ себѣ существенныхъ чертъ, по которымъ бы мы могли судить объ отношеніяхъ Никиты къ народу. И это не безъ причины. Въ свое время мы воспользуемся этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ другими, при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія исторіи. Царствованіе двухъ императоровъ, т. е. 290 стр. всего сочиненія, представляютъ болѣе спокойствія въ писателѣ, отсутствіе желчнаго на-

---

[1]) Nicet, p. 773. 3, 16—21.

[2]) Ibidem, p. 785, 18. οἳ συνεκοινώνουν ἡμῖν σχήματος καὶ τῶν λογικῶν ἐν μετέξει παιδεύσεων; οἱ δ' ἐκ τῆς φαύλης συμμορίας καὶ ἀγοραῖοι....

строенія, недостатокъ намековъ на современныя писанію исторіи обстоятельства. А такія обстоятельства, которыя могли бы вызвать Никиту на раздраженіе противъ городскаго населенія, были и въ это время, напр.: волненія при вступленіи на престолъ I. Комнина, равно какъ при назначеніи Іоанномъ въ преемники себѣ Мануила, помимо старшаго сына Исаака и др. [1]).

Въ описаніи послѣдующихъ царствованій, начиная съ Алексѣя II, Никита представляетъ византійскій народъ уже принимающимъ участіе почти во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ. Малолѣтній Алексѣй II, преемникъ императора Мануила, былъ устраненъ отъ дѣлъ своею матерью и любимцемъ ея, протосевастомъ Алексѣемъ. Тогда дочь императора Мануила, порфирородная царевна Марія, выданная замужъ за итальянскаго принца, возведеннаго въ санъ цесаря, задумала свергнуть свою мачиху и ея любимца. Но заговоръ ея былъ открытъ, и сообщники преданы суду. Сама же она прибѣжала въ соборъ св. Софіи и просила въ немъ убѣжища. Своею жалобой на мачиху и ея любимца „она не только возбудила состраданіе въ патріархѣ и церковномъ клирѣ, но и многихъ изъ толпы народа и черни такъ разжалобила и взволновала, что они чуть не заплакали по ней“ [2]). Возбудивъ къ себѣ состраданіе въ народѣ, царевна достигла многаго. У ней явились защитники, занявшіе входы и выходы изъ храма и сдѣлавшіе изъ дома молитвы укрѣпленный замокъ. По этому случаю писатель дѣлаетъ такую характеристику народа. „И во всякомъ другомъ городѣ народная толпа безразсудна и непреодолима, если рѣшится на что: цареградская же уличная толпа [3]) особенно склонна къ волненіямъ, отличается необузданностію и кривымъ нравомъ, какъ

---

[1]) Nicet, p. 67, 5—15. Замѣчательна сдержанность, съ которою отзывается Никита о возможности волненій въ столицѣ: Ἐπειδὴ γὰρ ὑπόνοιά τις τὸν κρατοῦντα ὑπέτρεχεν οὐκ ἀνεύλογος, μήπως ἢ αὐτὸς Ἰσαάκιος.... τὰ κατὰ τὴν πόλιν διαστασιάσειε πράγματα.... εἶτ' οὖν ἡ ταῖς τῶν βασιλέων προβλήσεσί τε καὶ μεταθέσεσιν ἀεί πως ἐπεισερχομένη φιλοτάραχος καὶ νεωτεροποιὸς τῶν πλείστων ἔφεσις....

[2]) Nicet, p. 302, 10. ἀλλὰ καὶ πλείστους τῶν ἐκ τοῦ ξύγκλυδος δήμου καὶ σύρφακος.... чернь обозначена словами: σύρφαξ, τὸ πτοχεῦον πλῆθος.

[3]) Ibidem, p. 304. 6. τὸ δὲ τῆς Κωνσταντίνου ἀγοραῖον. Первоначально ἀγοραῖος не заключало въ себѣ того презрительнаго смысла, который соединяетъ Никита съ этимъ словомъ. Аристотель, Polit. IV, называетъ такъ 3-ю часть населенія, которая занималась куплею и продажей. Съ теченіемъ времени ἀγοραῖος стало употребляться pro triviali, vulgari, vili; Евстаѳій, ad. Iliad. B. 143, говоритъ: n universum erat nomen invidiosum; см. Thesaurus linguae Graecae, Paris. 1831.

потому, что состоитъ изъ разноплеменныхъ народовъ, такъ и потому, что, при разнообразіи занятій, пріучается къ разнообразію въ убѣжденіяхъ. Иногда по одному слуху начинаетъ она волноваться, какъ пожаръ разливается возстаніе, толпа смѣло идетъ на мечи, не останавливается передъ утесомъ и глухимъ валомъ; но иногда она становится робкою, трусливою и всякому желающему позволяетъ попирать себя ногами. Итакъ, по справедливости порицается она за непостоянство характера, слабость и измѣнчивость. Ибо сбродное населеніе Цареграда [1]) ни разу еще не сдѣлало добра себѣ, ни однажды не послушалось общеполезнаго совѣта. Во всемъ отличаясь отъ жителей другихъ счастливыхъ городовъ, византійцы безъ всякой пользы для себя пересылаютъ въ другіе иноплеменные города все то, что даетъ имъ земля и море. Неуваженіе къ властямъ какъ будто природное ихъ качество; кого сегодня законно выбираютъ во властители, того скоро затѣмъ будутъ порицать какъ злодѣя. Въ томъ и другомъ случаѣ они поступаютъ безъ разумныхъ основаній, безъ сознательнаго выбора, по легкости разсудка“ [2]).

Чтобы дать правильную оцѣнку всѣмъ мѣстамъ, гдѣ идетъ рѣчь о цареградскомъ населеніи, мы должны опредѣлить, что̀ составляетъ главную причину рѣзкихъ отзывовъ Никиты. Можно видѣть, что нашъ писатель по преимуществу негодуетъ противъ того класса населенія, который занимается ремеслами, мелкою торговлей и поденнымъ трудомъ. Какъ и во всякомъ большомъ городѣ, въ Цареградѣ этотъ классъ представлялъ собою постоянный протестъ противъ накопленія богатствъ въ однихъ рукахъ и чрезмѣрнаго усиленія партій. Бѣдный бездомный людъ не рѣдко служилъ орудіемъ для людей, добивавшихся власти, вліянія или ниспроверженія существовавшаго порядка. Между тѣмъ Никита, не смотря на порицаніе современной правительственной системы и упреки царямъ, въ душѣ былъ глубокій приверженецъ и защитникъ власти, порядка и подчиненія. Какъ юристъ, изучившій римское право, и какъ общественный дѣятель, нѣкоторое время стоявшій во главѣ управленія, на самовольныя дѣйствія лица и цѣлаго общества онъ смотрѣлъ какъ на нарушеніе правильнаго хода государственной жизни. Всякій разъ, какъ народъ заявляетъ свою волю недовольствомъ-ли общественными дѣлами, или привязанностію къ человѣку, опасному для существующаго правительства —

---

[1]) p. 304, 20. οἱ τῆς Κωνσταντίνου σύγκλυδες ὄχλοι.

[2]) Nicet, p. 304—305.

Никита называетъ такія обнаруженія свободы возмущеніемъ и заговоромъ, хотя, по своимъ взглядамъ на ничтожное правительство, и могъ бы сочувственно отнестись къ желаніямъ народа [1]). Не слѣдуетъ, однако, опускать изъ виду и того, что во время народныхъ движеній, сопровождавшихъ частые перевороты въ Цареградѣ, подвергалось расхищенію имущество и дома богатыхъ гражданъ [2]): легкая нажива и обогащеніе чужимъ добромъ поощряли разнузданность и разжигали страсти толпы. Безъ сомнѣнія, Никита не могъ сочувствовать дикимъ инстинктамъ черни; но мы не стали-бы и останавливаться на этомъ, если бы онъ порицалъ только однѣ такія стороны. По нашему мнѣнію, въ отзывы о византійскомъ народѣ Никита привнесъ много желчи, раздраженія и не заслуженнаго презрѣнія. Пристрастіе иногда не позволяетъ ему сдѣлать справедливой оцѣнки тѣмъ переворотамъ, которые совершались при участіи народнаго движенія, и вызываетъ въ немъ строгій упрекъ къ такимъ поступкамъ и желаніямъ народа, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Изъ многихъ мѣстъ такого рода укажемъ нѣкоторыя.

Когда императоръ Андроникъ, желая въ самомъ основаніи измѣнить иностранную политику Византіи, рѣшился изгнать венеціянъ и другихъ иностранцевъ изъ Цареграда, народъ всею душой былъ за царское желаніе и помогъ ему очистить городъ отъ западныхъ пришельцевъ. Городской димъ съ суши и съ моря напалъ на своихъ соперниковъ по торговлѣ и заставилъ ихъ поспѣшно убраться [3]). Подобный же случай повторился въ царствованіе Исаака Ангела. Соперникъ его, Алексѣй Врана, подступившій къ самымъ стѣнамъ Цареграда, нашелъ себѣ значительное подкрѣпленіе и сочувствіе въ приморскомъ населеніи окрестностей столицы. Обитатели Пропонтиды, рыболовнымъ промысломъ пріученные владѣть рулемъ, доставили Вранѣ многочисленный флотъ; легкія на ходу суда ихъ, быстро нападая на тяжелые корабли императорскаго флота, нанесли ему сильный вредъ [4]). Когда было уничтожено возстаніе и приверженцы Враны

[1]) Nicet, p. 600, 21. τῶν βαναύσων καὶ ξυγκλύδων τινὲς φιλοτάραχοι φάτρίαν κροτήσαντες καὶ σύστρεμμα ποιησάμενοι.... οὐκέτι λέγοντες θέλειν ὑπὸ Κομνηνῶν βασιλεύεσθαι γεγενημένων αὐτοῖς εἰς πλησμονήν.

[2]) Nicet. p. 698. 1.; 513.

[3]) Ibidem p. 325. 21, 326. 1—10.

[4]) Nicet, p. 494—495. μετὰ δὲ τοῦτο καὶ τοὺς τῆς Προποντίδος οἰκήτορας εἰς ἑαυτοὺς ἐπεσπάσατο, οἳ μάχης μὲν οὐ πάντες ἴστορες, κώπην δ' ἐλαύνειν παμπληθεὶ ἄριστοι....

разошлись по мѣстамъ своего обитанія, царь употребилъ слѣдующее средство для наказанія ихъ: онъ далъ разрѣшеніе гражданамъ и иностранцамъ, бывшимъ въ Цареградѣ, по личному усмотрѣнію, наказать подгородныхъ жителей за ихъ помощь Вранѣ. Въ ночь, послѣ усмиренія мятежа, греческій огонь началъ опустошать жилища и имущества несчастныхъ пропонтидцевъ; утромъ вооруженный отрядъ, въ соединеніи съ толпою бѣднаго народа [1]), началъ грабить и опустошать то, что было пощажено огнемъ. Страсти разыгрались до полной разнузданности: византійцы преслѣдовали соотечественниковъ въ союзѣ съ латинянами. Возстановителемъ порядка является ремесленный классъ населенія [2]), всего болѣе порицаемый нашимъ писателемъ. Въ немъ сказалась затаенная ненависть къ иностранцамъ, которые начали уже много думать о себѣ послѣ усмиренія мятежа Враны и жестокой расправы съ пригороднымъ населеніемъ столицы. Ремесленники напали на дома латинянъ (вѣроятно, здѣсь разумѣются венеціяне и пизанцы) съ намѣреніемъ отплатить имъ за грабежъ грабежемъ. „Неясный гулъ голосовъ наполнилъ воздухъ: можно было подумать, что это стаи галокъ, журавлей и скворцевъ съ крикомъ поднялись съ мѣста, либо охотники насвистывали и псари натравляли своры собакъ; такъ шумѣли эти люди, поощряя другъ друга и таща за одежды. Никто изъ нихъ не былъ въ состояніи выслушать мирныхъ увѣщаній, но, какъ аспиды съ заткнутыми ушами, они не обращали вниманія на умное слово. Этою презрѣнною толпою [3]) руководило не одно безразсудное раздраженіе, но и страсть къ легкой наживѣ; она думала, что теперь удобное время выгнать латинянъ изъ ихъ жилищъ и расхитить ихъ имущества, какъ это сдѣлано было при царѣ Андроникѣ“. Во время болѣзни Алексѣя Комнина Ангела III поднятъ былъ вопросъ о преемникѣ ему. Говоря о предлагаемыхъ лицахъ, и указывая на эгоизмъ придворныхъ, которые въ выборѣ царя руко-

---

[1]) Ibidem, p. 511. ἀγελαῖον καὶ πτωχεῦον πλῆθος τῆς πόλεως. Общая картина жестокости, грабежа, убійства и поруганія въ сущности сходна съ картиной разграбленія Солуни сицилійцами и Цареграда латинянами.

[2]) Nicet, p. 511. 21. καὶ τὸ τῆς πόλεως χειρωνακτικὸν καὶ ὅσον οὐ συνεπευδόκησε τοῖς λοιποῖς ἐπὶ τὰ ἱστορημένα ἤδη τῷ λέγειν μοι.

[3]) Ibidem p. 512. 12. τῆς τότε τῶν ἀγοραίων συνδρομῆς; 21 ὁ δ' ἀγελαῖος ὄχλος; p. 513. 20. πρὸς τὸν ἀποχειροβίοτον λαὸν.... μαλάξαι τοὺς σύρφακας ὡς ἀποχωρῆσαι πρὸς τὸ οἰκεῖον ἕκαστον ἐπιτήδευμα; 514. 1—2, μὴ τοῦ συνήθους ἡγεμόνος τοῦ οἴνου σφᾶς θωρακίσαντος; 6, οἱ καὶ ταπύρων οἰνοβαρέστεροι, οἱ ταῖς σμίλαις καὶ ταῖς ῥαφίσι προσανέχοντες...

водились личнымъ, а не общимъ благомъ, писатель переходитъ къ низшему классу. По его словамъ, были даже люди, которые еще вчера грызли желуди и не вычистили зубовъ послѣ понтійской свинины, — и они также обнаруживали притязаніе на царскую власть: ихъ поддерживала продажная и чревоугодная рыночная толпа [1]).

Въ своихъ неодобрительныхъ отзывахъ о византійскомъ народѣ Никита не отличаетъ даже патріотическихъ поступковъ соотечественниковъ. Когда латиняне во время IV похода окружили столицу, населенію Цареграда естественно было выразить подозрѣніе къ иностранцамъ. Дѣйствительно, толпа напала на жилища западныхъ иноплеменниковъ и разрушила ихъ до основанія. Для Никиты и этотъ поступокъ есть „безразсудство и нелѣпость грубой городской черни“ [2]), которая ни сама не въ состояніи сдѣлать чего-либо похвальнаго, ни выслушать добрый совѣтъ отъ посторонняго лица. Самыя скромныя проявленія недовольства властію (по поводу тяжелыхъ налоговъ, бездѣятельности правительства къ освобожденію отечества отъ внѣшнихъ враговъ и др.) Никита или не признаетъ справедливыми и порицаетъ, когда они исходятъ изъ народа [3]), или упоминаетъ о нихъ, какъ о безразличныхъ дѣйствіяхъ, иногда же видитъ тутъ только проявленіе грубой страсти. Однимъ словомъ, у жителей Цареграда всегда беретъ перевѣсъ дурное, говоритъ онъ по поводу избранія на царство Алексѣя Дуки [4]). Наконецъ, онъ отдѣляетъ судьбу высшаго и низшаго класса даже по завоеваніи Цареграда. Въ то время, какъ первый лишился всего имущества въ пользу непріятелей, послѣдній, по его словамъ, обогатился, пріобрѣтая за ничтожную цѣну награбленныя латинянами сокровища. И здѣсь писатель не могъ скрыть источника враждебнаго чувства къ народу: для него особенно оскорбительно то, что эти земледѣльцы и пастухи бѣдность и нищету богатыхъ лицъ принимали за равноправность [5]), „они радовались об-

[1]) Ibid. p. 661. 3—8. ὁπόσοι τῶν ἀγοραίων ὤνιοι χρημάτων καὶ κοιλιόδουλοι.

[2]) Ibid. p. 730. 5. τὸ χυδαΐζον στῖφος τῆς πόλεως; за неуваженіе къ памятникамъ древняго искусства высказываются упреки: τὸν τὴν ὁρμὴν συώδη καὶ ἀτάσθαλον δῆμον... τῶν ἀγοραίων οἱ φιλοινότεροι.

[3]) Ibid. p. 740. 15, 741. 20, 743. 2. 19: οἱ δὲ λαοὶ χρῆμά τι ὄντες ἀφελὲς καὶ εὐρίπιστον, καὶ πλέον τοῦ θελήματαίνειν οὐδὲν ἐπιστάμενοι, οὐκέτ' ἔφασκον ὑπ' Ἀγγέλων βούλεσθαι βασιλεύεσθαι.

[4]) Nic. p. 746. 13. Припомнимъ, что А. Дукой нашъ писатель не могъ быть доволенъ и по личнымъ отношеніямъ.

[5]) Ibid. p. 785, 9. 10. 20. οἱ δ' ἀγροῖκοι καὶ ἀγελαῖοι ἐπεχερτόμουν μᾶλλον τοῖς ἐκ Βυζαντίου ἡμῖν... οἱ δ' ἐκ τῆς φαύλης συμμορίας καὶ ἀγοραῖοι ἐχρηματίζοντο.

щему несчастію, говоря: слава Богу, мы стали богаты!" Послѣднія слова, впрочемъ, могутъ имѣть за собой все значеніе истины, такъ какъ интересы народа и высшихъ классовъ, естественно, шли по разнымъ направленіямъ. Но нельзя придавать безусловнаго значенія такимъ отзывамъ: народъ женственъ и уступчивъ со врагами, безстыденъ, дерзокъ и смѣлъ съ соотечественниками; предавъ врагамъ и городъ, и насъ, безсовѣстно обвиняетъ сенаторское сословіе въ измѣнѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли народъ больше виновенъ въ бѣдствіяхъ 1204 года, чѣмъ правительство и высшія сословія. Византійскій народъ отличался замѣчательною подвижностію, чуткимъ пониманіемъ политическихъ событій и придворныхъ переворотовъ. Никита видитъ въ этомъ одну дурную сторону и указываетъ своимъ соотечественникамъ на достойный подражанія примѣръ латинянъ, которые остаются вѣрны королю до его смерти.

Однажды, при императорѣ Алексѣѣ III, былъ взятъ подъ стражу одинъ купецъ, по прозванію Каломодій. Всѣ знали, что причина ареста заключалась въ огромныхъ богатствахъ его и въ корыстолюбіи правительственныхъ лицъ, желавшихъ присвоить себѣ чужое добро. Любопытно при этомъ впечатлѣніе, произведенное на уличную толпу [2]) извѣстіемъ о заключеніи Каломодія. Подъ страшными угрозами она потребовала отъ патріарха I. Каматира, чтобы тотъ вступился за беззащитную жертву несправедливости и достигла того, что Каломодій получилъ свободу [3]). Мы отмѣчаемъ эти извѣстія, потому что онѣ очень характерно рисуютъ и значеніе народа въ столицѣ, и отношеніе къ нему писателя. Подобныя вспышки благороднаго негодованія на явную несправедливость Никитѣ представляются лишь возмущеніемъ, мятежемъ. Онъ не хочетъ признать въ такихъ фактахъ торжества принципа справедливости, который онъ ставитъ, по его же сознанію, выше всего. Приведемъ еще подобный случай чувствительности населенія столицы къ общественнымъ дѣламъ.

Начальникъ преторіянской темницы, Лагъ, нажившій себѣ средства возмутительнымъ способомъ, именно—дѣлежемъ добычи съ извѣстнѣйшими ворами, которыхъ онъ выпускалъ по ночамъ для грабежа, не смотря на улики и жалобы, долго не былъ наказываемъ

---

[1]) Ibid. p. 850. 18—20.

[2]) οἱ γὰρ ἀγοραῖοι.

[3]) Ibid. p. 693 — 694.

правительствомъ. Наконецъ, само населеніе, выведенное изъ терпѣнія, рѣшилось принять противъ него мѣры. Воздѣйствіе въ этомъ случаѣ приписывается тому же низшему классу, презираемому нашимъ писателемъ. Разъ Лагъ подвергъ тяжелому наказанію одного бѣдняка изъ толпы; это произвело волненіе между его собратьями по ремеслу, которое грозило большою опасностію для самаго правительства [1]), ибо собравшіяся массы народа хотѣли пройдти въ храмъ св. Софіи и провозгласить новаго императора; на счетъ же Алексѣя начали раздаваться въ толпѣ неприличныя шутки и выходки. Страсти разгорѣлись до того, что когда появился съ вооруженнымъ отрядомъ городской эпархъ, К. Торникъ, чернь забросала его камнями, разогнала отрядъ и, разломавъ двери темницы, выпустила узниковъ. Это опасное движеніе было подавлено уже другимъ, болѣе многочисленнымъ царскимъ отрядомъ, предводимымъ однимъ изъ зятевей его, Алексѣемъ Палеологомъ [2]). Такія народныя движенія, безъ сомнѣнія, были опасны для государственнаго порядка и для богатыхъ людей: народъ вымещалъ тогда свою досаду на ненавистныхъ императорскихъ чиновникахъ, расхищалъ ихъ имущества, разрушалъ дома [3]).

Въ то время, какъ латиняне окружили Цареградъ и, занявъ нѣкоторыя укрѣпленія, подожгли городъ, тотъ же самый народъ всего болѣе настаиваетъ на борьбѣ со врагами. Императоръ Алексѣй только общимъ неудовольствіемъ и раздраженіемъ вынужденъ былъ принять личное участіе въ сраженіи [4]). Между-тѣмъ, во всемъ обвиняя народъ, Никита приписываетъ ему и погибель города, и полное отсутствіе патріотизма. Но нѣтъ-ли въ его же сочиненіи данныхъ, изъ которыхъ можно понять, что высшіе классы болѣе страдали недостаткомъ любви къ отечеству, чѣмъ низшіе?

Однако есть случаи, когда Никита упоминаетъ о народѣ безъ обычной желчи и раздраженія. Такъ, снисходительно отзывается объ

---

[1]) Nicet, p. 695. 10. ἐνίοτε δὲ τῶν ἀγοραίων ἕνα συνειληφώς... τῷ παθόντι ὁμότεχνον.... πλῆθος χειρωνακτικὸν οὐκ ὀλίγον ἐς τὸ πραιτώριον συλλεγέν....

[2]) Nicet, p. 696. Само собой разумѣется, что при подобномъ народномъ настроеніи перевороты въ столицѣ могли происходить весьма часто. Будь при этомъ рѣшительный и смѣлый человѣкъ, онъ легко могъ получить корону. Любопытны отзывы Никиты: καὶ ταῦτα σὺν οὐδενὶ διαπραξάμενοι λόγῳ.... πρὸς οὐδὲν ἀνύσιμον ἢ παρέκτικὸν ἔργον εὐκλείας τελευτᾶν ἑλόμενοι.

[3]) Ibidem p. 698. οἱ γὰρ ὄχλοι... γλιχόμενοι, ὡς αὖθις συνδραμόντες τοῖς ὑπερηφάνοις ἐπεισπέσωσιν οἴκοις καὶ τά σφισιν ἐνόντα διαρπάσωσι.

[4]) Ibid. p. 722. 15. καὶ μάλισθ' ὅτι πρὸς ὀργὴν τοὺς πλείους ἐπιφρίσσοντας ἑώρα καὶ λόγους ἐπαχθεῖς κατ' αὐτοῦ καὶ προπηλακισμοὺς ἀφιέντας...

насмѣшливыхъ и остроумныхъ выходкахъ толпы, когда жертвою ея дѣлаются несочувственныя Никитѣ лица; такъ, безъ неудовольствія разсказываетъ о самовольной расправѣ народа съ чиновниками императорскими, когда дѣйствія послѣднихъ не заслуживаютъ оправданія. По смерти императора Мануила, протосевастъ Алексѣй, любимецъ царицы Ксеніи, желалъ низложить патріарха Ѳеодосія за участіе его въ заговорѣ цесаревны Маріи; но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, потому что за патріарха стояла значительная партія высшихъ лицъ и народъ. Послѣ того, какъ патріархъ Ѳеодосій съ честію возвращенъ былъ въ патріаршій дворецъ, „положеніе архіереевъ, желавшихъ лишить его сана, сдѣлалось такъ невыносимо, что они не только не смѣли показываться на людныхъ улицахъ, но желали даже покончить съ жизнію“ [1]). Также безъ особеннаго негодованія передается случай, который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы возбудить въ Никитѣ много печали и раздражительности. Случай этотъ касается побитія камнями Дуки и Макродуки, приверженцевъ и любимцевъ императора Андроника. Разъ, въ Вознесеньевъ день, огромная толпа сошлась къ императорскому дворцу: высшій классъ по приглашенію, низшій изъ любопытства Тогда Стефанъ Агіохристофоритъ приказалъ провести среди массы народа Дуку и Макродуку, обвиненныхъ въ государственномъ преступленіи; поразивъ камнемъ одного изъ нихъ, Стефанъ пригласилъ толпу послѣдовать его примѣру. Тогда камни посыпались на несчастныхъ, они были сбиты съ ногъ и надъ ними наметана цѣлая куча камней [2]). Наоборотъ, разсказъ о мученіяхъ Мамала, котораго императоръ Андроникъ приказалъ сжечь въ конномъ циркѣ, не только дышетъ полнымъ сочувствіемъ къ страдальцу, но и оканчивается страшнымъ упрекомъ жестокому Андронику. Никита не забываетъ даже упомянуть, что всѣ растроганы были до слезъ этимъ зрѣлищемъ [3]). Когда иконійскій султанъ посѣтилъ Цареградъ, и одинъ агарянинъ неудачно показалъ въ циркѣ свое искусство летать, султану нельзя было появиться на улицѣ, чтобы не услышать шутокъ и насмѣшекъ толпы [4]). Императоръ Алексѣй Комнинъ, когда царица Ирина уговаривала его сдѣлать своимъ преемникомъ Никифора Вріенніа, опасается подоб-

---

[1]) Nicetas, p. 316. 11—15.
[2]) Nicet. p. 381.
[3]) Ibidem. p. 404. 23.
[4]) Ibid. p. 157. 8—15.

нымъ распоряженіемъ обнаружить непослѣдовательность и насмѣшить весь римскій міръ [1]). Отъ насмѣшки не были свободны и высшія лица: разъ, во время царскаго выхода, Іоаннъ Дука, по неосторожности, уронилъ съ головы севастократорскую корону, прикрывавшую его плѣшивую голову. Собравшійся народъ не могъ удержаться отъ общаго хохота, увидя свѣтлую, какъ полную луну, лысину Дуки. И самъ онъ добродушно улыбнулся и долженъ былъ скрыть неудовольствіе за взрывъ смѣха [2]). Не только правительственныя лица, но и сами цари подвергались почти открытымъ насмѣшкамъ. Царица Евфросинія, супруга Алексѣя III Комнина-Ангела, всего болѣе заслужила осмѣяніе народа за свои не женскія дѣянія. Эта женщина не пользуется одобрительнымъ отзывомъ и нашего писателя за излишнюю склонность къ гаданіямъ и порчу памятниковъ древности. Понятно, что не эта сторона возбуждала насмѣшки народа, къ ней только привязывается Никита. По его словамъ, про Евфросинію говорили въ самыхъ непристойныхъ выраженіяхъ, порицали ее самою поносною бранью. Нѣкоторые торговцы такъ часто говорили объ императрицѣ, что даже пѣвчія птицы выучились нѣкоторымъ словамъ и, выпущенныя на свободу, выкрикивали по улицамъ и перекресткамъ: πολιτικὴ τὸ δίκαιον [3]).

Съ подвижностію и веселостію въ народѣ соединяется недостатокъ постоянства и измѣнчивость. Византійцевъ легко увлечь внѣшностію, подкупить блескомъ, неожиданнымъ зрѣлищемъ. Такъ, населеніе столицы увлекается даже военными движеніями врага, окружившаго городъ, если эти движенія даютъ пищу эстетическому чувству и представляютъ изящную картину. Алексѣй Врана, соперникъ Исаака Ангела, выстроивъ на холмахъ, въ виду Цареграда, свое войско, привлекъ все населеніе столицы—посмотрѣть и подивиться на чудную картину хорошо вооруженнаго войска, освѣщеннаго яркими лучами солнца [4]).

Противорѣчія въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Никиты.

Мы нашли, что по взглядамъ на правительство и общество, равно какъ по отношенію къ людямъ и по оцѣнкѣ ихъ достоинствъ, Ни-

---

[1]) Nicet, p. 9. 11. ἐπ' ἐμοὶ δὲ καὶ μάλα καπυρὸν γελάσειε τὸ Πανρώμαιον, καὶ τῶν φρενῶν κριθείην ἀποπεσών, εἰ....

[2]) Ibid. p. 604. 22, 605. 1—7.

[3]) Nicet, p. 688 9—15.

[4]) Ibid. p. 494. 18—19.

кита долженъ былъ стать въ разладъ съ современною ему дѣйствительностію. Жизнь не представляла пищи къ развитію и укрѣпленію его идеаловъ, онъ долженъ былъ постоянно подогрѣвать себя чтеніемъ древней литературы, чтобы вѣрить въ идеи, навѣянныя на него воспитаніемъ. Но Никита не былъ человѣкомъ кабинетнымъ; напротивъ, занимая высшія государственныя должности при Ангелахъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ политикѣ, боролся, отстаивалъ свои идеи, слѣдовательно, онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать уступку въ своихъ высокихъ требованіяхъ отъ современной жизни, или притвориться такимъ. Мало зная жизнь того времени, мы затрудняемся дѣлать общіе выводы; позволяемъ лишь себѣ указать на нѣкоторыя аналогическія явленія. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли въ другую какую эпоху было болѣе обращено вниманія на внѣшность въ словѣ и въ жизни, чѣмъ у византійцевъ X—XII вв.; едва-ли въ какомъ народѣ была такая рѣзкая противоположность между задачей и осуществленіемъ ея, между возможностію и способомъ исполненія, между умомъ и волей, теоріей и практикой, чѣмъ въ византійскомъ народѣ. Но всего безцеремоннѣе обращались они со словомъ; коварство и обманъ ихъ вошли въ пословицу, умѣнье опутать врага изворотливостію въ словѣ, внѣшнимъ блескомъ и обѣщаніями склонить его на свою сторону — сдѣлались преданіемъ въ политикѣ и практиковались въ сношеніяхъ съ варварами востока и запада. Никита не стоялъ выше современниковъ въ этомъ отношеніи. Убѣжденія его построены на зыбкой почвѣ; несоотвѣтствіе теоріи съ практикой ставитъ его часто въ ложное положеніе и по отношенію къ нему самому, и по отношенію къ потомству. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на двойственность Никиты въ *религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ*. Припомнимъ, что между важнѣйшими упреками, которые онъ высказываетъ царямъ и правительственнымъ лицамъ, упрекъ въ суевѣріи, вѣрѣ въ сны и гаданія, въ таинственную связь событій и т. п., занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Теоретически Никита не только очень разумно доказываетъ несостоятельность суевѣрія въ приложеніи къ практической жизни, но и развиваетъ весь вредъ, происходящій отъ него. Суевѣріе убиваетъ энергію общественнаго дѣятеля, при отсутствіи которой уходитъ время на выжиданія, а опасность ростетъ съ часу на часъ; многія изящныя произведенія древности погибли въ слѣдствіе того, что имъ приписывали вліяніе на судьбу города; предразсудки и суевѣрія портятъ общественную нравственность, такъ какъ люди примиряются съ мыслію, что на событія

вліяютъ случайныя обстоятельства: положеніе звѣздъ, день недѣли, сонъ, примѣта. Безпощадная насмѣшка надъ суевѣріемъ, умышленное приведеніе фактовъ, доказывающихъ ложность заранѣе ожидаемаго вывода, отрицаніе общей вѣры въ гаданія, сны, знаменія и т. п. — должно бы приготовить читателя къ убѣжденію, что самъ Никита вполнѣ свободенъ отъ этого, почти всѣмъ соотечественникамъ его общаго недостатка. Но что же находимъ при внимательномъ наблюденіи? Смѣясь надъ суевѣріемъ, Никита поступаетъ не послѣдовательно, потому что и самъ признаетъ связь высшихъ силъ съ низшими, непосредственное воздѣйствіе первыхъ на человѣка, вѣритъ въ таинственное соотношеніе между событіями, въ возможность откровеній черезъ сны, или инымъ образомъ, въ кометы и звѣзды, предвѣщающія общественныя бѣдствія, въ заговоръ, чары. Изъ этого возникаетъ рядъ непослѣдовательностей и противорѣчій, которыхъ не чувствуетъ писатель. Для насъ весьма важно уловить эту любопытную особенность, потому что отсюда объяснятся противорѣчивые отзывы, сужденія, теоріи, которыя, исходя изъ нравственной сферы, кладутъ рѣзкій отпечатокъ на практическую дѣятельность и въ частности на его историческое произведеніе.

Никита убѣжденъ, что провидѣніе, управляющее міромъ, можетъ употреблять различныя средства вмѣшательства въ судьбы людей. Такъ, оно избираетъ нѣкоторыхъ людей въ орудіе своего мщенія [1]), предопредѣляетъ другихъ на жестокую казнь въ настоящей жизни [2]); помрачаетъ умъ врага, чтобы доставить побѣду достойному народу [3]), побуждаетъ иногда къ добрымъ дѣламъ человѣка, уже обреченнаго на бѣдствіе, чтобы сдѣлать его достойнымъ сочувствія [4]); открываетъ свои суды избраннымъ и дѣлаетъ ихъ прорицателями и пророками, во снѣ можетъ открыть будущее [5]). Ясно, что при такомъ разнообразномъ вмѣшательствѣ провидѣнія, въ жизни должны имѣть мѣсто событія, не поддающіяся обыкновенному пониманію и объясненію. Когда предсказатель ни по своему положенію, ни по жизни не можетъ быть признанъ орудіемъ божества, тогда является новая теорія къ объясненію факта — дѣйствіе злаго (пиѳонова) духа [6]). Такимъ

---

[1]) Nicet, p. 769. 5—14, 839. 4.
[2]) Ibid. p. 168. 5.
[3]) Ibid. p. 244. 11.
[4]) Такъ говорится о намѣреніяхъ промысла относительно Исаака Ангела.
[5]) Nicet, p. 247. 22.
[6]) Ibidem p. 591. 15 - 16.

образомъ, въ воззрѣніяхъ Никиты лежитъ уже источникъ къ признанію разнообразныхъ способовъ, которыми высшая сила можетъ сноситься съ земными существами. Люди могутъ сдѣлаться органами высшей силы и получить сверхъестественные дары: быть чародѣями, предсказателями, получать откровенія во снѣ или инымъ образомъ. И помимо людей, божество можетъ изъявлять свою волю различными знаменіями, какъ комета, затмѣніе солнца, кровавая луна [1]) и т. п. Въ царствованіе Мануила обвинены были въ чародѣйствѣ или магіи два лица, занимавшіяся астрономіей: Сиѳъ Склиръ и Михаилъ Сикидитъ [2]). Склиръ, влюбившись въ одну дѣвушку и не находя въ ней сочувствія, посылаетъ ей черезъ сводню персикъ. Дѣвушка положила подарокъ за пазуху и почувствовала непреодолимую страсть къ Склиру, а онъ воспользовался этимъ и соблазнилъ ее. Царь приказалъ выколоть ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ. Сикидитъ же обладалъ такою таинственною силою, что могъ помрачать зрѣніе людей, хорошо видящихъ, и отводить имъ глаза. Разъ случилось ему смотрѣть на море съ возвышеннаго мѣста дворца; въ это время плыла лодка, нагруженная глиняной посудой. Онъ предложилъ присутствующимъ, какую бы дали они награду, если бы онъ, помрачивъ умъ лодочника, заставилъ его перебить въ дребезги всю свою посуду? Послѣ того, какъ присутствующіе согласились на предложеніе Сикидита, лодочникъ встаетъ съ мѣста и, взявъ въ руки весло, начинаетъ колотить посуду, пока не перебилъ всю въ дребезги. Зрители покатывались со смѣху, а лодочникъ, очнувшись отъ умственнаго помраченія, началъ оплакивать свое несчастіе. На вопросы о причинѣ, заставившей его колотить товаръ, лодочникъ отвѣчалъ: „когда я занятъ былъ греблей, вдругъ замѣтилъ надъ горшками страшнаго, кроваваго цвѣта, змѣя, который угрожалъ пожрать меня; онъ извивался около меня до тѣхъ поръ, пока не была уничтожена вся посуда“. Въ другой разъ, въ банѣ, Сикидитъ наслалъ цѣлую толпу злыхъ духовъ на людей, вмѣстѣ съ нимъ мывшихся [3]).

Можно думать, что Никита внесъ въ исторію только малую долю

---

[1]) Ibidem p. 327.

[2]) Nicet, p. 192. 16. λόγῳ μὲν ἀστρονομίας ἐχόμενοι, ἔργῳ δὲ μαγγανείας προκείμενοι καὶ δαιμονώδεσιν ἑτέροις φαναϊσμοῖς. Въ какомъ широкомъ распространеніи въ византійскомъ обществѣ была вѣра въ магію, можно видѣть изъ богатаго количества примѣровъ, приведенныхъ Скарлатомъ Византіемъ, Ἡ Κωνσταντινουπολις, Προλεγομενα, σελ. δ'—έ и passim въ 1 томѣ: 117, 207, 235.

[3]) Nicetas, p. 192—194.

изъ того, что разсказывалось въ его время про сношенія съ нечистой силой Склира и Сикидита, и другихъ лицъ [1]); но и это немногое рисуетъ въ весьма мрачномъ свѣтѣ общественную и нравственную жизнь византійцевъ. Суевѣрія, примѣты и гаданія должны были сопровождать человѣка во всѣхъ сферахъ жизни, отъ колыбели до могилы. При всемъ критическомъ отношеніи къ своему времени, нашъ писатель не могъ освободиться отъ этого недостатка. Вѣра въ неоспоримую истинность разсказовъ про Склира и Сикидита, про Аарона, уличеннаго въ занятіяхъ магіей [2]) и въ чтеніи книги Соломоновой, по которой можно вызывать легіоны бѣсовъ и давать имъ разныя порученія—уживается въ немъ съ теоретическимъ признаніемъ ложности, даже невозможности подобныхъ дѣлъ для человѣка, особенно когда рѣчь идетъ о сочувственныхъ ему лицахъ. Такъ, когда въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ духами обвинили протостратора Алексѣя, Никита называетъ это пошлою и для здравомыслящаго человѣка недостойною вѣроятія нелѣпостію [3]). Признавая магію и волшебство и отрицая ихъ въ одно и то же время, Никита руководится весьма невѣрнымъ принципомъ для отличенія ложнаго отъ истиннаго. Для него критерій лежитъ въ слѣдующемъ соображеніи: образованный и честный человѣкъ не можетъ имѣть сношеній съ злыми силами; однако, онъ можетъ получать откровенія отъ добрыхъ духовъ; не хорошій человѣкъ не можетъ получать прямымъ путемъ знанія будущаго, недоступнаго для обыкновенныхъ смертныхъ; однако, есть бѣсы, есть магія и волшебство, наговоры: все это сообщаетъ человѣку возможность знать и дѣлать недоступное для другихъ людей. Съ одной стороны, онъ не допускаетъ, чтобы положеніе звѣздъ вліяло на дѣла человѣческія, которыя управляются промысломъ Божіимъ [4]), указываетъ даже случаи, когда звѣздочетная наука предвѣщала совсѣмъ противоположное тому, что̀ случилось [5]); съ другой, по его словамъ, небесныя знаменія неоднократно предвѣщали общественныя бѣдствія: днемъ появлялись звѣзды на небѣ, около солнца собирались свѣтлые круги, а само оно имѣло блѣдный цвѣтъ [6]); показывалась на небѣ комета, имѣвшая

---

[1]) Ibidem p. 194. 16. διὰ ταῦτα τοίνυν ἀμφότεροι καὶ πράξεις δὲ ἀσελγεστέρας ἑτέρας τῶν ὄψεων ἐστερήθησαν.

[2]) Ibid. p. 190. 16.

[3]) Nicetas, p. 188. 1—5 и подобные факты разсказываются почти къ ряду!

[4]) Ibidem p. 126. 10, 200. 10.

[5]) Ibidem p. 505—506, ὁ Στηθάτος.. τῶν τότε ἀστρολόγων ὁ δοκιμώτατος ὤν.

[6]) Nicet, p. 500. 10—14.

видъ извивающагося змѣя. Отмѣтимъ еще нѣсколько явленій и случаевъ, на которые писатель смотритъ какъ на пророчественные и необычные: бѣлый ястребъ три раза перелеталъ отъ Большаго дворца къ церкви и тѣмъ, по объясненію проницательныхъ людей, предвѣщалъ низверженіе Андроника [1]); одна женщина родила мальчика съ огромною головою—это символъ многовластія, изъ котораго раждается безначаліе; символъ этотъ получилъ приложеніе по смерти императора Мануила, въ малолѣтство сына его [2]). Никита осмѣиваетъ звѣздочетовъ и предсказателей, сулившихъ Мануилу славную и продолжительную жизнь; но черезъ нѣсколько строкъ, говоря о 38 лѣтнемъ періодѣ царствованія Мануила, приводитъ одно древнее предсказаніе: „тебя изловитъ послѣдній слогъ слова", потому что слогъ ηλ дѣйствительно обозначаетъ счетъ 38 [3]). Епископъ хонскій, Никита, крестный отецъ писателя, предсказалъ Мануилу и продолжительное царство, и побѣду надъ соперниками, и, наконецъ, сумасшествіе къ концу жизни. Это предсказаніе принимается писателемъ со всею довѣрчивостію и даже искажаются нѣкоторые факты для его оправданія [4]). Но рядомъ съ этимъ, признается всѣмъ управляющее провидѣніе, которое непостижимыми путями направляетъ дѣла человѣческія къ лучшему. Патріархъ Косьма налагаетъ запретъ на производительную способность супруги императора Мануила и предсказываетъ смерть Контостефану [5]): событія оправдали предсказаніе, и пророческій даръ патріарха для писателя не подверженъ сомнѣнію. Будь этотъ предсказатель человѣкомъ, не сочувственнымъ для Никиты, самому предсказанію его было бы дано иное объясненіе. Юродивый Васильюшка, когда, почти наканунѣ своего низверженія, посѣтилъ его императоръ Исаакъ, далъ довольно опредѣленный знакъ, что императору угрожаетъ ослѣпленіе и низверженіе [6]); однако, писатель находитъ нужнымъ оговориться, что онъ лично не вѣрилъ въ его пророческій даръ, хотя между всѣми, окружавшими царя, составилось убѣжденіе, что ему угрожаетъ опасность, и слава Васильюшки съ тѣхъ поръ возросла еще болѣе. Предсказанія объ опасности отъ

---

[1]) Ibidem p. 327.

[2]) Ibidem p. 294. 1—5.

[3]) Ibidem p. 287, 289. 1—5.

[4]) Ibidem p. 285.

[5]) Nicetas, p. 107. 21, 108. 17.

[6]) Ibid. p. 592. 2—7. τὴν χεῖρα ἐκτείνας ἀχρειοῖ διὰ τοῦ σκίμπωνος, ὃν ἔφερε ταῖν χεροῖν τὴν εἰκόνα τοῦ βασιλέως... τοὺς ὀφθαλμοὺς διαλωβησάμενος.

Фридриха также считаются болѣе чревовѣщаніемъ, чѣмъ пророчествомъ. Рядомъ съ вѣрою въ пророчественные сны, въ Никитѣ уживается сознаніе того, что можно и выдумать какой угодно сонъ, если имѣешь въ виду найдти сторонниковъ тяжелаго или опаснаго предпріятія. Царь Іоаннъ видитъ сонъ, который предвѣщаетъ преждевременную смерть сына его Алексѣя [1]) — ранняя смерть, дѣйствительно, похитила Алексѣя, слѣдовательно и сонъ предполагается внушеннымъ божествомъ; но императоръ Исаакъ Ангелъ, часто смѣнявшій цареградскихъ патріарховъ, разъ тоже нашелъ нужнымъ опереться на внушеніе Богородицы, сообщенное ему во снѣ. Въ извѣстіи объ этомъ у Никиты сквозитъ насмѣшка и недовѣріе: „тщательно занявшись отыскиваніемъ управителя церковію, императоръ возводитъ въ санъ патріарха одного монаха, именемъ Леонтія; при этомъ онъ утверждалъ клятвою надъ царскимъ престоломъ, что не зналъ прежде этого человѣка, но что Богородица ночью указала на него, не только описавъ внѣшній видъ и добродѣтели, но и обозначивъ мѣсто его жительства. Но не прошло и года, какъ новоизбранный лишенъ былъ патріаршаго достоинства“ [2]).

Особенно ясно высказывается непослѣдовательность писателя въ этомъ отношеніи тамъ, гдѣ ему приходится говорить о подобныхъ же явленіяхъ у другихъ народовъ. Такъ, общее религіозное настроеніе болгаръ и сербовъ и увѣренность ихъ въ томъ, что св. Дмитрій оставилъ Солунь и переселился къ нимъ для поддержанія ихъ въ борьбѣ съ греками, является, въ передачѣ Никиты, коварною выдумкой Петра и Асеня и домысломъ сумасбродныхъ и невѣжественныхъ людей [3]). Иногда Никиту совсѣмъ покидаетъ выказываемый имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ реализмъ, и онъ дѣлается легковѣрнымъ и суевѣрнымъ, какъ и бо́льшая часть его современниковъ. Передъ опустошительнымъ нашествіемъ половцевъ и болгаръ на Ѳракію въ 1205 — 6 гг. было необыкновенное знаменіе, предвѣщавшее будто бы общее бѣдствіе: на поля ѳракійскія налетѣли огромныя стаи во́роновъ и грачей — одни съ сѣвера, другіе съ юга; они встрѣтились и сразились между собою: во́роны взяли верхъ и прогнали прилетѣвшихъ съ юга

[1]) Ibidem p. 24. 1—6.

[2]) Nicetas, p. 530. 14—21. Въ разночтеніи код. B. насмѣшка надъ сномъ яснѣе, чѣмъ въ текстѣ: μηδένα λόγον θέμενος ἢ ἐντραπεὶς εἰς ὅσους ἐπαίνους ἔλεγε περὶ αὐτοῦ καὶ ἐδόξαζε τοῦτον ὡς θεῖον ἄνθρωπον.

[3]) Ibidem p. 485—486.

грачей [1]). Замѣтно, что мнѣнія различныхъ партій, вообще молва или слухъ, часто лишаютъ автора критической провѣрки и заставляютъ его давать разныя показанія объ одномъ и томъ же лицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ объяснить, что Андроникъ, называемый Никитой сластолюбивымъ, жестокимъ и безчестнымъ старикомъ, пользовался, однако, самою теплою любовію апостола Павла. „Когда приближалась катастрофа, погубившая этого императора, изъ глазъ иконы апостола показалась слеза. Узнавъ объ этомъ, Андроникъ послалъ Стефана Аγіохристофорита, который отеръ чистымъ платкомъ глаза изображенія; но изъ нихъ полились еще обильнѣе слезы. Подивившись видѣнному, Стефанъ передалъ все Андронику. Этотъ вздохнулъ, покачалъ головой и сказалъ, что, вѣрно, это объ немъ источаетъ слезы апостолъ Павелъ и что, вѣрно, угрожаетъ ему тяжкое бѣдствіе: онъ душевно любилъ этого апостола и высоко цѣнилъ его посланія и, безъ сомнѣнія, взаимно былъ имъ любимъ“ [2]). Таково-же извѣстіе о томъ, что собаки, не трогавшія греческихъ труповъ, послѣ занятія Солуни сицилійцами, набрасываются съ яростію на трупы сицилійскихъ мертвецевъ: разрываютъ могилы, вытаскиваютъ трупы и терзаютъ ихъ [3]).

Чтобы закончить съ вопросомъ о суевѣріи Никиты и вытекающихъ отсюда противорѣчіяхъ въ исторіи, укажемъ еще на два случая. Съ искреннимъ негодованіемъ разсказывая о суевѣріи Исаака Ангела и съ полнымъ презрѣніемъ отзываясь объ его современникахъ — нечестивыхъ, длиннобородыхъ монахахъ, Никита представляетъ далѣе сумасбродныя распоряженія императора, къ которымъ склонило его суевѣріе и астрологи. „По совѣту такихъ людей, онъ приказалъ перенести изъ ипподрома въ Большой дворецъ статую калидонскаго вепря, который изображенъ былъ въ разъяренномъ состояніи, съ поднятою на спинѣ щетиною. Императоръ думалъ этимъ укротить безразсудную ярость и буйство городскаго населенія“ [4]). Изъ самаго способа рѣчи уже видно, что писатель стоитъ не на сторонѣ Исаака и не довѣряетъ мистической силѣ калидонскаго кабана. Продолжая разсказъ, онъ приводитъ и доказательство. „Спустя нѣсколько времени, толпа пьяныхъ гулякъ набросилась на прекрасное произведеніе

---

[1]) Nicetas, p. 840. 1—8. κατ' ἐξαισίαν τινὰ καὶ μὴ αὐτόματον συνδρομὴν εἰς ἕνα συνελήλυθότα χῶρον...

[2]) Nicetas, p. 461. 10—22.

[3]) Ibidem p. 472. 8.

[4]) Ibidem p. 738. 7—10.

древности, статую Аѳины, стоявшую на площади Константина, и разбила ее въ мелкіе кусочки. Неразумной черни [1]) пришло на мысль, будто эта статуя покровительствуетъ западнымъ войскамъ и манитъ ихъ взорами и правою рукою на столицу [2]). Можно бы заключить изъ приведеннаго мѣста, что писатель стоитъ выше вѣры въ таинственное значеніе статуй и другихъ древнихъ произведеній, съ которыми населеніе столицы связывало благоденствіе или погибель города; но такой выводъ былъ бы не правиленъ, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ вѣру [3]) въ дѣйствительное существованіе такихъ талисмановъ или амулетовъ, съ которыми соединено благосостояніе столицы. Въ приведенномъ случаѣ факты подчиняются извѣстной идеѣ—осмѣять Исаака и его совѣтниковъ, указать еще разъ на безразсудство толпы.

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу этихъ охранъ города или талисмановъ, писатель выражается уже совсѣмъ безъ насмѣшки и недовѣрія. „Латиняне задумали уничтожить завѣщанныя древностію, стихійныя, оберегательныя силы города [4]), которыя замѣняли для него стѣны и рвы; эти амулеты изобрѣтены были противъ непріятелей, осаждающихъ городъ и разставляющихъ фаланги и засады". Латиняне особенно вооружались противъ тѣхъ пророчественныхъ памятниковъ, съ которыми соединялась таинственная враждебная сила къ ихъ племени, и Никита указываетъ далѣе, гдѣ былъ враждебный для запада талисманъ. „На таврской площади было древнее изображеніе всадника на конѣ, враги обратили вниманіе на переднее лѣвое копыто лошади [5]). Отбивъ молотками копыто коня, они нашли человѣковидный слѣпокъ, болѣе похожій на типъ болгарина, чѣмъ латинянина; эта кукла была пробита гвоздемъ и облита со всѣхъ сторонъ свинцемъ." По словамъ Никиты, латиняне уничтожили это изображеніе не изъ трусости, а скорѣй по осмотрительности, такъ какъ они не хотѣли давать пищу народной молвѣ, которая не даромъ же всюду распространялась.

---

[1]) τῶν ἀγοραίων οἱ φιλοινότεροι... τοῖς ἄφροσι σύρφαξιν....

[2]) Nicetas, p. 740. 1—4.

[3]) p. 848. 16. съ маленькой оговоркой: εἰ δὲ καὶ ἀληθῶς, οὐκ ἔχω λέγειν σαφῶς.

[4]) p. 848. 13. τὰ πάλαι ἀδόμενα στοιχειώδη τῆς πόλεως φυλακτήρια; см. Пролегомена Скарлата Византія δ'—έ. Τὰ πλεῖστα τούτων εἶχε στοιχειώσῃ (κατὰ τὴν καθιερωμένην λέξιν τῆς ἐποίας διεσώθη καὶ παρ' ἡμῖν ἡ ἰδέα) ὁ Τυανεὺς Ἀπολλώνιος..... καὶ ἄλλα ἄλλος τῶν φιλοσόφων, δηλαδὴ ἀστρολόγων (διότι τότε ταῦτα ἦσαν συνώνυμα) καὶ ἀντὶ ἀρχαιολόγου ἐχρειάζετο ἀστρολόγος, ἵνα 'τὰ ἐξηγήσῃ.

[5]) Nicetas, p. 849. 9—15.

Мнимыя противорѣчія въ сужденіи объ историческихъ лицахъ и событіяхъ.

Сужденія Никиты объ историческихъ лицахъ и событіяхъ могутъ возбудить въ изслѣдователѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ первое условіе критики, т. е. опредѣливъ положеніе автора къ описываемымъ имъ событіямъ и дѣйствующимъ лицамъ, намъ бы оставалось, по видимому, только провѣрить, всѣ-ли извѣстія его удовлетворительно объясняются этимъ положеніемъ. Читателю, слѣдившему вмѣстѣ съ нами за тѣми частями произведенія Никиты, которыя показываютъ его отношеніе къ правительственной системѣ, къ императорамъ, высшимъ придворнымъ лицамъ и византійскому народу, легко сдѣлать выводъ, что исторія Никиты есть выраженіе недовольства современною системой и составляетъ протестъ противъ нея. Но подобный выводъ необходимо ведетъ къ сомнѣнію въ достовѣрности всего произведенія: какъ далеко простирается пристрастіе писателя, не слишкомъ-ли ограниченны воззрѣнія его?

Есть возможность до нѣкоторой степени уравновѣсить рѣзкій приговоръ Никиты современной ему правительственной системѣ его же собственными словами, разбросанными по разнымъ мѣстамъ исторіи. Мы уже имѣли случай указывать, что, при всемъ нерасположеніи къ латинянамъ, Никита находитъ, однако, возможнымъ указать на сочувственныя и похвальныя черты въ характерѣ и жизни ихъ: ужели одна только темная сторона византійскаго общества отразилась въ его исторіи? Такъ чуткій къ пониманію дѣйствительныхъ отношеній, такъ безпристрастный въ сужденіи о врагахъ, могъ-ли Никита быть слѣпымъ и одностороннимъ относительно правительства, которому онъ служилъ, и общества, въ исправленіи котораго никогда не отчаявался? Никита не забываетъ, что какъ-бы ни былъ человѣкъ порочень и безсердеченъ, все-таки въ немъ найдутся и хорошія качества: въ извѣстіяхъ объ историческихъ лицахъ онъ отмѣчаетъ это свойство человѣческой природы. Поэтому въ своихъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ онъ такъ часто ссылается на психическое, умственное и нравственное состояніе, на постороннія вліянія, развитіе страсти и т. п. Разсмотрѣніе историческаго метода Никиты покажетъ намъ, что его исторія составлялась не за одинъ разъ, что вообще въ ней не достаетъ единства редакціи: одинъ за другимъ слѣдуютъ

у него эпизоды, не соединенные ни послѣдовательностію времени, ни содержанія. Если подобный методъ могъ не благопріятнымъ образомъ отозваться на всемъ историческомъ произведеніи, то въ немъ же лежитъ объясненіе и тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя иногда замѣчаются въ отзывахъ Никиты объ нѣкоторыхъ лицахъ. Изслѣдователь часто можетъ подвергаться опасности—на основаніи извѣстія Никиты сдѣлать невѣрный выводъ, если онъ ограничится однимъ даннымъ мѣстомъ: случается, что черезъ нѣсколько страницъ тотъ же писатель или предлагаетъ объясненіе ранѣе сообщенному факту, или открываетъ новую точку зрѣнія на него. Оттого-то произведеніемъ Никиты можно доказывать иногда противоположные выводы; на которую сторону извѣстій его — сочувственную или несочувственную — читатель обратитъ особенное вниманіе, ту и будетъ считать важнѣйшею.

Такого свойства, напр., разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ его исторіи отзывы объ иностранцахъ. Также могутъ казаться взаимно противорѣчивыми сужденія объ нѣкоторыхъ лицахъ, занимающихъ видное мѣсто въ его произведеніи. Такова характеристика Исаака Ангела. Указавъ на притворство, какъ на черту, руководившую его словами и дѣйствіями при вступленіи на престолъ [1]), писатель продолжаетъ: „Воцарившись, онъ умастилъ елеемъ головы бѣдняковъ. Всѣ ссыльные, лишенные имущества или изувѣченные Андроникомъ, были собраны и щедро вознаграждены. Они не только получили все, что хранилось въ государственной казнѣ изъ отнятаго у нихъ, или отчуждено было въ пользу другихъ лицъ; но еще богато одарены были на счетъ государственной казны. Воцареніе Исаака всѣмъ такъ пріятно было, какъ весна послѣ зимы, или тишина послѣ бури; поэтому съ разныхъ сторонъ начался приливъ населенія въ Цареградъ. Приходили и служившіе прежде въ военной службѣ, и отставные.... для всѣхъ желательно было взглянуть на Исаака“ [2]). Отъ этого неудачная война съ сицилійцами начала вестись успѣшнѣе. „Царь приказалъ объявить всѣмъ жителямъ Цареграда и другихъ мѣстъ, что съ сихъ поръ никто въ его царствѣ не подвергнется членовредительнымъ наказаніямъ, хотя бы оказался враждебнѣйшимъ изъ людей и обличенъ былъ въ замыслахъ на его жизнь и царство“ [3]). Объ этомъ постановленіи Никита высказывается въ такомъ смыслѣ,

[1]) Nicet. p. 465. 6.
[2]) Nicet, p. 465—466.
[3]) Ibidem p. 479. 17—21.

что оно слишкомъ гуманно, потому что нельзя же царю не казнить измѣнниковъ и людей, опасныхъ для его власти [1]). Продолжая слѣдить за хорошими сторонами царствованія Исаака, мы, дѣйствительно, встрѣчаемся съ фактами крайней снисходительности и кротости царя. Во время возмущенія Алексѣя Враны, имѣя измѣнниковъ между самыми приближенными къ нему людьми, даже зная, кто они были, Исаакъ, однако, не преслѣдовалъ ихъ, а только совѣтовалъ хромающимъ на оба колѣна уклониться отъ сраженія и оставить войско [2]). Разбивъ Алексѣя Врану, Исаакъ простилъ всѣхъ сановныхъ и правительственныхъ лицъ, предложивъ имъ отправиться къ патріарху, чтобы онъ снялъ съ нихъ церковное отлученіе [3]). Пересказавъ, сколько самозванцевъ являлось при Исаакѣ, Никита прибавляетъ: причина столькихъ возстаній была въ мягкости правительства Исаака; императоръ былъ убѣжденъ, что какъ Богъ далъ ему власть, такъ Онъ и сохранитъ ее [4]). Съ именемъ Исаака связываются полезнѣйшія благотворительныя учрежденія столицы: странноприимница, устроенная въ домѣ севастократора Исаака, общественная больница во дворцѣ Андроника, пріютъ для немощныхъ и престарѣлыхъ въ домѣ великаго друнгарія [5]) и другія общеполезныя дѣла [6]). Переходя къ описанію низверженія Исаака, писатель высказываетъ, наконецъ, слѣдующую мысль: „божественное провидѣніе, предопредѣливъ низвергнуть этого человѣка, побуждало его къ прекраснымъ дѣламъ и утверждало въ добрыхъ намѣреніяхъ, такъ что и послѣ паденія онъ былъ любезенъ для многихъ“ [7]). Такимъ образомъ, если бы мы ограничились указанными мѣстами, царствованіе Исаака оказалось бы счастливымъ временемъ византійской имперіи. Но, читая къ ряду всю исторію этого царствованія, всматриваясь въ разныя объясненія, которыя даетъ Никита поступкамъ Исаака (притворство, раздражительность), и сопоставляя между собою эти послѣднія—мы полу-

[1]) Но эта мысль противорѣчитъ основнымъ убѣжденіямъ, проведеннымъ въ исторіи: тамъ вездѣ говорится, что правительство слишкомъ много заботится о неприкосновенности своихъ правъ, ср. напр. 566. 8—12.

[2]) Nic. p. 501.

[3]) Nicet, p. 509.

[4]) Ibidem p. 554. 13—14.

[5]) Ibidem p. 585.

[6]) Между другими сочувственными сторонами Исаака указывается на его любовь къ храмамъ Божіимъ, p. 584. 17: ναοῖς δὲ καὶ τεμένεσι καὶ εὐκτηρίοις οἴκοις καὶ ἱεροῖς φροντιστηρίοις ὡς οὔ τις πρότερον, τὸ φιλότιμον ἐπεξέτεινε, p. 585. 1—4.

[7]) Ibid. p. 587. 12—15.

чимъ выводъ о характерѣ Исаака Ангела совершенно противоположнаго свойства. Посмотримъ же на обратную сторону характеристики.

Личной храбрости, которая составляетъ главное достоинство всякаго грека благороднаго происхожденія, за Исаакомъ не признается ни въ одномъ случаѣ [1]). Напротивъ, неоднократно указываетъ Никита на молодушіе, изнѣженность и распущенный нравъ этого императора. Такъ, безъ всякихъ смягчительныхъ объясненій, приводитъ неблагопріятный отзывъ объ Исаакѣ Балдуина, вождя сицилійскаго, заявляя тѣмъ свое сочувствіе этому отзыву [2]); одной оговоркой уничтожаетъ въ сущности благодѣтельное распоряженіе его о прекращеніи членовредительныхъ наказаній: „Исаакъ скоро измѣнилъ своему обѣщанію: какъ не дорожилъ онъ словомъ, такъ не зналъ мѣры въ дѣйствіяхъ и почти сравнялся съ Андроникомъ въ жестокости“ [3]). Сказавъ о заключеніи съ иконійскимъ султаномъ мира, по которому греки обязались давать каждогодно поминки, писатель продолжаетъ объ Исаакѣ: „такъ-то уже современные намъ римскіе императоры умѣютъ усмирять иноплеменниковъ; они любятъ спокойную жизнь, подобно сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя занимаются пряжей“ [4]). По поводу увѣчья, нанесеннаго, по приказанію Исаака, его учителю, Василію Рентакину, вставляется такой комментарій: „Исаакъ былъ самый раздражительный человѣкъ и всегда кипѣлъ гнѣвомъ, какъ вода въ котлѣ; въ раздраженіи онъ произносилъ странныя рѣчи, его подбородокъ дрожалъ; и въ другихъ отношеніяхъ не платя за воспитаніе доброй признательностію, онъ подвергъ еще своего педагога такому мучительному наказанію“ [5]). „Нуждаясь въ деньгахъ для войны, онъ заложилъ серебряные сосуды императорской кладовой въ богатые церкви и монастыри, и на собранныя такимъ образомъ деньги нанялъ войско. По окончаніи войны, заложенныя вещи отобралъ отъ церквей, а денегъ не возвратилъ имъ“ [6]). Отличаясь, съ одной стороны, любовію къ гражданамъ, даря

---

[1]) Nicetas, p. 481. 14—16, 521. 13.

[2]) Ibid. p. 478. 1—10. ξίφος αὐτοῦ ἐκωμῴδησεν ὡς σκιατραφέσιν ὀξυνόμενον σώμασιν... καὶ αὐτὸν δὲ τὸν Ἰσαάκιον ὡς ἀπάλαμνον ἐμωκᾶτο· μηδὲ γὰρ θυραυλῆσαί ποτε καὶ ἐπὶ θυρεῶν εὐνασθῆναι ἢ γοῦν μαρύλλης ἀνασχέσθαι κράνους.... ἀλλὰ κἀπνῷ γραμμάτων προσανέχειν ἐς γραμματιστοῦ φοιτῶντα ἐξ ἁπαλῶν ἔτι ὀνύχων.

[3]) Ibidem p. 480. 13—15.

[4]) Nicetas, p. 481. 14—16.

[5]) Ibidem p. 484. 12—20. πελέκει ἐκ τοῦ γόνατος θάτερον τῶν ποδῶν ἐκτεμών.

[6]) Ibidem p. 499. 10—15.

ихъ деньгами и устраивая благотворительныя заведенія, съ другой Исаакъ „отдаетъ на разграбленіе и убійство подгородныхъ поселянъ и жителей Пропонтиды, увлеченныхъ Враною на свою сторону“ [1]). И византійцы не были такъ расположены къ Исааку, какъ объ этомъ говорилъ Никита. Успѣхи самозванца, Алексѣя Гумноподжигателя, объясняются тѣмъ, что „ни одинъ изъ полководцевъ, высылаемыхъ противъ него, не могъ ничего предпринять, такъ какъ всѣ боялись измѣны сопутствовавшихъ имъ римлянъ, которые болѣе расположены были къ добивающемуся власти, чѣмъ къ царствующему Исааку. Самозванецъ привлекъ къ себѣ не только поселянъ, но и царедворцевъ, хорошо знавшихъ его обманъ“ [2]).

Никита негодуетъ на императора за то, что онъ, во время войны съ болгарами, попавъ однажды въ засаду, погубилъ огромныя массы своего войска и, прочищая себѣ дорогу, убивалъ своихъ воиновъ. За тѣмъ, приведши объясненіе императора, что эта кара постигла римлянъ за посягательство на его особу во время возмущенія Враны, восклицаетъ: «увы, навѣты злаго духа, если такъ думаютъ нѣкоторые изъ властителей, будто десятки тысячъ добрыхъ людей Богъ предаетъ лютымъ народамъ въ наказаніе и возмездіе за какое-нибудь преступленіе противъ нихъ!» [3]). Но еще любопытнѣе общій выводъ о первыхъ шести годахъ царствованія Исаака. „А вотъ это достойно удивленія: Исаакъ, не стѣсняясь, говорилъ, что Андронику Комнину, котораго онъ лишилъ власти и предалъ злой смерти, должно было 9 лѣтъ царствовать надъ римлянами, но что Богъ, за его злодѣянія, сократилъ девятилѣтній срокъ на трехлѣтній; остальное же шестилѣтіе, какъ кусокъ лохмотья къ порфирѣ, приложено къ его царствованію. По этому и онъ весь этотъ періодъ не можетъ позволять себѣ уступчивости и умѣренности и быть расточительнымъ на благодѣянія: суровый періодъ правленія Андроника по необходимости влечетъ его и къ образу правленія Андроника“ [4]). Хваля постройки, воздвигнутыя Исаакомъ, Никита говоритъ, что для увеселительныхъ заведеній не щадилъ онъ храмовъ; говоря объ украшеніи церквей, замѣчаетъ, однако, что въ его дѣйствіяхъ не было и тѣни благо-

---

[1]) Ibidem p. 510.6.

[2]) Nicetas, p. 551. 14—21.

[3]) Ibidem p. 566.

[4]) Nicetas, p. 567—568. Мѣсто любопытное, во-1-хъ по сознанію писателя, что первые 6 лѣтъ Исаака ничѣмъ не лучше жестокихъ, суровыхъ и тяжелыхъ временъ Андроника, во-2-хъ по воззрѣнію на судьбу или рокъ.

честія [1]). Наконецъ, вотъ еще сужденія Никиты о царѣ, котораго Богъ побуждалъ къ прекраснымъ дѣламъ, и который послѣ низверженія сдѣлался очень любезнымъ для многихъ: «онъ кощунствовалъ и оскорблялъ святыню: священные сосуды употреблялъ за своимъ столомъ, пилъ изъ кубковъ, которые ставились надъ гробницами императоровъ; для умыванія рукъ пользовался священными кувшинами, употребляемыми при богослуженіи; приказывалъ снимать драгоцѣнные оклады отъ крестовъ и книгъ, дѣлалъ изъ нихъ цѣпи и другія украшенія для своихъ одеждъ. Когда ему замѣчали, что это неприлично дѣлать императору, онъ сердился, называлъ такихъ ничего не понимающими, говорилъ, что у Бога съ императоромъ все нераздѣльно, и императору позволительно дѣлать все, что захочется. Въ доказательство ссылался на примѣръ императора Константина, употреблявшаго одинъ изъ гвоздей, которыми пригвожденъ былъ Христосъ, на уздѣ лошади, другой въ шлемѣ. Надѣлалъ фальшивой монеты и выпускалъ ее вмѣсто высокопробной стараго чекана; увеличилъ общественныя подати и расточительно тратилъ казну. Должности продавалъ, точно на рынкѣ овощи; посылалъ за сборомъ подати безъ всякихъ формальностей, если зналъ о комъ, что онъ не все удержитъ у себя, а должную часть внесетъ въ государственную казну» [2]).

Между всѣми историческими лицами, проходящими въ исторіи Никиты, всего болѣе не посчастливилось императору Андронику Комнину. Въ описаніи его характера и дѣлъ Никита болѣе держался сужденій противоположной ему партіи, хотя не рѣдко проскользаютъ у него и сочувственные отзывы. Но даже и подъ перомъ негодующаго писателя характеръ Андроника привлекателенъ по чертамъ, не хотя указываемымъ въ немъ Никитой. Едва-ли какое время представляетъ еще подобный типъ царственнаго героя, такъ даровитаго, энергичнаго, питающаго въ душѣ высокіе замыслы къ облагодѣтельствованію своихъ подданныхъ. И по извѣстіямъ Никиты можно бы указать этому человѣку болѣе почетное мѣсто въ ряду императоровъ, чѣмъ какое онъ занимаетъ въ самыхъ лучшихъ исторіяхъ Византіи. Если оцѣнимъ безпристрастно сочувственныя и несочувственныя извѣстія объ Андроникѣ, то увидимъ, что послѣднія не помрачаютъ первыхъ; между тѣмъ въ историческихъ трудахъ дается мѣсто только явно пристрастнымъ отзывамъ, и сочувственная сторона императора почти совсѣмъ стушевывается.

[1]) Ibidem p. 582. 11—15.
[2]) Nicetas, p. 583—584.

Втрѣчаясь съ подобными картинами и сужденіями въ произведеніи Никиты, естественно задаться вопросомъ: гдѣ причина такихъ странныхъ, несходныхъ между собою, отзывовъ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ въ настоящее время представляется мало данныхъ: недостаточно изучено византійское общество, скудны свѣдѣнія о тогдашнемъ воспитаніи, не опредѣлены характеры самыхъ крупныхъ дѣятелей эпохи. Можно отвѣчать лишь предположительно. Историку для созданія цѣлостнаго характера требуется не менѣе таланта, чѣмъ поэту. При богатствѣ фантазіи, Никита не обладаетъ въ должной мѣрѣ эстетическимъ чувствомъ и философскимъ обобщеніемъ; его образы и картины не всегда удачны. Нѣтъ ничего удивительнаго, если не удались ему нѣкоторыя характеристики. Далѣе, не должно забывать, что исторія его составлена изъ замѣтокъ разнаго времени, соединенныхъ уже въ послѣдствіи, и представляетъ не мало вносныхъ эпизодовъ, дополненій и разъясненій. Весьма вѣроятно, что Никита руководился устными и письменными разсказами лицъ разныхъ партій; хвалебная часть могла назначаться для современной публики, могла быть произнесена въ рѣчахъ и словахъ, а потомъ слита съ другими. Не было-ли у Никиты распространителя, продолжателя, перифраста и т. п., который внесъ въ чужое произведеніе свои взгляды. Мы убѣждены, что болѣе исправное изданіе Никиты, снесеніе рукописей, указаніе всѣхъ разночтеній — объяснило-бы этотъ запутанный вопросъ.

Закончимъ эту главу краткимъ указаніемъ замѣченныхъ нами противорѣчій и въ первой части труда Никиты. Царица Ирина, супруга Алексѣя Комнина I, съ одной стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы устранить Іоанна отъ престолонаслѣдія въ пользу зятя своего, Никифора Вріеннія, для чего прибѣгаетъ даже къ клеветѣ и обману [1]); съ другой, она не только не принимаетъ участія въ заговорѣ, составившемся противъ императора Іоанна, гдѣ дочь ея Анна и Н. Вріенній играютъ самыя видныя роли, но и не сочувствуетъ ему, высказывая сильныя опасенія въ случаѣ успѣха заговорщиковъ [2]). Не довѣряя обыкновенно божественной помощи на войнѣ, гдѣ требуется мужество, искусство и другія доблести, Никита разсказываетъ о царѣ Іоаннѣ, что онъ, послѣ горячей молитвы къ Богородицѣ, неожиданно

---

[1]) Nicetas, p. 8. 10—15.

[2]) Nicetas, p. 17. 10. μᾶλλον μὲν οὖν ἐσέπειτα καὶ σοφόν τι λόγιον γνωματεῦσαι λέγεται, μαθοῦσα τὰ μελετώμενα, ὡς δεῖ βασιλέα μὲν οὐχ ὑπόντα ζητεῖν, παρόντα δὲ μὴ μετακινεῖν, что при этомъ она испытала бы боль гораздо сильнѣйшую, чѣмъ при родахъ.

склонилъ побѣду на свою сторону [1]). Измѣряя событія естественностію ихъ и считая дѣйствительными только тѣ, которыя согласны съ законами природы, тому же царю Іоанну Никита приписываетъ слова, внушающія недовѣріе къ законамъ природы, какъ къ внушеніямъ малодушной женщины [2]). Строгой точности не найдешь даже въ описаніи цвѣта лица Мануила Комнина: „лице его не равнялось бѣлизною со снѣгомъ, какъ это бываетъ у людей, не выходящихъ изъ дому, и не было темнаго цвѣта, какъ бываетъ у людей, часто подвергающихся жару солнечныхъ людей“; между тѣмъ далѣе говорится, что оно было скорѣе темнаго, чѣмъ свѣтлаго цвѣта, такъ что венеціянцы смѣялись надъ Мануиломъ, какъ надъ эѳіопомъ [3]). Сюда же относятся такія противорѣчія слова съ дѣломъ, какъ, напр., *тяжкія страданія* Мануила по случаю смерти первой супруги и въ то же время *помыслы его о вторичномъ бракѣ* [4]). Андроникъ Комнинъ, занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи царствованія Мануила, описывается иными чертами въ исторіи Мануила и другими, болѣе темными, въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи его царствованія. Въ первой части обращается главное вниманіе на сочувственныя стороны его характера, во второй, по преимуществу, выставляются темныя, такъ что только немногія черты напоминаютъ въ ней Андроника первой части. Такія, болѣе или менѣе важныя, въ исторіи Никиты непослѣдовательности и противорѣчія должны были отозваться и на послѣдующихъ трудахъ, посвященныхъ этому періоду исторіи Византіи и основывающихся, главнымъ образомъ, на исторіи нашего писателя.

IV.

Историческій методъ Никиты.

Планъ и содержаніе исторіи.

Повѣствованіе Никиты начинается съ событій 1118 года, когда умеръ императоръ Алексѣй I Комнинъ и имперіей сталъ править сынъ его Іоаннъ, или Кало-Іоаннъ. Не бывъ очевидцемъ и современ-

---

[1]) Ibidem p. 22. 5—10. Монахи то *могутъ* присовѣтовать какое-нибудь средство въ бѣдственную годину, то совѣты ихъ *безполезны* въ военное время: p. 498. 12, 622. 17.

[2]) Ibidem p. 59. 15, 95. 22, 96. 1—2.

[3]) Nicetas, p. 69. 5—9, 115. 5—8.

[4]) Ibidem p. 151. 8. .... ἡμιθανὴς καὶ ἡμίτομος πρὸς μνῆστρα δεύτερα ἔβλεψε.

никомъ Іоанна, писатель ведетъ разсказъ объ немъ довольно кратко, только изрѣдка вдаваясь въ подробности, случайно дошедшія до него[1]). Все правленіе Іоанна разсказано въ одной книгѣ, которая раздѣлена, впрочемъ, не самимъ писателемъ, на 11 главъ. Дѣленіе на главы, нужно сознаться, не совсѣмъ удачное: одно и то же событіе излагается въ разныхъ главахъ, и наоборотъ, два, совершенно различныхъ факта, втиснуты въ одну главу [2]). Авторъ пытается вести разсказъ погодно, но такъ какъ у него не принято отмѣчать годы, то хронологическая связь въ повѣствованіи теряется и выступаетъ связь постепенности. Содержаніе извѣстій его вполнѣ можно исчерпать, раздѣливъ первую книгу на три отдѣла: 1) *Восточныя войны царя Іоанна.* Писатель хорошо знаетъ востокъ, изучилъ отношенія имперіи къ туркамъ; его извѣстія о востокѣ отличаются обстоятельностію, полнотою и сравнительнымъ отсутствіемъ фразы. Вниманіе его обращено, по преимуществу, къ востоку, извѣстія изъ другихъ областей случайны и отрывочны. 2) *Западныя войны* Іоанна. Если Никита и даетъ понять, что западъ тоже много безпокоитъ императора, однако не сообщаетъ полныхъ извѣстій объ этомъ; фактическая сторона западныхъ дѣлъ весьма слаба, описаніе похода занимаетъ иногда только пять-шесть строкъ. За неимѣніемъ точныхъ знаній, писатель прибѣгаетъ къ общимъ соображеніямъ, къ преданіямъ и слухамъ, пріурочивая ихъ къ тому или другому дѣлу [3]), при чемъ впадаетъ въ ошибки, (напр. относительно угорской исторіи)[4]), и замѣняетъ высокопарнымъ изложеніемъ недостатокъ содержанія въ извѣстіяхъ (объ итальянскихъ республикахъ и о походѣ на сербовъ [5]). 3) *Внутреннія, особенно придворныя извѣстія.* Тутъ писатель вполнѣ владѣетъ своимъ предметомъ, сообщая весьма любопытныя извѣстія: а) о придворномъ переворотѣ во время тяжкой болѣзни и смерти Алексѣя I; б) о новомъ правительствѣ и приближенныхъ къ Іоанну лицахъ; в) о политиче-

---

[1]) Подробной и современной царю Іоанну исторіи Византіи мы не имѣемъ: Cinnam p. 5 (ed. Bonn), Nicetas, p. 7. 18.

[2]) Такъ, совсѣмъ не кстати четыре строки 5 главы отдѣлены отъ предыдущей; осада Гангры p. 28 изложена въ разныхъ главахъ, между тѣмъ событія, отдѣленныя и по времени и по самому содержанію, представляются въ одной главѣ.

[3]) Nicet, p. 23. 2—10.

[4]) Ibidem p. 24; снеси у Дюканжа примѣчаніе къ Киннаму, ad. p. 4.

[5]) Ibidem p. 25. 15.

скихъ задачахъ и цѣляхъ императора на востокѣ; г) о характерѣ императора Іоанна [1]).

Царствованіе Іоанна излагаетъ еще Киннамъ, и тоже не подробно. При чтеніи Никиты и Киннама необходимо имѣть въ виду примѣчанія Дюканжа [2]); по отношенію къ славянскимъ событіямъ — угорскихъ лѣтописцевъ, по отношенію къ итальянцамъ — сборникъ грамотъ и договоровъ Тафеля и др.

Преемникомъ Іоанна на византійскомъ престолѣ былъ сынъ его Мануилъ. Двадцатичетырехлѣтнее царствованіе предыдущаго императора излагается на 65 страницахъ; тридцатисемилѣтнему правленію Мануила (1143 — 1180) удѣляется сравнительно болѣе мѣста (65 — 290 стр. бонискаго изд.), хотя очевидцемъ описываемыхъ событій авторъ также не могъ быть. Царствованіе Мануила изложено въ VII книгахъ, каждая изъ нихъ раздѣляется на главы. Послѣднее дѣленіе принадлежитъ также не самому писателю и не всегда соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію. Хронологіи событій почти совсѣмъ нѣтъ. Всѣ событія могутъ быть обозрѣны въ слѣдующихъ трехъ группахъ: 1) *Восточныя дѣла.* Также какъ и Іоаннъ, Мануилъ во все царствованіе занятъ восточными дѣлами. Планы его простирались и на завоеваніе св. земли, для чего вступалъ онъ въ соглашеніе съ іерусалимскимъ королемъ; съ одной стороны, недовѣріе западныхъ князей, владѣвшихъ частію св. земли (походъ въ Египетъ), съ другой, краткосрочные и ненадежные договоры съ турками-сельджуками (иконійскій султанъ) мѣшаютъ Мануилу достигнуть преобладанія на востокѣ. Изложеніе относящихся сюда фактовъ, находится во всѣхъ книгахъ, за исключеніемъ II и VII. 2) *Западъ и западныя дѣла* останавливаютъ на себѣ главнѣйшимъ образомъ вниманіе писателя. Онъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Византіи во-1-хъ—къ крестоносцамъ и сицилійцамъ, во-2-хъ—къ славянамъ и кочевымъ народамъ. Однако, напрасно было бы искать у Никиты всѣхъ подробностей объ отношеніяхъ къ западу: въ описаніи II похода въ св. землю онъ проходитъ, напр., молчаніемъ участіе въ немъ Людовика VII; много удѣляя мѣста войнѣ съ Рожеромъ сицилійскимъ, не совсѣмъ точенъ въ извѣстіяхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Вообще,

---

[1]) Мы не думаемъ дѣлать указанія на то, гдѣ у Никиты изложена та или другая, приводимая нами, мысль: при всѣхъ изданіяхъ Никиты находится подробный перечень содержанія каждой отдѣльной главы.

[2]) Ioannis Cinnami Imp. Grammatici. Paris. MDCLXX.

какъ военный писатель, Никита слабъ: не указываетъ, напр., плана военныхъ дѣйствій, не можетъ познакомить съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ императоръ или его полководцы и непріятель. Но онъ силенъ тамъ, гдѣ нужно указать историческія отношенія лицъ и событій, нарисовать картину бѣдствій войны, опредѣлить значеніе враждебныхъ партій. Отношенія къ славянамъ (сербы и болгары) мало ему извѣстны: общая фраза поэтому замѣняетъ недостатокъ содержанія, имена трудно распознаваемы и перемѣшаны [1]). Угры болѣе знакомы писателю, потому что Мануилъ, имѣя широкіе планы относительно подчиненія этой страны, принималъ при своемъ дворѣ угорскихъ королевичей и не прерывалъ съ уграми сношеній, то поддерживая одного, то выставляя новаго претендента на королевскій столъ. 3) Полнѣе и любопытнѣе *внутреннія отношенія имперіи* времени Мануила. Придворныя извѣстія, сужденіе объ администраціи свѣтской и церковной, о сотрудникахъ императора Мануила—восполняютъ въ значительной мѣрѣ недостатки политической и военной исторіи. Достаточно указать на VII книгу Мануила, превосходную по содержанію и изложенію, гдѣ писатель дѣлаетъ общій взглядъ на правительственную систему этого царя. Это одна изъ лучшихъ частей всего труда Никиты.

Одна книга, раздѣленная на 18 главъ (290—355 стр.), посвящена царствованію несчастнаго наслѣдника престола, малолѣтняго Алексѣя II (1180—1183). Писатель около того времени поступилъ на службу, и могъ описывать событія по собственнымъ впечатлѣніямъ и замѣткамъ. Послѣдующія извѣстія его отличаются значительною примѣсью субъективныхъ чертъ: характеристики лицъ и событій выступаютъ живѣе и правдивѣе; тутъ авторъ впадаетъ въ новый тонъ: со времени смерти Мануила всѣ дѣла пошли къ упадку, отношенія съ врагами запутались, внѣшнія бѣдствія и внутреннія крамолы подготовляютъ погибель имперіи. Можно догадываться, что исторія его, начиная со смерти Мануила и до занятія латинянами Цареграда, обработана около одного времени, при одинаковыхъ обстоятельствахъ автора. Хотя книга и имѣетъ въ оглавленіи имя Алексѣя II, но повѣствованіе мало занимается имъ. Передъ читателемъ развивается цѣлый рядъ интригъ и заговоровъ, имѣющихъ цѣлію дать перевѣсъ одной партіи, вмѣсто другой. Пользуясь малолѣтствомъ сына, правительственными дѣлами овладѣваетъ молодая вдова императора Ма-

[1]) Особенно книга IV, глава 4.

нуила; любимецъ ея, протосевастъ Алексѣй, возбуждаетъ противъ себя сильную партію бояръ, во главѣ которыхъ стояла цесаревна Марія, сестра малолѣтняго императора. Этими обстоятельствами пользуется двоюродный братъ Мануила, умный и даровитый Андроникъ, который пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ и является въ столицу какъ опытный человѣкъ, готовый поддержать юнаго императора и удалить недостойное правительство матери-опекунши.

Двухлѣтнее правленіе императора Андроника Комнина (1183—1185) описывается нашимъ писателемъ съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ дѣла и съ любопытными подробностями (356—463 стр., въ двухъ книгахъ). Чтобы достигнуть самодержавія, Андроникъ устраняетъ императора-юношу, приказавъ умертвить его; подобныя же средства употребляетъ онъ и противъ другихъ членовъ рода Комниновъ, которые не хотѣли безъ борьбы уступить ему власть. Въ изложеніи событій этого царствованія особенно выдаются слабыя стороны труда Никиты — пристрастіе и односторонность выводовъ и сужденій. Доказывая, съ одной стороны, что имперія послѣ Мануила стала клониться къ упадку, что возникли самостоятельныя владѣнія, которыя увеличивали собою количество внѣшнихъ враговъ и ослабляли средства имперіи, подстрекая противъ Андроника новыхъ соперниковъ на востокѣ и западѣ; съ другой, Никита сознается, что никогда государство не пользовалось такимъ спокойствіемъ, развитіемъ промышленности и богатствъ, какъ при этомъ императорѣ. Возвышенныя качества героя-царя, сдѣлавшагося предметомъ народныхъ пѣсенъ и поэтическихъ сказаній, не могли быть скрыты писателемъ; но онѣ теряютъ много своей привлекательности, будучи поставлены на ряду съ суровыми мѣрами и жестокими поступками, на подборъ которыхъ не поскупился Никита. Для полной оцѣнки этого лица нужно имѣть въ виду всѣ мѣста, гдѣ объ немъ говорится, какъ въ исторіи царствованія Мануила, такъ и Алексѣя: Андроникъ, въ качествѣ родственника царскаго, изгнанника и скитальца по отдаленнымъ мѣстамъ, не унывающаго въ бѣдѣ узника, любителя наукъ, соблазнителя трехъ женщинъ изъ царскаго рода, рисуется Никитой въ болѣе сочувственномъ видѣ, чѣмъ Андроникъ-царь. Въ изложеніи господствуетъ элементъ драматическій; это не исторія Византіи въ царствованіе Андроника, а исторія самого Андроника: нить событій вяжется исключительно на этомъ лицѣ. Его жестокость возбуждаетъ противъ него много недруговъ, которые частію сами вооружаются, частію подстрекаютъ противъ Андроника опасныхъ внѣшнихъ враговъ: съ запада сицилій-

цевъ, съ востока турокъ. Постоянное недовѣріе къ своимъ и опасеніе измѣны — побуждаютъ Андроника предпринимать тонкія мѣры предосторожности, изъ которыхъ возникаютъ новыя неожиданныя затрудненія, жертвою которыхъ онъ и падаетъ.

При Андроникѣ велась сицилійская война, требовавшая крайняго напряженія силъ имперіи. Она должна стоять въ связи съ изгнаніемъ латинянъ изъ Цареграда, которымъ началъ свое правленіе Андроникъ. Въ I и началѣ II книги Никита сообщаетъ свѣдѣнія объ этой войнѣ; но, какъ уже было замѣчено, въ описаніи военныхъ дѣлъ нашъ писатель особенно не достаточенъ. Исаакъ, окончившій эту войну пораженіемъ сицилійскаго войска въ 1186 г., воспользовался, конечно, благоразумными мѣрами Андроника, хотя Никита и не упоминаетъ объ нихъ. Жестокости сицилійскаго войска въ Солуни напоминаютъ безчеловѣчные поступки латинянъ въ Цареградѣ, въ 1204 году.

Андроника свергаетъ и предаетъ поруганію толпы царедворецъ Исаакъ, изъ рода Ангеловъ. Онъ два раза былъ византійскимъ императоромъ: въ первый разъ отъ 1185 до 1195 г., во второй—посаженъ былъ на престолъ крестоносцами IV похода и царствовалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ IV (1203 — 1204). Десятилѣтнему періоду его перваго царствованія посвящено III книги (464—596 стр.). Мы не будемъ повторять здѣсь, какъ смотритъ нашъ писатель на Исаака, такъ какъ объ этомъ было довольно сказано въ предыдущей главѣ. Изъ западныхъ дѣлъ этого времени писатель останавливается, во-1-хъ, на сицилійской войнѣ, которая начата была еще Андроникомъ. Исаакъ окончилъ ее, въ первые два года своего царствованія, двумя пораженіями, нанесенными сицилійцамъ на морѣ и на сушѣ. Во 2-хъ, на III крестовомъ походѣ, въ которомъ участвовалъ нѣмецкій императоръ Фридрихъ I и короли французскій и англійскій (Филиппъ II и Ричардъ). Писатель имѣлъ тогда личныя сношенія съ нѣмецкими крестоносцами, пытался уладить раздоры между своимъ правительствомъ и нѣмцами; извѣстія его весьма правдивы и не могутъ быть заподозрѣны въ односторонности и искаженіи. Въ 3-хъ, на національномъ движеніи въ славянскихъ земляхъ — у болгаръ и сербовъ, начавшемся въ 1186 году. Подъ предводительствомъ Петра и Асеня, болгары возстаютъ противъ византійскаго господства, наносятъ пораженіе императорскимъ войскамъ и поспѣшно укрываются въ неприступныхъ горахъ и твердыняхъ. Такъ какъ съ этимъ возстаніемъ соединяется утвержденіе у болгаръ династіи Асеней, которая, пользуясь слабостію имперіи, завоевываетъ самостоятельность и незави-

симость для своего народа, принимаетъ участіе въ событіяхъ IV похода и достигаетъ затѣмъ королевской короны, то подробныя и обстоятельныя извѣстія Никиты объ этой замѣчательной эпохѣ должны останавливать на себѣ полное вниманіе историка славянъ. Никита слѣдитъ, годъ за годомъ, за военными успѣхами болгаръ, не скрываетъ громадныхъ затрудненій, въ которыя поставлены были этими успѣхами византійцы. Исаакъ не успѣлъ остановить народное движеніе сербовъ и болгаръ, не смотря на то, что войска его не выводились изъ Ѳракіи и Македоніи [1]). Въ 4-хъ, Никита останавливается на внутренней исторіи. Неподкупный разборъ правительственной системы Исаака Ангела, препятствія, встрѣченныя имъ на пути къ утвержденію господства, борьба партій и т. п.,—составляютъ едва-ли не лучшую сторону въ изложеніи и этого царствованія.

Въ 1195 г. Исаакъ предпринялъ походъ противъ славянъ; на пути онъ лишенъ власти братомъ своимъ Алексѣемъ, который принялъ титулъ Комнина и извѣстенъ подъ именемъ Алексѣя III Комнина-Ангела. Исторія его восьмилѣтняго царствованія изложена въ трехъ книгахъ (597—725 стр.). Писатель по преимуществу занимается отношеніями западными, которыя въ это время поглощаютъ всѣ заботы византійскаго императора: 1) въ *славянскихъ земляхъ*, сербіи и болгаріи, продолжалось сильное движеніе противъ византійцевъ; славяне, въ союзѣ съ кочевыми народами, дѣлаютъ нападеніе на Ѳракію и Македонію, что̀ заставляетъ императора входить въ договоры съ русскими князьями [2]). Писатель обнаруживаетъ знакомство съ внутренними явленіями жизни славянъ и съ усобицами между предводителями славянскихъ ополченій, которыя старается развивать и поощрять императоръ. 2) *Несчастныя войны съ сосѣдями* излагаются въ перемежку съ неудачными внутренними дѣлами Алексѣя; появленіе самозванцевъ требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, къ которымъ, по изнѣженности, императоръ не былъ способенъ. Тяжелые поборы, внутреннія смуты и нападенія враговъ съ востока производятъ то, что для византійцевъ становится сноснѣе жить въ рабствѣ у турокъ, чѣмъ пользоваться призрачною свободою [3]). 3) Съ 8 главы III книги Никита приступаетъ къ изложенію предварительныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ IV крестовому походу. Низверженный и ослѣпле-

[1]) Nicetas, p. 485, 488, 516, 560, 568, 587.
[2]) Nicetas, p. 612, 620, 643, 663, 665, 673, 679, 685, 691, 703, 708.
[3]) II книга, конецъ 5 главы.

ный Исаакъ, не теряя надежды на возстановленіе, отправляетъ въ Европу сына своего Алексѣя, съ тѣмъ чтобы онъ упросилъ папу и французскаго короля принять участіе въ судьбѣ его. Разсчетливые венеціянцы основали на этомъ искусный планъ — направить силы крестоноснаго ополченія, нуждавшагося въ услугахъ ихъ, не въ св. землю, а на Византію. Слѣдствіемъ этого было то, что осажденный въ Цареградѣ императоръ Алексѣй III, отчаявшись въ успѣхѣ защиты противъ латинянъ, оставилъ столицу и тайно убѣжалъ въ Дебельтъ, гдѣ еще ранѣе приготовилъ себѣ убѣжище.

Одна книга, раздѣленная на 5 главъ, посвящена вторичному царствованію Исаака Ангела вмѣстѣ съ сыномъ его, Алексѣемъ IV (726—747 стр.). Когда въ Цареградѣ узнали о постыдномъ бѣгствѣ императора Алексѣя III, то обратились къ Исааку Ангелу и въ другой разъ провозгласили его императоромъ. Онъ вошелъ съ латинянами въ соглашеніе и обѣщалъ выполнить всѣ обязательства, какія далъ имъ сынъ его. Эти обязательства касались, между прочимъ, уплаты огромныхъ денежныхъ суммъ [1]), которыми венеціянцы желали вознаградить себя какъ за всѣ прежніе убытки, понесенные ими при сношеніяхъ съ Византіей, такъ и за перевозъ на своихъ корабляхъ крестоноснаго ополченія. Въ государственномъ казначействѣ не нашлось достаточныхъ сбереженій, могущихъ удовлетворить ихъ, по этому Исаакъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ, конфискаціи церковной и частной собственности. Латиняне подожгли нѣсколько домовъ въ столицѣ, отчего разлился огромный пожаръ. Сынъ Исаака, провозглашенный тоже императоромъ, явно оскорблялъ византійцевъ сношеніями со врагами, которые, не удовлетворившись первымъ взносомъ, требовали еще денегъ и грабили окрестности столицы, а императоры ограничивались отбираніемъ церковныхъ драгоцѣнностей и проведеніемъ новыхъ налоговъ. Тогда византійскій народъ приступилъ къ избранію новаго императора; Исаакъ скоропостижно умеръ, а сынъ его взятъ подъ стражу новымъ императоромъ изъ рода Дуки, Алексѣемъ V, по прозванію Мурцуфломъ. Это было въ январѣ 1204 года.

12 апрѣля того же года, послѣ продолжительной осады, Цареградъ былъ взятъ и разграбленъ крестоносцами. Приступы со стороны враговъ и мѣры къ защитѣ со стороны византійцевъ изложены Никитой въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ: Царствованіе Алексѣя Дуки Мур-

[1]) Nicetas, p. 715. 15.

цуфла (743—770 стр.). Въ то время, какъ непріятели овладѣли городомъ, Алексѣй V бѣжалъ, а византійцы спѣшили выбрать новаго царя. Удостоенный на этотъ разъ императорскаго титула, вельможа Θ. Ласкарисъ, поощрялъ было народъ къ сопротивленію, но не имѣлъ успѣха и долженъ былъ также бѣжать. Въ трехъ послѣднихъ главахъ этой книги описываются жестокости непріятелей въ Цареградѣ; оскорбленное чувство патріота отвращается отъ мысли продолжать исторію, „ибо это значило бы передавать потомству дѣла варваровъ“. Однако, теплая вѣра въ судьбы промысла подсказала Никитѣ, что Богъ не въ конецъ оставилъ народъ свой, но, наказавъ, помилуетъ.

Произведеніе оканчивается большою книгою, раздѣленною на 17 главъ (770—853 стр.), которая имѣетъ отглавленіе: О событіяхъ послѣ завоеванія столицы. Первыя пять главъ представляютъ изложеніе событій, касающихся самого писателя: какимъ опасностямъ подвергался онъ въ городѣ и какъ удалось ему, вмѣстѣ съ друзьями, бѣгствомъ спастись изъ Цареграда. Съ 6 главы слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ дѣлежъ византійскихъ областей между венеціянами (Генрихъ Дандуло) и латинянами (Балдуинъ фландрскій и Бонифацій монтферратскій). Здѣсь выдѣляются слѣдующія группы событій: 1) Завоеванія латинянъ въ восточныхъ и западныхъ провинціяхъ имперіи, при чемъ завоеватели опираются то на членовъ прежняго національнаго правительства [1]), то на родовитыхъ византійцевъ, поступившихъ къ нимъ на службу. 2) Возникновеніе независимыхъ княженій частію подъ господствомъ прежнихъ правителей областей, частію членовъ императорскаго рода, при чемъ выясняются симпатіи мѣстнаго населенія, указывается на господство силы съ одной и значеніе городскихъ общинъ съ другой стороны [2]). 3) Современныя событія у славянъ; почти въ сосѣдствѣ съ Царградомъ образовалось тогда на Балканскомъ полуостровѣ могущественное славянское государство, къ которому примыкаетъ и населеніе сосѣдственныхъ провинцій имперіи. На ряду съ побѣдами болгаръ описываются набѣги кочевыхъ народовъ; послѣдніе стоятъ частію въ союзѣ, частію на службѣ у болгарскаго короля. Латиняне теряютъ всѣ завоеванія во Θракіи и Македоніи, терпятъ рѣшительное пораженіе при Адріанополѣ (въ апр. 1206 г.), при чемъ король Балдуинъ взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ Терново. Кочевые народы гра-

[1]) Nicetas, p. 791—795.
[2]) Ibidem p. 796—808, 830, 831, 837—841.

бятъ византійскіе города и выгоняютъ изъ нихъ латинянъ [1]). 4) Послѣ адріанопольскаго пораженія, нѣкоторое время можно было сомнѣваться, удержатся-ли латиняне и на востокѣ, въ завоеванныхъ ими областяхъ. Братъ Балдуина, Генрихъ, напрягаетъ всѣ силы, чтобы возвратить утраченныя завоеванія во Θракіи и Македоніи [2]); на востокѣ дѣйствуютъ противъ латинянъ М. Маврозомъ въ союзѣ съ турками, Θ. Ласкарисъ и Д. Комнинъ. Утвержденіемъ въ Никеѣ Ласкариса и вѣнчаніемъ королевскимъ вѣнцемъ Генриха оканчивается исторія Никиты. Она не представляетъ законченнаго цѣлаго и, весьма вѣроятно, не вполнѣ еще издана.

Таково содержаніе произведенія Никиты. Можно замѣтить, что, при значительномъ богатствѣ сообщаемаго матеріала, сочиненіе его страдаетъ отсутствіемъ плана. Изложеніе событій по царствованіямъ, по видимому, положенное за основаніе во всемъ трудѣ, не искупаетъ различныхъ неудобствъ при чтеніи его. Главнѣйшая особенность этого рода состоитъ въ томъ, что отдѣльныя части связываются между собою не хронологическою преемственностію фактовъ, а законами нѣкоторой причинности: оттого бываетъ, что крупнѣйшія событія излагаются по поводу менѣе важныхъ, не рѣдко авторъ дважды, трижды обращается къ одному и тому же предмету и все таки не доканчиваетъ его. Сообщенія его разнообразны: у него можно найдти отвѣтъ на многіе запросы, но трудно овладѣть всѣмъ матеріаломъ его. Исторія царя Мануила оканчивается собственно на 290 стр., но различныя отношенія его времени, особенно его внутреннія дѣла, сообщаются и во всѣхъ остальныхъ частяхъ труда [3]). Событія, касающіяся царя Андроника (356—463 стр), не всѣ изложены въ той части, которая обозначена его именемъ; объ Андроникѣ говорится и въ исторіи Мануила, и послѣдующихъ за нимъ царей. А такъ какъ и взглядъ автора на этого императора, и характеръ сообщаемыхъ объ немъ извѣстій не имѣетъ желаемаго единства, вызываетъ къ нему то сочувствіе, то боязнь и отвращеніе, то ясно, что историкъ не долженъ удовлетворяться тѣми извѣстіями объ Андроникѣ, которыя помѣщены у Никиты въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Царствованіе

---

[1]) Ibidem p. 808—815.

[2]) Nicet, p. 815—826.

[3]) p. 294, 295, 297, 376, 414, 442, 459, 497, 500, 507, 548, 549, 689, 690, 713, 719.

Андроника“ [1]). Такимъ же образомъ относится писатель и къ другимъ фактамъ исторіи: они не составляютъ сами по себѣ цѣльнаго изложенія, но извѣстія объ нихъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Слѣды добавленій, разновременныхъ вставокъ и воспоминаній не могутъ быть оспариваемы; не далъ-ли Никита окончательной обработки какимъ нибудь ранѣе составленнымъ запискамъ, или не передѣлалъ-ли кто послѣ него трудъ его? Недостаточность изданій Никиты, неизвѣстность всѣхъ рукописей его труда не позволяютъ прямо высказаться на этотъ счетъ; но къ подобнымъ догадкамъ подаютъ поводъ какъ разночтенія рукописей, такъ и отрывокъ „о статуяхъ“ помѣщенный въ концѣ труда Никиты; этотъ отрывокъ есть не что иное, какъ сокращеніе и передѣлка изъ исторіи.

Цѣль и назначеніе труда.

Никита не случайно напалъ на мысль—написать исторію своего времени. Онъ обладалъ обширными историческими знаніями, читалъ древнихъ писателей и отечественныхъ историковъ. Побужденіемъ къ историческимъ занятіямъ, по собственнымъ его словамъ, было желаніе восполнить пробѣлъ въ отечественной исторіографіи, которая, заканчиваясь трудами Анны Комниной и Зонары, не представляла ни одного сочиненія, обнимающаго XII столѣтіе. Мое повѣствованіе говоритъ онъ, будетъ стоять въ связи съ тѣмъ, что̀ извѣстно изъ другихъ историковъ, которые писали раньше меня; такимъ образомъ эта исторія уподобится теченію рѣки, берущей начало изъ одного родника, или цѣпи колецъ, которыя тянутся до безконечности, въ непрерывной связи между собою [2]). Къ этому присоединялось еще сознаніе высокой пользы, которую исторія можетъ приносить какъ читателямъ, такъ и тѣмъ, кто занимается историческимъ трудомъ. Не говоря объ назидательности и нравственной пользѣ, которая вездѣ выставляется авторомъ, какъ необходимый плодъ исторіи, черезъ нее люди смертные, давно уже сошедшіе съ земнаго поприща, снова вызываются къ жизни и какъ бы уподобляются безсмертнымъ: „тѣло разложилось на составныя части, душа сошла въ адъ, дѣла же людей продолжаетъ громко разглашать исторія. И я не знаю, продолжаетъ

[1]) Извѣстія объ Андроникѣ пополняются на стр.: 68, 133, 135, 139, 160, 168, 170, 179, 180, 182, 184, 192, 294, 297, 317, 336, 348 и далѣе, въ исторіи преемниковъ Андроника: 465, 480, 530, 549, 557, 585, 590, 601, 703.

[2]) Praefatio p. 7. 15—18.

онъ, найдется ли кто указать другое, болѣе пріятное занятіе для человѣка. Ибо, что̀ самые пожилые люди, хотя бы они дожили до глубокой старости, расшевеливъ свою память и порывшись въ складкахъ минувшихъ лѣтъ, могли-бы поразсказать любителямъ изъ опытовъ своей жизни, то можетъ предложить и историкъ, хотя бы онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ". Исторія есть лучшій плодъ ума человѣческаго и прекраснѣйшее изобрѣтеніе греческаго генія. Авторъ считаетъ святотатственнымъ посягательствомъ на важность исторіи — взять предметъ не достойный ея, или отступить въ изложеніи отъ истины [1]).

Сознавая возвышенныя требованія исторіи и нравственную пользу, приносимую ею, историкъ долженъ заботиться объ общедоступномъ изложеніи, ясности и простотѣ. Исторію должны читать всѣ высшіе и низшіе люди, образованные и невѣжды, всѣхъ она должна поучать своимъ простымъ и яснымъ словомъ. Такимъ образомъ, произведеніе Никиты предназначалось для современниковъ и потомства, и имѣло въ виду читателей [2]). Мы должны обратить вниманіе на это обстоятельство, потому что имъ обусловливается въ извѣстной мѣрѣ характеръ исторіи Никиты. Правда, что сочиненіе его не могло распространиться скоро, что оно должно было сдѣлаться извѣстнымъ лишь по смерти писателя; тѣмъ не менѣе, частію служебныя, частію родственныя и дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ необходимо вліяли на смягченіе отзыва объ нихъ: въ такихъ случаяхъ Никита либо не упоминаетъ именъ дѣйствующихъ лицъ, либо опускаетъ подробности.

Укажемъ на нѣкоторыя мѣста, гдѣ назначеніе труда ограничивало автора и обусловливало размѣры и характеръ его извѣстій. Такъ какъ исторія, по понятіямъ Никиты, имѣетъ воспитывающее и образовательное значеніе, то онъ даетъ въ ней мѣсто такимъ фактамъ, которые, не способствуя полнотѣ, картинности и занимательности, могутъ лишь оправдать собою то или другое нравственное правило, ему сочувственное. Такъ, въ исторіи царя Мануила [3]), намѣреваясь разсказать о соперничествѣ между царедворцами, онъ дѣлаетъ такую оговорку: „и объ этомъ я скажу въ моей исторіи, желая показать

---

[1]) Praefatio и p. 767, 768.

[2]) p. 5. 19. διὰ τῆσδέ μου τῆς ξυγγραφῆς δῆλα ταῦτα τοῖς ἔπειτα καθιστῶ; p. 7. 3. ὁ δὲ λόγος συγγνώμην αἰτεῖται παρ' οἷς εἰς χεῖρας πεσεῖται.

[3]) Nicet, p. 145. 13.

читателямъ, какое непреоборимое зло—лукавство и какъ нужно беречься отъ тѣхъ коварныхъ людей, которые имѣютъ несообщительный и скрытный нравъ и языкъ, не выдающій сердечныхъ тайнъ; въ особенности же, чтобы научить, какъ важно сдерживать слово и не позволять языку безъ нужды высказываться". Для подтвержденія этого положенія и предлагается разсказъ о низверженіи Ѳ. Стиппіота великимъ логоѳетомъ. Но окончивъ свой разсказъ, писатель еще присоединяетъ: «если ужъ зашла рѣчь объ этомъ человѣкѣ, прибавлю и́ еще нѣчто, стоящее вниманія», и сообщаетъ затѣмъ характеристику логоѳета. Рѣчь заключается слѣдующимъ: «Я думаю, что этотъ разсказъ не лишенъ для многихъ пользы, назиданія и занимательности» [1]). Даже при изложеніи военныхъ дѣйствій Никита не забываетъ читателя и боится навести на него скуку и утомленіе. Чтобы избѣжать этого, онъ намѣренно опускаетъ цѣлые эпизоды и случаи, какъ видно изъ заключенія III книги Мануила, послѣ разсказа о войнѣ съ турками. „Много набѣговъ въ это время было съ той и другой стороны, говоритъ Никита, «но я пропустилъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ не случилось ничего достопримѣчательнаго, и разсказъ о коихъ могъ бы навести скуку на читателя, такъ какъ многое пришлось бы разсказывать одинаковымъ образомъ, не привнося въ исторію разнообразія» [2]).

Нѣкоторыя военныя дѣла разсказываетъ Никита *вкратцѣ*, напр., войну Мануила съ уграми и осаду города Зевгмина; къ другимъ возвращается нѣсколько разъ, дѣлая только намеки на нихъ и откладывая подробности на будущее время, „чтобы представить разсказъ въ связи и совокупности", или чтобы высказать полное сужденіе о событіи, не опуская ничего достойнаго памяти потомства [3]). По поводу нѣкоторыхъ лицъ и положеній ведетъ повѣствованіе издалека [4]). Описавъ мученія, которымъ подвергла царя Андроника разъяренная толпа, замѣчаетъ, что онъ пропустилъ еще нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ этому; бѣдствія жителей Солуни передаетъ въ сокращенномъ изложеніи, потому что объ этомъ есть спеціальное сочиненіе; также не распространяется много о жестокихъ поступкахъ царя Андроника и его постановленіяхъ противъ свободы и жизни гражданъ; дѣлаетъ общіе выводы изъ извѣстныхъ ему фактовъ; ссы-

[1]) p. 149. 13, 151. 1—2.
[2]) p. 164.
[3]) p. 177. 20, 180, 185. 24, 190. 7, 294. 14.
[4]) p. 637. 21.

лается иногда на читателей, предоставляя имъ судить о разсказанномъ; нѣкоторыя обстоятельства просто считаетъ неудобнымъ передавать письму [1]). Начавъ говорить объ Алексѣѣ III, предупреждаетъ, что онъ многое опустилъ, чтобы не дать поводъ думать, будто онъ выбираетъ только дурное и изъ исторіи дѣлаетъ пасквиль. Болѣзнуетъ, когда ему приходится передавать однѣ несчастія, постигшія отечество, и жалѣетъ потомковъ, которымъ придется читать его печальный разсказъ. Поэтому старается темныя картины передавать отрывочно и сокращенно; предпочитаетъ даже совсѣмѣ молчать, если византійскія войска несутъ пораженіе и доставляютъ надъ собою перевѣсъ варварамъ: моя исторія, говоритъ онъ, не должна быть хвалебною пѣснію дѣлъ варварскихъ [2]). Когда указываетъ неприличный поступокъ лица, особенно изъ товарищей по службѣ, не называетъ его имени; обращаетъ особенное вниманіе читателей на рельефную сторону извѣстій [3]). Вообще, Никита постоянно имѣетъ въ виду, что у него будутъ читатели, которые могутъ судить его, что при томъ они могутъ интересоваться тѣми сторонами византійской исторіи, которыя ему представлялись таковыми. Желая дать своей исторіей полезное и назидательное чтеніе, онъ подчинялъ этой цѣли историческій матеріалъ: событія назидательныя выставлялъ на видъ, маловажныя излагалъ коротко, обидныя для патріотизма или скрывалъ, или указывалъ только мимоходомъ.

Время написанія исторіи.

Окончательную обработку своему произведенію Никита далъ, несомнѣнно, послѣ 1206 года, когда, удалившись въ Никею, онъ пользовался досугомъ и спокойствіемъ при дворѣ Ѳедора Ласкариса. Но нельзя думать, чтобы тамъ же созрѣлъ и планъ произведенія, и составлены всѣ части его. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Никита ранѣе велъ записки о современныхъ событіяхъ, и потомъ обработалъ ихъ, дополнилъ и придалъ имъ литературную форму. Нѣкоторые отдѣлы выдаютъ современность самому событію, нѣкоторыя части явно представляютъ позднѣйшую вставку, во многихъ мѣстахъ можно указать даже слѣды поправокъ и дополненій; есть намеки, изъ которыхъ можно вывести указаніе на время написанія цѣлаго отдѣла.

---

[1]) pp. 457. 19, 398. 18, 438. 9, 462. 1, 568. 8, 595. 8, 634. 10.
[2]) p. 638. 8—9, 710. 7, 767. 21.
[3]) p. 350. 17, 437. 3, 450. 9.

Не будемъ останавливаться на первой части произведенія Никиты, обнимающей событія времени царей Іоанна и Мануила. Судя по тому, какъ относится авторъ къ описываемымъ событіямъ и къ современному положенію имперіи, можно догадываться, что эта часть составлена еще въ Цареградѣ, въ правленіе Ангеловъ [1]). Если и не богатъ запасъ находящихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ къ опредѣленію времени происхожденія остальныхъ отдѣловъ труда Никиты, тѣмъ не менѣе, при разсмотрѣніи всѣхъ внутреннихъ признаковъ, носящихъ на себѣ слѣды времени, представляется нѣкоторая возможность опредѣленныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что остальные отдѣлы составлены не въ одно время и не въ одномъ мѣстѣ, что разъ написанные, они могли быть дополняемы и исправляемы въ послѣдствіи. Царствованія Алексѣя II, Андроника и часть исторіи Ангеловъ, имѣя признаки происхожденія въ Цареградѣ, представляютъ вставки позднѣйшаго времени; остальные же отдѣлы написаны послѣ взятія латинянами Цареграда. Приведемъ тѣ мѣста изъ исторіи Никиты, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, есть указаніе на время происхожденія соотвѣтствующихъ имъ отдѣловъ.

1. Описаніе жестокихъ поступковъ сицилійскаго войска въ Солуни, напоминающее, по подробностямъ, злодѣйства латинянъ въ Цареградѣ, представляетъ собою вставку въ исторію Андроника, написанную ранѣе. Къ этому заключенію ведетъ общій отзывъ Никиты о латинянахъ: „Проклятые латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить и пользоваться благами; завидуя нашему счастію, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и искони строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ притворяясь друзьями, они ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги; когда обращаются къ намъ съ ласковымъ и привѣтливымъ словомъ мягко и нѣжно льющимся на подобіе елея, и тогда это слово подобно стрѣлѣ и обоюду-острому мечу. Такъ, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть различія. Хотя мы и вступаемъ съ ними въ сношенія, и часто пользуемся однимъ и тѣмъ же жилищемъ, однако насъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣжденій. Чрезвычайно гордые, надменно поднимающіе вверхъ голову, они пользуются для своихъ выгодъ мягкостію нашего нрава.

[1]) Въ первой части есть нѣсколько намековъ на обстоятельства, современныя происхожденію ея: 75. 18 и далѣе, 96. 12.

приниженностію и скромностію... Мы же... доселѣ попираемъ ихъ голову по волѣ Христа, дающаго власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, безъ всякаго вреда отъ нихъ» [1]). Замѣтимъ, что это разсужденіе вызвано событіями 1185 года, когда никто изъ византійцевъ не могъ предполагать, что черезъ 18 лѣтъ самому Цареграду будетъ угрожать опасность со стороны запада. Пропасть, раздѣляющая востокъ и западъ, едва-ли была сознаваема византійцами прежде 1204 года: ибо до того времени и самъ Никита состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ венеціанскими купцами. Замѣтимъ далѣе, что писателя поддерживаетъ надежда на благопріятную перемѣну обстоятельствъ, которая могла быть внушена только имперіей Ѳ. Ласкариса; наконецъ, съ точки зрѣнія Никиты, византійцы и латиняне принуждены жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ: это опять необходимое слѣдствіе событій 1204 года. Можно заключить, что весь этотъ отдѣлъ исторіи написанъ былъ уже въ Никеѣ. Къ этому же заключенію, приводятъ: презрительный отзывъ о византійскомъ народѣ, проходящій по всему труду, начиная отъ смерти Мануила; неблагопріятный отзывъ объ Андроникѣ, стоящій въ противорѣчіи съ сочувственными объ немъ словами въ исторіи царствованія Мануила. Но есть одно мѣсто въ исторіи Андроника, которое можетъ подать поводъ къ противоположному выводу. Говоря о постройкахъ его и, между прочимъ, о начатомъ и не оконченномъ водопроводѣ, Никита продолжаетъ [2]): этотъ водопроводъ составлялъ особенный предметъ попеченій преемниковъ Андроника, которые *съ тѣхъ поръ досель царствуютъ*; они желали окончить это общеполезное дѣло. Если выраженіе: ὅσοι τέως ἐς δεῦρο ἀνάσσουσι не представляетъ позднѣйшей вставки, то можно бы сдѣлать выводъ, что исторія Андроника написана до завоеванія латинянами Цареграда, а исторія взятія сицилійцами Солуни исправлена и пополнена позднѣе.

2. Усмиреніе возмущенія Алексѣя Враны приписывается главнымъ образомъ воздѣйствію цесаря Конрада [3]). Чѣмъ объяснить сочувственный отзывъ о Конрадѣ послѣ того, какъ сказано ранѣе о пропасти различія, о притворствѣ латинянъ и опасности отъ нихъ? Весь разсказъ о Конрадѣ представляетъ вставку, которая довольно не искусно соединена съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

---

[1]) p. 391—392.
[2]) p 428 19.
[3]) p. 497.

3. Въ царствованіе Исаака Ангела являлось много лицъ, желавшихъ лишить его власти и составлявшихъ довольно сильныя партіи; многочисленныя попытки этого рода дѣлали оставшіеся въ живыхъ Комнины. По поводу неудачной попытки одного изъ нихъ (сынъ Андроника Комнина, внука цесаревны Анны и Н. Вріеннія), Никита выражается такъ: онъ завершилъ собою эпоху мятежниковъ, ибо съ тѣхъ поръ никто не дерзалъ идти этимъ путемъ; и ранѣе: онъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, которые, стремясь ко власти, прибѣгали въ храмъ и терпѣли за это наказаніе[1]). Былъ-ли сынъ Андроника послѣднимъ мятежникомъ при Исаакѣ только, или и во весь послѣдующій, описываемый Никитою, періодъ? Съ точки зрѣнія автора какъ будто выходитъ, что это былъ послѣдній изъ всѣхъ самозванцевъ, стремившихся низвергнуть Ангеловъ, по крайней мѣрѣ путемъ, указаннымъ самимъ Исаакомъ; тогда бы было возможно вывести заключеніе, что время Исаака описано Никитой послѣ паденія императоровъ изъ рода Ангеловъ: только имѣя передъ глазами всю исторію Ангеловъ, писатель могъ сказать, что данный случай — послѣдній, потомъ не повторявшійся. Но въ описаніи царствованія Алексѣя III, брата Исаакова, встрѣчаемся опять съ самозванцемъ изъ рода Комниновъ. Нѣкто Іоаннъ, по прозванію Толстый, достигаетъ царскаго титула тѣмъ же путемъ, что и упомянутый выше сынъ Андроника Комнина; обыкновенныхъ же заговорщиковъ и мятежниковъ было огромное число въ оба эти царствованія. Чтобы примирить это противорѣчіе, мы можемъ высказать два предположенія: либо исторія Исаака написана въ царствованіе Алексѣя Ангела, чѣмъ бы легко объяснилось и сочувствіе писателя къ этому несчастному, лишенному власти, ослѣпленному и, сравнительно съ Алексѣемъ, любезному для многихъ царю; либо одинъ случай покушенія на захватъ царской власти представляетъ вставку или путаницу. Есть нѣсколько и другихъ мѣстъ, доказывающихъ, что исторія Исаака писана въ царствованіе Алексѣя. Говоря о несчастномъ походѣ Исаака противъ болгаръ и сербовъ, когда византійскія войска попали въ тѣснины и бо̀льшая часть ихъ была перебита, Никита упоминаетъ объ одномъ полководцѣ въ такихъ выраженіяхъ: „это былъ зять Алексѣя, позднѣе сдѣлавшагося царемъ“[2]), т. е. зять того Алексѣя, который потомъ сдѣлался царемъ. Далѣе

---

[1]) p. 561. 2—6.

[2]) p. 562. 12. ὁ Κομνηνὸς Ἰσαάκιος ὁ τοῦ ὕστερον βασιλεύσαντος Ἀλεξίου γαμβρὸς ἐπὶ θυγατρί.

Исаакъ отличался особенною страстію къ постройкамъ; чтобы имѣть матеріалъ для возведенія новыхъ зданій, онъ разобралъ нѣсколько церквей, стоявшихъ на берегу моря, и разрушилъ много прекрасныхъ домовъ въ самой столицѣ: „эти развалины до сихъ поръ представляютъ собою для проходящихъ достойное слезъ зрѣлище“, прибавляетъ Никита [1]). Спрашиваемъ, могъ-ли онъ говорить такъ послѣ всѣхъ ужасовъ пожара, разрушенія и грабежа, постигшихъ Цареградъ въ 1204 г.? Тогда едва-ли обращали на себя вниманіе, тѣмъ менѣе могли вызвать слезы, развалины времени Исаака: онѣ должны были остаться незамѣтными передъ тѣмъ, что сдѣлали крестоносцы; въ царствованіе же Алексѣя III, дѣйствительно, разрушенія Исаака могли бросаться въ глаза. Продолжая разсказывать, къ какимъ неприличнымъ поступкамъ прибѣгалъ Исаакъ изъ страсти къ постройкамъ, въ особенности по украшенію созданнаго имъ храма въ честь Архангела Михаила, Никита упоминаетъ о слѣдующемъ [2]): онъ еще перенесъ въ этотъ храмъ мѣдныя двери, весьма высокія и широкія, которыя *прежде* замыкали входъ въ Большой дворецъ, а *въ наше время* запирали темницу, называемую Мѣдною. Если относить выраженіе „прежде“ ко времени самаго событія, тогда второе „въ наше время“ должно указывать на событія послѣ Исаака; если же допустить, что первое указываетъ на неопредѣленную давность, а второе на періодъ, современный писателю, тогда непонятна форма противоположенія. Думаемъ, что именно при Алексѣѣ III эти двери служили для государственной тюрьмы, потому что въ описаніи возмущенія, произведеннаго Алексѣемъ Лагомъ, Никита упоминаетъ опять о Мѣдной темницѣ; тогда, выраженіе въ наше время можно бы относить къ царствованію Алексѣя, когда писана исторія Исаака. Наконецъ, писатель не могъ такъ сочувственно говорить объ Исаакѣ, въ заключеніи исторіи его перваго царствованія, если бы имѣлъ передъ глазами и послѣдующее, вмѣстѣ съ сыномъ, правленіе его: „божественное провидѣніе, опредѣливъ низвергнуть этого человѣка, внушило ему благія дѣла и прекрасныя намѣренія, и въ самомъ паденіи сдѣлало его любезнымъ для очень многихъ“ [3]). Въ этихъ словахъ видна прощальная рѣчь съ несчастнымъ царемъ, которому не представляется въ будущемъ ничего отраднаго. Если бы Никита имѣлъ въ виду послѣдующее царствованіе Исаака, то онъ нашелъ бы чѣмъ

---

[1]) p. 581. 2—3.

[2]) p. 582. 5—7.

[3]) p. 587. 11—15, сравни 592. 12.

опровергнутъ и предвѣщаніе юродиваго Васильюшки, которому, однако, и онъ долженъ былъ придать извѣстное значеніе, „потому что событія оказались въ довольно прямомъ соотвѣтствіи съ его предвѣщаніями".

4. Что̀ касается царствованія брата Исаака, Алексѣя Ангела-Комнина, по всей вѣроятности, если не все, то вторая часть его написана въ Никеѣ. Къ этому предположенію приводитъ форма, въ которой выражаются сужденія автора о современныхъ дѣлахъ. Такъ, объ императорѣ Алексѣѣ III говоритъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ[1]): „воцарившись, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы должности не продавались за деньги, но раздавались бы даромъ и по заслугамъ. Въ сущности такое распоряженіе прекрасно и достойно удивленія: оно составляетъ охрану, основаніе и утвержденіе полезнаго правительства, и не нашлось бы *въ наше время* ни одного, кто не только могъ бы подражать, но даже и приблизиться къ этому образцу". На что̀ здѣсь указываетъ выраженіе „въ наше время"? Не на весь періодъ Комниновъ и Ангеловъ, современныхъ писателю, потому что у того же Никиты есть извѣстія о подобныхъ распоряженіяхъ, напр., императора Андроника[2]). Это выраженіе не указываетъ и на періодъ послѣ паденія Цареграда, потому что тогда совсѣмъ уже измѣнился порядокъ жизни и не было явленій, которыя бы можно было сравнить съ явленіями жизни до 1204 г. Вѣроятнѣе предполагать, что первая часть царствованія Алексѣя написана еще въ Цареградѣ, около 1203 года. Намъ кажется возможнымъ, что между написаніемъ первой книги и четырехъ главъ второй, а также и остальныхъ частей исторіи Алексѣя, долженъ былъ пройдти значительный промежутокъ времени[3]).

Начиная съ 5 главы II книги, правленіе Алексѣя III, безъ сомнѣнія, описано въ Никеѣ. Скорбное обращеніе къ византійской имперіи по поводу того обстоятельства, что царедворцы въ выборѣ преемника императору Алексѣю III руководились личными цѣлями и свой интересъ ставили выше общаго блага, можетъ оправдываться только тѣмъ, что тогда писатель дѣйствительно имѣлъ въ виду падшую имперію. Въ самомъ дѣлѣ, образъ прелестницы, продающей свои ласки

[1]) p. 638. 10—15.

[2]) p. 422. 17.

[3]) p. 653. 18. Для Никиты необыченъ такой способъ обозначенія—за цѣлое трехлѣтіе, если разсказъ ведется безъ перерывовъ: у него вяжется фактъ съ фактомъ больше по внутреннему соотвѣтствію, чѣмъ хронологически.

всякому встрѣчному, женщины, подвергающейся насилію и т. п., едва-ли можетъ быть приложенъ къ византійской имперіи времени Алексѣя III Ангела[1]); вѣроятно, тутъ имѣется въ виду имперія, завоеванная латинянами. Точно также, въ описаніи набѣга кочевыхъ народовъ (половцевъ), въ союзѣ съ болгарами, на мѣстечко Куперій, во Ѳракіи, есть одинъ признакъ, дающій основаніе предполагать, что это событіе описано послѣ 1206 года. Никита дѣлаетъ замѣчаніе, что скиѳы и *досель* [2]) избѣгаютъ нападать на городскія и полевыя укрѣпленія. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что между событіемъ и описаніемъ его былъ значительный промежутокъ времени, когда скиѳы, т. е. половцы и команы могли нѣсколько разъ доказать свою неспособность къ осадѣ укрѣпленій. Но таковы и были набѣги этихъ кочевниковъ въ 1205—6 годахъ, къ описанію которыхъ Никита и обращается въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ еще, что отдѣлъ, начинающійся съ 8 гл. въ III книгѣ Алексѣя, могъ составлять совершенно самостоятельный разсказъ и внесенъ въ исторію въ послѣдствіи. Въ рукописи, хранящейся въ Лондонѣ (cod. Bodl.), этотъ отдѣлъ, дѣйствительно, представляетъ самостоятельное цѣлое. Говоря объ обѣщаніяхъ, которыя далъ крестоносцамъ сынъ Исаака Ангела, Алексѣй IV, Никита выражаетъ убѣжденіе, что онъ никогда не въ силахъ былъ исполнить ихъ [3])—убѣжденіе, основанное на совершившихся событіяхъ; это еще признакъ, что вторая половина царствованія Алексѣя III написана послѣ занятія латинянами Цареграда.

5. Не требуется особенныхъ доказательствъ на то, что послѣдняя часть исторіи (царствованія: Исаака Ангела съ сыномъ его Алексѣемъ, Алексѣя Дуки Мурцуфла и Балдуина)—написана уже послѣ выселенія Никиты изъ Цареграда. Иначе это и быть не могло: мы знаемъ, что Никита долженъ былъ бѣжать изъ столицы съ своимъ семействомъ, что нѣсколько времени потомъ онъ жилъ въ Силимвріи и, наконецъ, переселился въ Никею. На изгнанническое положеніе его есть намекъ въ исторіи Дуки Мурцуфла [4]), въ слѣдующемъ обращеніи къ столицѣ: „когда ты соберешь чадъ своихъ, разсѣянныхъ четырьмя вѣтрами, какъ птица съ любовью собираетъ подъ крылья птенцовъ своихъ? Теперь же мы не дерзаемъ свободно взгля-

---

[1]) p. 661—662.
[2]) p. 663. 19.
[3]) p. 715. 15.
[4]) p. 765—766.

нуть и радостно приблизиться къ тебѣ, какъ къ матери... но боязливо носимся вокругъ тебя какъ воробьи, у которыхъ поймана мать и разорено гнѣздо, издаемъ скорбные и жалобные вопли, будучи удалены отъ твоихъ объятій, подвергаясь голоду и жаждѣ, зною и холоду, вынося бѣдствія и мучась душевной скорбію; мы уже не находимъ пути къ нашему жилищу и блуждаемъ, какъ перелетныя птицы или планеты". Не мѣшаетъ замѣтить, что живя въ Никеи, при дворѣ Ѳ. Ласкариса, и пользуясь значительнымъ почетомъ, Никита едва-ли могъ такъ говорить о своемъ положеніи. Не отрицая того, что конецъ исторіи написанъ въ изгнаніи, мы укажемъ только, что исторія царствованія Дуки, по написанію, отдѣляется нѣкоторымъ промежуткомъ отъ того времени, когда составлена исторія Балдуина, имѣющая въ боннскомъ изданіи заголовокъ: Urbs capta. Въ заключеніи главы [1]) объ А. Дукѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующее отступленіе: „Но я не могу болѣе говорить.... Итакъ, ограничимъ скорбные вопли глухими слезами и сдержанными вздохами, и оставимъ дальнѣйшее продолженіе исторіи! Кто осмѣлится, въ самомъ дѣлѣ, вызывать музыкальные тоны въ странѣ, которая уже стала чужда словеснымъ произведеніямъ и сдѣлалась въ конецъ варварскою? Нѣтъ, я не рѣшусь воспѣвать дѣла варваровъ и не буду передавать потомству военныхъ дѣлъ, въ которыхъ одерживаютъ верхъ не греки!... Какъ я могу исторію, это прекраснѣйшее произведеніе и лучшее изобрѣтеніе греческаго духа, посвятить на описаніе побѣдъ варваровъ надъ греками? Пусть же они безславно и безвѣстно погибнутъ, не удостоившись сочувственнаго обращенія отъ насъ, какъ тотъ, сожегшій храмъ Діаны Ефесской..."

Но Никита не остановился на описаніи событій 1204 года, т. е. не кончилъ исторіи царствованіемъ Алексѣя Дуки, какъ было рѣшился сначала. Скоро онъ нашелъ возможнымъ и продолжать исторію, и не быть при этомъ пѣвцемъ дѣлъ варварскихъ [2]). „Мы отказались было описывать дѣла варваровъ; но Богъ посрамилъ премудрыхъ въ мудрости ихъ, поразилъ во множествѣ высокомѣрныхъ, лица ихъ исполнилъ безчестіемъ и предалъ на погибель народамъ, которые еще грубѣе ихъ самихъ — поэтому можно и намъ положить конецъ молчанію, чтобы исповѣдать дивныя дѣла Божіи". Ясно, что рѣшеніе отказаться отъ продолженія исторіи принято было ранѣе того событія, которое измѣнило положеніе латинянъ и въ которомъ Никита видѣлъ казнь

[1]) p. 767. 14, 768.
[2]) p 774. 1—9.

Божію, насланную на крестоносцевъ за ихъ жестокости и несправедливость. А какъ здѣсь рѣчь идетъ объ адріанопольскомъ пораженіи, понесенномъ латинянами отъ болгарскаго царя Іоанна, 14 апр. 1205 года, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ король Балдуинъ [1]); то можно догадываться, что исторія Никиты до Urbs capta написана еще ранѣе переселенія его въ Никею, можетъ быть, въ Силимвріи, чѣмъ и объяснятся намеки его на свою бѣдную, скитальческую жизнь.

6. Затѣмъ, послѣдняя книга: царствованіе Балдуина, или о событіяхъ послѣ взятія столицы, безспорно, написана Никитою въ Никеѣ, даже, можетъ быть, значительно позже 1206 года. Спокойное отношеніе къ постигшему отечество бѣдствію, холодная разсудительность и отсутствіе страстности въ изложеніи, надежда на поворотъ обстоятельствъ въ пользу соотечественниковъ — все это доказываетъ, что Никита имѣлъ достаточно времени обдумать постигшія Византію несчастія и ознакомиться со средствами латинянъ. Нельзя опустить изъ виду и того, что, предпринимая продолженіе исторіи, писатель считаетъ за нужное кратко повторить все то, что ранѣе сказалъ онъ о цѣли движенія крестоносцевъ на Византію, а потомъ вставилъ повѣсть о собственныхъ приключеніяхъ [2]). Такое повтореніе у писателя, не имѣющаго обыкновенія повторяться, можно объяснить только продолжительнымъ перерывомъ, отдѣляющимъ время написанія послѣдующей и предыдущей части исторіи.

7. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно времени происхожденія книги „О статуяхъ“, приписываемой Никитѣ и вошедшей въ боннское изданіе [3]). Эта книга имѣетъ свою исторію, отдѣльную отъ исторіи другихъ произведеній нашего писателя. Первые издатели относились къ ней осторожнѣе, чѣмъ послѣдующіе; сомнѣваясь въ принадлежности книги о статуяхъ перу Никиты, они не соединяли ее съ исторіей. Но книга о статуяхъ находится въ одной и той же рукописи съ произведеніями, несомнѣнно принадлежащими Никитѣ, по этому трудно было доказывать и ея подложность [4]). Въ бодлейанской рукописи (codex Bodlejanus), относимой Вилькеномъ къ XIV вѣку, на ряду съ другими богословскими и юридическими сочиненіями Никиты,

---

[1]) p. 814. 4, 815. 14—15.

[2]) p. 775. 3—5, 776 и далѣе.

[3]) Τοῦ αὐτοῦ μακαρίου κυρίου Νικήτα... περὶ Κωνσταντινουπόλεως, p. 854—868.

[4]) Fabricius, Bibliotheca Graeca VII. p. 741 — 742 ed. Hamburg.; Wilken, Nicetae Acom. Chon.atae narratio de statuis antiquis, Lipsiae 1830.

находится и его Thesaurus. Въ концѣ этого сочиненія, л. 423, безъ особаго оглавленія, начинается разсказъ о паденіи Цареграда подъ ударами крестоноснаго ополченія, раздѣленный на двѣ книги: первая книга—'Αλλὰ μέχρι μὲν δὴ τούτων εὔδρομος ἡμῖν ὁ λόγος [1]) заключаетъ въ себѣ событія царствованій Алексѣя III, Исаака и сына его Алексѣя IV, Алексѣя Дуки Мурцуфла; вторая имѣетъ надписаніе—τόμος δεύτερος и начинается со словъ: Εἶχε μὲν δὴ οὕτω ταῦτα καὶ ἡ Κωνσταντίνου καλλίπολις [2]) и заключаетъ въ себѣ тѣ извѣстія, которыя помѣщены въ исторіи Никиты подъ надписаніемъ Urbs capta. На концѣ этого отдѣла, послѣ словъ: Ἵνα δὲ μὴ μακροτέρᾳ τῇ ἱστορίᾳ χρώμενοι— начинается отрывокъ о прибытіи въ Царградъ патріарха Ѳомы и потомъ о статуяхъ. Въ боннскомъ изданіи въ первый разъ отрывокъ этотъ отнесенъ безъ оговорки къ несомнѣннымъ произведеніямъ Никиты [3]). Значительная часть содержанія этого отрывка есть повтореніе фактовъ, разбросанныхъ въ исторіи, при томъ съ тѣми же самыми разночтеніями, которыя встрѣчаются и въ текстѣ исторіи. Представляя во всякомъ случаѣ искусное распространеніе или сокращеніе исторіи, отрывокъ этотъ можетъ возбуждать сомнѣніе не только въ точной принадлежности его перу, но даже и времени Никиты [4]). Признакомъ позднѣйшаго происхожденія отрывка служитъ не только разночтеніе рукописей по поводу воззрѣнія на страны, откуда появились грачи и вороны, предвѣщавшіе набѣгъ враговъ, хотя и это одно указаніе даетъ понять, что во время происхожденія отрывка угрожали опасные враги не со стороны латинскаго запада, но турецкаго востока [5]); но такъ же и міровоззрѣніе автора, взглядъ его

---

[1]) Nicetas, p. 710.

[2]) p. 774 ap. Nic.

[3]) Другія изданія: Bandurii, Imperium Orientale 1; Wilken, Geschichte V; и отдѣльно Вилькеномъ въ 1830 г. въ Лейпцигѣ: Nic. Ac. Ch. narratio de statuis.

[4]) Никиты Хоніата Исторія, переводъ подъ редакціей профессоровъ Спб. Дух. Академіи, Долоцкаго и Чельцова, 1860—1862 гг. Въ II части перевода, стр. 426, въ примѣчаніи, указаны нѣкоторыя соображенія, по которымъ этотъ отрывокъ нельзя приписать Никитѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что тутъ высказано, за исключеніемъ не вполнѣ справедливыхъ соображеній объ языкѣ Никиты, прибавимъ еще нѣсколько доказательствъ на то, что отрывокъ о статуяхъ нельзя приписывать автору исторіи.

[5]) Вотъ это мѣсто. Говоря о страшномъ набѣгѣ кочевниковъ на византійскія области, Никита передаетъ одно чудесное событіе, въ которомъ современники его видѣли предвѣщаніе этого набѣга—p. 840: πρὸ δὲ τῆς ἐπιδρομῆς τῆσδε τῆς Σκυθικῆς περὶ τὰ Θρᾳκικὰ πεδία κορωνῶν καὶ κοράκων στρατόπεδα, ἃ μὲν ἀπὸ

на положеніе Византіи и отношеніе ея къ западу. Какъ, напр., объяснить слѣдующія слова: съ перваго шагу обнаруживая языческую страсть сребролюбія, латиняне изобрѣтаютъ странный способъ грабежа, какого еще не приходило на умъ ни одному изъ всѣхъ враговъ, грабившихъ царственный городъ [1]). Здѣсь дѣло идетъ о похищеніи сокровищъ изъ царскихъ гробницъ; но мы не знаемъ, когда Цареградъ подвергался разграбленію, за исключеніемъ 1204 и 1453 гг. Если же разумѣть здѣсь грабежъ не иноземныхъ враговъ, а отобраніе церковныхъ и гробничныхъ украшеній на государственныя потребности, что дѣлалось въ Византіи при многихъ императорахъ и чего Никита не скрываетъ въ своей исторіи, то не было ему нужды называть вскрытіе царскихъ усыпальницъ и отобраніе украшеній изъ нихъ дѣломъ новымъ и доселѣ не извѣстнымъ. Мы думаемъ, что этотъ отрывокъ явился уже послѣ Никиты, и составитель его имѣлъ передъ глазами разграбленіе Цареграда войсками Магомета II; въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ грабежемъ 1453 г., латинскій, по сознанію многихъ, дѣйствительно отличался изысканностію и бо̀льшею жестокостію.

Признаки позднѣйшаго времени являются еще въ описаніи статуи Анемодулія или вѣтроуказательницы [2]). Во 1-хъ, упоминая объ этой статуѣ въ исторіи, Никита совсѣмъ не соединяетъ съ нею тѣхъ преданій, которыя ходили объ ней въ народѣ [3]), по мнѣнію составителя отрывка; а замѣтимъ, что Никита никогда не опускаетъ изъ виду молву, преданія и народныя суевѣрія. Во 2-хъ, въ признакахъ мѣдной куклы, которая найдена подъ копытомъ коня, трудно указать черты латинянина; самъ составитель не знаетъ, что̀ такое было: по мнѣнію однихъ—венеціянецъ, по другимъ—другой иноземецъ, можетъ быть болгаринъ. Ужели въ началѣ XIII в. молва могла двоиться на этотъ счетъ, ужели можно было сомнѣваться, что подъ копытомъ у коня заключено было изображеніе не самаго сильнаго врага Византіи? Замѣчательно, что Никита ни разу въ исторіи не называетъ

μερῶν τῶν βορείων, ἃ δ' ἐκ τῶν νοτίων κατ' ἐξαισίαν τινὰ καὶ μὴ αὐτόματον συνδρομὴν εἰς ἕνα συνελήλυθότα χῶρον ἀλλήλοις συνέρραξαν; перепищикъ или справщикъ сдѣлалъ при этомъ слѣдующую вставку: τὰ μὲν ἀπὸ τῆς δύσεως ἐρχόμενα, τὰ δὲ ἐξ ἀνατολῆς, и побѣда одержана надъ... τὰς ἐξ ἀνατολῶν κορώνας.

[1]) p. 855. 13.

[2]) p. 858, ср. 432.

[3]) p. 858. 6. ἀλλὰ καὶ φήμη παλαίφατος εἰς ἡμᾶς διαβαίνουσα τοῖς τῶν ἁπάντων ἐνέκειτο στόμασιν...

жителей болгаріи болгарами, какъ это сдѣлано въ отрывкѣ, но всегда сербами и валахами; припомнимъ, что изображеніе представляется покрытымъ шерстяной тканью; что множество пророчествъ и преданій о судьбѣ Цареграда появляется уже послѣ XIII вѣка. Еще признакъ позднѣйшаго времени въ отрывкѣ. Описавъ статую, которая изображаетъ борьбу двухъ животныхъ, составитель отрывка дѣлаетъ такой выводъ: мнѣ приходитъ на умъ, что подобнаго рода взаимное самоистребленіе и борьбу на смерть представляютъ не однѣ статуи и что подобное встрѣчается не въ жизни только дикихъ звѣрей. Не то же ли самое находимъ мы часто у народовъ, которые поработили насъ, римлянъ: они истребляютъ другъ друга и сами гибнутъ по волѣ Христа [1])... Едва-ли можно указать въ исторіи латинянъ начала XIII в. явленія, которыя бы могли оправдывать приведенныя слова составителя отрывка; но позже могли такъ разсуждать византійцы, особенно къ концу XIII вѣка. Поэтому, мы думаемъ, что отрывокъ о статуяхъ не принадлежитъ Никитѣ.

Способъ изложенія. Рѣчи.

Разсказъ Никиты разнообразится тѣмъ, что въ него вводятся рѣчи, письма и разговоры, которые придаютъ иногда повѣствованію высокую степень драматизма: выводимыя лица на глазахъ читателя спорятъ между собою, интригуютъ, составляютъ планы, падаютъ и побѣждаютъ; сочувствіе или несочувствіе писателя придаетъ этой борьбѣ смыслъ и необходимость. Изложеніе отличается отсутствіемъ хронологическихъ данныхъ, условными, усвоенными отъ древнихъ писателей, переходами и заключеніями каждаго отдѣла извѣстій. Тамъ, гдѣ Никита не имѣетъ подъ собой исторической почвы, т. е. точнаго знанія дѣла, всего чаще прибѣгаетъ къ фразѣ, недомолвкамъ и намекамъ. Взгляды современниковъ имѣютъ значительное вліяніе и на его приговоры; быстро расходящаяся народная молва всегда имѣетъ за собой долю истины: прислушиваясь къ народному говору, Никита часто приводитъ пословицы и поговорки, заимствованныя прямо изъ употребленія.

Рѣчи дѣйствующихъ лицъ для Никиты составляютъ не предметъ необходимости, а вызываются риторическими требованіями. Рѣчи употребляются имъ въ исторіи для того, чтобы или высказать свое лич-

[1]) p. 868.

ное мнѣніе объ извѣстномъ положеніи, или представить мнѣнія разныхъ партій, сужденія иностранцевъ и враговъ о византійскомъ строѣ жизни. Бо̀льшая часть рѣчей вымышлена Никитой и представляетъ его собственные взгляды и сужденія. Такова рѣчь, обращенная императоромъ Алексѣемъ Комниномъ къ Иринѣ; въ ней разъясняются причины, по которымъ Алексѣй не можетъ назначить себѣ въ преемники Никифора Вріеннія [1]). Ирина укоряетъ умирающаго супруга въ непрямодушіи и скрытности; нѣсколько ранѣе писатель высказываетъ тоже мнѣніе о характерѣ Алексѣя [2]). І. Аксухъ въ рѣчи убѣждаетъ императора Іоанна оказать снисхожденіе къ цесаревнѣ Аннѣ во имя высокаго родственнаго чувства. Если сопоставимъ мнѣнія Никиты о родствѣ и родныхъ, высказанныя имъ въ разныхъ мѣстахъ исторіи, то убѣдимся въ искусственномъ происхожденіи и этой рѣчи [3]). Царь Іоаннъ въ лагерѣ произноситъ предсмертную рѣчь, въ которой объясняетъ свои политическіе планы, говоритъ о преимуществахъ Манунла и предсказаніяхъ, сулившихъ ему царскую власть еще отъ младенчества; сравнивая эту рѣчь Никиты съ тою же рѣчью, переданною Киннамомъ, мы находимъ въ передачѣ обоихъ писателей нѣкоторое различіе [4]). Первая часть рѣчи, гдѣ говорится о планахъ царя касательно святой земли, соотвѣтствуя личнымъ мнѣніямъ Никиты о военныхъ дѣлахъ Іоанна, представляетъ несомнѣнно искусственную вставку; такого же происхожденія слова о Промыслѣ, который въ произведеніи Никиты часто является разрѣшителемъ затруднительныхъ положеній.

Превосходная рѣчь Конра́да III къ крестоносному ополченію остановившемуся передъ турками на рѣкѣ Меандрѣ, составляетъ такое блистательное подтвержденіе совершившагося, вслѣдъ за произнесеніемъ ея, факта, что въ искусственномъ происхожденіи ея также не можетъ быть никакихъ сомнѣній [5]). Любопытно при этомъ, что Киннамъ, современникъ этого похода, ничего не говоритъ о чудесномъ переходѣ нѣмцевъ черезъ Меандръ, какъ евреевъ черезъ Іорданъ [6]). Во время осады Корциры, Манунлъ держитъ рѣчь къ охот-

---

[1]) 9. 3. ἐνίοτε δὲ καὶ τοιοῦτόν τι παθηνάμενος εἰρηκεν..; писатель не скрываетъ, что эта рѣчь имъ составлена.

[2]) p. 11. 19, ср. p. 9. 21.

[3]) p. 16. 15; 597. 4—5, 589. 13, 691. 3—5.

[4]) Nicet. p. 56—61; Cinn. 26—28.

[5]) Nicet, p. 91—94, снеси 94. 1—7, 94. 17 и 95.

[6]) Весьма вѣроятно, что объ этомъ походѣ Никита имѣлъ записки какого-

никамъ, которые рѣшились первые лѣзть на стѣну осажденнаго города: измышленность этой рѣчи выдаетъ себя философскимъ разсужденіемъ о душѣ [1]). Андроникъ Контостефанъ, начальникъ флота при Мануилѣ, приготовляясь вступить въ бой съ уграми, получилъ отъ императора приказъ—удержаться отъ сраженія въ этотъ день, какъ несчастный для византійцевъ. Никита вообще не одобряетъ въ императорѣ такой рабской вѣры въ астрологію; Андроникъ Контостефанъ то-же не желалъ опустить благопріятнаго времени и скрылъ у себя царскую грамоту, не давъ никому знать о содержаніи ея. Передъ битвой съ уграми онъ, по словамъ Никиты, произнесъ рѣчь къ войску; но нельзя не замѣтить, что при составленіи ея имѣлся уже въ виду счастливый исходъ битвы, и что вся рѣчь направлена противъ суевѣрія императора [2]). Нѣкоторые образы въ ней напоминаютъ любимые обороты и картины Никиты: „кровавыя волны Дуная пронесутъ славу о пораженіи угровъ во всѣ земли, черезъ которыя протекаетъ эта рѣка“ [3]). Во время египетскаго похода, въ союзѣ съ королемъ іерусалимскимъ, начальникъ византійскаго войска, Андроникъ Контостефанъ, замѣтивъ нерасположеніе Амальрика I помочь ему, въ рѣчи къ войску описываетъ отношеніе Египта и Іерусалима къ Византіи. Рѣчь эта любопытна не только по обрисовкѣ положенія византійцевъ въ отдаленномъ походѣ, но и по выраженію того недовѣрія и боязни, съ которыми византійцы относились къ египтянамъ. Андроникъ выставляетъ догадку, что Амальрикъ очарованъ египтянами, которые извѣстны какъ знатоки въ этомъ дѣлѣ; картина о щитѣ Аяксовомъ и другіе образы въ рѣчи указываютъ на ея происхожденіе [4]). Распоряженія Андроника Комнина противъ вреднаго обычая—грабить суда, потерпѣвшія крушеніе у береговъ, равно противъ корыстолюбія областныхъ правителей, указаны писателемъ въ рѣчи Андроника къ царедворцамъ. О нѣкоторыхъ рѣчахъ

нибудь западнаго писателя. Наприм., наводненіе въ хировакхійской долинѣ, погубившее многихъ крестоносцевъ (Cinn. p. 74, Nic. p. 86), представляетъ черты сходства въ описаніи Никиты и Оттона Фрейзингенскаго, De gestis Friderici 1. c. 45.

[1]) Nicet, p. 111. 12; у Киннама, бывшаго спутникомъ Мануила въ походахъ, это изложено проще—Cinn. p. 99.

[2]) p. 200—201.

[3]) p. 201. 16; рѣчь къ Исааку Ангелу ap. Sathas, Bibl. Graeca 1. p. 74, ibidem p. 97, въ исторіи этотъ же образъ—p. 806. 22.

[4]) Nicet. p. 214—215; у Киннама нѣтъ рѣчи, и все изложеніе этого похода короче—p. 280.

Никита и самъ говоритъ, что онѣ переданы лишь приблизительно [1]). При вступленіи Алексѣя III на престолъ, византійцы ожидали перемѣны въ политическихъ дѣлахъ, потому что онъ пользовался славой хорошаго полководца. Даже изъ сосѣднихъ славянскихъ земель, по словамъ Никиты, пріостановлены были набѣги на имперскія области изъ опасенія сильнаго отпора со стороны Византіи. Собственное мнѣніе о новомъ императорѣ Никита выражаетъ посредствомъ рѣчи, приписанной Асеню. Что̀ эта рѣчь именно выражаетъ личныя воззрѣнія писателя, мы видимъ изъ слѣдующаго: 1) разсужденіе о народной *молвѣ*, которая быстро разноситъ славу о дѣлахъ человѣка — соотвѣтствуетъ мнѣніямъ писателя объ этомъ, высказаннымъ въ другихъ мѣстахъ исторіи; 2) Асень говоритъ о своихъ войнахъ съ византійцами, называя ихъ набѣгомъ, убійствомъ, грабежемъ и т. п., то есть почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Никита; 3) Асень предпочитаетъ Алексѣю Исаака, выражая эту мысль о̀бразной рѣчью, свойственною Никитѣ; 4) наконецъ, въ рѣчи проводится мысль Никиты, что имперія не способна удержаться противъ сильнаго напора врага [2]). Принимая пословъ германскаго императора и желая подѣйствовать на нихъ богатствомъ и роскошью двора, императоръ Алексѣй III приказалъ придворнымъ явиться въ лучшихъ украшеніяхъ и самъ рисовался передъ послами богатствомъ одежды. Никита дѣлаетъ намекъ на безполезность этой мѣры, влагая нѣмецкимъ посламъ рѣчь противъ женоподобныхъ византійцевъ [3]). Не будемъ далѣе слѣдить за рѣчами Никиты; можно замѣтить, что почти всѣ онѣ выражаютъ личныя воззрѣнія писателя и составляютъ для него средство ораторское — лучше выставить положеніе партій, картиннѣе обозначить отношеніе между лицами и придать произведенію своему интересъ и легкость.

Сообщая въ своемъ повѣствованіи цѣлые разговоры, анекдоты и приводя собственныя слова дѣйствующихъ лицъ, Никита достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокой степени драматизма и одушевленія. Царица Ирина посылаетъ рѣзкій упрекъ умирающему Алексѣю I въ такой формѣ: „О, мужъ! и при жизни ты отличался многообразнымъ коварствомъ, говоря не то, что думаешь, да и теперь, разставаясь съ жиз-

---

[1]) p. 424—425, 312. 1.

[2]) Nicet, p. 613—615; сравни p. 621. 6 — ропотъ византійскаго войска на своихъ предводителей.

[3]) p. 629; 668 ср. мысль автора, выраженную въ формѣ рѣчи царедворцевъ; также p. 676.

нію, не измѣняешь своему обычному нраву!“ [1]). Севастократору Исааку, обойденному царемъ Іоанномъ въ престолонаслѣдіи, приписываются такія слова: „умеръ перворожденный братъ Алексѣй, наслѣдникъ отеческой власти, за нимъ послѣдовалъ и другой братъ Андроникъ, сопровождавшій моремъ тѣло старшаго брата; теперь на меня перейдетъ царская власть, и я по наслѣдственному праву получу господство“. Но напрасно измышлялъ онъ такъ и напѣвалъ подобно птичкѣ, попавшей въ силокъ, прибавляетъ Никита. Венеціянцы, желая осмѣять Мануила, нарядили въ царскія одежды одного чернокожаго и величали его царемъ, дѣлая тѣмъ намекъ на темный цвѣтъ лица императора Мануила. Когда упрекали Андроника въ беззаконномъ сожительствѣ съ двоюродной племянницей (Евдокія, дочь Андроника), онъ въ шутку говорилъ, что подданные должны подражать своему государю, и что люди, близкіе между собою по родству, всегда имѣютъ и нравственное сходство, чѣмъ намекалъ онъ на беззаконную связь Мануила съ родной племянницей [2]). Къ числу анекдотовъ относится разсказъ о странномъ пари, состоявшемся между Мануиломъ и дромологоѳетомъ, по которому послѣдній взялся выпить огромный сосудъ воды; о Склирѣ, который чарами приворожилъ къ себѣ одну дѣвицу и заставилъ горшечника перебить свои глиняныя издѣлія; о воинѣ, порицавшемъ Мануила, что̀ писателю даетъ случай приравнять этого царя къ Давиду, котораго порицалъ Семей [3]). Образъ царя Андроника особенно ярко обрисованъ тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ приведены дословно его собственныя выраженія [4]) — изъ разговоровъ, предписаній, распоряженій и писемъ.

Исаакъ Ангелъ, отличавшійся распущенностію и бездѣятельностію, подчинившійся вліянію духовенства, характеризуется у Никиты весьма мѣткими чертами. Однажды приходитъ къ нему цесарь Конрадъ и застаетъ его за обѣдомъ. Между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, передаваемый Никитой. Цесарь сказалъ царю, вздохнувши: „Вотъ бы такъ тебѣ заботиться о текущихъ военныхъ дѣлахъ, какъ усердно прилагаешь стараніе къ приносимымъ блюдамъ и тщательно опоражниваешь ихъ!“ — Царь покраснѣлъ при этихъ словахъ, сдѣлалъ принужденную улыбку и, взявъ цесаря за тогу, проговорилъ:

---

[1]) p. 11. 19.
[2]) Nicet, p. 66. 12, 115. 5, 136.
[3]) Nicet. p. 149, 192, 242—243.
[4]) p. 329, 331, 344, 372. 7, 424, 430. 12, 448. 20.

— „Полно тебѣ, найдемъ время и для войны и для обѣда!“ [1]) Когда Алексѣй Врана замѣтилъ, что его войска уступаютъ поле сраженія царскому ополченію, онъ крикнулъ громко и звучно: „стойте, римляне! Ужели мы не выстоимъ противъ этой горсти? Я первый бросаюсь на непріятеля!“ [2]) Печальная судьба, постигшая Алексѣя Врану, передана авторомъ съ замѣчательнымъ талантомъ; тутъ картина не выдумана, а списана съ дѣйствительности. Царь задаетъ торжественный пиръ по случаю пораженія врага и открываетъ всѣ входы во дворецъ. Въ концѣ обѣда принесена голова Враны и брошена на полъ: „она имѣла искривленный ротъ и сомкнутые глаза. Послѣ обѣда начали ею потѣшаться, какъ мячикомъ, катая и перекидывая по разнымъ направленіямъ“. Наконецъ, показали эту голову супругѣ несчастнаго и спросили: „узнаетъ ли она, чья это голова?“ Она бросила взоры на это жалкое, горькое и неожиданное зрѣлище и отвѣчала: „знаю и сокрушаюсь объ моемъ несчастіи“. И далѣе прибавляетъ Никита, что это была прекрасная женщина: царь Мануилъ называлъ ее цвѣткомъ между всѣми тогдашними женщинами [3]).

Во время III крестоваго похода послы германскаго императора недружелюбно были приняты въ Византіи, имъ даже не было предложено мѣста, когда они представлялись императору. Оскорбленный этимъ, Фридрихъ поступилъ слѣдующимъ образомъ съ византійскими послами: принимая ихъ, „онъ посадилъ съ собою не только самихъ пословъ, но и прислугу, не допустивъ стоять на ногахъ ни поваровъ, ни конюховъ. Когда ему замѣтили, что непристойно прислугѣ сидѣть въ присутствіи короля, онъ не отказался отъ своего распоряженія, но, противъ воли, посадилъ прислугу съ господами. Онъ дѣлалъ такъ въ насмѣшку надъ византійцами, желая показать, что они не дѣлаютъ отличія ни доблестямъ, ни происхожденію человѣка; но какъ пастухи загоняютъ въ одинъ хлѣвъ всѣхъ свиней..., такъ и они всѣхъ мѣряютъ по одной мѣркѣ“ [4]). Оставляя потомъ своего сына и епископовъ въ Филиппополѣ, Фридрихъ сказалъ имъ: „вамъ нужно отдохнуть здѣсь, поправьте свои ноги, отекшія отъ долгой стоянки передъ греческимъ царемъ!“ Къ подобнаго же рода живымъ мѣстамъ изложенія исторіи относится каламбуръ шута Исаака, сказанный имъ

---

[1]) p. 500.
[2]) p. 504. 17.
[3]) p. 507.
[4]) p. 537.

на царскомъ пиру, въ присутствіи знатныхъ лицъ обоего пола[1]). Сдѣлаемъ общее замѣчаніе: Никита тщательно избѣгаетъ сухаго изложенія и передачи голыхъ фактовъ; опытность, знаніе, литературное образованіе и любовь къ предмету придаютъ его изложенію живой интересъ и увлекательность.

Источники Никиты.

Наиболѣе трудные вопросы при изученіи писателя — источники и хронологія — въ нашемъ изслѣдованіи почти не затронуты. Сознавая всю отвѣтственность за это опущеніе и ожидая себѣ справедливыхъ упрековъ, авторъ считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько замѣчаній. Византійскіе писатели рѣдко сообщаютъ источники, изъ которыхъ они черпали свои извѣстія: въ бо̀льшей части случаевъ изслѣдователю приходится вѣрить имъ на слово. Не утверждаемъ, что нѣтъ надежды достигнуть въ византійской исторіи той же ясности, полноты и точности, какими увѣнчались, напр., труды по средневѣковой исторіи франковъ и германцевъ, но не можемъ скрывать, что эта надежда осуществится не въ близкомъ будущемъ. Для исторіи Византіи не достаетъ еще необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Такія предпріятія, какъ изданіе памятниковъ съ критическимъ объясненіемъ текста ихъ, снесеніе или распредѣленіе по группамъ извѣстій византійскихъ писателей, и не говоримъ уже сравненіе ихъ съ современными имъ западными историками, но хотя бы показаніе взаимной связи или разнорѣчій между ними самими,— такія предпріятія требуютъ не единичныхъ силъ, осуществляются не частнымъ трудомъ, а организуются учеными обществами. Пока не приложено коллективнаго труда къ исторіи Византіи, отдѣльныя попытки ея изученія рѣдко могутъ достигать значительныхъ успѣховъ; въ научномъ отношеніи несомнѣнно бо̀льшую пользу принесетъ тотъ, кто ограничится возможно тѣсными предѣлами какого-нибудь періода или одного событія. И для критической оцѣнки Никиты требуется рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій или экскурсовъ по разнымъ вопросамъ, которыхъ касается его исторія. Мы даже думаемъ, что этимъ бы слѣдовало начать предварительныя работы къ монографіи объ Никитѣ; тогда по-

[1]) p. 580. 2—10; ἐνέγκατέ μοι ἅλας—подайте мнѣ соли, сказалъ Исаакъ. Шутъ, осматривая женщинъ, замѣтилъ: γνωσόμεθα πρώτως ταύτας, ὦ βασιλεῦ· εἶθ' οὕτως ἅλας εἰσενεχθῆναι κέλευσον.

слѣдняя представляла бы въ себѣ болѣе законченности, полноты, а слѣдовательно, и научнаго достоинства. Но осуществленіе подобной задачи было выше нашихъ силъ, а также не подходило подъ условія времени, которымъ мы располагали.

Какими источниками пользовался Никита, когда писалъ свою исторію; какъ относиться къ его извѣстіямъ; всѣ ли онѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія, или нѣтъ? Какъ ни важно разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ относительно всякаго историческаго произведенія, признаемся, мы почти уклонились отъ прямаго отвѣта на нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ провѣрять свидѣтельское показаніе, когда, кромѣ его одного, не представляется другихъ свидѣтелей факта? Внутренней критикой его, анализомъ частей показанія, взаимнымъ соотвѣтствіемъ ихъ? Все это мы и пытались сдѣлать въ предыдущихъ главахъ изслѣдованія, остановившись на характеристикѣ писателя и на его методѣ. Но это не единственный путь для критической оцѣнки извѣстій Никиты, по крайней мѣрѣ, онъ оставляетъ за собою широкое поле дополнительныхъ разысканій, догадокъ и предположеній. Поищемъ, нѣтъ-ли писателей, которые касались въ своихъ произведеніяхъ той же эпохи, которую описываетъ Никита?—Объ I. Комнинѣ и Мануилѣ мы имѣемъ исторію Киннама, современника и приближеннаго секретаря или нотарія императора Мануила. Такъ какъ Киннамъ стоитъ ближе къ царствованію Іоанна и былъ очевидцемъ событій времени Мануила, а Никита лишь началъ службу при преемникѣ Мануила, то понятно, что провѣрка послѣдняго первымъ не только имѣетъ за себя полное оправданіе, но и составляетъ настоятельную необходимость. Прибавимъ, что текстъ Киннама снабженъ превосходнымъ комментаріемъ Дюканжа, лучшаго знатока византійской исторіи [1]). Далѣе, при всей осторожности, разъ Никита упомянулъ объ одномъ сочиненіи, въ которомъ подробнѣе излагаются обстоятельства сицилійской войны 1185—1187 гг., чѣмъ въ его исторіи [2]). Хотя писатель и не называетъ сочиненіе Евстаѳія своимъ

---

[1]) Ioannis Cinnami, Imperatorii Grammatici historiarum libri sex. Paris. MDCLXX. Въ этомъ же изданіи помѣщены и примѣчанія Дюканжа къ Н. Вріенію и Аннѣ Комниной. Болѣе удобное для пользованія—боннское изданіе Киннама: Ioannis Cinnami epitome... recensuit Meineke, Bonnae 1836.

[2]) Безъ сомнѣнія, подъ не названнымъ у Никиты авторомъ разумѣется Евстаѳій Солунскій, которому дѣйствительно принадлежитъ сочиненіе «О завоеваніи Солуни сицилійцами»; Tafel, Eustathii Opuscula 1832, ss. 267 — 307. Вотъ слова Никиты, p. 398. 18. Καὶ τοιαῦτα μέν, ὡς ἐκ πολλῶν ὀλίγα εἰπεῖν, οἱ Θεσσα-

источникомъ, тѣмъ не менѣе, оброненное имъ полупризнаніе напрашивалось на то, чтобы ученые воспользовались имъ и прослѣдили, не существуетъ-ли какой зависимости между произведеніемъ Евстаѳія и соотвѣтствующею частію труда Никиты? По мнѣнію Тафеля, который издалъ это сочиненіе митрополита солунскаго и сравнилъ его съ произведеніемъ Никиты, оказывается, что послѣдній все свое повѣствованіе о сицилійской войнѣ заимствовалъ изъ Евстаѳія, сдѣлавъ лишь незначительныя прибавки[1]). Начавшія появляться съ недавняго времени изданія государственныхъ актовъ и договоровъ, публичныхъ словъ и рѣчей, частныхъ писемъ и т. п., касающихся византійской исторіи занимающаго насъ періода, представляя собою матеріалъ для сравненія съ произведеніемъ Никиты, ожидаютъ еще приложенія къ нимъ научныхъ силъ. Таково изданіе документовъ, обнимающихъ отношенія Византіи къ Венеціи[2]); таково изданіе мелкихъ сочиненій Евстаѳія, Никиты и Михаила Акоминатовъ[3]). Этотъ родъ источниковъ могъ быть доступенъ Никитѣ по его служебному положенію и близости къ императорамъ; хотя онъ никогда не упоминаетъ объ актахъ и не приводитъ ихъ дословно, однако дѣлаетъ заимствованія изъ нихъ, напр., въ описаніи раздѣленія византійскихъ областей между крестоносцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуется императорскими новеллами и постановленіями; такъ, напр., по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ, о церковныхъ дѣлахъ и др.[4]). Не безосновательнымъ представляется и то соображеніе, что Никита пользовался записками какого-нибудь крестоносца; по крайней мѣрѣ тѣ мѣста, въ которыхъ высказывается сочувствіе къ вождямъ крестоноснаго ополченія: Конраду, Фридриху и Балдуину, гдѣ излагаются подробности, могущія быть извѣстными только очевидцу, составлены подъ вліяніемъ современныхъ записокъ не византійскихъ[5]). Нѣтъ-ли и еще какихъ-нибудь

λονικεῖς πολιορκηθέντες ἔπασχον, ἃ καὶ εἰς ἰδικήν τινες ἀπέτεμον συγγραφὴν καὶ τὴν ἱστορίαν ἐς τὸ πολύστιχον ἐφακέλωσαν.

[1]) Tafel, Komnenen und Normannen, ss. 232—234.

[2]) Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien 1856.

[3]) Разумѣемъ изданія Тафеля, Саѳы, Еллиссена. Тафель, Komn. und Normann., въ предисловіи VI, относительно провѣрки исторіи Никиты, всю надежду возлагаетъ на мелкія сочиненія свѣтскихъ и духовныхъ писателей этой эпохи.

[4]) Nicet, p. 270; ср. Zachariae, Novellae constitutiones. III. 292, 450; ср. также Nicet, p. 277 и Zachariae, III. 485.

[5]) Наводненіе въ хировахійской долинѣ, погубившее многихъ крестоносцевъ,

указаній на источники, которыми пользовался Никита?—По отношенію къ византійской исторіи послѣ Мануила Комнина, Никита вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Евстаѳія солунскаго. Тотъ и другой держатся мнѣнія, что со смертію Мануила рушился весь порядокъ въ имперіи, разсѣялся густой мракъ по землѣ, какъ-бы послѣ заката солнца[1]). Но въ сочиненіи Евстаѳія „О взятіи Солуни сицилійцами“ встрѣчается указаніе, что дальнѣйшія обстоятельства сицилійской войны изложены имъ въ другомъ трудѣ, до насъ не дошедшемъ, по крайней мѣрѣ еще не открытомъ — „О низверженіи Андроника и восшествіи на престолъ Исаака“. Что же удивительнаго, если нашъ писатель пользовался и этимъ трудомъ Евстаѳія? Вотъ кругъ первоначальныхъ источниковъ, которыми, въ большей или меньшей мѣрѣ, могъ располагать Никита. Нѣкоторые изъ нихъ (новеллы, грамоты и договоры) имѣютъ оффиціальное значеніе; достовѣрность другихъ (современныя записки) выяснена въ настоящее время критикой; наконецъ, слова, рѣчи и письма свѣтскихъ и духовныхъ писателей — не всѣ еще изданы; изданныя же не поставлены въ связь ни между собою, ни съ другими памятниками современной имъ исторіи. Такимъ образомъ, рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, какъ пользовался Никита источниками и въ какой мѣрѣ достовѣрно его произведеніе — нельзя ожидать прежде, чѣмъ не сдѣланъ анализъ его труда и разнообразныя извѣстія его не сопоставлены съ показаніями названныхъ источниковъ.

Самъ Никита не только оставилъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какими матеріалами располагалъ онъ, но какъ будто намѣренно уничтожилъ и слѣды, по которымъ можно было-бы разоблачить его заимствованія. Онъ чуждается простоты и естественности въ слогѣ; передавая образнымъ и фигуральнымъ языкомъ самую обыкновенную по содержанію мысль, прерывая повѣствованіе длинными риторическими отступленіями, много давая мѣста въ изложеніи субъективному элементу, онъ не поддается прямой уликѣ даже и тогда, когда изслѣдователь почти овладѣлъ тѣмъ же матеріаломъ, которымъ и онъ пользовался. Въ самомъ дѣлѣ, Никита различаетъ для своей исторіи

Nicet. p. 86, Cinn. p. 74, представляетъ черты сходства въ описаніи Никиты и Оттона Фрейзингенскаго, De gestis Friderici I. c. 45.

[1]) Tafel, Eustathii Opuscula, De Thessalonica urbe. 14. Μέλλον εἶναι φαίνεται, καθὰ θεῷ εὐηρέστητο, πεσόντι τῷ Κομνηνῷ βασιλεῖ Μανουὴλ συγκαταπεσεῖν καὶ εἴ τι ἐν Ῥωμαίοις ὄρθιον, καὶ ὡς οἷα ἡλίου ἐκείνου ἐπιλιπόντος, ἀμαυρὰν γενέσθαι πᾶσαν τὴν καθ' ἡμᾶς. Точно съ такими же мыслями приступаетъ и Никита къ изложенію исторіи преемниковъ Мануила: Nicet. p. 291—292 и слѣд.

только два способа собиранія извѣстій: разсказъ очевидцевъ и личное наблюденіе. По разсказамъ очевидцевъ, говоритъ онъ, составлена исторія Іоанна и Мануила; по личнымъ наблюденіямъ главнѣйше написана вторая часть произведенія [1]). Онъ не называетъ тѣхъ лицъ, сообщеніями которыхъ пользуется, но даетъ знать, что слова ихъ заслуживаютъ довѣрія, ибо они близко знакомы были съ положеніемъ дѣлъ и принимали непосредственное участіе въ событіяхъ. Слѣдуетъ-ли придавать намъ словамъ Никиты буквальное значеніе и смотрѣть на первую часть его исторіи, какъ на плодъ только устной передачи очевидцевъ и современниковъ Іоанна и Мануила? Какъ пропустить безъ вниманія то обстоятельство, что исторія этихъ царей составляетъ предметъ спеціальнаго сочиненія писателя, который говоритъ о себѣ: „событія царствованія Мануила едва-ли кто можетъ разсказать лучше меня, потому что, еще съ юныхъ лѣтъ, мнѣ привелось участвовать въ очень многихъ походахъ его на томъ и другомъ материкѣ“ [2]). Не Іоаннъ-ли Киннамъ, нотарій и приближенный къ царю человѣкъ, о которомъ только однажды нашелъ возможнымъ упомянуть Никита, не онъ-ли своимъ сочиненіемъ доставилъ нашему писателю главнѣйшій матеріалъ для первой части исторіи [3])?

При сравненіи извѣстій Никиты и Киннама необходимо различать исторію Іоанна отъ исторіи Мануила. Если изъ разсмотрѣнія первой выносится убѣжденіе, что оба писателя имѣютъ одинаковый кругъ наблюденій и сообщаютъ почти одно и тоже количество извѣстій, то вторая, въ томъ и другомъ авторѣ, представляетъ много своеобразныхъ, каждому изъ нихъ въ отдѣльности свойственныхъ сторонъ. Въ

---

[1]) Nicet. p. 7. 24. Никита говоритъ здѣсь собственно объ исторіи Іоанна; но и время царя Мануила, въ качествѣ очевидца, онъ могъ описывать лишь съ послѣднихъ годовъ. Любопытно сравнить слѣдующее мѣсто Никиты и Киннама:

Nicet. p. 7. 18. ἐν κεφαλαιώδεσι δ' ἐπιτομαῖς τὰ κατὰ τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην τὸ ἱστορεῖν διηγήσεται... οὐδ' ἐμβραδυνεῖ ταῖς κατ' αὐτὸν ἀφηγήσεσιν... οἷα καὶ ἡμῶν μὴ τὰ τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐπὶ τῷδε παρειλημμένα συγγραφομένων, κἀντεῦθεν μηδ' ἀποτάδην ἐχόντων ταῦτα διεξιέναι.... ἄμεινον δ' ἐντεῦθεν ἄρξασθαι.

Cinn. 5. 4. εἰρήσεται δέ μοι τὰ μὲν τοῦ Ἰωάννου κατ' ἐπιτομὴν καὶ ὥσπερ ἐν κεφαλαίῳ, ὅτι μηδ' ἐν τοῖς κατ' ἐκεῖνον γέγονα χρόνοις.... ἡ μὲν οὖν πρόθεσις αὕτη.....ἐντεῦθεν τῆς ἱστορίας ἀπάρξασθαι.

[2]) Cinn. p. 5. 6—9.

[3]) Nicet. p. 7. 24. ἀλλ' ἅπερ εἰς ἀκοὴν ὠτίου εἰλήφαμεν ἐκ τῶν ὅσοι τῶν καθ' ἡμᾶς τὸν βασιλέα τουτονὶ ἐθεάσαντο καὶ συνωμάρτουν ἐκείνῳ πρὸς ἐναντίους χωροῦντι καὶ τὰς μάχας συνετολύπευον.

первой части исключеніе составляютъ только 2 и 3 главы Никиты. Во второй главѣ онъ излагаетъ придворный переворотъ, сопровождавшій день смерти императора Алексѣя I Комнина. Если спросимъ, откуда Никита могъ получить весьма подробныя извѣстія объ этомъ времени, знакомящія съ перемѣною дѣлъ почти по-часамъ, съ отношеніями близкихъ къ царю лицъ, даже съ тѣмъ, что̀ дѣлалось и говорилось при одрѣ умиравшаго царя, то можемъ указать два возможные источника къ объясненію этихъ подробностей: либо Никита писалъ со словъ придворныхъ лицъ, свидѣтелей смерти Алексѣя, либо пользовался записками очевидцевъ. Но Киннамъ совсѣмъ умалчиваетъ объ обстоятельствахъ смерти Алексѣя; Анна также весьма осторожна въ упоминаніи объ этихъ событіяхъ: она въ не многихъ словахъ лишь передаетъ, что Іоаннъ, передъ смертію отца, неожиданно захватилъ Большой дворецъ [1]). И такъ, остается пока предположить, что переворотъ описанъ Никитой со словъ придворныхъ лицъ. Обратимъ вниманіе на изложеніе 2 главы. Тутъ въ одной картинѣ сгруппированы всѣ краски, рисующія придворныя отношенія и характеры лицъ. Событія, издавна подготовлявшія переворотъ, по словамъ Никиты, совершаются именно въ день смерти Алексѣя; борьба между двумя партіями—царицы Ирины и Іоанна—поставлена въ самомъ дѣйствіи и ведется какъ бы на глазахъ умирающаго царя. Цѣль Никиты—представить въ одной яркой картинѣ, какія мѣры въ разное время употребляла царица Ирина, чтобы поколебать расположеніе отца къ сыну въ пользу зятя и дочери; по этому онъ не указываетъ, съ какихъ поръ Ирина начала интриговать противъ Іоанна, свободенъ-ли былъ этотъ послѣдній отъ недостатковъ, которыми клеймитъ его мать [2]). Третья глава Никиты отличается тѣмъ же характеромъ общаго обзора. Обнимая собою исключительно придворныя событія: награды приверженцамъ новаго правительства, назначеніе на высшія должности, заговоръ на жизнь Іоанна, конфискацію имущества заговорщиковъ—самымъ содержаніемъ эта глава легко позволяетъ судить объ источникѣ, изъ котораго она почерпнута. Сочувственныя черты І. Аксуха, частности, касающіяся происхожденія его и первыхъ успѣ-

[1]) Анна XV. p. 500. Съ комментаріемъ Дюканжа издана въ Парижѣ, вошла и въ боннское изданіе.

[2]) Хотя внимательное отношеніе къ дѣлу должно было уяснить ему, что партіи образовались гораздо ранѣе 1118 г. Анна, VI p. 168 и примѣчаніе Дюканжа къ 5. 13 Киннама—показываютъ, что Іоаннъ еще при рожденіи объявленъ императоромъ, т. е. ок. 1091 г.

ковъ по службѣ, высокое безкорыстіе, пристыдившее даже добродушнаго императора Іоанна, наконецъ, благопріятные отзывы объ немъ и его потомствѣ во всей исторіи Никиты—могутъ указывать на Аксуха, какъ на первоисточникъ этихъ извѣстій [1]).

Въ описаніи внѣшнихъ дѣлъ императора I. Комнина Никита и Киннамъ не только владѣютъ почти однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, но и слѣдуютъ одинаковой системѣ изложенія. Количество и качество извѣстій одного писателя измѣряется кругомъ наблюденія другого. Для объясненія того, что Никита удѣлилъ Іоанну 63 стр., а Киннамъ помѣстилъ всѣ извѣстія объ немъ на 28, достаточно сослаться на сдѣланный выше анализъ 2 и 3 главы, т. е. сравнительная полнота Никиты имѣетъ источникомъ устную передачу очевидцевъ и личные взгляды автора. Такъ, два похода противъ турокъ, которыми началъ Іоаннъ свое правленіе, въ описаніи обоихъ историковъ имѣютъ почти дословное сходство [2]); личную вставку Никиты представляетъ лишь разсужденіе о пользѣ лагерной жизни. Походъ для защиты западныхъ провинцій, предпринятый въ 5 годъ правленія Іоанна противъ набѣговъ кочевыхъ народовъ, до мельчайшихъ подробностей сходенъ у Никиты и Киннама [3]), если не обращать вниманія на личныя соображенія и несущественныя прибавки (о дерзости варваровъ, о молитвѣ къ Богородицѣ), равно на перепутанность геогра-

---

[1]) Анна и Киннамъ ничего не говорятъ о фактахъ, сообщаемыхъ въ 3 гл. Никиты.

[2]) Nicet. p. 17—19, Cinn. p. 5—7; сравни между прочимъ взятіе Созополя:

Nic. 18. 14. ἐντέλλεται οἱ (Пактіарію) συνεχῶς τῇ Σωζοπόλει ἐνιππάζεσθαι κἀπὶ τοῖς τείχεσιν ἀφιέναι βέλεμνα, εἰ δ' ἐπεξέλθοιεν οἱ πολέμιοι, φεύγειν ἀμεταστρεπτὶ μηδ' ἐφεστάναι πρὸς πόλεμον, παριέναι δ' οὕτω καὶ τὰς μικρὸν ἄποθεν τῆς πόλεως συνεπτυγμένας καὶ λοχμώδεις ἀτραπούς....

Cinn. 6. 20. ἐκέλευεν ἅμα τῷ ἀμφ' αὐτοὺς στρατεύματι εὐθὺ τῶν τῆς πόλεως ἰόντας πυλῶν ἀκροβολίζεσθαι πρὸς τοὺς ἐν τῷ τείχει, ἐπεξιόντων δὲ αὐτῶν φεύγειν μηδὲν αἰσχυνομένους ἕως ἐπὶ πλεῖστον ἐκπεσόντες εἰς δίωξιν τὸ στενὸν ἀπολίποιεν....

[3]) Nicet. p. 19—22, Cinn. 7—8; сравни: 20. 23, 21. 1, 22. 17 съ 8. 2, 8. 14, 8. 20; также:

Nic. p. 20. 6. ὁ βασιλεὺς δι' ἀποστολῆς ὁμογλώττων τοῦ τῶν Σκυθῶν ἀποπειρᾶται στρατεύματος, εἴ πως ἐς ὁμολογίας ξυμβαίεν καὶ τοῦ διὰ μάχης χωρεῖν ἀποσταίεν πάντες ἢ γοῦν ἔνιοι, εἰς πλείους διῃρημένοι φυλὰς καὶ διακριδὸν στρατήγια βάλλοντες....

Cinn. 7. 18. τὸ μὲν τὰ πρὸς τὸν πόλεμον ἐξαρτύων, τὸ δὲ πλέον ἤθελε τῶν ἐν σφίσι φυλάρχων τινὰς ἑταιρίσασθαι, ὡς ἂν οὕτω τοὺς ἄλλους χωρὶς ἀπολαβὼν οὐ σὺν πόνῳ καταγωνίσηται. ἔαρος δὲ πολλοὺς ἤδη διὰ πρεσβειῶν αὐτῷ προσχωρῆσαι ἀναπείσας...

фическихъ и мѣстныхъ терминовъ (Θρακία и Μακεδονία). Послѣ краткаго извѣстія о новомъ походѣ на востокъ [1]), оба писателя приступаютъ къ изложенію угорской войны. Еще Дюканжъ замѣтилъ, что Никита повторяетъ ошибку Киннама, когда называетъ лицъ угорскаго королевскаго дома и говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ [2]); прибавимъ, что и въ другихъ отношеніяхъ содержаніе разсказа Никиты ничѣмъ не отличается отъ повѣствованія Киннама, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и народныхъ именъ, да и эти послѣднія различія легко сближаются между собою, по неопредѣленности тогдашней терминологіи. Пусть сравнитъ читатель приведенное ниже мѣсто изъ того и другого писателя [3]): не согласится-ли онъ съ нами, что Никита вышиваетъ только новые узоры по канвѣ Киннама. Продолжая слѣдить за подробностями въ изложеніи событій времени Іоанна по Никитѣ и Киннаму, не можемъ не остановиться на слѣдующихъ замѣчательныхъ сходствахъ. Таково описаніе блистательнаго тріумфа послѣ побѣды надъ правителемъ Каппадокіи [4]); неудача при осадѣ Гангры, бывшая слѣдствіемъ измѣны турецкихъ союзниковъ, которые ночью перебѣжали изъ византійскаго стана на сторону султана Магомета [5]). Не говоримъ, что разсказъ Никиты не представляетъ и своеобразныхъ, не заимствованныхъ изъ Киннама чертъ; напротивъ, у послѣдняго есть опущенія, которыя дополняетъ Никита и на ко-

---

[1]) Nicet. p. 23. 11—15, Cinn. 9. 2—10.

[2]) Примѣчаніе Дюканжа на 9. 13 Киннама. Объ угорской войнѣ см. у Никиты 24—25, у Киннама 9—12.

[3]) Nicet. p. 24. 20. τότε μὲν τῇ κατὰ τὴν Φιλιππούπολιν ἐνδημίᾳ τὰ τῆς προμηθείας βασιλεὺς ἐπεμέτρησεν... 25. 11. καὶ τὸ λοιπὸν βαρβαρικὸν, ὁπόσον καθ' ἑσπέραν Ῥωμαίοις ἄγχουρον, εἰς φιλίαν ἄκον ὑπαγαγόμενος... δεῖν ᾠήθη καὶ τὰ ὑπερόρια φῦλα, καθ' ὅν ἂν καὶ δύναιτο τρόπον, ὑποποιήσασθαι... τὴν παράλιον Ἰταλίαν...

Cinn. 10. 19. βασιλεὺς δὲ τούτων ἀκούσας πανστρατεὶ ἐπὶ τὸν Ἴστρον ἐφέρετο, συμμαχικὸν ἐπαγόμενος ἔκ τε Λιγούρων ἱππέων, οὕς Λωμπάρδους ἡμῖν ὀνομάζουσιν ἄνθρωποι, καὶ Περσῶν. καὶ ὁ μὲν αὐτοῦ που ἐπὶ ταῖς ὄχθαις ηὐλίζετο τὰ πρὸς τὴν μάχην εὐτρεπιζόμενος.

[4]) Nicet. p. 26, Cinn. 13. 16.

[5]) Nicet, p. 27. 21. οὗ μετὰ βραχὺ συμβάντος, καὶ νυκτὸς οἰχομένων τῶν τῷ βασιλεῖ παρὰ τοῦ σουλτὰν ἐκπεμφθέντων ἐπικούρων Περσῶν, οὐκ εὔοδα τὸ ἐκ τοῦδε Ῥωμαίοις τὰ τῆς προκειμένης στρατείας γεγόνασιν.

Cinn. 14. 22. καὶ τοίνυν τὰ διάφορα λύσαντες κατὰ Ῥωμαίων καὶ ἄμφω ξυνεπνευσάτην, οἵ τε ξύμμαχοι Πέρσαι μετάπεμπτοι πρὸς τοῦ σουλτὰν γεγονότες νυκτὸς ᾤχοντο φεύγοντες. γνοὺς οὖν τὴν ἐπιβουλὴν βασιλεὺς ἐν ἀθυμίᾳ πολλῇ ἦν καὶ βεβούλευται παρ' αὐτὰ ἐκεῖθεν ἀναζευγνύειν.

горыя указываетъ Дюканжъ въ своемъ комментаріѣ. Мы желаемъ только выяснить, что между трудами Никиты и Киннама есть много общаго по существу, хотя не смѣемъ утверждать: прямо-ли Никита черпалъ изъ Киннама, или они пользовались однимъ, не дошедшимъ до насъ, источникомъ [1]). Едва-ли слѣдуетъ много значенія приписывать тому, что Никита иногда отступаетъ отъ системы Киннама: подобныя отступленія могли произойдти и безъ умысла, а могли быть и намѣренны. Любопытный примѣръ этого рода представляетъ осада крѣпостей Анаварза и Ваки. У Киннама сначала сказано объ осадѣ Анаварза, потомъ Ваки, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ; Никита же измѣнилъ порядокъ и только послѣ счелъ за нужное оговориться [2]). Но что у обоихъ писателей одинъ и тотъ же кругъ воззрѣнія на предметъ, это доказывается упоминаніемъ о такихъ случайныхъ обстоятельствахъ во время этого похода, которыя легко могли и забыться и перемѣшаться, если бы не были своевременно записаны. Какъ иначе объяснить, что, описывая эту войну, продолжавшуюся отъ двухъ до трехъ лѣтъ, Никита и Киннамъ останавливаются, напр., на осадѣ однихъ и тѣхъ же городовъ, относительно другихъ ограничиваясь лишь краткимъ указаніемъ ихъ положенія; не заслуживаетъ-ли вниманія, что тотъ и другой писатель говоритъ о продолжительномъ сидѣньи подъ Вакой, объ употребленіи глиняной обмазки или кирпичей для предохраненія отъ непріятельскаго огня деревяннаго состава византійскихъ орудій подъ Анаварзомъ, о легкой сдачѣ другихъ городовъ [3])? Такого же свойства извѣстіе о смѣломъ поступкѣ Мануила,

---

[1]) Есть основанія думать, что у Киннама было подъ руками больше матеріала, чѣмъ сколько онъ помѣстилъ въ исторіи Іоанна: 20. 19. ἀλλὰ ταῦτα μὲν πρὸς ἀκρίβειαν ἱστορεῖν ὑπόσχεσιν οἶμαι ὑπερβαίνει τὴν ἡμετέραν. ὡς γὰρ ἐν κεφαλαίῳ προὔκειτό μοι περὶ τῶν παρόντων εἰπεῖν, ἅτε μηδὲ αὐτοπτήσαντι ταῦτα μηδὲ τὸ πιστὸν ἐντεῦθεν λαβόντι. Нѣкоторыя опущенія его пополняются у Никиты, р. 40 — 41, 44—47.

[2]) Nicet. p. 33. 18. ἀλλὰ καὶ κατὰ τὴν Ἀνάβαρζαν πρότερον πλεῖστα ἐμόγησεν...

[3]) Nicet. p. 30. 1. διαλαμβάνει τοῦτο παντὶ τῷ στρατεύματι, βαλὼν χάρακα, μὴ ἂν ἐκεῖθεν ἀπᾶραι τὸ παράπαν ἰσχυριζόμενος, εἰ μὴ τοῦ πολίσματος ἐγκρατὴς ὀφθήσεται, κἂν εἰ πολιωθῆναί οἱ ξυμβαίη τῇ προσεδρείᾳ τὴν κεφαλὴν καὶ ταῖς χιόνων παλυνθῆναι πολλάκις καταφοραῖς.

Cinn. 18. 11. ἐν τούτῳ δὲ καὶ ὁ Ῥωμαίων στρατὸς τὴν Βακᾶ ὑπερθέμενος πολιορκίαν περὶ ποταμὸν ὃς τὴν πόλιν αὐτοῖς παραρρεῖ τὸν χάρακα ἐπήξατο... ὅθεν καὶ ἐπειδή ποτε τῆς πολιορκίας ἐφ' ἱκανὸν παρατεινομένης...

Nicet. p. 35. 8... ἀνοχῆς δὲ γενομένης καὶ τῆς μάχης ληξάσης ἐπὶ βραχύ τά τε

Cinn. p. 17. 17. ἀλλ' οἱ ἔνδον ἀπρακτῆσαί οἱ μηχανώμενοι τὴν ἐγχείρησιν, σιδήρια

младшаго сына царя Іоанна, подъ Неокесаріей; непонятная фраза Киннама, что изъ этого похода никому не удалось возвратиться на конѣ, находитъ для себя удовлетворительный комментарій у болѣе словоохотливаго Никиты [1]). Не можемъ не остановиться еще на описаніи озера Пусгуса, находящагося близъ Иконія. Говоря объ немъ, оба писателя обращаютъ вниманіе: на величину его, на разсѣянные по немъ острова и ихъ укрѣпленіе; на легкость сношеній между жителями острововъ и иконійцами, наконецъ, на симпатіи къ туркамъ мѣстнаго христіанскаго населенія. Заимствованіе въ этомъ описаніи выдаетъ себя не только сходствомъ мыслей, но даже тожествомъ словъ, употребляемыхъ тѣмъ и другимъ писателемъ [2]).

Послѣдній походъ І. Комнина въ Киликію и Сирію и обстоятельства, сопровождавшія смерть его, безспорно, у Никиты описаны подробнѣе, чѣмъ у Киннама: довольно сказать, что первый излагаетъ это на 14 страницахъ, второй только на 6. Но посмотримъ внимательно, какого свойства подробности Никиты въ описаніи болѣзни и смерти царя Іоанна; не заключаются-ли онѣ и въ краткомъ разсказѣ Киннама? Тщательно сличивъ обоихъ писателей, мы пришли къ убѣжденію, что, при всей кажущейся оригинальности, подробныя извѣстія Никиты суть не иное что, какъ развитіе, риторическое распространеніе и логическій выводъ изъ краткаго повѣствованія Кин-

---

πετροβόλα ἐπισκευάζονται πρὸς Ῥωμαίων ὄργανα, καὶ τὰ τούτων προταθέντα παραπετάσματά τε καὶ ἱμαντώματα ἐκ πηλίνων πλίνθων συντίθενται, καὶ οὕτω τῇ ἑξῆς τὰ τείχη πάλιν ἐτύπτετο. Ср. еще Ник. 38. 10. 15, 29. 12. 42. 18. съ 19. 19—22, 16. 2—4, 21. 1—2 Киннама.

[1]) Nicet. p. 47. 19, 48—49; Cinn. 21. 21, 22. 2—3.

[2]) Nicet. p. 50. 7. αὕτη γὰρ εἰς ἀχανῆ καὶ μικροῦ θαλασσίαν χύσιν ἐκτεινομένη ἐν πολλοῖς νησίδας ἀνίσχει περιβεβλημένας τείχεσιν ἰσχυροῖς. ᾤκουν μὲν οὖν ταύτας τηνικάδε καιροῦ χριστιανῶν ἐσμοί, οἳ καὶ διὰ λέμβων καὶ ἀκατίων τοῖς Ἰκονιεῦσι Τούρκοις ἐπιμιγνύμενοι οὐ μόνον τὴν πρὸς ἀλλήλους φιλίαν ἐντεῦθεν ἐκράτυναν, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασι αὐτῶν ἐν πλείοσι προσεσχήκασιν... οὕτω χρόνῳ κρατυνθὲν ἔθος γένους καὶ θρησκείας ἐστὶν ἰσχυρότερον. Cinn. 22. 9. αὕτη γὰρ δὴ ἐς ἄφατόν τι μῆκος καὶ εὖρος ἐκτεινομένη νήσους κατα μέσον παρέχεται διακριδὸν ἀλλήλαις τοῦ ὕδατος ἀνεχούσαις, ἐν αἷς φρούρια ἐκ παλαιῶν ἀνῳκοδόμηται χρόνων. οἰκοῦσί τε ἐν αὐτοῖς ἄνθρωποι τὸ ὕδωρ ἀντὶ ταφρείας πεποιημένοι. ἔξεστι δ' αὐτοῖς ἐς Ἰκόνιον ἀνιοῦσιν αὐθημερὸν ἐκεῖθεν ἐπανελθεῖν.... τῶν δ' ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων οὐκ ἐνδιδόντων ταύτην αὐτῷ, χρόνῳ γὰρ δὴ καὶ ἔθει μακρῷ Πέρσαις τὰς γνώμας ἀνακραθέντες ἦσαν... ἱκανῶς τῷ πυρὶ διακαίοντες ἐπὶ τὰ πετροβόλα τῶν μηχανημάτων ἠφίεσαν, τὰ δὲ ταῖς ἐμπροσθίοις αὐτῶν ξυλίναις πελάζοντα κιόσιν ἐνεπίπρων αὐτίκα. ὀψὲ γοῦν ἀλύοντι προσελθὼν Ἰσαάκιος ἀλλὰ ἄγε ὦ πάτερ πλίνθοις ἔφη περιειλῆφθαι κέλευε τὰ ξυλώματα.

нама. Для доказательства ссылаемся, во-1-хъ, на то мѣсто, гдѣ наши писатели передаютъ несчастный случай на охотѣ, бывшій причиною смерти царя [1]); во-2-хъ, предлагаемъ анализъ предсмертной рѣчи Іоанна, полнѣе изложенной у Никиты. Что̀ касается до перваго, то едва-ли кто будетъ оспаривать несомнѣнное тожество обоихъ извѣстій; заимствованіе же Никитой рѣчи императора Іоанна изъ разныхъ мѣстъ Киннама требуетъ нѣкоторыхъ объясненій и указаній. По содержанію эта рѣчь распадается на двѣ части: въ первой показываются цѣли политики императора Іоанна на востокѣ—что̀ мы назвали раньше политической программой Никиты; во второй — выставляются побужденія, по которымъ императоръ назначаетъ преемникомъ себѣ не старшаго сына Исаака, а младшаго—Мануила. Замѣтимъ, что только вторая часть рѣчи, излагаемой Никитой, соотвѣтствуетъ по содержанію той, которую передаетъ Киннамъ [2]); первая же часть ея (стр. 56, 57 и 58 до 17) представляетъ собою дополненіе, по видимому, не извѣстное Киннаму. Однакоже, разобравъ первую часть рѣчи Іоанна, мы нашли, что она взята Никитой изъ того же Киннама: только первый включилъ въ рѣчь умирающаго царя то, что второй сообщаетъ объ его планахъ въ разсказѣ отъ своего лица. Въ самомъ дѣлѣ, трудно

---

[1]) Nicet. p. 53. 16... πρὸς τὰ τῶν Κιλίκων παρενέκλινεν ὅρια. ἐν δ' εὐρυτάτῃ στρατοπεδευσάμενος φάραγγι... εἰς κυνηγέσιον ἔξεισι. καὶ συῒ προσυπαντήσας μοναδικῷ τὴν μὲν αἰχμὴν τῷ στέρνῳ τοῦ θηρίου ἐνήρεισε· πλείονι δὲ ὠθισμῷ τοῦ συὸς χρησαμένου καὶ ὅλον τὸν σίδηρον εἰσδεξαμένου τοῖς σπλάγχνοις, ἡ κατέχουσα χεὶρ τὸ ἀκόντιον ὑποναρκᾷ τε καὶ ὑπενδίδωσι πρὸς τὸ ἄγαν τῆς τοῦ θηρὸς ἀντωθήσεως, κἀντεῦθεν τοῦ εὐθέος παρενεχθεῖσα ἐγχρίπτει τῷ γωρυτῷ, ὃς παρὰ πλευρὸν τοῦ βασιλέως ἐξήρτητο πλάγιος, στέγων ἔσωθεν ἰοβόλα βέλεμνα.... и далѣе.

Cinn. 24. 10. ἐξιόντι πρὸς θήραν αὐτῷ σῦς ἀπήντα, μέγα τι χρῆμα, ὁποῖα πολλὰ ἡ Κιλίκων τρέφει γῆ καὶ ὄρη τὰ Ταυρικά. ὃ μὲν οὖν ἀκόντιον ὡς φασι χειρισάμενος ἐπιόντα τοῦτον ὑφίστατο· ὃ δὲ τῆς αἰχμῆς τῷ στέρνῳ ἐγκρυφθείσης θυμαίνων ἐπὶ τῇ πληγῇ ὠθισμῷ μᾶλλον ἐχρῆτο, ὡς ἐντεῦθεν τὴν βασιλέως χεῖρα διὰ σφοδρὰν τὴν ἀντέρεισιν τοῦ εὐθέως ἐκτραπεῖσαν, ἐφ' ᾗ παρήρτητο παρενεχθῆναι φαρέτραν πλήρη βελῶν οὖσαν.....

[2]) Nicet. p. 58 съ 17 и далѣе 59—61; сравни Cinn. p. 26—28, напр.:

61. 4. καὶ θεὸς αὐτὸν εἰς βασιλέα προκέκρικε καὶ προώρισε, τεκμήριον αἱ πολλαὶ προρρήσεις καὶ τὰ τῶν θεοφιλῶν ἀνδρῶν προθεσπίσματα, ἃ πάντα βασιλέα Ῥωμαίων τὸν Μανουὴλ προκατήγγελλον... 61. 28. составляетъ не болѣе, какъ распространеніе 28. 20 Киннама.

28. 9. θεὸς δὲ καὶ πρώην ἐμοὶ τὸν ἐφ' ὃν ἀναπέπαυτο προδεικνὺς τελευταῖον δὴ καὶ ἐκ μέσου μοι τὸν νεανίαν ἐκεῖνον πεποίηται. εἶπον ἂν ὑμῖν καὶ τῶν ξυμβόλων τινὰ ἃ τύχην τὴν παροῦσαν αὐτῷ προὔφαινεν.... (объ этихъ символахъ p. 23).

допустить, чтобы Іоаннъ передъ смертію, въ напыщенной рѣчи, могъ разъяснять свои политическіе планы относительно востока; нѣтъ сомнѣнія, что эта часть рѣчи составлена Никитой на основаніи словъ Киннама, приводимыхъ ниже [1]). Затѣмъ, различіе между сравниваемыми писателями ограничивается не многими числовыми показаніями и нѣкоторою полнотою извѣстій Никиты. Объясненіе этихъ различій не представляетъ особенныхъ затрудненій. Киннамъ владѣлъ бо̀льшимъ количествомъ извѣстій относительно времени Іоанна, чѣмъ какое помѣстилъ въ своей исторіи; у Никиты, кромѣ записокъ Киннама, тоже могли быть подъ руками и другіе матеріалы, до насъ не дошедшіе.

Не смѣемъ предрѣшать, оправдается-ли нашъ выводъ дальнѣйшимъ анализомъ извѣстій Никиты и Киннама о царѣ Мануилѣ. Здѣсь сличеніе обоихъ писателей представляетъ особыя затрудненія: Никита рѣшительно отступаетъ отъ системы Киннама, скупѣе на подробности, особенно въ военныхъ дѣлахъ, не столько останавливается на подвигахъ личной храбрости Мануила, какъ его предшественникъ, посылаетъ даже упреки императору, отступаетъ отъ географическихъ и этнографическихъ терминовъ, принятыхъ въ исторіи Киннама, наконецъ, обобщаетъ и анализируетъ нѣкоторые факты. Чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ объ отношеніяхъ между этими писателями и въ исторіи Мануила, необходима провѣрка и снесеніе каждаго извѣстія ихъ порознь. Мы не успѣли довести до конца этой предварительной работы, и потому ограничиваемся только общимъ соображеніемъ: слѣды знакомства съ Киннамомъ ясны и на второй части труда Никиты, хотя нельзя оспаривать и того, что онъ пользовался также другими матеріалами, даже, можетъ быть, записками.

Хронологическія данныя въ исторіи Никиты. Переходы отъ одного предмета къ другому.

Произведеніе Никиты—не лѣтопись, въ которой спокойно и безстрастно писатель передаетъ дошедшіе до него слухи и извѣстія о минувшихъ дѣлахъ. Никита скорѣе подходитъ къ позднѣйшему роду

[1]) Cinn. 23. 1. καὶ πάλιν Κιλίκων ἐχώρει, κατὰ νοῦν ἔχων τὴν Κιλίκων καὶ Ἀντιοχέων ξὺν Ἀττάλου καὶ Κύπρῳ εἰς κλῆρον ἀποδώσεσθαι τῷ Μανουήλ; 25. 14. καὶ ὁ βασιλεὺς ἐλπίσιν ἤδη θανάτου τὴν ψυχὴν κατασείεσθαι ἤρχετο. καὶ μάλισθ' ὅτι μηδὲ πέρατι τὸν σκοπὸν ἔδωκε, ὃν περὶ τῆς ἐς Παλαιστίνην ἐπιδημίας πάλαι ὠδινήσας ἔφθη. οὗ δὴ ἕνεκα καὶ εἴκοσι ταλάντων ἀπὸ χρυσοῦ λυχνίαν εἰργασμένος ἔτυχεν, ἀνάθημα τῷ τῇδε ναῷ κατασκευαζόμενος; ср. pp. 56—58 Никиты.

лѣписателей-публицистовъ, въ передачѣ которыхъ событія являются уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ простоты и безыскусственности, но въ извѣстной литературной обработкѣ, съ нѣкоторымъ новымъ освѣщеніемъ и самостоятельной окраской. Въ исторической литературѣ этого рода лице писателя имѣетъ весьма важное значеніе: общественное положеніе его, состояніе, образованность и взгляды въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ степень достовѣрности и самаго произведенія. Отъ писателя-публициста нельзя требовать того, что даетъ лѣтописецъ, т. е. погоднаго перечня событій. Для Никиты, какъ и для всякаго историка того же направленія, сущность дѣла состоитъ не въ передачѣ фактовъ по хронологической связи ихъ, но въ изложеніи главнѣйшихъ, любопытнѣйшихъ событій своего времени по ихъ внутренней связи и логической зависимости. Не рѣдко факты хронологически послѣдующіе у него выдвигаются на первый планъ и разсказываются ранѣе предшествующихъ имъ; событіе, важнѣйшее по понятіямъ нашего времени, излагается кратко, составляя отступленіе отъ повѣствованія о событіи менѣе важномъ; нѣтъ иногда упоминанія о такихъ современныхъ обстоятельствахъ, глубокаго значенія которыхъ онъ не могъ угадать по самой близости къ событію. Никита не можетъ самъ по себѣ дать твердыхъ и несомнѣнныхъ хронологическихъ показаній, хотя онъ и сознавалъ потребность въ хронологіи [1]); тѣмъ не менѣе, указать хронологію къ его извѣстіямъ весьма необходимо въ виду того обстоятельства, что исторія Никиты представляетъ собою единственный, современный событіямъ, источникъ византійской исторіи второй половины XII вѣка [2]). Не беремъ на себя непосильнаго труда — установить хронологію для извѣстій нашего писателя: желаемъ только указать, на что должно быть обращено вниманіе въ исторіи Никиты для разрѣшенія вопроса о хронологіи византійской исторіи XII в. У Никиты встрѣчаются во многихъ мѣстахъ и прямыя указанія на время событій, и непрямыя; послѣднія, при небольшой внимательности, могутъ быть ясно опредѣлены и сдѣлаться также прямыми указате-

---

[1]) p. 226. ϑ. ὁ δὲ λόγος προβαινέτω τοῖς ἐφεξῆς καὶ διδότω τῇ ἱστορίᾳ ὡς ἕκαστον ἔχει καὶ χρόνου καὶ πράγματος.

[2]) Опытъ возстановленія византійской хронологіи по западнымъ лѣтописцамъ представляетъ Muralt, Essai de chronographie Byzantine, два тома: первый обнимаетъ событія отъ 395 до 1057 г. и изд. въ Петербургѣ въ 1855 г., второй — отъ 1057 до 1453 г. изд. въ 1871 г. (Bale et Genève. St.-Petersbourg).

лями. Разсмотримъ, во-1-хъ, хронологическія указанія въ исторіи Никиты, во-2-хъ, его методъ—начинать и заканчивать отдѣльные эпизоды.

1. *Исторія царствованія І. Комнина.* Здѣсь обозначено время слѣдующихъ событій: смерти Алексѣя I Комнина, подробностей переворота въ пользу Іоанна, похода въ Малую Азію; пятымъ годомъ Іоанна обозначенъ набѣгъ скиѳовъ, что̀ позволяетъ отнести всѣ предыдущія событія на первые четыре года; наконецъ, войны съ уграми [1]). При этомъ нужно замѣтить, что послѣдовательность событій, разныя обстоятельства въ походахъ, сроки между войнами, а иногда и время, проведенное въ походѣ [2]) — обозначены болѣе или менѣе положительными признаками: «подъ исходъ весны», «не много спустя», «въ сильную зимнюю стужу», «въ мѣсяцѣ январѣ», «цѣлый годъ прошелъ» и т. п. [3]). Въ концѣ каждаго царствованія указывается, сколько лѣтъ оно продолжалось.

Въ исторіи царствованія Мануила менѣе прямыхъ указаній на хронологію событій. Обозначены нѣкоторыя обстоятельства изъ войны сицилійской, именно походъ Михаила Палеолога, пріемъ иконійскаго султана въ Цареградѣ, нѣкоторые эпизоды изъ войны съ уграми и славянами, изъ египетскаго похода Андроника Контостефана, также изъ похода на востокъ; сближаются по времени такія событія, какъ поднятіе богословскаго вопроса, начало болѣзни и смерть царя Мануила [4]). Все царствованіе Мануила, такимъ образомъ, представляетъ отдѣлъ, богатый фактами, но бѣдный хронологическими указаніями; и отмѣченныя нами мѣста даютъ не болѣе того, какъ: «въ декабрѣ», «въ началѣ весны» и т. п.

Исторія Алексѣя II и Андроника. Здѣсь хронологически обозначены: смуты въ Цареградѣ, вызванныя недостойнымъ правительствомъ малолѣтняго Алексѣя II; провозглашеніе царемъ Андроника; взятіе и разграбленіе Солуни сицилійскимъ войскомъ; гаданіе Андроника о судьбѣ своей; обстоятельства, касающіяся низверженія Андроника [5]).

Въ исторіи Исаака Ангела: побѣда византійцевъ надъ сицилійскимъ войскомъ при Димитрицахъ; возмущеніе Враны и осада

---

[1]) Nicet, pp. 12. 10—25, 17. 21, 19. 19, 24. 8.

[2]) Такъ обозначено время восточнаго похода Іоанна—p. 42. 15.

[3]) p. 27. 1, 34. 13, 46. 5. 12, 49. 16, 51. 24, 54.

[4]) Nicet. pp. 120. 19, 133. 1, 154. 21, 199. 14, 206. 14, 210. 16, 218. 21, 233. 20, 286. 6.

[5]) pp. 307. 12, 336. 21, 349. 9, 392. 15, 443. 14, 444. 14.

Цареграда (описаніе очевидца); походъ въ Мизію противъ славянъ кочевниковъ; походъ Фридриха черезъ земли византійской имперіи въ Палестину; появленіе самозванца въ Пафлагоніи; постриженіе въ монахи сына Θеодоры Комниной (возложенное на писателя); война съ болгарами и сербами; низверженіе Исаака [1]). Укажемъ еще на замѣчаніе, что всѣ событія, изложенныя въ I, II и трехъ главахъ III книги случились въ первые шесть лѣтъ царствованія Исаака [2]).

Царствованіе Алексѣя, брата Исаака Ангела. Появленіе самозванца въ Киликіи; продолженіе войны съ болгарами; пріемъ нѣмецкихъ пословъ въ Цареградѣ; походъ на Хриза; устраненіе отъ дѣлъ царицы Евфросиніи; общее указаніе, что всѣ событія, обозначенныя въ I и четырехъ главахъ II книги, случились въ первый годъ царствованія Алексѣя [3]). Далѣе обозначены: походъ на востокъ и скорое возвращеніе; нападеніе болгаръ и походъ противъ нихъ; выдача въ замужество двухъ дочерей царя Алексѣя; волненіе въ Цареградѣ; увеселительная прогулка Алексѣя; указанія на обстоятельства четвертаго крестоваго похода — движеніе латинянъ къ Цареграду; весь срокъ царствованія Алексѣя, бѣгство его въ Дебельтъ, случившееся въ іюнѣ 1203 г. [4]).

Пересматривая мѣста, въ которыхъ Никита дѣлаетъ замѣчаніе о времени того или другого событія, мы должны убѣдиться, что его произведеніе не совсѣмъ чуждо хронологіи. Затрудненіе происходитъ не отъ недостатка числовыхъ показаній, а отъ характера ихъ. Круглый и опредѣленный счетъ онъ даетъ только цѣлымъ періодамъ — царствованіямъ, напр., императоровъ и походамъ, отличавшимся краткостію или продолжительностію; въ бо̀льшей же части случаевъ его хронологія случайна, сбивчива. Безъ сомнѣнія, для него имѣютъ смыслъ выраженія: „въ то время“, „не много спустя“, „во время этихъ событій“, „къ осени“, „зимой“, „на разсвѣтѣ“, „къ вечеру“,

---

[1]) pp. 470. 12, 492—495, 516—518, 520—521, 534. 5, 535—536, 553. 8, 558, 569. 10, 588. 16, 596.

[2]) p. 568. 9.

[3]) Nicet. pp. 608. 1, 610. 9, 643. 4; 612. 21, 629. 7, сравни 627. 20; 644. 16, 647. 5, 653. 13.

[4]) pp. 658. 9, 663. 4, 681. 18; 674. 4; 694. 14, 696. 19, 697; 701. 14, 703 — 704; 717. 10, 718. 14, 719. 9, 721. 2, 723. 23; 724. 5; дальнѣйшія событія, изложенныя въ исторіи Никиты, не представляютъ затрудненій къ возстановленію хронологіи ихъ; по этому не считаемъ нужнымъ приводить мѣста съ хронологическимъ указаніемъ.

„въ праздникъ" такой-то и т. п., которыя для насъ маловажны; но и эти скудныя указанія частію могутъ служить руководителями, если внимательнѣе анализировать его произведеніе, строго отдѣливъ въ немъ одно повѣствованіе отъ другого.

Не было бы ничего удивительнаго, если бы богатство хронологическихъ данныхъ касалось тѣхъ событій, которыхъ Никита былъ очевидцемъ или въ которыхъ самъ принималъ участіе; но иногда отмѣчаетъ онъ по-днямъ и по-часамъ моменты такого событія, личнымъ свидѣтелемъ котораго онъ не могъ быть. Всматриваясь въ тѣ части исторіи, которыя отличаются хронологической точностію и подробностію, и замѣчая, что этими качествами по преимуществу богаты извѣстія второй половины труда, особенно тѣ, которыя касаются IV крестоваго похода, мы невольно приходимъ къ мысли, что и другіе отдѣлы, имѣющіе точную и подробную хронологію, писаны если не самимъ очевидцемъ, то со словъ или записокъ очевидца: на авось нашъ писатель не указываетъ числовыхъ данныхъ. Съ другой стороны, многія изъ современныхъ Никитѣ событій не могли быть ему близко знакомы: только придворныя и собственно городскія новости непосредственно могли быть предметомъ его наблюденій. Итакъ, если относительно нѣкоторыхъ раннихъ и современныхъ провинціяльныхъ событій у Никиты встрѣчаются подробныя числовыя указанія, какихъ *обыкновенно* не бываетъ у него, то, при оцѣнкѣ степени достовѣрности ихъ, мы должны сдѣлать два предположенія: а) либо Никита принималъ участіе не только въ тѣхъ событіяхъ, на которыя есть указаніе въ его исторіи но и во многихъ другихъ; б) либо писалъ исторію со словъ очевидца, а можетъ быть имѣлъ подъ руками и современныя записки. Укажемъ главнѣйшіе случаи, гдѣ извѣстія Никиты отличаются обиліемъ и подробностями особенно въ хронологіи.

Въ изложеніи событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ I. Комнина, не только замѣтно близкое знакомство съ тогдашними лицами, но и попытка придать смыслъ перевороту, выяснить положеніе партій при дворѣ [1]); хронологическихъ указаній такъ достаточно, что является возможность опредѣлить постепенный ходъ самыхъ событій [2]). Во время осады крѣпости Ваки нѣкто Константинъ, армя-

[1]) Особенно любопытны: слова Алексѣя къ Иринѣ — р. 9, похищеніе Іоанномъ перстня съ руки умирающаго отца.

[2]) а) передъ 15 авг. 1118 года Іоаннъ захватилъ Большой дворецъ, б) съ 15 на 16 умеръ Алексѣй, в) на разсвѣтѣ 16 приглашаютъ Іоанна къ выносу

инъ по происхожденію, вызывалъ на единоборство охотника изъ византійскаго войска [1]); вызвался Евстратій, родомъ македонянинъ. Подробности описанія вооруженія того и другого, необычайнаго способа боя ихъ, въ особенности эти слова: „македонецъ часто протягивалъ руку съ намѣреніемъ поразить противника, но потомъ опять удерживалъ ее“ — не могли быть выдуманы, но выдаютъ очевидца. Послѣдній походъ царя Іоанна въ Малую Азію описанъ у Никиты весьма подробно [2]); не только хронологическія указанія, но и точныя подробности зараженія ядомъ его организма, перемѣны въ состояніи больнаго по-часамъ [3]), рѣчь умирающаго царя къ приближеннымъ—все указываетъ на отчетливое знаніе предмета. По богатству красокъ и подробности также заслуживаетъ вниманія разсказъ о возмущеніи Алексѣя Враны при вступленіи на престолъ Исаака Ангела. Но это событіе касается столицы имперіи; при томъ Никита въ это время занималъ высшую государственную должность и долженъ былъ внимательно слѣдить за событіями въ качествѣ будущаго историка. Признаки непосредственнаго наблюденія въ этомъ описаніи любопытны однако тѣмъ, что по присутствію и отсутствію таковыхъ въ другихъ мѣстахъ можно судить о близкомъ или маломъ знакомствѣ писателя съ предметомъ [4]). Если, такимъ образомъ, находимъ подобную же точность хронологическую въ такихъ частяхъ исторіи, или въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ вообще знаемъ, что онѣ мало

тѣла, г) по прошествіи нѣсколькихъ дней въ Большомъ дворцѣ открывается пріемъ царедворцевъ (съ сентября), д) еще не прошелъ годъ, какъ составился заговоръ противъ царя (около декабря), е) по возстановленіи спокойствія въ столицѣ, весною открывается походъ на востокъ. Замѣтимъ при томъ, что объ Іоаннѣ мы не имѣемъ современныхъ извѣстій: ни Анна, ни Киннамъ не сообщаютъ такихъ подробностей, какъ Никита.

[1]) p. 31—32.

[2]) 49. 16. Εἶδοι μὲν οὖν Ἰαννουάριοι... αἱ τοῦ ἔρος περιτροπαὶ... ἐπεὶ δὲ ἡ μὲν ἠέριος ὥρα... ὁ δὲ χειμὼν... ὑπομειδιᾶν δ' ἀρχομένου τοῦ ἔαρος.

[3]) p. 54. 12. πρὸς ἑσπέραν.... τὴν νύκτα... μετὰ ταύτην ἡμέραν.... ἐπιστάσης δὲ ἡμέρας... καὶ τῇ ἑξῆς ἡμέρᾳ...

[4]) p. 492. 7. περὶ δὲ δείλην... τῇ δ' ἐπιούσῃ ἄρτι τοῦ ἡλίου...; p. 493. 11 ἕως μὲν οὖν σταθηρᾶς μεσημβρίας—далѣе слѣдуетъ плѣнительная картина хорошо вооруженнаго войска, освѣщеннаго лучами солнца; p. 494. 4. καὶ τὰ μὲν τῆς τόθ' ἡμέρας... ἀνοχεύσας δ' ἐφ' ἡμέραις πέντε; p. 503. 15. μήπω μὲν οὖν μεσούσης ἡμέρας, ἐπεὶ δ' ἥλιος ἔφλεγε; p. 510. 10. καὶ τὴν μὲν τῆς ἡμέρας ἐκείνης διάδοχον νύκτα.... κατὰ δὲ τὴν μετ' αὐτὴν ἕω; p. 513. 6. καὶ τὴν μὲν δείλην ὅλην... μέχρι ἑσπέρας; p. 514. 3. πρώϊος γὰρ ἦν ὁ καιρός.

обращали на себя вниманіе писателя, то подобные признаки должн служить несомнѣннымъ указателемъ, что въ данномъ случаѣ авто сообщаетъ то, что самъ видѣлъ. Такъ, начиная съ 1186 года, встрѣ чаются весьма точныя и вѣрныя извѣстія о славянскихъ дѣлахъ. По ходъ Исаака на болгаръ, въ которомъ участвовалъ и Никита, опи санъ съ такими подробностями, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ точ ному описанію возмущенія Враны [1]). Подобную же точность встрѣ чаемъ въ описаніи движенія крестоноснаго ополченія черезъ земли имперіи, что̀ опять объясняется личнымъ знакомствомъ съ обстоя тельствами и участіемъ въ дѣлахъ; при описаніи волненій въ сто лицѣ, случившихся въ царствованіе Алексѣя III Комнина-Ангела [2]), равно въ разсказѣ о столкновеніяхъ съ болгарами и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Нечего говорить о томъ, что обстоятельства, пред шествующія и сопутствующія занятію латинянами Цареграда, опи саны нашимъ писателемъ съ тою же точностію и наглядностію, какая проявляется только въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ его исто ріи [3]); такими же особенностями отличается изложеніе бѣдствій, по стигшихъ самого Никиту при этой катастрофѣ [4]).

Живя сначала въ Силимвріи, а потомъ переселившись въ Никею, Никита не могъ слѣдить за событіями, послѣдовавшими за взятіемъ латинянами Цареграда. Въ описаніи его мепѣе встрѣчается точно сти и полноты; только одно событіе остановило на себѣ преимущест венное его вниманіе—это пораженіе, понесенное крестоносцами отъ болгаръ при Адріанополѣ. Потому-ли, что Никита жилъ тогда еще на европейскомъ материкѣ, или онъ постарался обстоятельно разспросить объ этомъ послѣ, только всѣ частности, касающіяся пораженія ла-

---

[1]) p. 518. 5. ἐννύχιος τοίνυν ἐπορεύετο... μετὰ δὲ τρεῖς ἡμέρας... ἀλλ' οὔπω παρασάγγας παρῆλθε τέσσαρας... гонецъ задыхался и едва переводилъ духъ; p. 520. 22. ὡς δ' εἰς χειμέριον τροπὴν.. ἤλαυνε ἥλιος; p. 521. 5. εἰς ἀνάφανσιν ἔαρος... ἅμα δ' ἦρι φανέντι... ὅλους οὖν μῆνας τρεῖς.

[2]) См. p. 534—536; p. 694, особенно 696—698; напр. 696. 19: ὅλης οὖν τῆς ἡμέρας ἐκείνης.... πρὸς ἑσπέραν... τῇ δ' ὑστεραίᾳ; 697. 15. νυκτὸς δ' ἐπιούσης.. δύντος ἡλίου; p. 698. 18, голова I. Толстаго, вывѣшенная на площади, ἔτι τοῦ αἵματος ἀποβλύζουσα, σεσηρυῖά τε δεινὸν καὶ μεμυκυῖα τὼ ὀφθαλμώ.

[3]) p. 717—770; напр.: 717. 10, 718. 14, 719. 9, 721. 2, 723. 23, 728. 18, 730. 21, 743. 7, 744. 11, 745. 8, 752. 23, 753. 4. ὅλην μὲν οὖν ἐκείνην τὴν ἡμέραν... τὴν μέν ἐκείνην ἡμέραν καὶ τὴν ἐφεξῆς... τῇ ὑστεραίᾳ πάλιν ἥτις ἦν δωδεκάτη μὲν... μέσῃ μὲν οὖν ἡμέρᾳ; p. 754. 21, 755. 8. 20.

[4]) p. 776—786.

тинянъ, у него разсказаны съ точностію [1]); не менѣе подробны извѣстія о нападеніяхъ на византійскія области болгаръ и кочевниковъ, бывшихъ въ союзѣ съ ними [2]). Тамъ, гдѣ въ произведеніи Никиты является больше хронологическихъ указаній, опредѣленности и наглядности, тамъ онъ болѣе достовѣренъ, и наоборотъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что слабыя части его труда неудачно замаскированы фразой, недомолвками, обиліемъ аллегорій.

II. Выше мы сказали, что относительно Никиты важно опредѣлить литературные пріемы его, въ особенности способъ начинать и заканчивать отдѣльные эпизоды. Тѣмъ полезнѣе остановиться на этомъ, что принятое издателями дѣленіе сочиненія на главы весьма произвольно: одинъ эпизодъ раздѣленъ на нѣсколько главъ, и наоборотъ, нѣсколько различныхъ разсказовъ включено въ одну главу. У Никиты находимъ весьма часто такой способъ обозначенія времени: „тогда“, „спустя не много времени послѣ этого“, „но сначала не это было, а вотъ что“; иногда менѣе важное событіе имѣетъ болѣе хронологическихъ указаній, чѣмъ важнѣйшее, разсказываемое какъ бы случайно, по поводу. Употребляются частицы, обороты и цѣлыя предложенія, имѣющія особый смыслъ. Такъ, есть у него излюбленные обороты, которыми начинается рѣчь послѣ перерыва, слова, которыми отвлекается вниманіе читателя къ другимъ фактамъ, выраженія, имѣющія мѣсто передъ обобщеніемъ или анализомъ фактовъ до мелкихъ подробностей, наконецъ, фразы, которыя употребляются тамъ, гдѣ у писателя не достаетъ связи и послѣдовательности.

Мы желали бы здѣсь разъяснить слѣдующее: если изъ прямыхъ указаній Никиты нѣтъ возможности сдѣлать приложенія къ возстановленію хронологіи византійской исторіи, то не существуетъ-ли у него какого-нибудь особеннаго метода, особой системы, которая для насъ осталась не понятою? Не давая утвердительнаго отвѣта на это, предложимъ анализъ какого-нибудь эпизода изъ исторіи Никиты и посмотримъ, какъ ведется разсказъ его. Беремъ сицилійскую войну, начавшуюся при Андроникѣ и конченную его преемникомъ. Цѣль этого анализа будетъ заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить: можно ли хронологически прослѣдить факты этой войны по Никитѣ, отчего является у него спутанность извѣстій и какъ выдѣлить идущее къ

---

[1]) p. 810—814; напр.: 811. 15. 19. 21, 812. 8, 812. 21, 813. 23, 814. 1, 814. 13, 815. 6. 14. 15.

[2]) p. 832—833.

дѣлу отъ примѣсей; наконецъ, дѣйствительно-ли представляетъ путаницу изложеніе Никиты? Мы устраняемъ себя отъ всѣхъ сторонникъ извѣстій и будемъ имѣть дѣло только съ тѣмъ, что̀ даетъ Никита.

Извѣстія о сицилійской войнѣ начинаются слѣдующими словами [1]): „но Андроникъ всегда занимался такими и другими подобными, и гораздо худшими дѣлами; а Алексѣй Комнинъ... явившись къ сицилійскому тирану Вильгельму...“ сталъ подговаривать его къ войнѣ съ Андроникомъ. Ясно, что это начало стоитъ въ логической связи съ предыдущимъ. Раньше ведется разсказъ о жестокой казни, къ которой присуждены были Макродука и Дука за сочувствіе къ кипрскому тирану Исааку; этотъ разсказъ опять начинается словами, связанными логически съ предыдущею [2]), т. е. съ пятою главой. Въ пятой же главѣ излагается исторія Исаака, внука царя Мануила, до того времени, какъ онъ, сдѣлавшись обладателемъ Кипра, сталъ страшнымъ соперникомъ царя Андроника. Что̀ же мы видимъ изъ этого? То, во-первыхъ, что повѣствованіе о сицилійской войнѣ Никита соединяетъ съ другими, не достойными похвалы, дѣлами Андроника; во-вторыхъ, что цѣль этого повѣствованія — не самый предметъ, а тѣ стороны его, которыя могутъ подкрѣплять несочувственный отзывъ объ Андроникѣ; въ третьихъ, такъ какъ отношеніе причины къ слѣдствію не хронологическое, а логическое, то и въ методѣ Никиты преобладаетъ элементъ логической, внутренней связи между событіями.

Вильгельмъ, король сицилійскій, получивъ отъ Алексѣя Комнина почти тѣ-же свѣдѣнія о состояніи имперіи, какія уже были переданы ему частію венеціянами, частію другими иностранцами, изгнаннымъ Андроникомъ изъ Цареграда, направилъ сухопутныя и морскія силы на византійскія области. Пѣшее войско подступило къ Епидамну, овладѣло этимъ городомъ и шло по направленію къ Солуни, а флотъ прямо приплылъ въ солунскій заливъ; такимъ образомъ, славный городъ марсовымъ поясомъ, по выраженію Никиты, окруженъ былъ съ суши и съ моря. Но его погубила не слабость и неопытность защитниковъ, а нерадѣніе стратига, Давида Комнина. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, Солунь должна была сдаться врагамъ. Опи-

---

[1]) p. 384. 10.

[2]) p. 379. 10. Μὴ ἔχων δ' ὅπως τὸν ἀπόντα ἐχθρὸν χειρώσεται, ἐπὶ τοὺς ἐγγὺς τρέπει τὸν θυμόν, ταὐτόν τι δρῶν, ὃ καὶ κύνες πολλάκις ποιεῖν εἰώθασι.

савъ жестокость и варварскіе поступки съ побѣжденными, писатель дѣлаетъ общій отзывъ объ отношеніяхъ латинянъ къ византійцамъ, говоритъ о ходатайствѣ за соотечественниковъ архіепископа Евстаѳія. Описаніе завоеванія Солуни занимаетъ мѣсто отъ 384 до 401 стр. Можно предполагать, что описаніе сдѣлано не въ одно время и въ основаніе его легли извѣстія разнаго характера[1]). Но любопытно заключеніе: „а какой былъ способъ освобожденія и кого Провидѣніе избрало орудіемъ для этого — пусть ждетъ своего времени“ [2]). За этимъ начинается десятая глава, словами: „А мое повѣствованіе пусть возвратится къ тому, на чемъ оно прервалось: продолжаемъ разсказъ о дѣлахъ царя Андроника“. Но напрасно бы читатель пытался найдти здѣсь извѣстія болѣе важныя, чѣмъ сицилійская война: разсказъ объ ней прерывается для того, чтобы помѣстить нѣсколько ужасныхъ картинъ, рисующихъ жестокость, кровожадность и насильственные поступки Андроника. Для этого повторено еще разъ о повѣшеніи братьевъ Севастьяновъ, разсказано о заключеніи въ темницу зятя Андроника, Алексѣя Комнина, о сожженіи въ конномъ циркѣ Мамала, о покушеніи испечь на медленномъ огнѣ Дисипата, при чемъ сдѣлана оговорка, что слухи о взятіи сицилійцами Епидамна и осадѣ Солуни тревожили Андроника и ослабляли, на короткое время, его кровавые замыслы. Снова повторяется о казни Макродуки и Дуки, предлагается новый случай жестокости въ ослѣпленіи К. Трипсиха; книга заключена слѣдующими словами: „такъ-то шли дѣла въ царственномъ городѣ“ [3]). Если мы будемъ смотрѣть на повѣствованіе о казняхъ, какъ на отступленіе отъ исторіи (стр. 401—410), которое могло бы оправдываться лишь намѣреніемъ автора—описать подробнѣе событія, случившіяся въ самомъ Цареградѣ, то послѣ отступленія должны ожидать снова прерваннаго повѣствованія о сицилійской войнѣ. На стр. 411, дѣйствительно, начинается опять: „сицилійское же войско раздѣлилось на три части, одна оставалась близь Солуни, другая вторгается въ Серры, третья безъ затрудненія подступаетъ къ Мосинополю“. Въ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ здѣсь о сицилійской

[1]) Первый пріемъ указывается связнымъ характеромъ изложенія 384 — 392 стр.; затѣмъ, съ 392 стр., замѣтно частію повтореніе уже сказаннаго, частію картина бѣдствій солунцевъ выставлена рельефнѣе. Подробное обозначеніе времени осады, картина поруганія надъ церковными предметами — безъ сомнѣнія заимствованы изъ Евстаѳія—p. 398. 19.

[2]) p. 401. 11.

[3]) pp. 407. 2—3, 410. 21.

войнѣ [1]), замѣчательны слѣдующія особенности: а) подробности, которыя было бы умѣстнѣе дать передъ описаніемъ разграбленія Солуни: ссылка на грамоту царя къ Давиду Комнину, стратигу солунской крѣпости, распоряженіе о высылкѣ войскъ противъ сицилійцевъ. намѣреніе сицилійцевъ идти на самый Цареградъ [2]). Заключается первая глава II книги словами: „такъ-то это было“, и, потомъ опять слѣдуетъ длинное отступленіе, въ которомъ излагаются обстоятельства, касающіяся столицы и лично царя Андроника; при чемъ изрѣдка дѣлается намекъ, двумя-тремя словами, что сицилійцы продолжаютъ опустошать имперскія области [3]). Затѣмъ, нужно пропустить все царствованіе Андроника и въ отдѣлѣ объ Исаакѣ искать продолженія сицилійской войны. Припомнимъ, что Исаакъ овладѣлъ правленіемъ въ половинѣ сентября, за мѣсяцъ передъ тѣмъ сицилійцы взяли Солунь. Судя по успѣхамъ перваго движенія ихъ, можно было ожидать, что въ сентябрѣ они далеко уже подвинутся. Но что мы находимъ у Никиты? Указывая на стр. 467 расположеніе сицилійскихъ войскъ, онъ называетъ тѣ-же самыя мѣстности, какія и раньше были упомянуты: т. е., что сицилійское войско почти мѣсяцъ стояло на одномъ мѣстѣ. Одна его часть обязана была оберегать главный городъ Ѳессаліи и оставалась въ этой странѣ съ быстрыми на ходу кораблями; другая дерзко опустошала окрестности Серръ, а третья, продолжая наступательное движеніе, тоже раздѣлилась на отряды: одинъ пилъ и купался въ струяхъ Стримона и грабилъ область Амфиполя, другой бодро двигался впередъ и, какъ бы желая предупредить другихъ занятіемъ Цареграда, раскинулся лагеремъ въ Мосинополѣ [4]). При Исаакѣ сицилійская война получила весьма благопріятный для Византіи оборотъ. Двумя сраженіями—при Мосинополѣ и Димитрицахъ—византійцы разбили двѣ части непріятельскаго войска [5]) и взяли въ плѣнъ главныхъ предводителей, Ри-

---

[1]) p. 411—415.

[2]) p. 411. 18. 414. 4. Любопытно, что желающій черпать изъ Никиты не долженъ удовлетвориться прочтеніемъ одного отдѣла; надобно просмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о томъ или другомъ предметѣ. Начиная писать о сицилійской войнѣ, Никита, кажется, не располагалъ тѣми матеріалами, какіе имѣлъ послѣ.

[3]) p. 435. 22, 437. 23, 440.

[4]) p. 468. 1—2; сверх p. 413. 14—20.

[5]) Второе дѣло было 7-го ноября, подъ вечеръ; выраженіе: τὴν πρότερον νίκην, употребленное относительно перваго сраженія, не опредѣляетъ времени.

чарда и Балдуина. Остальные отряды сицилійцевъ стянулись къ Солуни, думая спастись на корабляхъ, но часть ихъ была избита, другая погибла въ морѣ. Сицилійскій флотъ также постигла бѣдственная участь сухопутныхъ силъ: плавая нѣсколько времени въ виду берега и не встрѣчая подкрѣпленія со стороны сухопутнаго войска, флотъ долженъ былъ оставить всѣ попытки къ высадкѣ. Въ морѣ застигли его бури, отъ которыхъ погибла большая часть кораблей. Въ изложеніи обстоятельствъ этой войны отмѣтимъ слѣдующія черты: а) отсутствіе системы въ описаніи (повторенія, отступленія и вноски); б) однородные факты передаются въ разныхъ мѣстахъ; в) важнѣйшіе эпизоды случайно и намеками вносятся въ повѣствованіе [1]): не кстати переписка между Балдуиномъ и Исаакомъ передается при разсказѣ о событіяхъ послѣ окончанія войны; г) всѣ извѣстія о войнѣ, въ сущности довольно краткія и неопредѣленныя, раскинуты на цѣлой сотнѣ страницъ.

Таковъ же характеръ изложенія славянскихъ войнъ, которыя съ особеннымъ напряженіемъ начались со времени Исаака. На стр. 482, по случаю брака императора съ княжной угорской, Никита начинаетъ разсказъ о движеніи между болгарами, виновниками котораго были братья Петръ и Асень. Напрасно бы читатель ожидалъ найдти здѣсь связное изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ это движеніе: „но теперь не объ этомъ, мой разсказъ будетъ идти по порядку“, обрываетъ Никита. Этотъ странный порядокъ внушаетъ ему мысль—изложить несчастный походъ византійцевъ противъ кипрскаго тирана Исаака, чтобы потомъ снова обратиться къ дѣламъ болгарскимъ [2]). „А когда мизійцы [3]) задумали явное возстаніе, и когда предводителями ихъ сдѣлались тѣ люди, о которыхъ я сказалъ, царь предпринимаетъ противъ нихъ походъ. Но нельзя и этого оставлять не разсказаннымъ“. Вставивъ тутъ разсказъ о томъ, какую мѣру придумали братья, чтобы придать народному движенію характеръ религіозный, Никита опять повторяетъ: тогда выходитъ противъ нихъ Исаакъ [4]). Скоро походъ окончился и слѣдствіемъ его было то, что варвары еще смѣлѣе стали нападать на имперскія области. Но писателя занимаютъ не успѣхи болгаръ, а предпринимаемыя противъ

---

[1]) pp. 470. 14, 472. 5, 477 · 478.

[2]) pp. 483. 5; 483—484; необходимо имѣть въ виду—p. 376—377, 547. 14.

[3]) οἱ Μυσοὶ πρότερον ὠνομάζοντο, νυνὶ δὲ Βλάχοι κεκλήσονται, p. 482. 5.

[4]) p. 487. 4, 485. 5.

нихъ византійцами мѣры. Такъ, онъ приводитъ рядъ неудачно назначаемыхъ противъ Петра и Асеня полководцевъ; упомянувъ объ А. Вранѣ, увлекается его личными дѣлами, сообщаетъ о его покушеніяхъ овладѣть верховною властію, чему, наконецъ, едва не суждено было осуществиться теперь, по назначеніи его главнокомандующимъ въ Болгарію. Мы уже замѣчали ранѣе, что осада Враной Цареграда составляетъ одно изъ самыхъ живыхъ мѣстъ по изложенію; теперь же прибавимъ, что этотъ разсказъ вставленъ въ исторію болгарскихъ дѣлъ и представляетъ, при чтеніи, отступленіе [1]). Самостоятельный же и особый разсказъ, не подчиненный общей идеѣ, представляетъ и исторія цесаря Конрада, сына графа монферратскаго. Конрадъ поступилъ въ византійскую службу еще при Мануилѣ; при Исаакѣ онъ снова является ко двору въ качествѣ жениха Ѳеодоры, сестры императора. Связь этого эпизода съ возмущеніемъ Враны, съ точки зрѣнія писателя, есть связь одновременности [2]). Можно думать, однако, что есть и другая, внутренняя связь между возмущеніемъ Враны и славянской войной: въ числѣ предводителей войска Враны упоминается скиѳъ Елпумъ; сторонники Алексѣя Враны, когда ихъ дѣло не удалось, ищутъ убѣжища у Петра и Асеня [3]). Какъ бы то ни было, разсказъ о болгарскихъ дѣлахъ, прерванный на 491 стр., возобновляется лишь въ началѣ II книги Исаака, на стр. 515. Но Никиту снова отвлекаетъ цесарь Конрадъ, при чемъ сообщаются извѣстія объ его недовольствѣ царемъ, отправленіи въ Палестину, объ его смерти; убійца Конрада, изъ племени хашишей, наводитъ писателя на мысль—дать извѣстія и объ этомъ племени [4]). Наговорившись довольно о Конрадѣ, Никита обращается къ Исааку, выступившему противъ болгаръ и стоявшему въ Таврокомѣ. Походъ описанъ съ замѣчательными подробностями, потому что самъ Никита принималъ въ немъ участіе. Холодное время и глубокіе снѣга не дали царю возможности подавить движеніе болгаръ и проникнуть въ

---

[1]) p. 491—497.

[2]) p. 498. в. καὶ ὡς εἱστιάκει τοὺς γάμους ὁ βασιλεύς, μετὰ μικρὸν δὲ ἡ τοῦ Βρανᾶ ἐπηκολούθησεν ἐπανάστασις. Это мѣсто—одно изъ неудачнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи. Не говоря уже о томъ, что скучены разнородныя и разновременныя извѣстія—въ одномъ предложеніи втиснуто и то, что послы уговаривали Конрада, и то, что онъ прибылъ съ ними ко двору и женился на Ѳеодорѣ и, наконецъ, то, что за этимъ послѣдовало возмущеніе Враны.

[3]) p. 503. ιδ, 510. в.

[4]) p. 516—517.

страну ихъ. Оставивъ тамъ войско, чтобы на весну прямо начать походъ въ горы, царь возвратился въ столицу. Весной, дѣйствительно, походъ состоялся, но императоръ употребилъ три мѣсяца на осаду крѣпости Ловча и возвратился, не окончивъ предпріятія. „Дѣла пошли еще къ худшему", прибавляетъ Никита. Затѣмъ, на стр. 561, снова начинается разсказъ о дѣлахъ болгарскихъ. „Между тѣмъ, какъ на западѣ дѣла продолжали становиться все хуже...., снова отправляется царь на болгаръ и комановъ". Но этотъ походъ былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ военныхъ дѣлъ Исаака: не только византійцы не сдѣлали ничего для безопасности своихъ владѣній, но, по крайней неосторожности, позволили окружить себя въ тѣснинахъ, гдѣ подъ ударами непріятеля пало множество воиновъ, „какъ домашній скотъ, запертый въ хлѣвѣ" [1]).

Въ послѣдующее время, когда набѣги болгаръ стали повторяться чаще и опасность отъ нихъ увеличивалась, императоръ далъ новое устройство филиппопольской темѣ, поручивъ управленіе ею своему двоюродному брату Константину, съ титуломъ дукса флота и стратига. Но и эта мѣра, посредствомъ которой военная и гражданская власть сосредоточивалась въ рукахъ одного лица, повела только къ тому, что Константинъ получилъ возможность набрать себѣ сильную партію и стремиться къ царской власти. Когда происки его стали извѣстны двору, Исаакъ приказалъ схватить Константина, лишилъ его власти и ослѣпилъ. Съ этихъ поръ болгары и команы не переставали дѣлать нападенія на имперію, опустошая все, что̀ попадалось имъ на пути: подходили къ Филиппополю, осаждали Сардику, даже подступали къ Адріанополю. Въ мартѣ 1195 года Исаакъ предпринялъ противъ нихъ еще походъ, во время котораго лишенъ былъ власти своимъ братомъ [2]).

Въ описаніи войнъ съ сицилійцами и болгарами обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты сходства: 1) отрывочность извѣстій и перерывъ ихъ разными побочными обстоятельствами; 2) обозначеніе времени почти каждаго отдѣльнаго эпизода; 3) частицы, замыкающія и начинающія почти всякій вставной разсказъ; 4) преимущественное вниманіе писателя къ дѣламъ, касавшимся двора и столицы. Выдѣляя всѣ эпизоды, не подходящіе къ предмету, который занимаетъ изслѣдователя, есть возможность свести однородныя извѣ-

[1]) pp. 521. 19; 561. 7—8; 563 19.
[2]) pp. 573; 587. 16.

стія Никиты и расположить ихъ по-годамъ съ приблизительною къ истинѣ точностію (такъ, при Исаакѣ почти всякую весну предпринимался походъ на болгаръ) [1]). Что̀ касается до системы нашего писателя, вредящей отчетливости и затрудняющей пользованіе имъ, то едва-ли впадемъ въ ошибку, если представимъ такое объясненіе ея. Въ основѣ исторіи лежитъ хронологическая преемственность фактовъ; но историческій матеріалъ не всегда былъ подъ руками автора, и подробности пріобрѣтались имъ постепенно. Новыя данныя не вписывались имъ въ соотвѣтствующую часть, а излагались отдѣльнымъ эпизодомъ. Историческое событіе можетъ быть современно другому по своему началу, развитію, или окончанію; для современника, какимъ былъ Никита по отношенію къ описываемымъ событіямъ, трудно уловить значеніе факта въ его зародышѣ, поэтому онъ могъ записать его уже какъ совершившійся фактъ, и отъ его личнаго взгляда зависѣло записать-ли его между событіями одновременными съ періодомъ зарожденія, развитія или окончанія другихъ событій.

Такъ какъ эпизодическій характеръ изложенія свойственъ всему труду Никиты, то указанный пріемъ выдѣленія однородныхъ извѣстій и распредѣленія ихъ по категоріямъ дѣлается необходимымъ всякій разъ, какъ является нужда воспользоваться какимъ-нибудь извѣстіемъ его. Трудъ этого рода облегчается частію алфавитнымъ указателемъ къ исторіи, частію опредѣленными примѣтами, указывающими на отступленіе, переходъ, окончаніе эпизода и т. п. [2]).

---

[1]) Разнообразныя извѣстія Никиты могутъ быть подведены подъ четыре категоріи: 1) западныя дѣла, 2) восточныя, 3) церковныя, 4) городскія и придворныя извѣстія.

[2]) Ограничимся указаніемъ мѣстъ болѣе или менѣе важныхъ въ этомъ отношеніи: p. 27. 1, 161. 2. καὶ ταῦτα μὲν συμβέβηκεν ὕστερον· τότε δὲ πολυδύναμος γεγονὼς; 186. 9. ἀλλὰ τίνα τὰ παρὰ πόδας; χρεὼν γὰρ μηδὲ τούτων ἀφέξεσθαι...; 208. 1. ἀλλὰ τίνα τὰ ἐπὶ τούτοις; ἐρᾷ καὶ στρατείας ὑπερορίου; 222. 15. ἀλλ' ἐνταῦθα τῆς ἱστορίας γενόμενος καὶ ταῦτα τοῖς εἰρημένοις προσεπαγάγω; 226. 9. ὁ δὲ λόγος προβαινέτω τοῖς ἐφεξῆς, καὶ διδότω τῇ ἱστορίᾳ, ὡς ἕκαστον ἔχει καὶ χρόνου καὶ πράγματος; 247. 20. ἀλλ' ἐνταῦθα τοῦ λόγου γενόμενος ἐκεῖνο ἔχω εἰπεῖν; 259. 15. δοτέον τῷ λόγῳ κἀκεῖνα; 274. 8. πρὸς δὲ τοῖς εἰρημένοις κἀκεῖνα δοτέον τῇ ἱστορίᾳ; 284. 10. ἀλλὰ γὰρ οὐχ' ὑπερβήσομαί τι καὶ ἄλλο τῶν ἀξίων εἰρῆσθαι, τοῦ ἱστορεῖν ἐνταῦθα γενόμενος; 316. 15. καὶ ταῦτα μὲν εἶχεν οὕτως; 383. 3. ἀλλὰ γὰρ μηδὲ τοῦτο παραδραμέτω ὁ λόγος; 392. 13. καὶ οὕτω μὲν, ἵνα καθ' εἱρμὸν αὖθις, προῇ τὸ λέγειν; 401. 13. τὸ δὲ λέγειν ἐπανίτω πάλιν, ὅθεν ἐκβέβηκε; 474. 5. καὶ τὴν μὲν ἵππον οὕτως ἡ δίκη μετῆλθεν; 483. 5. ἀλλὰ μήπω περὶ τούτων, τὸ δὲ λέγειν προβαινέτω μοι καθ' εἱρμόν; 485. 5. χρῆ δὲ κἀκεῖνα μὴ παριδεῖν ἀνιστόρητα; 487. 4; 506. 20. καὶ τοιοῦτο μὲν ὁ τότε ἀγὼν εἴληφε πέρας; 509. 19. ἐῶ γὰρ λέγειν, ὡς...; 511. 18—21; 514. 13. καὶ ταῦτα μὲν ὧδέ πῃ ἐφέρετο; 524. 20. καὶ

Слабыя мѣста исторіи Никиты. Намекъ, фраза, двусмыслица.

Слабыя мѣста исторіи Никиты объясняются частію незнаніемъ тѣхъ отношеній, о которыхъ онъ говоритъ, частію особеннымъ способомъ его выраженій, которыя, допуская разное пониманіе и толкованіе, затемняютъ смыслъ его рѣчи. Тамъ, гдѣ Никита пишетъ объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ, онъ выражается просто и ясно; если же отступаетъ отъ повѣствовательнаго рода и вдается въ лирическій или философскій, равнымъ образомъ, если хочетъ что-нибудь сказать о мало извѣстномъ дѣлѣ, то прибѣгаетъ къ фразѣ, риторическимъ оборотамъ и двусмысленнымъ выраженіямъ. Въ первой половинѣ его труда—въ исторіи Іоанна и Мануила—особенно отличаются этого рода недостатками извѣстія о западныхъ дѣлахъ, въ особенности объ отношеніяхъ къ славянамъ, и нѣкоторыя мѣста, касающіяся характеристики упоминаемыхъ въ исторіи лицъ. Важнѣйшіе, замѣченные нами, случаи этого рода слѣдующіе.

Только отсутствіемъ положительныхъ извѣстій и недостаткомъ точнаго знанія можно объяснить, напр., разсказъ Никиты о войнѣ царя Іоанна съ сербами около 1123 года[1]): „а не много спустя (послѣ значительной побѣды надъ скиѳами), объявилъ походъ и на народъ тривалловъ или сербовъ, который злодѣйствовалъ и нарушалъ договоры. Одержавъ полную побѣду и надъ этимъ варварскимъ народомъ, который и въ другихъ случаяхъ не былъ воинственнымъ и всегда подпадалъ господству сосѣдей, онъ принудилъ его къ соблюденію договоровъ“. Такимъ же точно характеромъ неполноты, спутанности и неточности отличается извѣстіе объ отношеніяхъ Іоанна къ торговымъ итальянскимъ городамъ, бывшимъ въ сношеніяхъ съ Византіей; въ нѣсколькихъ словахъ, больше намекающихъ, чѣмъ выражающихъ мысль, онъ обозначаетъ перевѣсъ византійскаго могущества надъ „приморской Италіей“; потомъ прямо переходитъ къ вос-

---

ταῦτα μὲν εἶχεν οὕτως; 533. 11—14 καὶ τοῦτο μὲν ἐσέπειτα, τότε δ'...; 548. 2. καὶ ταῦτα μὲν οὕτωσί; 578. 21. ἀλλ' ἐπανακτέον τὸν λόγον ἐκτραπόμενον τοῦ ἴχνους ἐφ ὅπερ ὥρμησεν ἐξ ἀρχῆς; 607. 4; 617. 11; 633. 1; 647. 22 καὶ τῇδε μὲν εἶχε ταῦτα; 648. 1—4; 662. 18. ἀλλ' εἶεν; 665. 10; 681. 13 (порча текста); 689. 4; 691. 14; 692. 20; 699. 7; 703. 18. ὃ δὲ κατὰ πόδας ἐπηκολούθησε, τοῦτο δὴ καὶ τῇ ἱστορίᾳ παραδίδωμι; 707. 3; 710. 1; 712. 9; 726. 4; 751. 9; 757. 18; 767. 14; 774. 13; 799. 9; 806. 7; 807. 12; 815. 18; 818. 1; 829. 1; 847. 16; 852. 7.

[1]) p. 23. 4—15.

точнымъ дѣламъ: „когда такимъ образомъ усмирены были западные народы [1])“. Никитѣ не извѣстно, что почти постоянно существуетъ соотвѣтствіе между войнами съ имперіей южныхъ славянъ и кочевыхъ народовъ; оттого весьма отрывочны и не полны этого рода факты въ его исторіи. Иногда они вносятся совсѣмъ не туда, гдѣ бы имъ слѣдовало быть, или представляются случайными и маловажными [2]); иногда такъ общи и не приложимы къ другимъ извѣстнымъ фактамъ, что ставятъ въ недоумѣніе и заставляютъ заподозрить ихъ истинность [3]).

Даже отношенія съ уграми, которыя въ XII в. были довольно не рѣдки и постоянно поддерживались вмѣшательствомъ императоровъ во внутреннія дѣла страны, и тѣ не могутъ быть изучаемы на основаніи Никиты: ему не извѣстны причины внутреннихъ переворотовъ въ Угріи, онъ ошибается въ опредѣленіи родственныхъ отношеній членовъ королевскаго дома [4]). Недостатки этого рода Никита почти совсѣмъ не прикрываетъ: не говоря уже о краткости извѣстій [5]), въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ обобщеніямъ, намекамъ и фразѣ. Такъ, противъ обычая, рѣчь къ войскамъ, во время войны съ уграми, передается не отъ лица императора и не собственными словами его, но въ пересказѣ [6]). Война съ сербскимъ жупаномъ, Стефаномъ Неманемъ, въ описаніи Никиты сплошь представляетъ фразу и вымыселъ: „царь управлялся съ сербами, какъ пастухъ съ послушнымъ стадомъ“, „Стефанъ боялся царя болѣе, чѣмъ звѣри царя своего — льва“; „иногда съ одною конницей и свитой царь отправлялся въ горы и устраивалъ тамъ дѣла по своему желанію“ [7]). Ясно, что тутъ не историческія черты, а краски народнаго преданія. Личнымъ соображеніемъ писателя отзываются и тѣ мѣста, гдѣ онъ вдается въ объясненіе поступковъ выводимыхъ лицъ, при чемъ незамѣтно для самого себя попадаетъ въ ложное положеніе, прибѣгаетъ къ страннымъ оборотамъ, трудно переводимымъ на другой языкъ образнымъ

---

[1]) p. 25. 12—18.

[2]) 103. 22. Такого рода неточное извѣстіе о скиѳской войнѣ: ἐξ ἐφόδου δὲ τοὺς Σκύθας διαθροήσας, οἳ τὸν Ἴστρον διαβάντες τὰ περὶ τὸν Αἷμον ἐσίνοντο.

[3]) p. 178. Война съ жупаномъ Десе (Тѣша).

[4]) p. 24. 13, 167; Nota Du-Cangii ad p. 9. 12 Cinnami. (p. 314).

[5]) p 177. 20.

[6]) p. 197. 13. ἐν ἐπηκόῳ στὰς ὁ βασιλεὺς γίνεται καλῶν καὶ γενναίων λόγων καὶ πολὺ τὸ πιθανὸν ἐχόντων ἀγορητής.

[7]) p. 206—207; ср. 178.

выраженіямъ, ѣдкой насмѣшкѣ и сравненіямъ [1]). Слабыя стороны второй половины труда въ сущности тѣ же, что̀ и первой: происходятъ онѣ частію отъ скудости матеріала, частію отъ стремленія къ риторическимъ и витіеватымъ выраженіямъ, частію же отъ недостатка внимательности къ мелочнымъ подробностямъ. Такъ, говоря о заговорѣ порфирородной Маріи, дочери Мануила Комнина, подробности котораго могли быть хорошо извѣстны ему, Никита неожиданно прерываетъ разсказъ, когда нужно было объяснить, отчего не удался этотъ заговоръ [2]). Но въ иныхъ случаяхъ для него представляется возможнымъ передавать мысли и желанія выводимаго лица, приводить разговоры, которые не могли сдѣлаться достояніемъ общаго знанія, приписывать другимъ собственныя мнѣнія и едва-ли не выдумывать грамоты и письма [3]). Онъ выбираетъ изъ событій только тѣ, какія ему нужны, и останавливается не на всѣхъ сторонахъ факта [4]); отсюда происходитъ, что важныя событія упоминаются только мимоходомъ, по поводу какого-нибудь другого событія [5]); эпизоды, тѣсно связанные между собою, раздѣляются мало идущими къ дѣлу вставными разсказами и повѣствованіе объ нихъ раскидывается на нѣсколько страницъ [6]). Иногда Никита начинаетъ рѣчь издалека для поясненія того, что хочетъ сказать [7]), и потомъ обрываетъ ее, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ пустословіи. И во второй части указанные недостатки всего болѣе касаются западныхъ, т. е. европейскихъ дѣлъ, хотя войны съ болгарами, начиная съ конца XII в., описаны Никитой съ замѣчательною добросовѣстностію и знаніемъ дѣла. Стремленіе выразить высокимъ слогомъ глубокое чувство приводитъ писателя къ невѣроятнымъ воззваніямъ къ промыслу: онъ, напр., жалуется, почему покореніе Византіи не было предвозвѣщено знаменіями свѣтопреставленія [8]).

Исторія Никиты, замѣчательная по разнообразію содержанія,

---

[1]) См. слѣдующія мѣста: pp. 18. 1—10, 151. 8, 266. 1—3, 297. 10, 249. 20, 251. 8—9, 704. 11—15.

[2]) p. 301. 22. ἐκ δέ τινος περιπετείας τοῦ οἰκείου ἐκκρούεται σκέμματος.

[3]) p. 407. 5 15; 430. 12; 614—615; 676—677.

[4]) p. 557. 3; 579. 2; 586. 18; 634. 10.

[5]) p. 585. 17; по случаю разсказа о благодѣяніяхъ Исаака упоминаетъ о пожарѣ.

[6]) p. 587. 16=573. 17=590. 12; p. 681. 13=685. 12.

[7]) p. 638. 1. σαφηνείας ἕνεκα τῶν ῥηθησομένων....

[8]) p. 760. 10. 16—20.

обильна бытовыми чертами, пословицами и поговорками, схваченными прямо изъ вседневнаго употребленія. Одна эта сторона произведенія можетъ дать богатый матеріалъ для изслѣдователя, который бы занялся исторіей внутренней жизни и языка византійскаго. Къ сожалѣнію, мы не имѣли досуга остановиться и на этой, и на многихъ другихъ сторонахъ исторіи [1]). Вынося убѣжденіе, что разностороннее изученіе этого просвѣщеннаго, даровитаго и свободнаго отъ узкаго себялюбія писателя желательно не только въ интересахъ византійской исторіи XII вѣка, но и восточно-европейской культуры вообще, мы не теряемъ надежды, что со временемъ разъяснятся и оправдаются его рѣзкіе и страстные отзывы о современникахъ, бросавшіе тѣнь подозрѣнія на его достовѣрность и искренность.

V.

Мелкія сочиненія Никиты Акомината изъ Хонъ.

Исторія Византіи представляетъ не мало эпохъ, которыя описаны современниками и очевидцами. Достаточно указать на эпоху Юстиніана, описанную Прокопіемъ, эпоху Алексѣя I Комнина, воспроизведенную Анной, эпоху Ангеловъ, нашедшую историка въ Никитѣ Хонскомъ. Но эти историки, будучи современниками описываемыхъ ими событій и представляя собою почти единственный, доступный изслѣдователю того или другого періода, историческій матеріалъ, стра-

---

[1]) Изъ бытовыхъ чертъ въ особенности любопытны тѣ, которыя представляютъ сходство съ бытовыми чертами до-петровской Руси. Таковы всѣ мѣста, гдѣ говорится про суевѣріе, про гоненія на колдуновъ и чародѣевъ; таковы же: извѣстія о врачахъ, лѣкарствахъ, взглядъ на врачебную науку (р. 54); наказанія, опредѣляемыя высшимъ лицамъ (479, 256); черты изъ домашней жизни царей (55, 74, 78—79, 579); театральныя представленія (376, 674); сношенія съ иностранцами (491.) Поговорки, взятыя изъ вседневнаго употребленія, затрудняя пониманіе Никиты, придаютъ разнообразіе и силу его языку. Частію онѣ уже выбраны изъ произведенія Никиты и помѣщены въ Библіотекѣ Фабриція т. 7, въ Index Scriptorum, подъ словомъ Proverbia, потомъ перепечатаны у Миня, Patrologiae Cursus completus, т. 140, стр. 1575; тутъ же помѣщенъ указатель древнихъ писателей и повтовъ, о которыхъ упоминаетъ или слова которыхъ приводитъ Никита.

дают, съ одной стороны, недостатками, общими всей византійской исторіографіи—пристрастіемъ, односторонностію и вымысломъ, съ другой—каждый изъ нихъ имѣетъ еще свои особенные, частные недостатки. Если бы разработка исторіи Византіи должна была опираться исключительно на этихъ главныхъ писателяхъ цѣлой эпохи, то, понятно, на ней по необходимости отразились бы всѣ слабыя стороны источниковъ. Недостаточность и скудость оффиціальныхъ источниковъ византійской исторіи почувствовалась особенно послѣ того, какъ византинистамъ, послѣ усердныхъ поисковъ въ архивахъ и библіотекахъ разныхъ европейскихъ городовъ, посчастливилось открыть новые матеріалы для византійской, особенно провинціяльной исторіи. Въ своихъ брошюрахъ, монографіяхъ и ученыхъ статьяхъ, указывая на важность новыхъ матеріаловъ, они проводили мысль, что разработка и правильная постановка византійской исторіи можетъ быть обязана именно подобнаго рода находкамъ и изданіямъ.

Извѣстно, что византійцы весьма много заботились о словесномъ образованіи и ораторскомъ искусствѣ. Общество поощряло литературныя дарованія, отъ должностныхъ людей требовало краснорѣчія и образованности. Не удивительно поэтому, что Византія въ IX—XII вв. представляла не мало литературныхъ талантовъ и словесныхъ произведеній. Воспользоваться этого рода памятниками современности: житьями, рѣчами и письмами, т. е. издать, привести во взаимную связь, указать на ихъ значеніе для эпохи и поставить въ соотвѣтствіе съ извѣстными уже историческими источниками, является, такимъ образомъ, настоятельнымъ требованіемъ и задачей современнаго византиниста. Если такихъ неоффиціальныхъ источниковъ византійской исторіи пока издано еще весьма мало, то надо вспомнить, какъ недавно обращено и вниманіе науки на этого рода матеріалы и какъ мало людей посвящали свои силы и досугъ на подобную работу. Относительно Византіи первое мѣсто между учеными этого рода принадлежитъ Тафелю. Изданіемъ отрывковъ житья Дмитрія Солунскаго и другихъ мелкихъ сочиненій, относящихся до исторіи Солуни, онъ показалъ цѣль, къ которой должны направляться такія работы; для исторіи XII вѣка тотъ же Тафель сдѣлалъ весьма важную заслугу изданіемъ мелкихъ сочиненій Евстаѳія Солунскаго [1]). На ряду съ нѣмцами, взялись за подобный же трудъ греки: въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, равно какъ въ повременныхъ изданіяхъ,

[1]) Tafel, De Thessalonica eiusque agro 1839 г. Eustathii Opuscula, 1832.

они представили довольно новыхъ матеріаловъ для освѣщенія средневѣковой исторіи Византіи. Отдѣльные труды весьма не многихъ, впрочемъ, ученыхъ остаются, однако, до сихъ поръ матеріаломъ, которымъ никто еще не пользовался. На сколько намъ извѣстно, ни изданіями Тафеля, ни Еллиссена [1]), ни Саѳы не воспользовались еще ученые для новой обработки исторіи Византіи XII вѣка. Ученый грекъ Саѳа предпринялъ въ 1872 году изданіе греческихъ писателей [2]), которые въ его книгѣ еще въ первый разъ являются достояніемъ науки. Въ первомъ томѣ его изданія помѣщено нѣсколько рѣчей и писателя Никиты Акомината изъ Хонъ. Что не всѣ сочиненія Никиты изданы въ собраніи византійскихъ историковъ, это было извѣстно и ранѣе. Уже Фабриціи обратилъ вниманіе [3]) на то, что въ кодексѣ Наніановомъ есть много неизданныхъ рѣчей и писемъ Никиты. Кстати упомянуть, что не издано вполнѣ весьма объемистое сочиненіе его — объ ересяхъ [4]). Саѳа издалъ тѣ слова и рѣчи нашего писателя, которыя находятся въ рукописи Маркіановой библіотеки, описанной Мингарелли и І. Мюллеромъ [5]). Помѣщая эти слова, онъ дѣлаетъ оговорку, что въ скоромъ времени обнародуетъ и другія неизданныя сочиненія Никиты — историческія слова и письма, при чемъ обѣщаетъ остановиться и на самомъ писателѣ [6]).

Можно понять, какъ желательно осуществленіе обѣщанія Саѳы. Никита очень не расположенъ къ современникамъ, много останавливается на дурныхъ качествахъ императоровъ и правительства; измѣнчивъ въ сужденіяхъ и не всегда вѣренъ имъ же самимъ высказанному взгляду на то или другое лице. Не говоримъ уже о томъ, что̀ для пониманія событій XII вѣка мало извѣствій одного Никиты и Киннама: желательно, чтобы нашлись матеріалы, менѣе пристрастно относящіеся къ событіямъ и лицамъ, такіе источники, которые бы бросили взглядъ на факты съ другой точки зрѣнія. Мы съ живымъ интересомъ начали вчитываться въ слова Никиты, желая найдти въ нихъ разъясненіе тѣхъ недоумѣній, которыя породило въ насъ чтеніе его исторіи. Мы не скрывали отъ себя, что слова и рѣчи суть особый

[1]) Ellissen, Michael Akominatos v. Chonä, Göttingen 1846.

[2]) Σαθα, Μεσαιωνικη Βιβλιοθηκη. I. εν Βενετια 1872. (обыкновенно цитуется — Sathas.)

[3]) Fabricii, Biblioth. Graeca VII. p. 738.

[4]) Thesaurus orthodoxae fidei.

[5]) Sitzungsberichte der kaiserlich. Acad. der Wissensch. in Wien. 1853. B. IX, . 338.

[6]) Sathas, Bibl. Graeca, σελ. ιή.

родъ произведеній, къ которому нужно относиться съ осторожностію: слова и рѣчи говорились передъ лицемъ государей, которымъ служилъ Никита. Составитель слова обязанъ былъ разсчитывать на впечатлѣніе, подчиняться требованіямъ придворнаго этикета и преувеличивать до громадныхъ размѣровъ нравственныя достоинства и дѣла императора, въ честь котораго составлялось слово. Пусть подобныя требованія въ извѣстной мѣрѣ ограничивали оратора, пусть историческій фактъ, упоминаемый въ словѣ, утрачивалъ много жизненной правды; все-таки слово произносилось подъ живымъ впечатлѣніемъ факта: въ немъ можно найдти краски, которыхъ не достаетъ историческому произведенію. При изученіи византійской исторіи чувствуется недостатокъ не въ фактическихъ данныхъ, но въ связи и законной преемственности ихъ, въ освѣщеніи и сопоставленіи ихъ между собою.

Саѳа помѣстилъ въ I части своего изданія слѣдующія слова Никиты: 1) рѣчь къ императору Исааку Ангелу; 2) извѣстительное посланіе къ патріарху и синоду; 3) слово на возвращеніе императора Алексѣя Комнина съ востока; 4) слово къ императору Алексѣю Комнину по случаю возвращенія его съ запада; 5) силенціумъ или публичная рѣчь, составленная по случаю провозглашенія Ѳ. Ласкариса владѣтелемъ восточныхъ областей имперіи и занятія латинянами Цареграда; 6) слово къ Ѳ. Ласкарису, императору восточныхъ областей имперіи; наконецъ, 7) слово къ Ѳ. Ласкарису по случаю убіенія имъ иконійскаго султана [1]). Итакъ, мы имѣемъ семь похвальныхъ словъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ послѣдняго, касаются событій, описанныхъ Никитой въ исторіи. Попытаемся разобрать содержаніе этихъ мелкихъ сочиненій нашего писателя и указать, что новаго привносятъ онѣ какъ въ исторію XII вѣка вообще, такъ и для характеристики Никиты. При этомъ мы обозначимъ, къ какому историческому моменту и къ какому времени относятся указанныя слова, также попытаемся объяснить и примирить различіе во взглядахъ на одинъ и тотъ же фактъ по исторіи и по похвальному слову.

I. **Рѣчь къ Исааку Ангелу.** Если освободить эту рѣчь Никиты отъ обильныхъ риторическихъ украшеній, которыми она поражаетъ и затрудняетъ читателя, то содержаніе ея представитъ такой рядъ мыслей. Императоръ Исаакъ Ангелъ лично предпринимаетъ походъ на варваровъ, ораторъ говоритъ ему напутственное слово [2]). „Еще не

[1]) Sathas, Bibliotheca Graeca 1. pp. 73—136. Рѣчь, отмѣченная № 5, была произнесена самимъ императоромъ; но редакція ея принадлежитъ Никитѣ.

[2]) Τοῦ σεβαστοῦ λογοθέτου τῶν σεκρέτων καὶ ἐπὶ τῶν κρίσεων, γεγονότος δὲ κα

успѣлъ отдохнуть ты отъ заботъ, которыя доставили козни нѣмцевъ, какъ повторяющіеся набѣги изъ-за Дуная, со стороны скиѳовъ, заставили снова избрать лагерную жизнь и взять въ руки оружіе. Скоро Пропонтида покроется военными судами и рѣка Дунай, разсѣкаемая римскими веслами, понесетъ стоны и крики варваровъ. Струи Дуная, окрашенныя кровію враговъ, разгласятъ о твоихъ подвигахъ народамъ, черезъ земли которыхъ потекутъ; онѣ докажутъ этимъ мужамъ кровей, что положенъ предѣлъ злымъ умысламъ ихъ противъ римлянъ, что имъ остается просить мира у тебя, богоравнаго царя. Ты уже совершилъ много прекрасныхъ подвиговъ, но гораздо величественнѣе тѣ, что̀ ожидаютъ тебя при томъ счастіи, которое всегда покровительствуетъ римлянамъ. Думать такъ заставляетъ меня не пустое хвастовство и не обманчивая надежда, но всегдашнее смотрѣніе Божіе объ насъ и твое мужество въ бояхъ. Тебѣ, какъ Давиду, обѣщано, что ни врагъ не оскорбитъ тебя, ни сынъ беззаконія не наложитъ руки. Мы уже привыкли торжествовать побѣды, знаемъ, что̀ и предпринимаемая война украсится тріумфомъ. И начало и конецъ каждаго предпріятія твоего мы обыкновенно сопровождаемъ радостями и пѣснями, и если бы разлука съ тобою не лежала тяжкимъ бременемъ на нашемъ сердцѣ, то все время похода мы бы провели въ веселіи. Ибо что̀ сдѣлаетъ непріятель съ тобою, царемъ побѣдителемъ; какое сопротивленіе окажетъ глиняный горшокъ котлу?.. Но, боголюбезный государь, любящій опасности болѣе всѣхъ самодержцевъ! такъ какъ тебя не останавливаютъ отъ предпринятаго дѣла ни труды, ни опасное время, ни тяжелая дорога, намъ остается только посылать напутственныя благожеланія... и надѣяться, что ты, исполнивъ по волѣ сердца своего съ тѣми отступниками и сопредѣльными съ ними скиѳами [1]), возвратишься къ намъ съ Эмскихъ горъ—блистательный и лучезарный, какъ Моисей съ горы Синая".

При чтеніи этого слова прежде всего поражаетъ читателя лесть и преувеличеніе достоинствъ Исаака Ангела. Мы не привыкли слышать отъ Никиты похвалу правительственнымъ лицамъ; здѣсь же выдумываются побѣды, и за будущіе трофеи императоръ увѣнчи-

---

ἐφόρου Νικήτα τοῦ Χωνιάτου προφώνημα εἰς τὸν βασιλέα κὺρ Ἰσαάκιον τὸν Ἄγγελον· ἐγράφη δὲ ἄρτι γεγονότος αὐτοῦ κριτοῦ τοῦ βήλου.

[1]) Sathas, p. 76. καὶ συμπεράνας τὰ κατὰ τοὺς ἀποστάτας καὶ τοὺς ἀντιπόρθμους αὐτοῖς Σκύθας—мѣсто, замѣчательное въ томъ отношеніи, что дѣло идетъ, какъ видно, о походѣ не на скиѳовъ только, но и на другихъ враговъ, въ союзѣ съ которыми скиѳы воевали противъ Византіи.

вается лаврами. Въ читателѣ, незнакомомъ съ языкомъ и литературнымъ методомъ Никиты, можетъ даже возродиться сомнѣніе: дѣйствительно-ли принадлежатъ перу автора исторіи Исаака сейчасъ приведенныя слова. Можемъ увѣрить, что слогъ и языкъ какъ исторіи, такъ и слова, одинъ и тотъ же, но разны взгляды на предметъ: въ исторіи независимое мнѣніе умнаго писателя, въ словѣ фраза и лесть придворнаго оратора [1]).

Не останавливаясь на доказательствахъ принадлежности этого слова перу Никиты, переходимъ къ разрѣшенію другого вопроса: когда состоялся походъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть-ли возможность пріурочить его къ какимъ-нибудь событіямъ, внесеннымъ въ исторію Никиты? Сначала отмѣтимъ нѣкоторыя черты, которыя могутъ помочь въ опредѣленіи обстоятельствъ этого похода, а потомъ посмотримъ, какое извѣстіе о походахъ Исаака на скиѳовъ можетъ всего ближе подойдти къ извѣстію слова. 1) Изъ содержанія слова можно вывести, что самъ писатель не получилъ приказанія сопутствовать императору въ этомъ походѣ: онъ представляетъ императора удаляющимся, а себя остающимся безъ его лицезрѣнія—откуда печаль и сожалѣніе [2]). 2) Походъ состоялся вскорѣ за прослѣдованіемъ крестоносцевъ въ святую землю [3]). 3) Это былъ уже не первый походъ Исаака противъ славянъ и кочевыхъ народовъ [4]). 4) Есть нѣсколько указаній на время года, когда состоялся этотъ походъ [5]).

Императоръ Исаакъ Ангелъ два раза былъ на престолѣ византійскомъ: въ первый—отъ 1185 до 1195 года, во второй—въ 1203 г.,

---

[1]) Языкъ Никиты весьма примѣтенъ по образамъ и картинамъ и по употребленію словъ, чуждыхъ аттическимъ писателямъ. Ср. о воинственномъ царѣ Sathas, p. 73 и Nicet. p. 18; о Дунаѣ, который разноситъ славу подвиговъ византійцевъ: Sathas, p. 74 и Nicet. p. 201., 806. 17, еще Sathas p. 97. Эпитеты, какъ Ἴστρος ὁ βαθυδίνης, свойственны слову и исторіи; также тексты изъ псалмовъ и выраженія, напр.: ταῦτα δὲ μοὶ φαντάζεσθαι δίδωσιν...; противоположеніе военныхъ силъ имперскихъ и варварскихъ, въ выраженіи: χύτρα πρὸς λέβητα—Sathas, p. 75, Nicet, p. 260. 8, и мн. др.

[2]) Ἀπαίρεις ἐξ ἡμῶν... καὶ ἡμεῖς ἑαυτῶν ἀφιστάμεθα...; ὡς ὁ τῆς ἡμέρας οὗτος λαμπτὴρ ἥλιος... μεταβαίνεις; на стр. 75 ὥς τε εἰ μὴ τοῦτ' αὐτὸ μόνον τὸ ἐξ ἡμῶν ὁποσονοῦν σε διΐστασθαι μέσως τῆς καρδίας καθήπτετο.

[3]) p. 73. μὴ δ' ἀνοχεύσας τῶν φροντίδων, ἃς ὑπήνεγκας τὰς Ἀλαμανικὰς δολοφροσύνας ἀποκρουόμενος.

[4]) Ibid. καὶ χθὲς μὲν καὶ πρὸ τρίτης βασιλικῆς μεγαλονοίας ἔργον εἶναι οἰηθεὶς προκαταληφθῆναι τὰς δι' Ἴστρου καθ' ἡμῶν ἐκβολὰς τῶν Σκυθῶν.

[5]) p. 76. ἐπιστολὴ κυνὸς, σειρίου φλόγωσις.

и царствовалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ IV. Здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, случившихся въ первый періодъ его царствованія. Съ первыхъ же лѣтъ правленія Исаака, въ Болгаріи началось сильное движеніе, которому предводители Петръ и Асень съумѣли придать національно-религіозный характеръ. Въ союзѣ съ половцами, которыхъ византійцы обозначали именемъ скиѳовъ, болгары каждогодно переходили Дунай, грабили имперскія области и возвращались въ горы съ богатою добычей. Императоръ предпринималъ походы за Дунай, но почти всякій разъ его предпріятія ограничивались ничтожными результатами, по случаю трудностей движенія въ горахъ, быстроты и неожиданныхъ нападеній непріятеля. Поэтому не легко пріурочить къ опредѣленному времени тотъ походъ, о которомъ говоритъ Никита въ своей рѣчи. Если выходить изъ того основанія, что не задолго передъ походомъ Исаакъ занятъ былъ дѣломъ съ нѣмецкими крестоносцами, проходившими въ святую землю черезъ предѣлы имперіи, то нужно будетъ принять, что здѣсь рѣчь идетъ о походѣ послѣ 1180 года, потому что Фридрихъ I проходилъ черезъ Византію въ концѣ 1189 и началѣ 1190 года. Дѣйствительно, лѣтомъ 1191 года Исаакъ предпринималъ походъ на болгаръ; это было одно изъ несчастнѣйшихъ военныхъ дѣлъ: послѣ безполезныхъ двухмѣсячныхъ переходовъ, царское войско было заперто въ тѣснинахъ, почти все перебито, и самъ Исаакъ едва спасся бѣгствомъ [1]). Въ этомъ походѣ Никита не сопутствовалъ императору. При такомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ напутственной рѣчи не дѣлается упоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ первыхъ лѣтъ царствованія Исаака: возмущеніяхъ Враны и кипрскаго тирана Исаака. Съ другой стороны, рѣчь представляетъ такъ мало опредѣленныхъ данныхъ, что мы не рѣшаемся положительно относить ее именно къ 1191 году.

II. Болѣе опредѣленныхъ чертъ представляетъ **извѣстительное посланіе** [2]). Исаакъ, предпринявъ походъ за Дунай, одержалъ побѣду надъ врагами и извѣщаетъ объ этомъ патріарха и синодъ. Посланіе написано отъ имени царя, но составлено Никитой, который, въ качествѣ секретаря, сопутствовалъ ему въ этомъ походѣ.

„И еще благодареніе Богу, который даровалъ царству моему по-

---

[1]) Nicet, p. 561—562.

[2]) Τοῦ αὐτοῦ ἐπαναγνωστικὸν εἰς τὸν πατριάρχην καὶ τὴν σύνοδον· ἐγράφη δὲ ἔτι ὄντος αὐτοῦ γραμματικοῦ βασιλικοῦ καὶ συνεκστρατεύοντος βασιλεῖ.

бѣду надъ скиѳами; да будетъ благословенно имя Его за то, что Онъ обращаетъ въ бѣгство моихъ враговъ и уничижаетъ всякаго непріятеля [1]). Недавно вы узнали изъ моей грамоты, какъ Господь возвысилъ стопы царства моего, сравнялъ для меня всякій холмъ, сдѣлалъ непроходимыя мѣста проѣзжими и разсѣялъ непроглядную тьму среди отступниковъ. Одни изъ непріятелей сдѣлались добычею меча, и разбросанные трупы ихъ гніютъ на полѣ битвы, другіе закованы въ цѣпи, иные, думая спастись бѣгствомъ, получили, наконецъ, жизнь по милости моей. Такими дѣлами Господь недавно возвеличилъ насъ. Настоящія благодѣнія Божіи также показываютъ Его попеченіе объ насъ. Варварское скопище, снова начавшее враждебныя дѣйствія, подверглось новымъ бѣдствіямъ; приглашенные имъ на помощь союзники погибли злою судьбой. Ибо, одержимый бѣсомъ Петръ, рожденный и выросшій на тяжкое горе варварамъ, обитающимъ въ горахъ Эмскихъ, поднявшій возстаніе и непонятнымъ образомъ избѣгавшій должнаго наказанія, подражаетъ діаволу, вселившемуся въ него Онъ переправился за рѣку Дунай и вошелъ въ переговоры съ обитающими тамъ скиѳами. Соглашеніе ихъ состоялось на томъ, чтобы скиѳы напали на одну крѣпостцу, оставленную мною около горъ Эмскихъ; за это имъ обѣщана была условленная плата и дано позволеніе переправиться черезъ горный проходъ или желѣзныя ворота, сдѣлать набѣгъ на области царства моего, брать на щитъ византійскія селенія и грабить имущество жителей; на всемъ пути они могли пользоваться безплатными проводниками. Скиѳы съ радостію изъявили согласіе на предложеніе этого отступника и, подобно весеннимъ пчеламъ, толпами устремились по указанной дорогѣ [2]). Въ числѣ нѣсколькихъ хиліадъ они миновали Эмъ и вторглись въ наши селенія. Проводниками ихъ и союзниками были влахи (болгары), возвратившіеся на прежнюю блевотину [3]), измѣнчивые какъ натянутый лукъ, на которыхъ, какъ на каменистую почву, царство мое тщетно изливало елей милости: этотъ невѣрный и прелюбодѣйный родъ, помраченный плотскою страстью, склонный къ насилію, на который и Господь воздаяній, не вынося болѣе его беззаконныхъ дѣлъ, не замедлитъ излить гнѣвъ Свой. И вотъ они грабятъ

[1]) И здѣсь мы опускаемъ украшенія, а передаемъ только сущность.

[2]) Слѣдуетъ нѣсколько строкъ о вооруженіи и способѣ веденія войны у скиѳовъ, p. 79; ср. Nicet. p. 21—22.

[3]) οἱ ἐκ τῶν Βλάχων ἀπιδόντες εἰς τὸν πρότερον ἔμετον, p. 79.

все, что попадается на пути, наводятъ всевозможныя бѣдствія, закалая, губя, дѣлая жертвою пламени. Узнавъ объ этомъ и не видя ничего добраго въ будущемъ, но понимая, что набѣгъ ихъ грозитъ крайнею опасностію, царство мое предпринимаетъ этотъ походъ не изъ любви къ войнѣ и не съ тѣмъ, чтобы похвалиться передъ вами новою побѣдой. Я старался поспѣшно собраться въ походъ и, если возможно, въ четыре дня встрѣтиться со врагомъ и сразиться съ нимъ. Но вышедшіе со мной, не многіе по числу, родственники, отказались отъ поспѣшнаго похода, ссылаясь на то, что у нихъ не достаетъ вьючнаго скота и верховыхъ лошадей и находя труднымъ дѣлать большіе переходы. Такъ, замедливъ движеніе, царство мое достигло мѣстечка Ἀλλαγὴ во Θракіи, черезъ которое протекаетъ рѣка Ταυρόχανος; тутъ явился соглядатай, который поспѣшно, въ отрывочныхъ фразахъ [1]), далъ понять, что̀ отрядъ команъ находится въ Вастернѣ (κατὰ Βαστέρνας). Я далъ отряду приказаніе остановиться и остатокъ дня употребилъ на приготовленіе къ дѣлу воиновъ, оказавшихся на лицо, раздавъ коней тѣмъ, кто не имѣлъ ихъ. На слѣдующій день, 8-го октября, раннимъ утромъ, на легкѣ пошелъ я по дорогѣ, ведущей къ мѣсту расположенія непріятеля: не взято было ни царской палатки, ни украшеннаго золотомъ ложа, ни царскаго сѣдалища, ни вышитыхъ золотомъ покрывалъ. Мы имѣли дѣло съ непріятелемъ, быстрымъ въ нападеніи и поспѣшнымъ въ отступленіи, который, при одномъ слухѣ объ опасности, дрожалъ отъ страха. Ибо узнавъ, что царство мое слѣдуетъ почти по пятамъ ихъ, они ударились въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство, желая безбѣдно избѣжать руки нашей. А мое царство, освѣдомившись объ этомъ отъ посланныхъ впередъ соглядатаевъ, устремило все свое вниманіе на соединеніе войска. Часть его поручена была благородному зятю моему, господину Андронику Кантакузину, съ тѣмъ чтобы онъ оберегалъ округъ Анхіальскій, самъ же я пошелъ по дорогѣ, ведущей къ Веров, желая доставить безопасность этой области. Еще не прошелъ я четыре парасанга, какъ предсталъ другой вѣстникъ передъ царствомъ моимъ, блѣдный отъ страха, едва переводящій духъ и выражающій на лицѣ печальную вѣсть [2]). Онъ говорилъ,

[1]) p. 80. ἀγγελιαφόρῳ περιτυγχάνει, ὃς οὐκ ἐκ περιόδων οὐδὲ κυκλούμενος τοῖς λόγοις, ἀλλὰ βραχυλογῶν ἐφθέγγετο — мѣсто, имѣющее значеніе для опредѣленія времени описываемаго здѣсь похода.

[2]) p. 81. χλωρὸς ὑπὸ δέους καὶ τὸ ἄσθμα συχνάκις ἀνακαλούμενος, κἀπὶ τοῦ προσώπου φέρων τὸ τῆς ἀγγελίας κακόν.

что въ Лардеѣ находится нѣсколько десятковъ тысячъ скиѳовъ. Тогда я поспѣшилъ по тому направленію, раздѣливъ на отряды находившееся при мнѣ войско: одну часть поручилъ возлюбленному племяннику моему, протостратору Мануилу Камицѣ, другую инымъ вождямъ. Прошедши около 50 стадій, я встрѣтилъ варварское войско, расположившееся на одномъ мѣстѣ и окруженное добычею. Однихъ плѣнниковъ было около 12 хиліадъ; животныхъ же было такое множество, какъ звѣздъ на небѣ, такъ что они растянулись длиннымъ хвостомъ на протяженіи 6 стадій, когда варвары обратились въ бѣгство. Когда мы сошлись лицемъ къ лицу, часть скиѳовъ погнала впередъ добычу, другая вступила съ нами въ сраженіе; скиѳы на бѣгу дѣлаютъ нападеніе—таковъ ихъ военный обычай. Но скоро они обращены были въ бѣгство: преслѣдованіе и избіеніе ихъ простиралось на 60 стадій пространства. Наши разсѣялись въ преслѣдованіи по-два и по-три, весьма не многіе гнались за ушедшими впередъ скиѳами; тогда варварамъ явилась неожиданная помощь—человѣкъ въ 1000 или болѣе, и они стремительно напали на нашихъ, въ безпорядкѣ гнавшихся за ними. Войско царства моего, испуганное крикомъ враговъ, обратилось въ бѣгство; варвары понеслись за нами и стали убивать отстававшихъ. Дѣло могло бы кончиться величайшимъ несчастіемъ, если бы я не приказалъ крикнуть немногимъ, слѣдовавшимъ за мной, и не напугалъ варваровъ звономъ щитовъ. Замѣтивъ царское знамя и узнавъ о моемъ присутствіи, они не выдержали нашего нападенія, обратились въ безпорядочное бѣгство, разсѣялись въ разныя стороны и сдѣлались легкою добычей нашихъ наѣзниковъ. Тогда одинъ нападалъ на многихъ, двое на цѣлый десятокъ; и если бы ночь не прикрыла нѣкоторыхъ, то едва-ли бы остался кто-нибудь, чтобы дать знать своимъ о несчастіи. Доставивъ этою побѣдой радость моимъ подданнымъ, настоящею грамотой кратко извѣщаю васъ о случившемся, чтобы вы знали, въ какомъ положеніи находится дѣло, усердно славословили Бога и просили у Него другихъ благодѣяній".

Это посланіе Исаака, редакція котораго принадлежитъ нашему писателю, заслуживаетъ полнаго вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, которыхъ напрасно стали бы мы искать и въ исторіи Никиты, и въ другихъ тогдашнихъ произведеніяхъ. Главнѣйшій интересъ возбуждаетъ оно по рѣзкой характеристикѣ отношеній болгаръ къ кочевымъ народамъ, команамъ или половцамъ русскихъ лѣтописей, по своеобразной точкѣ зрѣнія на дѣятельность Исаака Ангела,

наконецъ, по живому отношенію къ событію, такъ какъ оно составлено, по видимому, вслѣдъ за описаннымъ въ немъ дѣломъ съ болгарами и команами, еще до возвращенія императора въ столицу. Чтобы обозначить мѣсто, какое это посланіе должно занять въ ряду историческихъ извѣстій того времени о войнахъ съ болгарами, мы должны сдѣлать анализъ содержанія его. Ясно, что̀ въ посланіи упоминается о двухъ случаяхъ столкновеній съ болгарами [1]), и что между обоими столкновеніями или походами былъ значительный промежутокъ времени. Для составителя посланія была возможность обобщить оба эти похода и заразъ упомянуть объ нихъ именно потому, что въ томъ и другомъ перевѣсъ былъ на сторонѣ византійцевъ. Ему нужно было нарисовать бьющую въ глаза картину, для чего и воспользовался онъ частію красками предыдущаго пораженія болгаръ. Какъ ораторское произведеніе, посланіе представляетъ слѣдующія части: сначала предлагается вступленіе, потомъ слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ похода, при чемъ обозначены причины его (нападеніе скиѳовъ по подстрекательству Петра) и картина грабежа и убійства, внесеннаго кочевниками въ византійскія области; наконецъ, описано дѣло при Лардеѣ [2]). И такъ, въ посланіи нужно различать три части: упоминаніе о предшествовавшемъ походѣ византійцевъ и о побѣдѣ ихъ надъ болгарами; новое нападеніе болгаръ на имперскія области въ союзѣ со скиѳами; новый походъ Исаака и одинъ эпизодъ изъ него—сраженіе при Лардеѣ.

Сравнивая заключающіяся въ этомъ посланіи данныя съ тѣми, которыя сообщаетъ Никита въ своей исторіи царствованія Исаака Ангела, мы находимъ между тѣми и другими, въ сущности, полное сходство. Какъ тамъ, такъ и здѣсь замѣтно свидѣтельство очевидца [3]); въ томъ и другомъ произведеніи видны: одна редакція,

[1]) p. 77. Χάρις καὶ πάλιν θεῷ. . πρότριτα μὲν γὰρ, καθάπερ φθάσαντες ἐνηχήθητε εἰς ἀκοὴν ὡτίου ἀνελιχθέντων τῶν χαροποιῶν ἐκείνων καὶ εὐαγγελίων γραμμάτων τῆς βασιλείας μου, ἡνίκα ἡ τῶν ποτὲ βασιλὶς παιάνων ἔμπλεως ἦν, καὶ παρὰ στενωποῖς τε καὶ ἀγυιαῖς ἐθύετε θεῷ εὐχαριστήρια....; καὶ χθὲς μὲν καὶ πρὸ τρίτης τοιούτοις ἐθαυμάστωσε κύριος τὰ ἡμέτερα· τὰ δὲ νῦν πάντα... ἡ μὲν βασιλεία μου ἤδη γέγονε παλιμπόρευτος, καὶ ὁ ῥωμαϊκὸς οἶκαδε στρατὸς ἐπανέζευξε. Все это высказывается на первой и второй страницѣ посланія и, несомнѣнно, касается предшествовавшаго похода въ Болгарію.

[2]) Походъ продолжался до поздней осени, а дѣло при Лардеѣ было въ первой половинѣ октября.

[3]) Никита дѣлаетъ въ своей исторіи замѣчаніе, p. 518. 18, что онъ принималъ участіе въ этомъ походѣ: ἐπεὶ δὲ εἶδομέν τε καὶ ἐθεάθημεν συνεπόμην γὰρ

тотъ же способъ выраженія, сходство въ эпитетахъ и украшеніяхъ рѣчи. Нѣкоторыя отступленія и различія объясняются неодинаковыми обстоятельствами, обусловливавшими происхожденіе того и другого произведенія, также различными цѣлями, которыя имѣлись въ виду у составителя. Въ посланіи выдвигается на первый планъ императоръ, его мужество и личное участіе въ дѣлѣ; все вниманіе читателя сосредоточено на одномъ подвигѣ, прославившемъ византійское оружіе. Въ исторіи же—отвагѣ царя удѣляется мало мѣста, самый эпизодъ при Лардеѣ имѣетъ характеръ случайности, теряясь въ темной картинѣ другихъ проигранныхъ сраженій, неудачныхъ предпріятій, необдуманныхъ мѣръ и, наконецъ, жестокихъ пораженій, которыя понесли византійцы отъ болгаръ. Въ исторіи господствуетъ неблагопріятный взглядъ на царствованіе Исаака, осмѣиваются его хвастливыя посланія въ столицу и не придается его мѣрамъ противъ болгаръ никакого значенія [1]).

Обстоятельствамъ дѣла, изложеннымъ во вступительной части посланія, соотвѣтствуетъ то, что говоритъ Никита въ первыхъ главахъ царствованія Исаака о возмущеніи противъ византійскаго господства въ странѣ обитателей Балканскихъ горъ (у него обыкновенно горы Эмскія), „называемыхъ прежде мизійцами, а нынѣ влахами“, т. е. въ области болгаръ [2]). Петръ и Асень, главные вожди начавшагося движенія, были лично оскорблены императорскими придворными и, затаивъ въ душѣ месть, подняли весь свой народъ къ возстанію [3]). Они успѣли придать своему дѣлу не только народный, но и религіозный характеръ, распустивъ молву, что святой Дмитрій Солунскій переселился изъ Солуни въ Болгарію и обѣщаетъ любезному ему народу помощь противъ византійцевъ. Появились пророки и вдохновенные люди, которые поощреніемъ, угрозами и страшными заклятіями побуждали простой народъ встать за вѣру и свободу и стряхнуть иго рабства. Петръ возложилъ на себя корону, направилъ поднявшійся народъ на византійскіе города и поселки и сталъ страшнымъ врагомъ императора Исаака, который едва успѣвалъ въ то

καὶ αὐτὸς βασιλεῖ ὑπογραμματεύων; ср. въ посланіи, p. 82. Ὡς δὲ ἐθεασάμεθα καὶ ἐθεάθημεν.

[1]) См. Nicetas, p. 488, 565.

[2]) Nicet. p. 482. 4. τοὺς κατὰ τὸν Αἷμον τὸ ὄρος βαρβάρους, οἳ Μυσοὶ πρότερον ὠνομάζοντο, νυνὶ δὲ Βλάχοι κικλήσκονται.

[3]) Это были основатели новой болгарской владѣтельной династіи; можетъ быть и происходили они изъ княжескаго роду.

время бороться съ опасностями, со всѣхъ сторонъ угрожавшими ему. Исаакъ не замедлилъ походомъ противъ болгаръ, нашелъ войско ихъ укрѣпившимся въ неприступныхъ горахъ и, пользуясь темнымъ и сумрачнымъ временемъ, неожиданно сдѣлалъ на нихъ счастливое нападеніе. Болгары были обращены въ бѣгство, Петръ и Асень убѣжали за Дунай къ половцамъ, чтобы просить у нихъ помощи. Царь не воспользовался, однако, этою побѣдой: не овладѣлъ ни однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ и, много возложивъ надежды на притворное раскаяніе болгаръ, поспѣшилъ возвратиться въ Византію [1]). Что̀ дѣйствительно и въ исторіи, и въ первой части посланія имѣется въ виду одно и то же дѣло, мы видимъ это изъ слѣдующаго: 1) и тамъ, и здѣсь Петръ представляется дѣйствующимъ подъ вліяніемъ демона [2]); 2) побѣда надъ болгарами приписывается помощи непроницаемаго мрака, покрывшаго непріятелей, которые засѣли въ неприступномъ мѣстѣ [3]); 3) разбитые непріятели бѣгутъ за Дунай и вступаютъ въ соглашеніе съ половцами [4]); 4) императоръ имѣлъ неосторожность возвратиться, не оставивъ въ странѣ надежнаго гарнизона [5]); 5) всѣ, просившіе пощады, получили ее [6]).

Послѣ этого легко будетъ понять, что занимающее насъ посланіе написано было по случаю другого похода на болгаръ, который слѣдовалъ вскорѣ за первымъ. По извѣстіямъ Никиты, лишеннымъ хронологическихъ указаній, трудно уловить послѣдовательность отношеній; между первымъ походомъ на болгаръ и вторымъ, вызваннымъ вторженіемъ ихъ въ союзѣ съ половцами въ области имперіи, идетъ у него длинный разсказъ о возмущеніи Алексѣя Враны, о волненіяхъ въ столицѣ, о враждѣ столичнаго населенія къ латинянамъ, и только черезъ 25 страницъ онъ снова обращается къ дѣламъ болгарскимъ. Имѣя въ виду, что̀ во второй походъ Исаакъ нашелъ болгаръ и половцевъ не въ далекомъ разстояніи отъ Цареграда, и что половцы и вообще кочевые народы никогда не зимовали въ чужихъ областяхъ, а спѣшили поскорѣй убраться съ похищенными богатствами на без-

---

[1]) Nicet, p. 482, 485—487.

[2]) Sathas, p. 78; Nicet. p. 486.

[3]) Sathas, p. 77; Nicet. p. 487. 5 - 9.

[4]) Sathas, p. 78; Nicet. p. 487. 14. Въ томъ и другомъ случаѣ даже сравненія одинаковы: побѣжденные болгары бросаются въ рѣку, какъ евангельское стадо свиней.

[5]) Sathas и Nicet. ibidem.

[6]) Nicet. ibidem; Sathas, p. 77.

опасное разстояніе [1]), мы склонны думать, что промежутокъ между первымъ и вторымъ походомъ никакъ не былъ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А если извѣстно, что второй походъ начался въ октябрѣ и кончился поздней осенью [2]), то время перваго должно падать на весну 1186 года. Противъ такого близкаго сопоставленія походовъ можетъ говорить лишь то извѣстіе исторіи, будто сначала Исаакъ поручилъ веденіе войны съ болгарами севастократору Іоанну, потомъ цесарю І. Кантакузину, своему зятю, наконецъ, Алексѣю Вранѣ [3]),— тогда какъ въ посланіи ничего объ этомъ не говорится, а прямо разсказывается о рѣшеніи царя идти на болгаръ и половцевъ. Замѣтимъ, что въ филиппопольской темѣ постоянно должны были находиться полководцы, на обязанности которыхъ лежало—защищать границы имперіи [4]), что замыслы Алексѣя Враны противъ Исаака представляются въ исторіи *давними* [5]), между тѣмъ какъ попытка его послѣдовать примѣру Исаака могла случиться не болѣе года назадъ, когда онъ велъ дѣло противъ сицилійцевъ и разбилъ ихъ въ ноябрѣ (1185 года) при Димитрицахъ [6]), что вообще исторія первыхъ годовъ Исаака представляетъ много спутанности. Не нужно опускать изъ виду и того, что въ изложеніи обстоятельствъ второго похода посланіе также даетъ замѣтить, что не всѣми частями войска предводительствовалъ императоръ, но одна была подъ начальствомъ зятя его Андроника Кантакузина, а другая поручена протостратору Мануилу Камицѣ [7]).

Переходимъ ко второму походу противъ болгаръ. За картиною грабежа и убійства, внесеннаго болгарами и ихъ союзниками въ области имперіи, слѣдуетъ описаніе самаго похода [8]). При этомъ Никита дѣлаетъ упрекъ Исааку за то, что онъ не воспользовался первой удачей, не оставилъ гарнизоновъ по городамъ и не взялъ заложниковъ. Царь спѣшитъ съ малымъ отрядомъ поскорѣе выступить въ

---

[1]) Любопытныя сообщенія объ этомъ дѣлаетъ Wille-Hardouin, Histoire de la conquête de Constantinople, chap. 389, 474. и др.

[2]) Первое извѣстно изъ посланія—p. 80; второе изъ исторіи—p. 520. 20.

[3]) Nicet. p. 489.

[4]) Nicet. p. 570. 1—3; самъ писатель разъ былъ правителемъ этой области.

[5]) Nicet. p. 491. 2. ὁ δὲ καὶ πάλαι μὲν ἐνήδρευε τῇ βασιλείᾳ...

[6]) Nicet. p. 469—470.

[7]) Sathas, p. 81; въ исторіи первый названъ цесаремъ—p. 489. 14.

[8]) Въ исторіи p. 488—9 короче, чѣмъ въ посланіи—p. 79—80; въ послѣднее внесены черты, характеризующія набѣги кочевниковъ вообще.

поле, чтобы неожиданнымъ отпоромъ напугать непріятеля и оттѣснить его въ горы [1]). Любопытно, что Никита забылъ нѣсколько ранѣе высказанное противъ Исаака обвиненіе за то, что этотъ не самъ продолжалъ дѣло противъ болгаръ, а поручилъ его своимъ полководцамъ: здѣсь онъ опять непосредственно связываетъ первый и второй походъ [2]). И посланіе, и исторія весьма близки въ описаніи послѣдующихъ затѣмъ событій, взаимно дополняя и объясняя себя въ частностяхъ. Такъ, во-1-хъ, замѣчаніе посланія, что царскіе родственники жаловались на поспѣшность похода, объясняется цѣлой вставкой въ исторіи о недовольствѣ царемъ цесаря Конрада [3]); во-2-хъ, упоминаются однѣ и тѣ же мѣстныя названія въ обоихъ источникахъ [4]). Но, въ 3-хъ, главное доказательство того, что въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду одинъ и тотъ же походъ, представляютъ тѣ мѣста, гдѣ вводится описательный элементъ: „вѣстникъ, запыхавшійся, едва переводящій духъ и говорящій отрывочными фразами“ [5]): мѣсто, гдѣ получено было извѣстіе о близости непріятеля — „едва прошли четыре парасанга по дорогѣ, ведущей къ Вероѣ“; наконецъ, описаніе пораженія болгаръ близъ Лардеи и способъ военнаго дѣла кочевыхъ народовъ — въ этихъ мѣстахъ [6]) оба памятника представляютъ почти дословное сходство. Можетъ быть, въ посланіи преувеличено число непріятеля, количество отбитыхъ у него плѣнниковъ, раскрашены размѣры побоища — „на пространствѣ 60 стадій“, выставлена на первомъ мѣстѣ особа императора; но это такія ничтожныя отклоненія, которыя вполнѣ объясняются цѣлями, назначеніемъ и происхожденіемъ того и другого памятника.

Изо всѣхъ войнъ, веденныхъ при Исаакѣ съ болгарами — а онѣ велись почти безпрерывно — только въ этихъ двухъ, упоминаемыхъ въ посланіи, византійцы имѣли значительный перевѣсъ. Второй походъ не кончился битвою при Лардеѣ; посланіе касается только одного, и именно счастливаго эпизода изъ него. Въ исторіи Никита не много останавливается на дѣлѣ при Лардеѣ, потому что ошибки происхо-

---

[1]) Nicet. p. 515.

[2]) Обстоятельство, подтверждающее высказанную нами ранѣе мысль, что между первымъ и вторымъ походомъ не могло пройдти болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

[3]) Sathas, p. 80; Nicetas, p. 516—517.

[4]) Ἀλλαγή, Ταυρόκανος, Βερόη, Βαστέρναι, Λαρδέα и у Никиты p. 517—520.

[5]) Въ посланіи p. 80—81; Nicet. p. 518. 12.

[6]) Nicet, p. 518, 519 и Sathas, p. 82—83.

дили въ разныхъ мѣстахъ, и успѣхъ переѣшивался то на ту, то на другую сторону. Императоръ думалъ было внести войну въ середину Болгаріи, но позднее время года, холодъ и глубокіе снѣга заставили его прекратить движеніе [1]). На слѣдующую весну снова предполагалось продолжать войну съ болгарами, для чего не распускались и войска, участвовавшія въ первомъ походѣ, а расположены были на зиму въ филиппопольской темѣ. Событія, описываемыя въ посланіи, должны относиться къ веснѣ и осени 1186 года

III. **Слово на возвращеніе императора Алексѣя Комнина изъ востсчныхъ провинцій послѣ заключенія имъ мира съ султаномъ** [2]). Въ началѣ слова ораторъ выражаетъ, какъ велика радость жителей столицы по случаю возвращенія императора изъ похода. „Не такъ пріятно солнце послѣ непогоды, не такъ весела зима послѣ зимняго холода, какъ любезно и пріятно лицезрѣніе царя, который возвращается изъ труднаго похода и, послѣ многихъ дней отсутствія, является передъ своимъ народомъ, какъ нѣкогда Христосъ передъ апостолами,—царя, который устрояетъ миръ съ народами, дѣлавшими частыя вторженія въ римскія области. И сенаторское сословіе наше [3]) чувствовало всю горечь разлуки съ тобой: ты еще не скрылся изъ глазъ нашихъ, а мы уже начали сожалѣть, что удаляешься на весьма продолжительный срокъ въ дальнюю сторону; немногіе дни для насъ тянулись какъ цѣлые годы. Такъ мы любимъ царя, такъ привержены къ имени Алексѣя [4]). Мы теперь встрѣчаемъ тебя съ такою радостію, какъ еще никто не принималъ другихъ императоровъ, повергаемся къ ногамъ твоимъ и цѣлуемъ прахъ подъ ними. Ты возвратился къ намъ, сладкій свѣтъ, милый взглядъ, спокойный видъ, всеобщее удовольствіе! ты пришелъ, устрашитель варваровъ, прогоняющій тирановъ, желанный между царями!“

„Хотя и непродолжительно было твое отсутствіе, но оно содѣлало

---

[1]) Nicet, p. 521.

[2]) Τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα κὺρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνὸν ὑποστρέψαντα ἐκ τῆς ἕω μετὰ τὰς σπονδὰς, τὰς μετὰ τοῦ σουλτάνου...

[3]) Sathas, p. 85. τοῦτο δὴ ὅ καὶ τὸ γερουσιάζον ἡμέτερον πλήρωμα — новый фактъ къ скудной подробностями біографіи Никиты: сенаторское достоинство получилъ онъ, слѣдовательно, въ первые годы Алексѣя Комнина—Ангела III.

[4]) Ibidem, οὕτω φιλαλέξιοι; такъ назывались приверженцы партіи Алексѣя, въ противоположность партіи Исаака, низверженнаго и ослѣпленнаго Алексѣемъ въ 1195 году.

много спасительныхъ дѣлъ [1]). Ты еще не вступилъ въ предѣлы Персіи [2]), но только переправился черезъ Еллиспонтъ, какъ персидскій владѣтель по молвѣ и слухамъ узналъ о твоемъ движеніи. Онъ испугался твоего приближенія болѣе, чѣмъ звѣри страшатся рыканія льва, и отказался отъ прежнихъ высокомѣрныхъ предначертаній: „неожиданно вложилъ мечъ въ ножны и сталъ просить мира". Выставляя потомъ, что заключеніе мира безъ пролитія крови еще болѣе возвышаетъ заслугу императора, ораторъ продолжаетъ о словесномъ дарованіи его: „Если варвара миновала твоя стрѣла, то онъ не ушелъ отъ сѣтей словесныхъ. Эллины снабдили Аполлона цитрой и копьемъ; книга царствъ изображаетъ Давида мудрымъ въ словѣ и сильнымъ въ мышцахъ; въ тебѣ мы видимъ тѣ же самыя качества и еще высшія. Ибо *тотъ персъ* [3]) пораженъ былъ ужасомъ и подчинился твоимъ повелѣніямъ, когда ты не сидѣлъ еще на арабскомъ конѣ, не носилъ вооруженія и не собиралъ рати: только взглянулъ онъ на твою грамоту, подписанную красными чернилами, испугался, поблѣднѣлъ и смирился. Такъ было съ однимъ. И другой измѣнникъ, *тотъ толстобрюхій возмутитель* [4]), также потерпѣлъ справедливое возмездіе и погибъ злою смертію [5]). Не такъ быстро низверженъ былъ сатана съ небесныхъ высотъ, какъ этотъ внизъ головою, кувыркомъ слетѣлъ съ царскаго трона. Возсылаемъ тебѣ благодарность, божественный императоръ, что ты, подобно боговидцу Моисею, избавилъ насъ отъ служенія быкоголовому человѣку" [6]). Далѣе указывается нѣсколько незначительныхъ чертъ, характеризующихъ заговоръ и лице главнаго дѣятеля въ немъ; по этимъ чертамъ и представляется возможность сопоставить вторую часть рѣчи съ заговоромъ I. Толстаго, какъ объ этомъ сказано будетъ подробнѣе. „Да даруетъ тебѣ Господь побѣду надъ внутренними и внѣшними врагами, да соцарствуетъ тебѣ и достоуважаемая императрица, не даромъ носящая данное ей имя [7])—

---

[1]) Sathas, p. 86. ἐπεὶ καὶ ἡ μικρά σοι ἄπαρσις αὕτη... βραχεῖα μετάβασις. Замѣтимъ, что это во второй разъ дѣлается намекъ на краткосрочный походъ.

[2]) Такъ называетъ Никита всѣ тогдашнія владѣнія турокъ-сельджуковъ; здѣсь рѣчь идетъ о владѣніяхъ султана иконійскаго въ Малой Азіи.

[3]) Sathas, p. 87. Ἰδοὺ γὰρ ὁ μὲν Πέρσης...

[4]) Ibid. ὁ δέ γε πανώλης ἐκεῖνος ἀποστάτης, ὁ φθόριμος καὶ προκοίλιος.

[5]) Sathas, p. 87. Ораторъ переходитъ къ судьбѣ самозванца, около того времени составившаго заговоръ противъ Алексѣя. Можно догадываться, что рѣчь идетъ объ I. Толстомъ. Nicet, p. 697.

[6]) Sathas, p. 88. τῆς τοῦ ταυροκράνου λατρείας ἡμᾶς ἐξήρπασας.

[7]) p. 89. ἡ φερώνυμος τῷ ὄντι βασίλισσα; имя ея Евфросинія.

женщина, превосходящая всѣхъ женъ, и тѣлесной красотой и въ особенности царственными доблестями и разумомъ". Рѣчь заключается пожеланіемъ императору безсмертія и увѣренностію въ томъ, что удѣлъ его — на небѣ, вмѣстѣ съ избранными Божіими, гдѣ послѣ смерти онъ будетъ соцарствовать Христу.

Эта рѣчь, несложная по содержанію, скудная фактическими указаніями, восполняетъ свои внутренніе недостатки блестящей по тому времени формой. Въ самомъ дѣлѣ, коснуться всѣхъ слабыхъ сторонъ царя и при этомъ представить его храбрымъ, краснорѣчивымъ и благодѣтелемъ своего народа; взять ничтожное дѣло и раздуть его до громаднаго подвига; представить поразительную картину паденія заговорщика и искусно обойдти его имя; много говорить и ничего не сказать—развѣ не требуется для этого спеціальнаго образованія, продолжительной практики, знанія придворныхъ обычаевъ и приличій, наконецъ, искусства владѣть словомъ? Рѣчь представляетъ въ себѣ три части: 1) вступленіе, 2) мирный договоръ съ властителемъ турокъ, 3) погибель заговорщика. Всѣ три части проникаетъ похвала, лесть и угодничество. Въ историческомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе: походъ въ Малую Азію и заговоръ противъ императора Алексѣя въ Цареградѣ. Къ какимъ же обстоятельствамъ должно пріурочить эту рѣчь, и что̀ привноситъ она новаго къ даннымъ, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ?

Имѣя въ виду, что Никита произноситъ эту рѣчь отъ лица сенаторскаго сословія, безспорно нужно допустить, что Алексѣй, упоминаемый въ ней, есть Алексѣй Ангелъ, братъ Исаака, принявшій прозваніе Комнина и царствовавшій отъ 1195 до 1203 года. При Алексѣѣ II Никита еще не могъ быть сенаторомъ, при Алексѣѣ IV не возможны упоминаемыя въ рѣчи обстоятельства; только жена Алексѣя III носила имя Евфросиніи и имѣла значительное вліяніе на дѣла [1]). Что̀ касается до восточныхъ дѣлъ при Алексѣѣ, то не трудно указать, къ какому походу относится первая часть рѣчи, потому что самъ царь, по свидѣтельству исторіи Никиты, только одинъ разъ ходилъ на востокъ, и именно противъ иконійскаго султана Кай-Хозроя [2]) Въ исторіи Никиты есть подробный и обстоятельный разсказъ объ этой войнѣ, и мы не считаемъ здѣсь нужнымъ приводить его. Наше дѣло только указать, почему мы сопоставляемъ краткое извѣстіе рѣчи

[1]) Nicet, p. 601, 607, 640 и др.
[2]) Nicet, p. 653, 658. 3—5.

съ подробнымъ повѣствованіемъ исторіи. Во-1-хъ, въ рѣчи есть нѣсколько мѣстъ, намекающихъ на непродолжительность похода [1]; въ исторіи также царь порицается за то, что онъ скоро воротился изъ похода, не сдѣлавъ ничего въ пользу страны: „самъ царь, съ трудомъ оторвавшись отъ удовольствій Пропонтиды, какъ будто отъ лотоса и пѣнія сиренъ, отправился въ Никею и Прусу... Но, пробывъ здѣсь одинъ мѣсяцъ, со всею поспѣшностію возвратился въ Византію“ [2]. Во-2-хъ, какъ въ исторіи императоръ упрекается за то, что онъ не вступилъ въ сраженіе со врагомъ, такъ въ рѣчи ставится ему въ заслугу походъ безъ пролитія крови. Наконецъ, въ 3-хъ, едва-ли не намѣренное упоминаніе встрѣчаемъ въ рѣчи объ арабскомъ конѣ, потому что самая война началась изъ-за того, что Кай-Хозрой перехватилъ арабскихъ коней, которые назначались въ подарокъ императору отъ египетскаго султана [3]. Самый трудный вопросъ— установить хронологію: тутъ мы лишены всякихъ явныхъ вспомогательныхъ средствъ. Впрочемъ, начиная повѣствованіе объ отношеніяхъ къ иконійскому султану, Никита въ исторіи сдѣлалъ оговорку, что всѣ предыдущія дѣла, описанныя имъ ранѣе, случились въ первые три года царствованія Алексѣя [4]; значитъ, походъ на востокъ предпринятъ былъ въ четвертомъ году этого царствованія. Съ другой стороны, заключая порицанія императору, Никита прибавляетъ, что на весну объявленъ былъ новый походъ на востокъ. Далѣе, въ рѣчи замѣчаемъ уважительный отзывъ о царицѣ Евфросиніи, что̀ даетъ право заключить о силѣ и значеніи ея въ то время; но Евфросинія имѣла больше значенія и сильнѣйшую партію въ первую половину царствованія мужа. Въ рѣчи не находимъ ни малѣйшаго намека на болѣзненность императора, между тѣмъ какъ со второй половины правленія онъ опасно заболѣлъ ногами [5]; съ 1199 года онъ занятъ былъ войнами съ болгарами, потомъ смутами въ Малой Азіи, въ слѣдствіе которыхъ Кай-Хозрой искалъ гостепріимства и помощи въ Царградѣ [6]. По всѣмъ этимъ основаніямъ, мы считаемъ нужнымъ отнести походъ въ Малую Азію на осень 1198 года.

---

[1]) Sathas, p. 85. καὶ ὅλον ἀτεχνῶς αἰῶνα καὶ τὰς εὐαρίθμους ἡμέρας συλλογιζόμενοι... и на 86 стр.

[2]) Nicet, p. 658. 9.

[3]) Nicet, p. 653. 20.

[4]) Nicet, p. 653. 14.

[5]) Nicet, p. 658, 662, 708. 17.

[6]) Кай-Хозрой былъ въ Цареградѣ въ концѣ 1199 и началѣ 1200 г.

Вторая половина похвальнаго слова упоминаетъ о судьбѣ одного заговорщика, угрожавшаго опасностію императору. При Алексѣѣ III было много самозванцевъ, желавшихъ вырвать изъ его рукъ власть. Въ изложеніи обстоятельствъ царствованія Алексѣя, Никита умалчиваетъ о томъ, что около времени похода на востокъ явился самозванецъ въ Цареградѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ исторіи нашъ писатель совсѣмъ и не заботился о хронологической послѣдовательности событій: для него важнѣе всего—характеристика лицъ и положеній, группировка фактовъ по ихъ внутренней связи и причинности. Если-бы изслѣдователь всегда заключалъ отъ послѣдовательной смѣны фактовъ въ исторіи Никиты къ ихъ дѣйствительной хронологической преемственности, то онъ потерялъ бы ключъ къ разъясненію односторонніхъ взглядовъ Никиты на событія и лица историческія и не нашелъ бы возможности отрѣшиться отъ пристрастныхъ сужденій публициста XII вѣка. У Никиты темныя стороны жизни старательно группируются въ одной главѣ или книгѣ, сочувственныя также представлены въ одной картинѣ. Въ III книгѣ исторіи Алексѣя III, начиная съ 4 главы, разсказывается о возмутительныхъ дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, затѣмъ идетъ рядъ народныхъ движеній, возмущеній и заговоровъ [1]). Трудно предполагать, чтобы всѣ подобные факты случились въ той связи и послѣдовательности, какъ передаются они въ исторіи Никиты. Краски такъ рѣзки и искусственная группировка фактовъ такъ ясна въ произведеніи Никиты, что было бы весьма ошибочно заключать къ дѣйствительной современности событій только потому, что онѣ рядомъ поставлены у Никиты.

Одно изъ доказательствъ на это представляетъ упоминаніе въ рѣчи о самозванцѣ. Возмущеніе І. Толстаго нужно относить къ 1198 году, а не къ послѣднему времени правленія Алексѣя, какъ это должно заключить изъ исторіи [2]). Что 6 глава III книги Алексѣя и вторая половина рѣчи имѣютъ въ виду одно и то же лицо, это доказывается, во-1-хъ, тѣмъ, что тамъ и здѣсь самозванецъ характеризуется однѣми и тѣми же чертами: „толстобрюхій, огромнаго роста, родственникъ царскій; онъ возложилъ на себя императорское облаченіе, ему помогаетъ народъ“; во-2-хъ, судьба заговорщика по обоимъ источникамъ одинакова: отрубленная голова его повѣшена на колъ, тѣло

[1]) Nicet, p. 687—702.
[2]) Nicet, p. 697.

его сдѣлалось добычей хищныхъ птицъ [1]). Въ исторіи прибавлено нѣсколько болѣе опредѣленныхъ чертъ о лицѣ самозванца (названо его имя) и о времени событія (обозначены ночь и утро).

IV. **Слово къ императору Алексѣю Комнину по случаю возвращенія его изъ западныхъ провинцій** [2]). „Богоподобный императоръ! и во многомъ другомъ ты сравнялся съ царемъ Давидомъ, представляя въ себѣ образецъ его добродѣтелей, и по новымъ тяжкимъ случайностямъ ты уподобился ему. Тамъ жестокосердый сынъ вооружился противъ отца, здѣсь одинъ изъ кровныхъ родственниковъ твоихъ: я не хочу, да и не имѣю нужды называть его по имени. Съ дерзостію мальчишки нанесши тебѣ ударъ, онъ поступилъ не позволительнѣе, чѣмъ тотъ бунтовщикъ противъ отцовской власти [3]). Тотъ не былъ еще совершеннолѣтнимъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ лисицы — Ахитофела; этотъ, имѣя уже сѣдые волосы, призванный къ общественнымъ дѣламъ, преобразился въ неразумное дитя. Попавши въ плѣнъ и будучи заключенъ подъ стражу, онъ не выждалъ времени, пока императоръ освободилъ бы его (конечно, не цѣною выкупа и даровъ), но покупаетъ себѣ свободу цѣною насъ всѣхъ, продаетъ все римское государство, чтобы искупить свои безграничныя ошибки на войнѣ: наконецъ, рѣшившись вести противъ насъ войну, соединяется съ врагами. Ты предпринялъ походъ противъ одного измѣнника, а ихъ возстало на тебя двое, трое и еще болѣе! Одинъ изъ нихъ, подобно гомерическому коню, съ надменною гордостію оставляетъ равнины и спѣшитъ въ мѣста, орошаемыя Аксіемъ и Пенеемъ...; ты же едва только далъ видъ, что имѣешь намѣреніе двинуться на него, едва только обнажилъ свой мечъ, какъ сдѣлалъ его робкимъ и безсильнымъ какъ галку. И вотъ онъ сталъ теперь какъ соръ передъ вѣтромъ, какъ пыль, поднимаемая бурей.

Второй измѣнникъ былъ въ свойствѣ съ первымъ, но происходилъ изъ другого народа [4]); подобно скорпіону и жабѣ, онъ скрывался въ каменистыхъ и недоступныхъ мѣстахъ, потомъ началъ собирать добычу съ окрестныхъ селеній. Сначала онъ заботился о выгодахъ своего родственника, ратовалъ противъ его враговъ; но потомъ вар-

---

[1]) Sathas, p. 88—89; Nicet, p. 697—699.

[2]) Τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὸν βασιλέα κὺρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν, ὅτε ἐπανέζευξεν ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς δύσεως...

[3]) Sathas, p. 91, преступленіе Авессалома сравнено съ отцеубійствомъ.

[4]) Sathas, p. 92, τὸ μὲν κῆδος τουτωῖ σύμφυτος, τὸ δὲ γένος ἀλλόφυλος.

варски презрѣлъ его съ тѣмъ, чтобы ласкательствомъ обмануть тебя. Прикрываясь душевнымъ и тѣлеснымъ родствомъ, онъ осторожно ступаетъ на стезю правды и законности, къ которой не возможенъ возвратъ, какъ скоро разъ уклонишься съ нея [1]). Онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе удалиться въ одно мѣсто [2]) и, подобно каменной статуѣ, не могъ двинуться съ него; окаменѣвъ, какъ Ніоба, онъ былъ заключенъ въ узы рабства". Далѣе, ораторъ дѣлаетъ намекъ на страшный видъ этого человѣка, котораго онъ и самъ испугался бы, если бы случилось ему посмотрѣться въ воды рѣки Аксія, или встрѣтиться лицемъ къ лицу съ императоромъ. Но ничего подобнаго не случилось. „Развлекаемый и обманываемый разными стратигическими движеніями твоими и испугавшись смертной казни, опредѣленной ему, онъ отказался, наконецъ, отъ странъ и городовъ, которые отдалъ ему злѣйшій виновникъ составившагося противъ насъ союза. Прошло не много времени, и этотъ варваръ, видя, что ты обратился къ другимъ дѣламъ, подумалъ, что наступило спокойствіе и ты будешь отдыхать отъ трудовъ. Но ты скоро опять поспѣшилъ туда же, куда ходилъ прежде [3])... Что я скажу тебѣ? обдуманный-ли твой планъ похвалю, стратигическій-ли подвигъ, или буду прославлять возвращеніе въ городъ послѣ долгаго отсутствія, потомъ второй походъ и сраженіе, приготовившее другіе трофеи; уничтоженіе-ли варвара, или наше возвышеніе къ славѣ? Все это содѣяно тобою въ мудрости. Такъ-то, державный императоръ, ты возвратился къ намъ, совершивъ не одинъ только подвигъ, но уничтоживъ широкій замыселъ нашихъ непріятелей, какъ многоглавую гидру Ираклову. Высокъ подвигъ Веллерофонта, убившаго треглавую химеру, не менѣе почетно и твое дѣло. Одного, какъ льва, рыкающаго на насъ, ты отогналъ вдаль; другого, какъ змѣя гнѣздящагося на скалѣ и не оставляющаго слѣдовъ послѣ себя, принудилъ къ рабству; третьяго, дышавшаго грознымъ могуществомъ и сильнѣйшаго первыхъ двухъ, унизилъ и ослабилъ. Я могъ бы присоединить еще къ тремъ указаннымъ измѣнникамъ и четвертаго [4])—того маленькаго, на Ѳерсита похожаго чело-

[1]) Характеристика отношеній весьма темная, выраженная неправильнымъ и напыщеннымъ языкомъ; см. Nicet, p. 622—623.

[2]) Упоминаемое здѣсь лице получило въ управленіе филиппопольскую тему; Nicet, p. 624, 676.

[3]) Никита восхищается даже и тѣмъ, что императоръ во время похода забавлялся охотой съ гончими собаками и ловчими птицами; Sathas, p. 94.

[4]) Чтобы кто не сказалъ, будто у меня нѣтъ Платоновой четверицы; Sathas, p. 96.

вѣчка [1]); но предпочитаю къ тремъ бѣдствіямъ, волновавшимъ западныя области, присоединить одного злодѣя, который, подобно ящеру, цѣплялся за царскіе чертоги [2]). Этотъ комаръ, котораго произвелъ островъ Киприъ, или эта мышь, которую возрастили родопскія горы!... да погибнетъ онъ безславно и не будемъ произносить его имени, какъ нѣкогда Еллины дали зарокъ называть по имени того, кто сожегъ храмъ Артемиды въ Ефесѣ" [3]).

Въ этомъ словѣ весьма трудно отличить разныя части и предметы, которые имѣются въ виду у оратора. Онъ избѣгаетъ личныхъ именъ, дѣятельность измѣнниковъ характеризуетъ весьма неопредѣленными чертами, обстоятельства смѣшаны въ одну картину, въ которой выдѣляется только конечный результатъ походовъ царя. Только съ помощію извѣстій, сообщаемыхъ въ исторіи Алексѣя, есть нѣкоторая возможность найдтись въ этой цѣпи замкнутыхъ одинъ въ другомъ фактовъ и дать каждому изъ нихъ свое мѣсто. Похвальное слово составлено послѣ двухъ походовъ императора Алексѣя на западъ и заключаетъ въ себѣ намекъ на всѣ обстоятельства, какъ вызвавшія эти походы, такъ и сопутствовавшія имъ. Попытаемся опредѣлить, на какія событія намекаетъ слово, и какое значеніе имѣютъ въ дѣйствительности эти событія.

Частію мѣстныя названія, какъ: рѣки Аксій и Пеней, Просакъ, Мизія, горы Эмскія и т. п.; частію картинныя выраженія, уподобляющія непріятеля: камню, оторванному съ вершинъ Эма, Моисею, сошедшему съ Синая, горному жителю, окаменѣвшей Ніобѣ и др. — даютъ понять, что ораторъ здѣсь разумѣетъ событія, касавшіяся войны болгарской, и что дѣйствіе происходитъ близъ Балканскихъ горъ. Слѣдовательно, къ разъясненію слова можетъ способствовать ознакомленіе съ тогдашними отношеніями Византіи къ болгарамъ. Конецъ XII вѣка вообще представляетъ весьма свѣтлую эпоху въ исторіи южныхъ славянъ. Сербы и болгаре освобождаются отъ византійскаго господства, образуютъ сильное государство съ національнымъ правительствомъ и стремятся къ церковной независимости. У сербовъ княжитъ въ это время Стефанъ Неманя [4]) (1165—1195), у болгаръ возникаетъ ди-

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о Спиридонаки; Nicet, p. 709.

[2]) Т. е. состоялъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ; рѣчь идетъ объ Исаакѣ, тиранѣ кипрскомъ, родственникѣ Алексѣя по царицѣ Евфросиніи; Nicet, p. 611.

[3]) Въ заключеніи есть намекъ на болѣзнь царя, которая начала его мучить съ 1199 года.

[4]) Serbiae magnus županus, его грамоты ар. Miklošich, Monumenta Serbica, Viennae 1858.

настія Асеней. Братья Петръ и Асень начали борьбу съ правительствомъ Исаака Ангела, доставили свободу Болгаріи, и Асень объявилъ себя королемъ свободнаго народа. Преемникъ его Іоаннъ, или Кало-Іоаннъ, знаменитый Латинобойца (1196 — 1206), входитъ въ сношенія съ папой, прося у него какъ признанія его въ королевскомъ достоинствѣ, такъ и отдѣльнаго архіепископа для болгарской церкви[1]). Съ другой стороны, Іоаннъ распространяетъ свои владѣнія на счетъ Византіи, пользуется тяжелымъ для имперіи временемъ IV крестоваго похода и битвою при Адріанополѣ окончательно упрочиваетъ благосостояніе своей державы [2]). Вотъ какія отношенія всего болѣе занимали Алексѣя III на западѣ.

Переходимъ въ частности къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя стоятъ въ связи съ занимающимъ насъ памятникомъ. Упоминаемый въ рѣчи походъ царя вызванъ былъ измѣной „одного родственника, убѣленнаго сѣдинами, занимавшаго государственную должность, попавшаго въ плѣнъ и не выкупленнаго царемъ, соединившагося поэтому съ врагами и поднявшаго войну противъ отечества“ [3]). Ораторъ разумѣетъ здѣсь протостратора Мануила Камицу; это былъ двоюродный братъ императоровъ Иссака и Алексѣя [4]), который своими денежными средствами и личнымъ участіемъ много способствовалъ укрѣпленію на престолѣ рода Ангеловъ. Мануилъ принадлежалъ къ самымъ почетнымъ лицамъ византійскаго дворянства и питалъ честолюбивые замыслы на тронъ [5]). Ораторъ слишкомъ безцеремонно относится къ несчастной судьбѣ Мануила Камицы и другихъ, упоминаемыхъ въ словѣ, лицъ; потому считаемъ нужнымъ ближе коснуться обстоятельствъ, связанныхъ съ походами Алексѣя на болгаръ. Петръ и Асень, при Исаакѣ поднявшіе знамя возстанія противъ византійскаго господства, не думали уступить и его преемнику. Напрасно Алексѣй III, по вступленіи на престолъ, дѣлалъ имъ уступки и предлагалъ выгодныя условія мира; напрасно поручалъ самымъ довѣреннымъ и близкимъ лицамъ начальство надъ войсками, дѣйствовавшими противъ болгаръ: всѣ прямыя средства оказывались безуспѣшными, отря-

---

[1]) Asen, Bulgarorum et Graecorum rex; ibidem.

[2]) Какое значеніе имѣлъ въ то время царь или король болгарскій, показываетъ переписка его съ папой Иннокентіемъ III; Baluz., Epistol. Innoc. III, особенно epp. LXV—LXXVII.

[3]) Sathas, p. 91. τὶς τῶν κατειλεγμένων εἰς αἷμα σον и др. черты на той же стр.

[4]) Nicet, p. 503. 8; 707. 6.

[5]) Nicet, p. 660. 30.

ды войска не возвращались съ поля битвы, предводители попадали въ плѣнъ. Тогда императоръ обратился къ тайнымъ мѣрамъ, которыя, дѣйствительно, и помогли ему. Родъ Асеней состоялъ изъ трехъ братьевъ: Асеня, Петра и Іоанна; второй и третій братъ правили отдѣльными областями болгарской земли, на правахъ удѣльныхъ князей, въ зависимости отъ перваго, имѣвшаго столицей городъ Терново. Новая династія, такъ недавно возвысившаяся, еще не успѣла вполнѣ утвердиться на престолѣ; другіе родовые старшины, несомнѣнно недовольные возвышеніемъ ея, желали произвести переворотъ въ Болгаріи. Алексѣй III привлекаетъ на свою сторону одного вельможу, именемъ Ивана (Иванко) и еще нѣсколькихъ болгарскихъ старшинъ; въ слѣдствіе чего составляется заговоръ на жизнь Асеня, и онъ погибаетъ отъ руки убійцы въ собственномъ дворцѣ [1]). Иванъ, убивъ короля Асеня, овладѣлъ Терновомъ и долженъ былъ вести борьбу съ Петромъ, братомъ убитаго, который сидѣлъ въ Предславѣ. Византійское правительство послало ему подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Манупла Камицы; но отрядъ его не отважился вступить въ борьбу съ Петромъ и долженъ былъ возвратиться назадъ. Нашлись люди, которые согласились убить Петра, но и тогда византійская партія не получила перевѣса въ Болгаріи: королевская власть перешла къ третьему Асеню—Іоанну. Вельможа Иванъ, не видя, такимъ образомъ, надежды осуществить планы византійскаго правительства, долженъ былъ бѣжать изъ Болгаріи въ Цареградъ. Здѣсь оцѣнили его заслуги, помолвили съ царской внучкой Ѳеодорой, наградили высокимъ положеніемъ и богатствомъ, соотвѣтствовавшимъ имени императорскаго зятя, даже перемѣнили его имя на царское имя Алексѣя.

Вполнѣ довѣряя вѣрности Ивана и преданности его интересамъ Византіи, царь назначилъ его главнымъ начальникомъ византійскихъ войскъ въ филиппопольской темѣ и поручилъ ему защиту имперскихъ областей противъ новаго болгарскаго короля Іоанна. Это назначеніе было весьма выгодно для Ивана, потому что оно дало ему возможность располагать большими силами, заняться укрѣпленіемъ пограничныхъ съ Болгаріей крѣпостей, и войдти въ соглашеніе съ

[1]) Прямого указанія нѣтъ, что императоръ Алексѣй принималъ участіе въ заговорѣ на жизнь Асеня. Но слухъ, передаваемый Никитой, будто севастократоръ Исаакъ подкупилъ къ этому Ивана, потомъ присылка вспомогательнаго войска для поддержанія его, наконецъ, высокое положеніе, данное ему въ Византіи—все это вмѣстѣ говоритъ въ пользу высказаннаго нами мнѣнія; Nicet. p. 620—623.

ѕотечественниками. Обезопасивъ себя въ этомъ отношеніи, онъ отложился отъ Византіи, овладѣлъ филиппопольской областью и началъ дѣлать враждебныя нападенія на имперскіе города. Противъ него послано было войско, частію котораго предводительствовалъ и Мануилъ Камица. Однимъ искуснымъ движеніемъ Иванъ обманулъ этого полководца и взялъ его въ плѣнъ [1]), послѣ чего императорское войско должно было ограничиться защитой Филиппополя, предоставивъ Ивану всѣ города, лежащіе по направленію къ Балканамъ. Узнавъ о несчастіи родственника, царь присвоилъ себѣ его богатое имущество, жену и дѣтей его заключилъ въ темницу, а дочь развелъ съ прежнимъ мужемъ и выдалъ за одного болгарина, по имени Хриза. Хризъ былъ сначала владѣтелемъ Струмицы и принадлежалъ къ партіи императора. Вооружившись противъ своего короля, онъ не захотѣлъ быть въ зависимости и отъ императора, выдержалъ продолжительную осаду византійскихъ войскъ въ Просакѣ и примирился съ Византіей на правахъ свободнаго повелителя Струмицы и Просака.

Мануилъ Камица вошелъ въ сдѣлку со своимъ новымъ зятемъ и просилъ его возвратить ему свободу. Хризъ выкупилъ его въ той надеждѣ, что, можетъ быть, царь Алексѣй обдумается и выдастъ затраченные имъ на освобожденіе М. Камицы два центинарія золота [2]). Но надежда его не оправдалась: Алексѣй не обратилъ вниманія и на вторичную просьбу Мануила. Тогда Хризъ и Камица напали вмѣстѣ на имперскія владѣнія близъ Просака, а потомъ пошли и далѣе: взяли Пелагонію, Прилапъ, прошли въ Θессалію и возмутили Пелопоннисъ. Императоръ давалъ Хризу заманчивыя обѣщанія, предлагалъ выдать за него свою внучку Θеодору [3]) и сулилъ почетныя отличія, чѣмъ и привлекъ его на свою сторону. Тогда Мануилъ Камица, снова предоставленный собственной долѣ, потерялъ выгоды своего положенія и долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній. Но также и Хризъ, послуживъ цѣлямъ императора, обманулся въ надеждѣ—усилиться при его помощи [4]).

Вотъ обстоятельства, на которыя дѣлается намекъ въ похваль-

---

[1]) Все это весьма подробно изложено у Никиты, p. 676—680.

[2]) Nicet. p. 707.13; около 200 ф. золота. См. Du-Cange, Nota in Historiam I. Cinnami, ad. p. 33.10.

[3]) Ту, которая ранѣе просватана была за болгарскаго вельможу Ивана.

[4]) Nicet, p. 709.

номъ словѣ и которыя подробнѣе разсказываются въ разныхъ частяхъ исторіи царствованія Алексѣя III. Нужно сознаться, что положеніе лицъ, въ дѣйствительности, далеко не соотвѣтствуетъ той ложной обстановкѣ, въ которой онѣ являются въ словѣ, что болгарскія дѣла далеко не заслуживаютъ лавровъ, которыми увѣнчиваетъ царя придворный ораторъ. Если темные намеки и риторическія краски слова замѣнить лицами и фактами, которые въ дѣйствительности относятся къ исторіи войнъ съ болгарами, то получится возможность сдѣлать нѣкоторые неблагопріятные выводы для писателя Никиты.

Подводимъ итогъ всему сказанному. 1) Императоръ Алексѣй III Ангелъ отправилъ протостратора Мануила Камицу противъ болгарскаго вельможи Ивана, когда послѣдній измѣнилъ ему; походъ былъ неудаченъ и византійскій полководецъ попался въ плѣнъ. 2) Послѣ тщетной мольбы къ императору выкупить его изъ плѣна, Мануилъ соединяется съ Хризомъ и дѣлаетъ завоеванія въ Θессаліи. 3) Въ то же время продолжаются набѣги Ивана, переименованнаго въ Алексѣя. Итакъ, слово имѣетъ въ виду трехъ враговъ имперіи или отступниковъ. Изъ взаимнаго отношенія этихъ лицъ можно понять, что враждебныя дѣйствія ихъ противъ имперіи были почти одновременны. Краски для характеристики Хриза Никита взялъ изъ неприступнаго положенія крѣпости Просака, которою владѣлъ Хризъ. Византійцы употребили много усилій, чтобы взять его, но всѣ ихъ приступы были отбиты [1]). Черты, характеризующія Ивана-Алексѣя, какъ человѣка, который воспользовался полнымъ довѣріемъ императора, прикинулся искреннимъ приверженцемъ его и потомъ злоупотребилъ этимъ довѣріемъ—перемѣшаны съ чертами, относящимися къ Хризу [2]). О М. Камицѣ было уже говорено. Съ этимъ согласна и общая характеристика этихъ трехъ измѣнниковъ, сдѣланная передъ заключеніемъ слова: „одного какъ льва, рыкающаго на насъ, ты отогналъ прочь (Мануилъ); другого какъ змѣя, гнѣздящагося на скалѣ и не оставляющаго слѣдовъ послѣ себя, принудилъ къ подчиненію (Хризъ); третьяго, дышавшаго грознымъ могуществомъ и сильнѣйшаго обоихъ первыхъ, унизилъ и ослабилъ“ (Иванъ-Алексѣй). Намекъ на Спиридонаки и Исаака кипрскаго, сдѣланный ораторомъ просто по требованіямъ риторическимъ, не нуждается въ особыхъ

[1]) Sathas, p. 92—93 и Nicet, p. 665—673.

[2]) Sathas, конецъ 92 и далѣе passim; Nicet. p. 623, 676.

разъясненіяхъ. Намъ остается еще сказать, къ какому времени отнести обстоятельства, о которыхъ говоритъ слово. Такъ какъ опредѣленныхъ указаній въ этомъ отношеніи мы не могли найдти, то, руководясь нѣкоторыми сближеніями, можемъ только съ приблизительной точностью назвать 1201—1202 гг.

V. **Силенціумъ, или публичная рѣчь** [1]). Во вступленіи ораторъ говоритъ о различныхъ дѣйствіяхъ военной и духовной трубы: первая приготовляетъ воиновъ къ началу сраженія; вторая обозначаетъ наступленіе дня, посвященнаго Господу. „Поелику и маленькое одобреніе со стороны распорядителя агона много приноситъ пользы борцу, и спокойное убѣжденіе бываетъ дѣйствительнѣе сильнаго звука трубъ, и тихій, одобрительный голосъ натирателя пересиливаетъ шумъ рукоплесканій; то и царство мое, воздавая приличное воинамъ и царямъ и благоговѣйно почитая церковныя празднества, по временамъ употребляетъ и то и другое средство. И прежде полученія царской власти, и послѣ того я часто трубою подавалъ знакъ начальникамъ и воинамъ. Какъ знаютъ многіе, даже всѣ собравшіеся здѣсь, я не давалъ сна глазамъ и спокойствія вѣкамъ моимъ; но, переходя отъ однихъ трудовъ къ другимъ, я старался возвратить то, что отнялъ окруживній насъ со всѣхъ сторонъ непріятель. Теперь же время возвѣстить воинамъ Христовымъ начало поста. Придите, дѣти, послушайте меня: страху Господню научу васъ“... Далѣе, на шести

---

[1]) Sathas, p. 97, Σελέντιον γραφὲν ἐπὶ τῷ ἀναγνωσθῆναι ὡς ἀπὸ τοῦ Λάσκαρη κυροῦ Θεοδώρου, κρατοῦντος τῶν ῥωμαϊκῶν ἀνατολικῶν χωρῶν, ἡνίκα ἡ Κωνσταντινούπολις ἑάλω ὑπὸ Λατίνων... Что такое Σελέντιον? Никита разъ употребляетъ это слово въ исторіи Мануила, гдѣ онъ смѣется надъ притязаніями этого императора на ораторскую извѣстность, p. 275, 1—3: ἀλλὰ καὶ κατηχητηρίους ὤδινε λόγους, οὓς φασι σελέντια, καὶ εἰς κοινὴν ἀνέπτυσσεν ἀκοήν. Дюканжъ, Glossarium Graecitatis II. p. 1370, приводя нѣсколько мѣстъ изъ другихъ писателей, даетъ возможность опредѣлить этотъ родъ словесныхъ произведеній. Такъ назывались публичныя рѣчи, произносимыя самими императорами при наступленіи поста, во дворцѣ, въ присутствіи знатнѣйшихъ лицъ имперіи. Предметомъ ихъ были не только политическія дѣла, но и церковные вопросы; все собраніе поднималось съ мѣстъ, когда начинала говорить царь. Σιλέντιον же называлась та часть дворца, гдѣ происходили такія собранія. Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ у Скарлата Византія, Η Κωνσταντινουπολις I. p. 207: Εν τῷ μεγάλῳ τούτῳ τρικλίνῳ τῆς Μαγναύρας ἐγίνετο τῇ Δευτέρᾳ τῆς πρώτης ἑβδομάδος τῶν Νηστειῶν σιλέντιον, καὶ ὁ αὐτοκράτωρ, ἱστάμενος ἄνω τῶν γραδηλίων τοῦ τρικλίνου τούτου, ἐστρωμένων μὲ ἐπεύχια, ἐδημηγόρει τὰ πρόσφορα τῇ νηστείᾳ εἰς τὸν λαόν. Ἐδῶ ἐτελοῦντο οἱ τῶν αὐτοκρατορικῶν γάμων χαιρετισμοὶ... αἱ ὑποδοχαὶ τῶν ξένων πρέσβεων... Рѣчь эта составлена Никитой для императора Ѳ. Ласкариса.

страницахъ, объясняется значеніе поста и предлагаются совѣты, как кому слѣдуетъ поститься [1]). Мы не будемъ приводить этихъ общих мѣстъ, а перейдемъ прямо къ тому, гдѣ ораторъ дѣлаетъ указаніе н современныя событія. „Какъ Христосъ былъ послушенъ Отцу даже д смерти крестной, такъ и мы, повинуясь Христу, удержимся отъ пищ и страстей. И если правда возвышаетъ народъ, а грѣхи унижаютъ то и наше отечество не отъ иныхъ причинъ подверглось уничиже нію, уменьшенію и паденію. И царственный городъ нашъ не был бы сожженъ огнемъ и не выстрадалъ бы всѣ тяжкія бѣдствія, ег не попирали бы ноги иноязычныхъ разбойниковъ, если бы правда не покинула его и каждый изъ насъ не послѣдовалъ за его лукавствомъ. Какой Іеремія оплачетъ наши бѣдствія, или какое время покроетъ забвеніемъ все, что намъ пришлось узнать и выстрадать: плѣненіе городовъ, опустошеніе храмовъ, осквернені священныхъ сосудовъ, плачъ мужей, вопли женщинъ, грабежъ, переселеніе и многое другое, что̀ заставляло предпочитать смерть самой жизни? И восточныя провинціи неминуемо испытали бы еще худшую участь, чѣмъ западныя, если бы Господь не оставилъ на сѣмена царство мое. Да будутъ извѣстны всѣмъ тѣ труды, безсонныя ночи, передвиженія съ мѣста на мѣсто, злобные навѣты, скитанья по сосѣднимъ народамъ, помощь испрошенная отъ нихъ, тяжкія усилія при еллиспонтскихъ Пигахъ—всѣ эти бѣдствія пришлось извѣдать царству моему. И это не ради собственной выгоды, ибо я не честолюбивъ, но для того, чтобы спасти восточные города, не допустить распаденія римской власти, прекратить набѣги и опустошенія проклятой саранчи—западнаго войска и сдержать его движеніе, подобное заразительной гангренѣ. Въ этомъ убѣжденіи я долженъ былъ дѣйствовать неутомимо и настойчиво [2]): тамъ уклоняться отъ юношей, сдѣлавшихъ опаснымъ Евксинскій понтъ, здѣсь бороться съ союзникомъ западныхъ народовъ и мстить имъ, въ другомъ мѣстѣ выступать противъ иныхъ враговъ и разгонять ихъ отряды. И Богъ обратилъ взоръ на мои заботы и далъ царству моему помазаніе и власть. Владѣя въ настоящее время римскими городами по морскому берегу [3]), я вѣрю, что̀ Господь поможетъ мнѣ одолѣть всѣхъ враговъ, захватившихъ рим-

---

[1]) Sathas, p. 99—104.

[2]) Sathas, p. 105. τῇδε κακεῖσε κατὰ δίαυλον ἡ βασιλεία μου περιήρχετο; образъ взятъ отъ состязаній на аренѣ.

[3]) Sathas, p. 106. ἐς δεῦρο τῶν πρὸς ἀκτῖνα ῥωμαϊκῶν ὑπεριζάνουσα πόλεων.

:кія земли. Это сбудется, если въ постѣ, молитвѣ и послушаніи цар-:тву моему вы будете служить Богу. Провидѣніе желаетъ, чтобы подданные съ кротостію повиновались царямъ, не склонялись на сторону людей, замышляющихъ перевороты: ибо порядокъ проникаетъ всѣ Его созданія... Если бы мы такъ управлялись, то могли бы сказать: поднимись и бросься въ море (какъ горѣ евангельской)—и жестокосердому итальянскому народу, гордому и надменному, который, подступивъ съ моря, напалъ на нашу землю и завладѣлъ ею. Тогда бы мы возвратили и утраченное отечество, высшее и единственное утѣшеніе наше, рай, городъ Господа силъ при Еллиспонтѣ, градъ Бога нашего, величіе всей земли, знаменитый у народовъ, оспариваемый всѣми“ [1]).

Переживъ грозныя событія, разразившіяся надъ имперіей въ 1204 году, Никита снова появляется на службѣ императора, перенесшаго столицу въ восточныя области имперіи. Изъ приведенной выше рѣчи, которая на современномъ намъ языкѣ могла бы быть названа манифестомъ, и въ редакціи которой видна литературная обработка Никиты, можно замѣтить, что при новой династіи онъ занялъ то же вліятельное положеніе, какое имѣлъ при Ангелахъ. Въ историческомъ отношеніи этотъ памятникъ заслуживаетъ вниманія по обрисовкѣ того положенія, въ которомъ находилась новая имперія въ ряду другихъ независимыхъ владѣній, образовавшихся изъ византійской имперіи. Есть не мало фактическихъ данныхъ, сообщенныхъ современниками и очевидцами событій 1204 и слѣдующихъ годовъ; извѣстія Вильгардуина, Де-Клари, Генриха Валансьенскаго, Никиты, Акрополиты, буллы и письма папы Иннокентія III—даютъ возможность ясно представить себѣ и самыя отдаленныя побужденія, которыми вызваны были эти событія; есть сводъ и критическій обзоръ всѣхъ, относящихся къ этому времени, извѣстій въ почтенномъ трудѣ Медовикова [2]). И при такомъ богатствѣ матеріаловъ, которыми можетъ располагать изслѣдователь, недостатокъ собственно мѣстныхъ хроникъ, отсутствіе свѣдѣній о провинціяхъ и городахъ, не позволяетъ окончательно разъяснить этой, напр., стороны дѣла: почему такъ легко образовались независимыя владѣнія, отчего го-

---

[1]) Въ заключеніи есть указаніе на то, что дѣло идетъ о великомъ, сорокадневномъ постѣ.

[2]) Медовиковъ, Латинскіе императоры въ Константинополѣ. Москва 1849.

рода стремятся къ отдѣльности и самобытности, на чемъ основывались притязанія разныхъ деспотовъ и правителей? [1]).

Укажемъ обстоятельства, которыя объясняютъ происхожденіе этого источника. Одинъ изъ знатныхъ византійскихъ вельможъ, Ѳедоръ Ласкарисъ, женатый на дочери Алексѣя III, въ ночь передъ вступленіемъ латинянъ въ Цареградъ, былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ отказался отъ коронованія и царской одежды, ограничился титуломъ деспота и обѣщалъ принять на себя защиту имперіи. Но когда, съ разсвѣтомъ, начали показываться въ городѣ отряды крестоноснаго войска, горсть приверженцевъ оставила его и самъ онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ [2]). Переправившись черезъ проливъ, онъ искалъ защиты у жителей города Никеи. Хотя ему не совсѣмъ охотно открыты были ворота, тѣмъ не менѣе, именемъ жены своей, дочери бывшаго императора, онъ успѣлъ съ небольшою дружиною овладѣть прибрежными селеніями, а потомъ, съ помощію иконійскаго султана, захватилъ всю Виѳинію и сталъ ею управлять на правахъ деспота [3]). Правда, Ласкарисъ могъ сослаться въ своихъ стремленіяхъ къ господству во 1-хъ на избраніе его въ императоры византійскимъ народомъ, во 2-хъ на родство съ императорскимъ домомъ Ангеловъ. Но, съ одной стороны, были еще въ живыхъ два императора, законно коронованные и бѣжавшіе изъ Цареграда во время осады его латинянами (Алексѣй III и Алексѣй V Мурцуфлъ); съ другой, въ разныхъ областяхъ имперіи появились другіе искатели царской власти, которые также могли опираться на происхожденіе отъ императорскаго рода: таковъ былъ Михаилъ Ангелъ-Комнинъ, основатель деспотства эпирскаго [4]). Но самыми могущественными соперниками никейскаго деспота должны были оказаться внуки императора Андроника Комнина, Алексѣй и Давидъ, основавшіе въ

---

[1]) Что̀ касается собственно греческаго полуострова, въ этомъ направленіи сдѣлалъ много Buchon, Recherches historiques sur la principautè françaese de Morée, Paris 1843—5; потомъ Hopf, Geschichte Griechenlands, Leipzig 1868. Относительно другихъ областей: Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte... Wien 1856 — 7; Fallmerayer, Geschichte des Kaiserth. v. Trapezunt.

[2]) Nicet. p. 756.

[3]) Историкъ Ласкариса есть собственно G. Acropolitas; объ этомъ времени подробно говорятъ также Willé-Hardouin (съ chap 453) и Nicet. p. 796.

[4]) Не говоримъ уже о менѣе значительныхъ деспотахъ; филадельфійскомъ, фригійскомъ, аттальйскомъ, понтескомъ; Медовиковъ, стр. 77—81.

го время трапезунтскую имперію и привлекшіе на свою сторону многихъ знатныхъ византійцевъ [1]).

Алексѣй V Мурцуфлъ скоро попался въ плѣнъ къ латинянамъ и былъ сброшенъ въ Царградѣ съ Ѳеодосіевой башни. Алексѣй III вошелъ въ сношенія со врагами отечества и потерялъ всякое довѣріе византійскаго народа. Такимъ образомъ, Ѳедоръ Ласкарисъ могъ распространить свои притязанія и не ограничиваться болѣе титуломъ деспота. И дѣйствительно, по его приглашенію прибыли въ Никею греческіе епископы, избрали новаго патріарха въ лицѣ Михаила Авторіана, который и возложилъ на Ласкариса корону византійскихъ императоровъ [2]). Имперія его, ограничивавшаяся сначала виѳинскимъ округомъ, сдѣлалась, однако, мѣстомъ прибѣжища для всѣхъ грековъ, недовольныхъ латинскимъ господствомъ, а пребываніе въ Никеѣ вселенскаго патріарха возвысило Ласкариса въ глазахъ современниковъ на степень законнаго преемника византійскихъ императоровъ и главнаго борца за свободу и независимость всей имперіи. Такимъ образомъ, прикрыть личную выгоду и честолюбіе великими народными и религіозными задачами, вселить въ умахъ убѣжденіе, что только отъ него Византія можетъ ожидать отрады, мести за нанесенныя ей обиды, возвращенія столицы императоровъ и т. п.—сдѣлалось основнымъ мотивомъ походовъ, договоровъ и всей политики никейскаго императора. Приведенный выше памятникъ является истолкователемъ этой идеи.

Есть возможность до нѣкоторой степени обозначить обстоятельства, на которыя намекаетъ онъ, и опредѣлить время его происхожденія. Въ двухъ мѣстахъ Ласкарисъ упоминаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для византійскаго народа: „да будутъ извѣстны всѣмъ тѣ труды, безсонныя ночи, передвиженія съ мѣста на мѣсто, злобные навѣты, скитанья по сосѣднимъ народамъ, помощь испрошенная отъ нихъ, тяжкія усилія при еллиспонтскихъ Пигахъ“ [3]); и далѣе: „тамъ я долженъ былъ уклоняться отъ юношей, сдѣлавшихъ опаснымъ Евксинскій понтъ, боясь распустить даже самое знамя [4]); здѣсь—бороться

---

[1]) Лучшій и единственный трудъ Fallmerayer, Geschichte des Kaiserth. von Trapezunt.

[2]) G. Acropolit. c. 6 p. 13, c. 53 p. 112. (ed. Bonn.)

[3]) Sathas, p 105. τὰς ἐν ταῖς ἑλλησποντίοις πηγαῖς τῶν ἱδρώτων πηγάς; ср. Nic. p. 796.10, 846.

[4]) Sathas, p. 105. νῦν μὲν ἐκτρεπομένη καὶ πρὸς μόνην τῆς σημαίας αὐτῆς τὴν ἀνέμωσιν, τὰ τὸν Εὔξεινον δεικνύοντα κακόξεινον μειράκια. Едва-ли не указывается

съ союзникомъ западныхъ народовъ, выступать и противъ иныхъ враговъ, разгоняя ихъ отряды; Богъ даровалъ царству моему помазаніе;... я владѣю теперь всѣми городами по морскому берегу"... Если провѣримъ эти показанія дѣйствительными фактическими данными историковъ, тогда можно будетъ опредѣлить съ приблизительной точностію время происхожденія памятника.

Борьба Ласкариса съ латинянами началась осенью 1204 года, когда Людовикъ Блоа, назначенный герцогомъ Виѳиніи, послалъ своихъ вассаловъ для подчиненія этой земли. Ласкарисъ выступилъ противъ нихъ съ помощію иконійскаго султана, но не могъ защитить страны[1]). Въ ноябрѣ сюда же прибылъ братъ короля Балдуина, Генрихъ: овладѣвъ почти всѣми областями по берегамъ Пропонтиды и подчинивъ себѣ мѣстное населеніе, онъ такъ стѣснилъ Ласкариса, что за нимъ остался только городъ Пруса (Брусса)[2]). Таково было положеніе Ласкариса къ началу 1205 года. Извѣстно, что Балдуинъ скоро за тѣмъ вызвалъ изъ Азіи Генриха и другихъ вождей для защиты имперіи противъ болгарскаго короля Іоанна и половцевъ, что̀ и было причиною новаго усиленія Ласкариса. 14-го апрѣля 1205 года, въ битвѣ при Адріанополѣ, латиняне потеряли своего короля и погубили лучшую часть крестоноснаго войска. Слѣдствіемъ этого пораженія было также и то, что новые завоеватели Византіи утратили почти всѣ города, принадлежавшіе имъ, какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ провинціяхъ имперіи[3]). Воспользовавшись удаленіемъ латинскихъ вождей и пораженіемъ при Адріанополѣ, Ласкарисъ снова овладѣлъ приморскими городами отъ Пропонтиды до Ефеса, только мѣстечко Пиги не сдалось ему[4]).

Въ это время и Комнины, утвердившіеся въ Пафлагоніи, стараются распространить свои владѣнія частію на счетъ Ласкариса, частію латинянъ. Попытка Давида Комнина овладѣть Никомидіей не удалась, потому что неопытный полководецъ его Синадинъ былъ об-

---

здѣсь на случай подъ Кесаріей, гдѣ византійцы, отнявъ у латинянъ знамя и выставивъ его на холмѣ, привлекли черезъ это бѣду на свою голову; Nicet, p. 798 въ разночтеніяхъ.

[1]) Wille-Hardouin, chap. 310; Nicet, p. 796.

[2]) Wille-Hardouin, chap. 319—323; Nicet, p. 797—799.

[3]) Кромѣ столицы, за ними оставались Родосто и Силимврія въ Европѣ и небольшая крѣпость въ Азіи.

[4]) Wille-Hardouin, chap. 387. De l'autre côtè du Bras de S. Georges ils ne tenaient que la ville de l'Espigal; Nicet, p. 796.

манутъ Ласкарисомъ [1]). Давидъ обратился за помощію къ латинянамъ, и соединенное войско ихъ заставляетъ Ласкариса снять осаду съ Ираклiи [2]),—обстоятельство, оправдывающее догадку, что подъ союзниками западныхъ народовъ разсматриваемаго памятника нужно разумѣть Алексѣя и Давида Комниновъ. Скоро за тѣмъ заключенъ былъ договоръ между Генрихомъ, выбраннымъ въ короли цареградскiе, и Ѳ. Ласкарисомъ; за послѣднимъ утверждены его завоеванiя [3]). Пересказанныя нами событiя относятся къ 1205—1206 годамъ. Ласкарисъ спѣшилъ воспользоваться благопрiятнымъ временемъ, чтобы прочнѣе укрѣпиться въ новомъ положенiи: въ мартѣ 1206 года онъ короновался императорскимъ вѣнцомъ [4]); къ тому же мѣсяцу, къ началу поста, относится происхожденiе разбираемаго памятника. Съ началомъ 1207 года положенiе дѣлъ Ласкариса вновь измѣняется: онъ начинаетъ опять войну съ латинянами, заключивъ союзъ съ Iоанномъ, болгарскимъ королемъ; на эти событiя, однако, не находимъ здѣсь ни малѣйшаго намека.

VI. **Слово къ Ѳедору Ласкарису, императору восточныхъ римскихъ областей** [5]). „Державный императоръ! ты возвращаешься къ намъ побѣдителемъ, украшеннымъ трофеями; теперь сложи съ себя вооруженiе, останови коня, успокойся отъ трудовъ, отри потъ съ лица, смой пыль, которая покрываетъ твою священную главу. Прежде записывались имена побѣдителей, и сами они удостоивались вѣнка [6]): тебѣ по справедливости приличествуетъ похвала за твои подвиги. Укажемъ же этимъ словомъ геройскiя дѣла твои и принесемъ похвалу за нихъ, какъ справедливое воздаянiе. Ибо, если ты

---

[1]) Nicet, p. 828, 13. Думаемъ, что на этотъ случай дѣлается намекъ въ разбираемомъ памятникѣ, когда говорится объ юношѣ или юношахъ—μειράκια.

[2]) Выше указано на случай съ знаменемъ, бывшiй причиною неудачи Ласкариса.

[3]) Wille-Hardouin, chap. 453.

[4]) Acropol. p. 12 и 113; Nicet, p. 828, 8; тогда же Ласкарисъ началъ переписку съ папой и просилъ его посредничества въ сохраненiи мира съ латинской имперiей. Папа Иннокентiй III обѣщалъ ему защиту,—Baluz., lib. XI, ep. 47: Nobili viro Th. Lascaro.

[5]) Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἐκδοθεὶς ἐπὶ τῷ ἀναγνωσθῆναι εἰς τὸν Λάσκαριν κὺρ Θεόδωρον βασιλεύοντα τῶν ἑῴων ῥωμαϊκῶν πόλεων, ὅτε... Въ виду обилiя фразъ, образовъ и сравненiй считаемъ за нужное передать это слово съ значительными сокращенiями.

[6]) Sathas, p. 108. καθάπερ οἱ ἀθλοῦντες πρότερον τὴν ἐγγραφὴν καὶ τὸν στέφανον.

всего выше цѣнишь побѣду и преимущественно заботишься о т
феяхъ, то и похвальныя слова никогда не перестанутъ отзываться
блистательные подвиги и придавать имъ всесвѣтную извѣстность.
принялъ власть не по преемству рода, но получилъ ее отъ Бога
награду за доблесть и труды, въ воздаяніе за раны. Правда,
родственная связь съ царскимъ домомъ [1]), знатность предковъ и з
менитость рода, мало чѣмъ уступающая владѣтельному дому Ан
ловъ, тебя уже призывала къ царству и возвышала надо всѣ
когда же рушился строй общественной жизни и сбродная запад
толпа овладѣла столицей, а наши евпатриды разсѣялись въ разн
стороны, одни оставаясь въ отечествѣ и не имѣя силъ помочь ему, др
гіе подчинившись завоевателямъ и безчестно продавши имъ свою сво
боду; когда общественное бѣдствіе ясно указывало, что царская власть
перестала быть удѣломъ наслѣдственныхъ правъ, а сдѣлалась наградою
за мужество и труды—тогда одинъ ты между всѣми держался противо-
положнаго мнѣнія. Лишившись всего, кромѣ доблести и жизни [2]), ты
не желаешь, подобно другимъ, ограничиться стремленіемъ лишь къ
собственному благополучію, но, не смыкая глазъ, мучишься заботами
о настоящихъ и грядущихъ бѣдствіяхъ отечества. Ты путешествуешь
по разнымъ восточнымъ городамъ, входишь въ переговоры съ жите-
лями [3]); указываешь, какія страшныя бѣдствія грозятъ имъ, если они
не послушаются, не медля, твоихъ совѣтовъ: однимъ угрожаешь, на
другихъ налагаешь наказаніе. То присутствуешь въ народномъ собра-
ніи, то приглашаешь къ себѣ вліятельныхъ людей, бесѣдуешь и дѣ-
лишь съ ними трапезу, показывая общительность характера и мно-
госторонній умъ; такъ разбудилъ ты угасшую бодрость духа рим-
лянъ. Часто переносилъ ты порицанія, неоднократно устраняя отъ
себя ударъ, наносилъ его противнику; побѣждая вражду, пріобрѣ-
талъ дружбу. Ты искалъ не своихъ выгодъ, но добивался власти,
спасительной для всѣхъ городовъ; и это не съ тѣмъ, чтобы облечься
въ порфиру и надѣть красныя сандаліи, но чтобы прогнать смерто-
носное варварское войско и помочь отягощенному бѣдствіями отече-
ству. Какое мучительное напряженіе ты перенесъ, сражаясь съ копье-
носцами при городѣ Пигахъ? Устроивъ этимъ дѣломъ нашу безопас-

---

[1]) Ѳ. Ласкарисъ женатъ былъ на дочери Алексѣя III и, дѣйствительно, при-
нималъ весьма видное участіе во всѣхъ дѣлахъ.

[2]) Тутъ пропускъ въ текстѣ—Sathas, p. 110.

[3]) Acropolit., p. 12—13.

ять, ты явился передъ нами сіяющій радостью, точно солнце, когда о взойдетъ, выкупавшись въ водахъ океана. Своими мѣткими выстрѣлами и ударами копья ты возстановилъ наше гибнувшее дѣло и нанесъ непріятелю смертельное пораженіе. Твоя конница оказала намъ неоцѣненную заслугу, храбрость твоя и мѣткость не имѣла себѣ соперниковъ; какъ на крыльяхъ носился ты и скорѣе мысли перемѣщался съ одного мѣста на другое. Явившись къ туркамъ, чтобы войдти въ переговоры съ султаномъ [1]), ты и здѣсь оказался выше разносимой о тебѣ народной молвы. Ибо, наслышавшись о тебѣ прежде, какъ о зятѣ царя и человѣкѣ высокородномъ и узнавъ тогда по собственному опыту превосходныя военныя дарованія, глубокій умъ и презрѣніе къ опасностямъ, они удостоили тебя самой высокой дружбы, дали вспомогательный отрядъ и съ радостію отпустили [2]). Въ слѣдствіе чего воспрянули надеждою римляне и начали смѣлѣе смотрѣть на будущее: ты побуждалъ ихъ не медлить и не отступать, но бодрствовать и сражаться. Тогда всѣ города соглашаются на одной мысли и избираютъ тебя своимъ предводителемъ, а потомъ царемъ-самодержцемъ. Когда восходитъ солнце, тогда разсѣиваются густыя облака, мракъ смѣняется свѣтомъ, улыбается вся вселенная, освѣщенная солнечными лучами, и угасаютъ звѣзды: тоже и съ тобою мы видимъ, наше солнце, императоръ! Лишь только ты вступилъ на царскую колесницу и облекся въ императорскія одежды, какъ побѣжали тираны и мятежники, потухли, подобно блестящимъ огонькамъ, скрылись какъ звѣри, только ночью выходящіе на добычу“ [3]).

Сопоставляя Ласкариса съ другими царями, ораторъ указываетъ на слѣдующія преимущества его. „Ты не подражаешь тѣмъ, которые приказываютъ воинамъ надѣвать латы, брать копье и приготовлять коня на войну, а сами сидятъ въ палаткѣ, слушаютъ пѣніе подъ звуки лиры и выжидаютъ вѣстника, который объявитъ имъ: мы побѣдили, или непріятели; нѣтъ, ты самъ первый садишься на коня, прежде другихъ надѣваешь латы и метаешь тяжелое копье. Ты не любишь копить деньги и не скупъ на награды, но щедро раздаешь и исполняешь обѣщанія. Мудрыми военными распоряженіями ты остановилъ латинское копьепосное войско, правильнѣе говоря, со

---

[1]) Sathas, p. 111. δόξαν δέ σοι καὶ Πέρσαις ἐπιστῆναι καὶ τῷ σφῶν ἀρχισατράπῃ πρὸς λόγους ἐλθεῖν, ὡς ἐπὶ τὸ εὖ καὶ οὗτος τὰ Ρωμαίων τολυπεύσειε πράγματα.

[2]) Acropol. p. 12. 19—20.

[3]) Художественная картина рисуется еще и далѣе; Sathas, p. 114.

стыдомъ прогналъ его изъ земли нашей. То самое войско, которое хвалилось, что возьметъ на копье всю землю нашу, умоляло о мирѣ и дало клятву въ вѣрности. А на тѣхъ юношахъ, которые бороздили въ разныхъ направленіяхъ Понтъ и потомъ высадились, желая пробраться горами къ Никомидіи, ты показалъ самымъ дѣломъ, что они жалки и неразумны, и носятъ оружіе на собственную погибель [1]). Ибо, принявъ сначала направленіе по проѣзжей дорогѣ, ведущей прямо на непріятелей, неожиданно повернулъ ты на другую, лѣсистую и непроходимую, по крутымъ скаламъ. Выравнивая утесы и пролагая войскамъ путь, въ однихъ мѣстахъ самъ ты шелъ впереди отряда, блистая оружіемъ и указывая дорогу, въ другихъ пользовался искусственнымъ свѣтомъ, обращая ночь въ день и мракъ въ свѣтъ. Вышедши на ровное мѣсто и неожиданно явившись передъ непріятелями, ты запуталъ ихъ какъ въ сѣть, юношу-предводителя едва не захватилъ въ плѣнъ, войско же его частію избилъ, частію обратилъ въ бѣгство, частію помиловалъ".

„Еще не совсѣмъ ты сложилъ съ себя вооруженіе, какъ нужно было идти противъ турокъ, которые напали на нашу крѣпость [2]). Явившись туда, дымомъ сраженія ты душишь турокъ какъ пчелъ, а для прежнихъ жителей мѣстечка становишься желаннымъ спасителемъ. За этимъ жаркимъ дѣломъ устремляешься на новаго Ахитофела и разрушаешь его замыслы. Это былъ человѣкъ одного съ нами происхожденія, хотя по убѣжденіямъ чуждый и врагъ своего отечества. Безумный, онъ думалъ завладѣть странами и городами римскими при помощи зятя своего, турецкаго султана; получивъ эту помощь, онъ началъ опустошать, какъ непріятель, не подчинявъ-

---

[1]) Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ этомъ словѣ дѣло идетъ о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, что и въ рѣчи императора Ѳ. Ласкариса (№ 5); поэтому мы освобождаемъ себя отъ новыхъ сносокъ и указаній, которыя можно найдти въ разборѣ предыдущаго памятника. Въ указанномъ мѣстѣ имѣется въ виду попытка Алексѣя и Давида Комниновъ овладѣть Никимидіей.

[2]) Здѣсь вводится новый эпизодъ изъ борьбы Ласкариса на востокѣ; къ объясненію его могутъ служить извѣстія Никиты—р. 826 и 842, и частію Акрополиты—р. 14. Иконійскій султанъ, женатый на дочери Маврозома, вельможи византійскаго, дѣйствительно, помогалъ ему утвердиться во Фригіи и въ области по теченію рѣки Меандра. Тогда же нѣкто Ѳедоръ, по прозванію Мороѳеодоръ, занялъ Филадельфію. Ласкарисъ вошелъ въ сдѣлку съ султаномъ иконійскимъ и уступилъ его тестю часть занятыхъ имъ городовъ. Въ рѣчи находимъ весьма подробное описаніе этого эпизода, который въ другихъ источникахъ излагается въ нѣсколькихъ словахъ.

шіяся ему селенія. Но получивъ объ этомъ извѣстіе, ты выступилъ противъ этого наглаго измѣнника и легко прогналъ его. Изъ враговъ же, бывшихъ съ нимъ, однихъ погрузилъ въ непробудный сонъ, другихъ заставилъ спасаться бѣгствомъ, а иныхъ, болѣе именитыхъ и богатыхъ, заключилъ въ оковы [1]). Послѣ двухъ этихъ набѣговъ и пораженія, турки не рѣшались уже завязывать новой войны: облеченный у нихъ верховною властію вступаетъ въ переговоры и проситъ твоей дружбы. Тогда-то, еще въ первый разъ, римляне, въ качествѣ побѣдителей, заключаютъ союзъ съ турками. До сихъ поръ не таковы были наши взаимныя отношенія: турки смѣло нападали на наши земли, города и области или подчиняли себѣ, или предавали грабежу и, привыкнувъ къ постояннымъ побѣдамъ, усвоили себѣ презрительную надменность; пользуясь бѣдствіями римлянъ, за деньги давали имъ миръ и заключали дружественные союзы не тогда, когда просили объ этомъ римляне, но когда имъ это угодно было. А нынѣ все это измѣнилось и, при помощи Божіей, получило счастливый для насъ оборотъ".

Послѣ длиннаго риторическаго обращенія къ заслугамъ царя [2]), ораторъ снова переходитъ къ исторической части. „Нѣкоторыя понтійскія области склонялись на сторону одного юноши, изнѣженнаго, блистающаго женской бѣлизной тѣла [3]). Тогда самыя рѣки рукоплескали тебѣ, останавливая свое теченіе и открывая свободный путь. Ты ввелъ въ рѣчныя волны свою конницу и вывелъ на противоположный берегъ конное и пѣшее войско. А непріятели, при одномъ этомъ видѣ, обратились въ безпорядочное бѣгство и, передавая одинъ другому о твоей переправѣ, казались смущенными, едва переводившими духъ и изображавшими на лицѣ полный ужасъ. Жестоковыйные и необузданные, они взошли на отвѣсныя и недосягаемыя горы и, занявъ со всѣхъ сторонъ запертые проходы и еще укрѣпивъ ихъ деревьями и искусственными преградами, продолжали упорно сопротивляться [4]). Скоро бы ты приблизился къ своей цѣли и овладѣлъ бы

---

[1]) Nicet, p. 828. 20—23—дословное сходство.

[2]) Sathas, p. 118—119.

[3]) Sathas, p. 119. Опять обращеніе къ Алексѣю и Давиду Комнинамъ; слѣдуетъ любопытная игра именемъ «Давидъ».

[4]) Послѣ пораженія при Никомидіи, Давидъ Комнинъ удалился въ Ираклію понтійскую и завязалъ сношенія съ латинянами; эти сдѣлали неожиданное нападеніе на Никомидію и заставили Ласкариса воротиться изъ похода противъ Давида. Nicet, p. 848.

понтійскою Ираклією, въ которой заперся противникъ, если бы не затрудненія не отвлекли тебя и не впутали въ еще опаснѣйшую войну. Этотъ юноша, извергъ бушующаго Понта, думалъ, что ты войдетъ въ переговоры съ латинянами, то поставитъ тебя въ новыя затрудненія, а самъ поправитъ свои дѣла. Но предположенія его не оправдались: латиняне, зная, что ты занятъ дѣлами въ припонтійскихъ областяхъ, пользуются твоимъ отсутствіемъ и нападаютъ на Никомидію съ суши и съ моря. Ты не испугался новыхъ опасностей, оставилъ юношу какъ добычу, которая никогда не уйдетъ отъ тебя, и пошелъ на его союзниковъ. Что же эти благородные воины, непобѣдимые наѣздники, гордые и надменные? Еще не успѣлъ ты сдѣлать на нихъ нападенія, какъ они, пораженные страхомъ, бѣгутъ назадъ; что же всего удивительнѣе—оставили многихъ людей и конницу, всѣ военные запасы и снаряды и съ большою поспѣшностію искали спасенія въ Цареградѣ. И вотъ, благочестивѣйшій государь, вчера ты испыталъ маленькое огорченіе при извѣстіи о появленіи латинянъ; нынѣ же возсіяла величайшая радость послѣ изгнанія враговъ. Теперь ты опять можешь идти на того, противъ котораго сначала былъ предпринятъ походъ, и прогнать его изъ понтійскихъ областей: у него нѣтъ оружія, военная сила его подчинилась твоему могуществу“ [1]).

„Пошли, Богъ, тебѣ побѣду не только надъ сухопутными войсками, но и надъ морскими силами враговъ, чтобы одинъ за другимъ погибли иноземные непріятели, которые и на долгихъ корабляхъ подплываютъ, и съ суши угрожаютъ намъ. Помоги, Богъ, тебѣ оказать помощь и столицѣ нашей, все еще нуждающейся въ помощникѣ, терпящей тяжкія бѣдствія отъ насильниковъ. Къ тебѣ одному, императоръ, обращаетъ она взоры и простираетъ руки съ этими словами Давида: Утѣшеніе мое! искупи меня отъ враговъ, будь для меня Моисеемъ освободителемъ, явись огнемъ, попаляющимъ тѣхъ, которые сожгли и раскопали меня; пусть твоими стрѣлами искупятъ итальянцы мои слезы; возьми оружіе и щитъ и заступись за меня; твой трудъ не останется безъ вознагражденія. Я съ радостію возложу на

---

[1]) Nicet, pp. 844. 10—11; Sathas, p. 128. Извѣстно, что Давидъ Комнинъ послѣ этого искалъ помощи у латинянъ; въ случаѣ замиренія ихъ съ Ласкаридомъ, просилъ включить въ договоръ и такую статью, которая бы обезпечивала его завоеванія. Вскорѣ затѣмъ, полководецъ Ласкариса, Андроникъ Гидъ нанесъ новое пораженіе Давиду и его союзникамъ. Nicet, г. 845.

тебя царскій вѣнецъ и осчастливлю всѣми почестями, какія когда-либо воздавались людямъ. Ахъ, съ какой бы радостію я взглянула на тебя, котораго такъ давно желаю видѣть... Такъ, царь, взываетъ къ тебѣ городъ и всѣ римляне!“ Происхожденіе слова можно отнести къ концу 1206 или началу 1207 года.

VII. **Слово къ императору Ѳ. Ласкарису**[1]. „Нынѣшній день—для насъ свѣтлый день, нынѣшнее солнце—настоящее солнце: нынѣ всѣ мы ясно увидѣли свѣтъ свободы. Ты возвращаешься, труженикъ-императоръ, изъ турецкаго похода[2], какъ солнце лучезарное, разогнавъ враждебное облако, которое, надвигаясь, угрожало намъ гибелью. Не съ однимъ народомъ велъ ты борьбу, но съ многочисленными племенами: какъ вихрь закрутилъ ты персидское войско, смѣшалъ ряды иконійскихъ турокъ, обратилъ въ бѣгство арабовъ, завоевалъ жителей Месопотаміи, и все это въ одинъ походъ, личною храбростію. Только привелъ ты на рѣку Меандръ свою конницу, какъ разогналъ густые ряды варваровъ: началось перебиваніе переднихъ отрядовъ, перехватываніе коней, разграбленіе лагеря, расхищеніе имуществъ; остальная часть непріятельскаго войска разсѣялась со страху[3]) Что̀ за прекрасная у тебя конница, что̀ за превосходный даръ направлять ея движенія! Ты далеко превзошелъ всѣхъ царей и полководцевъ, побѣдивъ народы, доселѣ непобѣдимые и разсѣявъ фаланги, всегда гордившіяся трофеями. Сколько было персидской конницы, какъ молнія сверкавшей вооруженіемъ и со скоростію вѣтра переносившейся съ мѣста на мѣсто; сколько кромѣ того луконосцевъ, копьеносцевъ, людей вооруженныхъ дубинами, наконецъ, прикрывавшихъ голое тѣло только звѣриными шкурами; какое множество вьючныхъ верблюдовъ и различныхъ военныхъ снарядовъ? Можно было подумать, глядя на

---

[1]) Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν βασιλέα κὺρ Θεόδωρον τὸν Λάσκαριν, ὅτε ἐφόνευσε τὸν σουλτάνον Ἰκονίου...

[2]) Acrop. p. 15—17. Императоръ Алексѣй III, нашедши возможность освободиться изъ ссылки, прибылъ въ Азію и уговорилъ султана иконійскаго помочь ему въ борьбѣ съ зятемъ—Ласкарисомъ. Никейскій императоръ сразился съ турками на рѣкѣ Меандрѣ, вступилъ въ единоборство съ султаномъ и убилъ его—Acrop. p. 19. Въ словѣ не находимъ только намека на участіе императора Алексѣя въ этомъ дѣлѣ; къ молчанію могло, впрочемъ, побудить оратора и чувство приличія: не могъ же онъ хвалить Ласкариса за то, что этотъ взялъ въ плѣнъ своего тестя.

[3]) Однако, въ этомъ дѣлѣ Ласкарисъ потерялъ 800 человѣкъ, и только неосторожность султана склонила побѣду на его сторону.

это безчисленное войско, что то идутъ не сыны Агари, а всѣ обитатели Азіи, по какому-то непонятному побужденію, переселяются въ Европу [1]). Теперь же всѣ они развѣяны, какъ негодная трава на гумнѣ. И древніе герои сражались и побѣждали опасныхъ враговъ; но ты имѣлъ дѣло со многими, всѣхъ обратилъ въ бѣгство и поразилъ на смерть того нарушителя договоровъ и безмѣрнаго хвастуна... [2]) Ты остановился, неожиданно лишился щита, опять взялъ оружіе, пошелъ противъ султана, былъ на конѣ и пѣшимъ, поразилъ коня по ногамъ и убилъ самого всадника [3]). Умертвивъ его, ты взялъ въ плѣнъ приближенныхъ къ нему вельможъ, отдѣлилъ отъ трупа и голову, мечтавшую пройдти наши страны и города и обагрить ихъ кровію; обратилъ ее въ предметъ общей насмѣшки, положивъ въ мѣшокъ изъ конской кожи, а она страшно ворочала глазами и оскверняла землю капавшей съ нея кровью. Блистательны и прежніе твои подвиги, императоръ, которые совершилъ ты на морѣ и на сушѣ, но каждый послѣдующій выше предыдущаго. А этотъ нынѣшній трофей славнѣе всѣхъ другихъ, даже не только тобою совершенныхъ но и древними царями и полководцами. Таково дѣйствіе знаменія креста, которымъ и самъ ты оградился и которое приказалъ взять за условный знакъ своимъ воинамъ [4]). Оно положитъ подъ рукою твоею всю вселенную, покоритъ подъ ногами твоими всякаго врага и супостата на востокѣ и на западѣ. Ибо наступили, если можно сказать въ пророческомъ смыслѣ, дни воздаянія, пришло время возмездія“...

„Императоръ! если возможно, живи во вѣки и да будетъ безсмертна твоя держава; если же смертная природа не допускаетъ этого, переходи изъ сѣдины въ сѣдину до крайней и счастливой старости, совершая побѣду за побѣдой...; устрашай и побѣждай не только восточныхъ варваровъ, но и сбродный и разноязычный родъ, вторгнув-

---

[1]) Источники показываютъ у султана 20,000 войска.

[2]) Acropol. p. 19.

[3]) Выпускаемъ далѣе всю риторическую часть—p. 132—135.

[4]) Sathas, 135. ταῦτα τοῦ σταυροῦ τὸ σημεῖον, ἐν ᾧ καὶ αὐτὸς ἐφράχθης, καὶ ὃν τοῖς σοῖς ὁπλίταις ὑπέθου αἴρειν εἰς σύσσημον. Acropol. p. 18: ὁ βασιλεὺς Θεόδωρος... ἐπὶ τῷ δεσπότῃ θαρρήσας Χριστῷ, οὗ τὴν κλῆσιν ὡς σύσσημόν τι ἢ σφραγῖδα οἱ εὐσεβεῖς ἐπιφέρομεν. Ср. также Acrop. p. 22. 5—10. Изъ снесенія этихъ мѣстъ видно, что у византійскихъ и никейскаго императоровъ было въ обычаѣ выходить въ походъ съ крестомъ; въ исторіи Никиты также есть указанія на это.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
13	12	котрой	которой
14	1	въ однимъ	въ одномъ
18	примѣч. 4	κα	καὶ
21	16	угодниковъ	угодниковъ»
—	23	для этого	для полученія общественной должности
32	20. 23	Селимврiи	Силимврiи
61	13. 22. 23	Лагосъ, Лагоса Лагосомъ	Лагъ, Лага, Лагомъ
80	23	единочно	единично
95	прим. 3	n universum	in universum
121	10	излагаетси	излагается
125	19	отшеніями	отношеніями
164	25	въ его исторіи	въ его исторіи,
175	прим.	κα	καὶ
181	прим. 1	былаὶ	была
—	прим. 2	κα	καὶ

112

GENERAL BOOKBINDING CO.
77 388ST 53 005 A ADH 6134
QUALITY CONTROL MARK

GENERAL BOOKBINDING CO.
77 53 A
C95 ADH 6134
QUALITY CONTROL MARK

DF505.7
A3U8

DF 505.7 .A3 .U8 C.1
Vizantiiskiĭ pisatel' Nikita A
Stanford University Libraries
3 6105 036 340 086